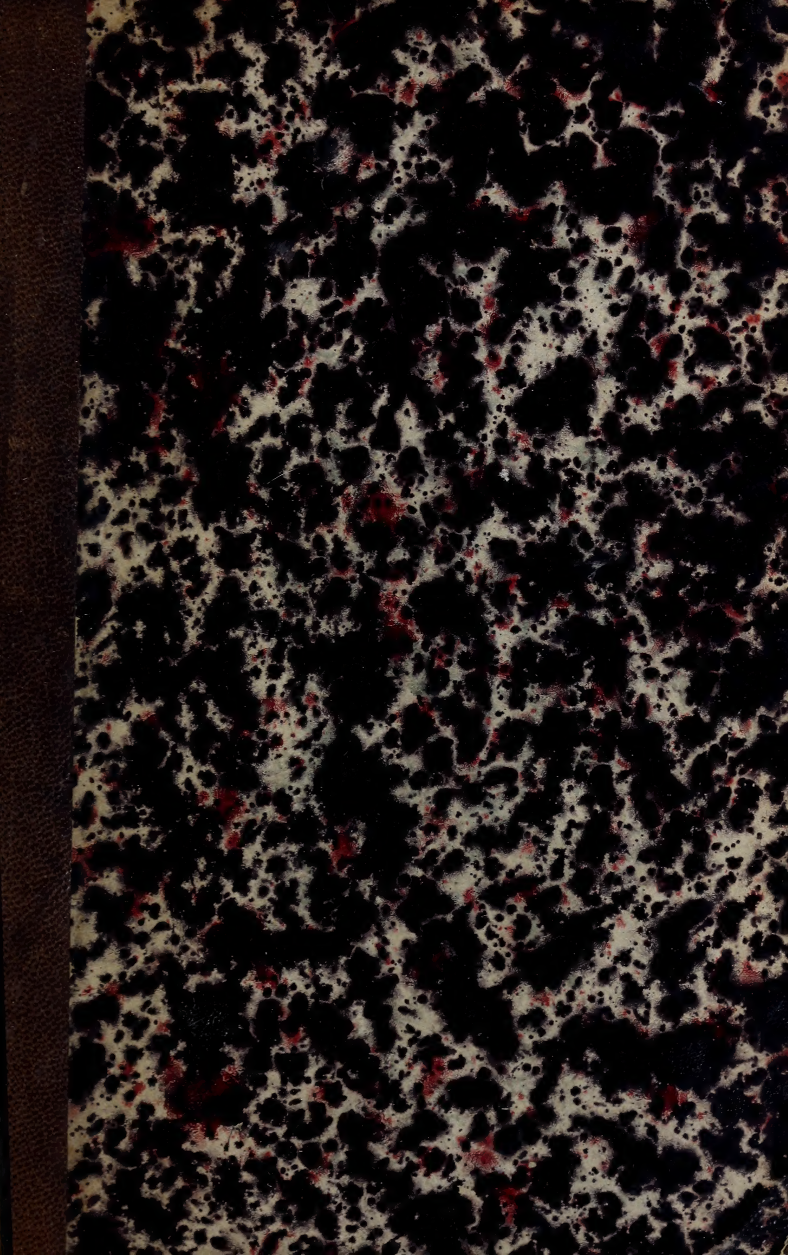

A.D.
1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА Г.В.ЮДИНА

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 25 Января 1849 года.

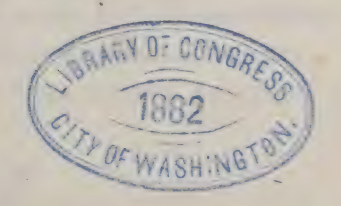
Цензоръ *И. Срезневскій*.

СОЧИНЕНІЯ

КАПНИСТА.

ИЗДАНІЕ

Александра Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.

1849.

Цѣна одинъ рубль серебромъ.

ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ

АЛЕКСАНДРУ ПЕРВОМУ.

Гремяща славой въ цѣломъ мірѣ
Екатерина, кроткій слухъ,
Въ отрадный отъ заботъ досугъ,
Къ моей склоняла скромной лирѣ.
Ты кротокъ какъ душа Ее,
Ты любишь музъ не льстивыхъ пѣнье:
Пріимижъ усердное мое
Къ Тебѣ и къ Ней благоговѣнье;
Пріими: — — и скудный ѳиміамъ
Пріятенъ былъ самимъ богамъ.

Вѣрноподданный

Василій Капнистъ.

Милостивый Государь мой!

Василій Васильевичъ!

Поднесенное вами собраніе сочиненій вашихъ, равно и посвященіе оныхъ Его Величеству, Государь Императоръ, удостоивъ особеннаго Своего благоволенія, въ знакъ онаго пожаловать вамъ соизволилъ препровождаемый при семъ бриліантовый перстень. Поздравляя васъ, милостивый государь мой! съ сею Высочайшею милостію, имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію,

Вашимъ, милостивый государь мой!

покорнымъ слугою,

Н. Новосильцовъ.

№ 606, Октября 3 дня,
1806 года. С.-Петербургъ.
Его Высокородію В. В. Капнисту.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ,

ПАВЛУ ПЕРВОМУ,

СЪ БЛАГОГОВѢНІЕМЪ ПОСВЯЩАЕТЪ

вѣрноподданный

Василій Капнистъ.

Монархъ! принявъ вѣнецъ, Ты правду на Престолѣ
Съ Собою воцарилъ: Вельможа въ пышной долѣ,
И рабъ, въ поту лица ядущій хлѣбъ дневный,
Какъ передъ Богомъ, такъ передъ Тобой равны.
Не лицемѣрнаго Ты образъ намъ закона:
Перуномъ власти тамъ, съ превознесенна трона,
Злодѣйство, клевету, пристрастіе разишь;
Тутъ Скипетромъ щедротъ невинность Ты бодришь,
Возводишь истинну, заслуги награждаешь,
И тѣмъ въ сотрудники всѣхъ Россовъ привлекаешь.
Прости, Монархъ! что я, усердіемъ горя,
Мой трудъ, какъ каплю водъ, въ глубоки лью моря.
Ты знаешь разные людей строптивыхъ нравы:
Инымъ не страшна казнь, а злой боятся славы.
Я кистью таліи порокъ изобразилъ;
Мздоимства, ябеды, всю гнусность обнажилъ,
И отдаю теперь на посмѣянье свѣта
Не мстительна отъ нихъ страшуся я навѣта:
Подъ Павловымъ щитомъ почію невредимъ;
Но бывъ по мѣрѣ силъ споспѣшникомъ Твоимъ,
Сей слабый трудъ Тебѣ я посвятить дерзаю,
Да имянемъ Твоимъ успѣхъ его вѣнчаю.

Вѣрноподданный

Василій Капнистъ.

ЯБЕДА.

КОМЕДІЯ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Праволовъ, отставной ассессоръ.
Кривосудовъ, Предсѣдатель Гражданской палаты.
Фекла, жена его.
Софія, дочь его.
Прямиковъ, Подполковникъ служащій.
Бульбулькинъ.
Атуевъ.
Радбынъ.
Паролькинъ.
} Члены Гражданской палаты.
Хватайко, Прокуроръ.
Кохтинъ, Секретарь Гражданской палаты.
Добровъ, Повытчикъ.
Анна, служанка.
Наумычъ, повѣренный Праволова.
Архипъ, слуга Праволова.

Дѣйствіе происходитъ въ домѣ Кривосудова. Въ углу комнаты стоитъ столъ, красным сукномъ покрытый. Въ комнатѣ три двери.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ПРЯМИКОВЪ и ДОБРОВЪ.

ПРЯМИКОВЪ.

Я радъ, мой другъ, что мы съ тобою здѣсь столкнулись.

ДОБРОВЪ.

Да вы, сударь, зачѣмъ въ домъ этотъ завернулись?
Не ужъ ли за грѣхи какая васъ напасть,
Иль тяжба, Богъ храни! втащила въ эту пасть?

ПРЯМИКОВЪ.

Такъ именно: процессъ на шею навязался;
Я отъ него уйти хоть всячески старался,
Мирился, уступалъ, но потерялъ весь трудъ.
И такъ уѣздный ужъ и Верхній Земскій Судъ,
Прошедъ, гдѣ моему не льстили супостату,
Вступило дѣло къ вамъ въ Гражданскую палату.

ДОБРОВЪ.

Боюсь я, чтобъ оно не оступилось здѣсь.
Да съ кѣмъ же вы, сударь, имѣете процессъ?

ПРЯМИКОВЪ.

Сосѣдъ мой, Праволовъ, не вѣдь съ чего вцѣпился. . . .

ДОБРОВЪ.

Кто? Праволовъ?

ПРЯМИКОВЪ.

Да! онъ. Чему жъ ты удивился?

ДОБРОВЪ.

Дивлюся, право, я, какъ съ умной головой
Могли связаться вы съ такой, сударь, чумой?

ПРЯМИКОВЪ.

Сутяга хитрый онъ, однакожъ не опасенъ.

ДОБРОВЪ.

Кто? онъ?

ПРЯМИКОВЪ.

Ужъ въ двухъ судахъ былъ трудъ его напрасенъ.

ДОБРОВЪ.

Не знаете, сударь, сего вы молодца.
Другово въ свѣтѣ нѣтъ такого удальца.
Напрасенъ въ двухъ судахъ! да тамъ лишь разбираютъ,
А вѣдь въ Гражданской вдругъ рѣшатъ и исполняютъ.

Что за бѣда ему, что въ тѣхъ его винятъ;
Лишь только для него въ Палатѣ былъ бы ладъ.
То онъ получитъ вдругъ и право и имѣнье.
Вамъ съ Праволовымъ въ судъ? какое дерзновенье!

ПРЯМИКОВЪ.

Да чѣмъ же страшенъ такъ онъ мнѣ? прошу сказать.
Я, въ арміи служа, не могъ сосѣдей знать.
По замиреніи я въ отпускъ отпросился;
Лишь въ домъ, — онъ на меня съ процессомъ и взвалился;
И тутъ-то я узналъ ужъ не отъ одного,
Что онъ злой ябедникъ; да только и всего.

ДОБРОВЪ.

Да только и всего! такъ этого и мало?
Вы добрый человѣкъ; мнѣ жаль, сударь, васъ стало.
Покойный вашъ отецъ мнѣ благодѣтель былъ;
Я милостей его отнюдь не позабылъ:
Я помню, что его хлѣбъ-соль ѣдалъ довольно.
Въ сѣтяхъ сихъ видѣть васъ мнѣ, право, очень больно.
Коль нуженъ въ чемъ, готовъ для вашихъ я услугъ.

ПРЯМИКОВЪ.

Чувствительно тебя благодарю, мой другъ!
Я долженъ искренно теперь тебѣ признаться,
Что я не знаю какъ за дѣло мнѣ приняться?

Во-первыхъ, мнѣ скажи: чѣмъ такъ соперникъ мой
Мнѣ страшенъ?

ДОБРОВЪ.

Господи! что за вопросъ такой!
Онъ ябедникъ: вотъ все ужъ этимъ вамъ сказали.
Но чтобъ его, сударь, получше вы узнали,
То я здѣсь коротко его вамъ очерчу:
Въ дѣлахъ, сударь, ему самъ чортъ не по плечу.
Въ Гражданской ужъ давно веду я протоколы;
Такъ видны всѣ его тутъ шашни и крамолы,
Которы, зеркалу судебной правоты
Представъ, невинности явили въ немъ черты.
А сверхъ того еще,—гласъ Божій, гласъ народа.—
Подлоги, грабежи, разбои разна рода,
Фальшивы рядныя, уступки, векселя.
Тамъ отмежевана вдругъ выросла земля;
Тутъ верхни мельницы всѣ нижни потопили;
Тамъ двѣсти десятинъ два борова изрыли;
Здѣсь, выморочныхъ селъ наслѣдничекъ воскресъ;
Тамъ, на гумнѣ, его дремучій срубленъ лѣсъ;
На брата искъ за брань и за безчестье взноситъ,
А пожилыхъ съ того и за умершихъ проситъ;
Тамъ, люди пойманы его на воровствѣ,
Окраденнымъ купцамъ сыскалися въ родствѣ,
И брали то, что имъ лишь по наслѣдству должно.
Но всѣхъ его проказъ пересказать не можно:
Довольно и того, что вамъ слегка сказалъ.
Притомъ, какъ знаетъ онъ всѣхъ стряпчихъ на-
повалъ!
Какъ регламентъ нагнуть, какъ вывернуть указы!

Какъ всѣ подьячески онъ вѣдаетъ пролазы!
Какъ забѣжать къ судьѣ, съ котораго крыльца;
Кому бумажекъ пукъ, кому пудъ сребреца;
Шестёрку проиграть, четвёрку гдѣ, иль тройку;
Какъ залучить кого въ пирушку, на попойку;
И словомъ: дивное онъ знаетъ ремесло,
Неправду мрачную такъ чиститъ, какъ стекло.
Такъ вамъ возможно ли съ симъ молодцомъ тя-
гаться?

ПРЯМИКОВЪ.

И подлинно его мнѣ должно опасаться.
Но дѣло вѣдь мое такъ право, ясно такъ!...

ДОБРОВЪ.

Какъ солнце ясно будь, то будетъ аки мракъ.

ПРЯМИКОВЪ.

Но на судей ужъ ли не можно положиться?
Хозяинъ здѣшній?...

ДОБРОВЪ (*осматриваясь кругомъ.*)

Ахъ! боюсь проговориться;
Но вы не скажете, не слышитъ насъ ни кто.
Извольте-жъ про себя, сударь! вы вѣдать то,
Что дому господинъ, Гражданскій Предсѣдатель,
Есть сущій истины Іуда и предатель.
Что и ошибкой онъ дѣлъ прямо не вершилъ;
Что съ кривды пошлиной карманы начинилъ;
Что онъ законами лишь беззаконье удитъ;

(*Показывая будто считаетъ деньги.*)

И безъ наличнаго довода дѣлъ не судитъ.
Однако хоть и самъ всей пятерней беретъ,
Но вящшую его супруга дань деретъ:
Съѣстное, питейцо предъ нею нѣтъ чужаго;
И только-что твердитъ: даянье всяко благо.

ПРЯМИКОВЪ.

Вотъ на! возможно ль быть? А члены? —

ДОБРОВЪ.

Все одно:
У нихъ все на одинъ салтыкъ заведено.
Одинъ Членъ вѣчно пьянъ и протрезвѣнья нѣту;
Такъ тутъ какому быть ужъ путному совѣту?
Товарищъ же его до травли русаковъ
Охотникъ страстной: съ нимъ со сворой добрыхъ
псовъ,
И сшедшую съ небесъ доѣхать правду можно.

ПРЯМИКОВЪ.

А Засѣдатели?

ДОБРОВЪ.

Когда, сказать не ложно,
Въ одномъ изъ нихъ души хотя немножко знать;
Такъ чтожъ? лихъ та бѣда, что не гораздъ чи-
тать,
Писать и поготовь, а на словахъ заика;
И такъ, хотябъ и радъ, помѣха лихъ велика.
Другой себя къ игрѣ такъ страстно пристра-
стилъ,
Что душу бы свою на карту посадилъ.

Въ судѣ по Чермному съ нимъ Фараонъ гуляетъ,
И у журналовъ онъ углы лишь загибаетъ.

ПРЯМИКОВЪ.

А Прокуроръ? ужъ ли и онъ....

ДОБРОВЪ.

О! Прокуроръ,
Чтобъ въ риѳму мнѣ сказать, существеннѣйшій
воръ.
Вотъ прямо въ точности всевидящее око:
Гдѣ плохо что лежитъ, тамъ зѣтитъ онъ далёко.
Не цапнетъ лишь того, чего не досягнетъ.
За праведный доносъ, за ложный, онъ беретъ;
Щечитъ за пропускъ дѣлъ, за голосъ, предло-
женья,
За нерѣшеніе рѣшимаго сомнѣнья,
За поздній въ судъ приходъ, за пропущенный
срокъ,
И даже онъ деретъ съ колодниковъ оброкъ.

ПРЯМИКОВЪ.

А о Секретарѣ?...

ДОБРОВЪ.

Дуракъ, кто слово тратитъ.
Хоть голъ будь какъ ладонь, онъ что-нибудь да
схватитъ.
Указы знаетъ всѣ, какъ пальцовъ пять своихъ.
Экстрактецъ сочинитъ безъ точекъ, запятыхъ,
Подчиститъ протоколъ, иль листъ прибавитъ
смѣло,

Иль стибрить документъ — его все это дѣло;
И съ Праволовымъ онъ запазушны друзья.
Онъ вамъ накаверзитъ, весьма увѣренъ я.
И дѣльцо, знать, къ себѣ онъ прибралъ по секрету;
По крайности, его въ моемъ повытьѣ нѣту.

ПРЯМИКОВЪ.

Изрядно эту мнѣ ты шайку описалъ!
Какая сволочь!

ДОБРОВЪ.

Я вамъ истину сказалъ;
Но Бога ради!...

ПРЯМИКОВЪ.

Будь, пожалуй, будь спокоенъ.
Но чѣмъ же мнѣ начать? я право такъ разстроенъ?..

ДОБРОВЪ.

Изъ словъ, сударь, моихъ могли вы то понять,
Что не чѣмъ тутъ начать, какъ тѣмъ, что дать, да дать.

ПРЯМИКОВЪ (*даетъ ему кошелекъ.*)

Изволь, тебѣ, мой другъ! такъ-какъ знакомцу древню....

ДОБРОВЪ (*не принимая.*)

Никакъ: благодарю. — Давно бы я деревню
Купилъ, когдабъ такъ бралъ, какъ многіе берутъ,
Впредь до рѣшенья дѣлъ, за предлежащій трудъ.
Такихъ неправедныхъ нажитковъ я чуждаюсь;

Съ женою, съ дѣтьми, трудомъ и правдою питаюсь.
А если правое чье дѣло верхъ беретъ,
И правый мнѣ за трудъ въ признательность даетъ,
То, признаюсь, беру. Мнѣ совѣсть не пѣняетъ:
Я принимаю даръ; бездѣльникъ вынуждаетъ.
И не изъ прибыли я вамъ служить хотѣлъ;
Я ужъ сказалъ, сударь, я вашу хлѣбъ-соль ѣлъ.

ПРЯМИКОВЪ.

Ну! какъ же ты, мой другъ, совѣтъ мнѣ предлагаешь,
Котораго ты самъ исполнить не желаешь?
Ты бѣдный человѣкъ, имѣешь малый чинъ;
Породы ты простой, не князь, не дворянинъ;
Ты дому моему уже служилъ довольно;
Но ты не взялъ, что я хотѣлъ дать добровольно.
А мнѣ совѣтуешь, чтобъ я пошелъ дарить,
Кого жъ? мнѣ равнаго! какъ можетъ это быть!
И какъ мнѣ смѣть его унизить, уничтожить!

ДОБРОВЪ.

Не должно это васъ, повѣрьте мнѣ, тревожить.
До рода, до чиновъ, какая нужда тутъ?
Давайте тѣмъ, сударь, которые берутъ.
А чтобъ предохранить ихъ отъ уничтоженья,
То придержитеся вы только умноженья:
Чтобъ чина предъ другимъ вамъ не уничтожать,
То по чинамъ, лишь имъ извольте прибавлять.

ПРЯМИКОВЪ.

Не сроденъ я, мой другъ, на этакія штуки.

Пускай подарками мой врагъ мараетъ руки.
Я мыслю, что мою тѣмъ правость помрачу,
Когда я за нее монетой заплачу.

ДОБРОВЪ.

Вы слишкомъ пѣсенку поёте намъ высоку;
А на Руси твердятъ: не всяко лыко въ строку.

ПРЯМИКОВЪ.

Но я все правдою привыкъ, мой другъ, строчить.
Имѣній могутъ всѣхъ они меня лишить,
Но не принудятъ ввѣкъ на подлость и проныр-
ства.

ДОБРОВЪ.

Чтожъ вамъ отъ этого прибудетъ богатырства?

ПРЯМИКОВЪ.

Честь. —

ДОБРОВЪ.

Честь, сударь, не въ честь, какъ нечего съ
ней ѣсть!
Но надобно же вамъ подумать какъ ни есть. . .

ПРЯМИКОВЪ.

Я думаю, я правъ. —

ДОБРОВЪ.

И не уже ль стоите
Упрямо въ томъ?

ПРЯМИКОВЪ.

Стою.

ДОБРОВЪ.

И имъ вы не дадите?

ПРЯМИКОВЪ.

Ни шеляга не дамъ.

ДОБРОВЪ.

Однако истецъ вашъ,
Я думаю, прислалъ тяжелый свой багажъ,
И подъ фортецію суда подкопъ ужъ роетъ.

ПРЯМИКОВЪ.

Пусть. —

ДОБРОВЪ.

Ну, а какъ онъ залпъ изъ кошелька откроетъ,
То праву вашему (*свищетъ*) на воздухѣ гулять.

ПРЯМИКОВЪ.

Ну чтожъ? хоть здѣсь они изволятъ сплутовать,
То я Намѣстнику на нихъ подамъ прошенье.

ДОБРОВЪ (*закрывая рукою ротъ.*)

О Боже! положи устамъ моимъ храненье! —
Но хоть подумайте, — и это, ей, не вздоръ: —
Что исполняется Палатскій приговоръ;
И что ощиплютъ васъ, какъ коршуны синицу;
А съ апелляціей, ужъ голой (*свищетъ*) дуй въ
столицу.

ПРЯМИКОВЪ.

Нѣтъ; права моего ничто не помрачитъ.
Я не боюсь: законъ подпора мнѣ и щитъ.

ДОБРОВЪ.

Ахъ! добрый господинъ, ей, ей! законы святы,
Но исполнители лихіе супостаты.
Законъ желаетъ намъ прямаго всѣмъ добра;
Но мы хотя и всѣ изъ одного ребра,
Но неравно мы всѣ къ добру расположенны.
Въ Зерцало взглянь Судовъ: Петра черты священны
Безмездно тамъ велятъ по истинѣ судить;
Божественъ судъ таковъ! да гдѣ судей найтить?
Законъ старается вселить въ насъ души новы,
Навычки умягчить развратны и суровы,
Ко безкорыстію желаніе вперить,
И съ правдою судей сколь можно примирить;
Наградою ихъ льститъ и казнью угрожаетъ;
Но противъ ябеды ничто не помогаетъ.
Ее-то бойтесь вы, сударь, а то роса,
Покуда солнышко взойдетъ, пробьетъ глаза;
И чтобъ насущнаго вамъ хлѣба не лишиться,
То должно съ ябедой какъ ни наесть сойтиться

ПРЯМИКОВЪ.

Все такъ, мой другъ; но я изъ правилъ ужъ моихъ
Ни для какихъ причинъ не выйду ни на мигъ.
И я рѣшился разъ: что скажешь, все пустое.

ДОБРОВЪ.

Но. . . .

ПРЯМИКОВЪ.

Перестань, прошу. Да это что такое?
Судейскій красный столъ, мой другъ, я вижу здѣсь!

ДОБРОВЪ.

Не знаю какъ сказать: иль Ангелъ, или бѣсъ,
Внявъ челобитчиковъ умильному моленью,
Присутственны мѣста всѣ предалъ всесожженью;
А какъ домовъ такихъ нельзя здѣсь вдругъ найтить,
Гдѣ выгодно суды могли бы помѣстить,
То Предсѣдатель нашъ въ свой домъ вмѣстилъ Палату,
Съ казны за то себѣ пріобрѣтая плату.
(*Показывая, будто деньги считаетъ.*)

ПРЯМИКОВЪ.

Такъ мы нечаянно въ святыню забрели?

ДОБРОВЪ

Но святость, знать, въ ней спитъ; а день ужъ на земли.
Дивлюсь; для праздника хозяйка именинна,
И для сговора....

ПРЯМИКОВЪ.

Чей сговоръ?

ДОБРОВЪ.

У нихъ едина
Лишь дочь. Я слышалъ вскользь; таятъ.

ПРЯМИКОВЪ.

Да за кого?

ДОБРОВЪ.

Не знаю истинно. Да вамъ что до того?

ПРЯМИКОВЪ.

Какъ что? но на тебя могу ль я положиться?

ДОБРОВЪ.

Я преданъ вамъ, сударь: нѣтъ нужды и божиться,
Ужъ послѣ всѣхъ тѣхъ тайнъ, что вамъ....

ПРЯМИКОВЪ.

Такъ знай, мой другъ,
Что страстью нѣжною пылаетъ къ ней мой духъ.
Но кто соперникъ мой? —

ДОБРОВЪ.

Таятъ, сударь, къ чему та.
Да вотъ ея идетъ служанка къ намъ.

═

ЯВЛЕНІЕ II.

ПРЯМИКОВЪ, ДОБРОВЪ и АННА.

ПРЯМИКОВЪ.

Анюта,
Ахъ! какъ я радъ тебѣ!...

АННА.

И я вамъ. Да отколь
Принесъ васъ Богъ?

ПРЯМИКОВЪ.

Постой, и прежде мнѣ позволь
Спросить, правдивъ ли слухъ по городу несется,
Что барышня твоя ужъ за-мужъ отдается?

АННА.

Что отдается, въ томъ, навѣрное, вамъ лгутъ;
Но то не солгано, сударь, что отдаютъ.

ПРЯМИКОВЪ.

Скажи мнѣ искренно, скажи все, что ты знаешь;
Или и ты меня въ печали оставляешь?
Хоть словомъ успокой, Анютушка, меня.

АННА.

Да что мнѣ вамъ сказать?

ПРЯМИКОВЪ.

Скажи, любимъ ли я?

АННА.

Хотя и не совсѣмъ, сударь, вы правы сами;
Но правды потаить я не хочу предъ вами.
Васъ любятъ; но бѣда, что принуждаютъ насъ
Женою быть того, кто не похожъ на васъ.

ПРЯМИКОВЪ.

Ахъ Боже мой! поди жъ скажи ты ей, Анюта!

АННА.

Да вотъ она сама.

═

ЯВЛЕНІЕ III.

СОФІЯ, ПРЯМИКОВЪ, АННА и ДОБРОВЪ.

ПРЯМИКОВЪ (*цалуетъ у Софіи руку.*)

Счастливая минута!
Съ какою радостью я вижу васъ опять!

СОФІЯ.

Ахъ! да откуда вы?

ПРЯМИКОВЪ.

Могу ль себя ласкать
Надеждой, что моей вы къ вамъ любви сердечной....

СОФІЯ.

Вы позабыли насъ!

ПРЯМИКОВЪ.

Ахъ! нѣтъ; я помнилъ вѣчно,
И вѣчно образъ вашъ въ душѣ моей....

АННА (*къ Софіи.*)

Но вотъ
Сюда вашъ батюшка, сударыня, идётъ.

═

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЪ И КРИВОСУДОВЪ.

ПРЯМИКОВЪ (*къ Кривосудову.*)

Позвольте вамъ, сударь! отдать мое почтенье.
Я Прямиковъ. Процессъ мой къ вамъ, на разсмотрѣнье
Вступилъ. Я въ правости на вашъ надѣюсь судъ.

КРИВОСУДОВЪ.

А! знаю.... (*къ Софіи.*) А ты что, чего зѣваешь тутъ?..
Поди въ уборную: ты видишь, челобитчикъ.

(*Софія и Анна уходятъ.*)

═

ЯВЛЕНІЕ V.

КРИВОСУДОВЪ, ПРЯМИКОВЪ и ДОБРОВЪ.

ПРЯМИКОВЪ.

Осмѣлюсь вамъ сказать....

КРИВОСУДОВЪ.

А! господинъ повытчикъ!

ДОБРОВЪ.

Съ днемъ ангела, сударь, я поздравляю васъ,
Желаю новыхъ благъ на всякій день и часъ.

КРИВОСУДОВЪ.

Благодарю, дружокъ!

ПРЯМИКОВЪ.

Я смѣлость принимаю...
О дѣлѣ вамъ моемъ....

КРИВОСУДОВЪ.

Да я сказалъ что знаю.
На долго ль въ городъ къ намъ!

ПРЯМИКОВЪ.

То должно вамъ рѣшить.

КРИВОСУДОВЪ.

Мы рады гостю.

ПРЯМИКОВЪ.

И... безъ тяжбы здѣсь прожить
Я нѣсколько хотѣлъ. Позвольте мнѣ о дѣлѣ..

КРИВОСУДОВЪ.

Разсмотримъ мы его на этой же недѣлѣ.

ПРЯМИКОВЪ.

Но я хотѣлъ, сударь, вамъ прежде изъяснить.....

КРИВОСУДОВЪ.

Напрасно вы себя изволите трудить:
Мы дѣло на письмѣ увидѣть можемъ ясно;
И предувѣдомлять хотите вы напрасно.

ПРЯМИКОВЪ.

Однако я прошу....

КРИВОСУДОВЪ.

Вамъ не о чемъ просить:
Мы по законамъ всѣ должны дѣла вершить.
Безъ просьбы оправдимъ, коль право ваше свято;
А сколько ни просить, коль дѣло плоховато....

ПРЯМИКОВЪ.

Не о потачкѣ я упрашивать хотѣлъ;
Безчестьемъ вамъ и мнѣ такую бъ просьбу счелъ.
Но дѣло въ сторону; я къ вамъ имѣю нужду,
Процесса всякаго и всякой тяжбы чужду,
Важнѣйшую всего на свѣтѣ для меня.
Простите мнѣ, что вамъ откроюсь прямо я.
Вамъ домъ извѣстенъ мой, порода и помѣстья:
Я льщусь, сударь, что вамъ не сдѣлаю безчестья,
И искренность моихъ поступковъ докажу,
Когда вамъ, какъ отцу, признательно скажу,
Что вашей дочери прелестной красотою

Плѣненъ смертельно я; что счастливой судьбою
Почту я сыномъ вамъ, а ей супругомъ быть.

КРИВОСУДОВЪ.

Дочь! какъ! — гдѣ вы ее успѣли полюбить?

ПРЯМИКОВЪ.

Въ столицѣ, какъ она у тётушки бывала,
Имѣлъ я счастіе....

КРИВОСУДОВЪ.

А тётка это знала?

ПРЯМИКОВЪ.

Я страсти передъ ней не думалъ и скрывать.

КРИВОСУДОВЪ.

Она съума сошла! да какъ же такъ спущать?

ПРЯМИКОВЪ.

Мнѣ странно: не уже ль я этимъ васъ обижу?

КРИВОСУДОВЪ.

Никакъ, но въ первый разъ я васъ сегодня вижу.
Она же молода; у ней же есть и мать.
Прошу за честь сію спасибо васъ принять:
Однако же нельзя такъ скоро намъ рѣшиться.

ПРЯМИКОВЪ.

Я только лишь хотѣлъ объ этомъ изъясниться;
Узнать, могу ль себя я хоть надеждой льстить?

КРИВОСУДОВЪ.

На сей седмицѣ васъ почтимся мы рѣшить.

ПРЯМИКОВЪ.

Такъ вы даете мнѣ надежду что я буду? . .

КРИВОСУДОВЪ.

Надѣйтесь, вашего я дѣла не забуду.

ПРЯМИКОВЪ.

Я съ восхищеньемъ васъ, сударь, благодарю.

КРИВОСУДОВЪ.

Добро; явитеся лишь вы къ Секретарю.

ПРЯМИКОВЪ.

Зачѣмъ къ Секретарю?

КРИВОСУДОВЪ.

Онъ силу въ дѣлѣ знаетъ.
Да, ба! Повытчикъ тутъ съ дѣлами ожидаетъ:
Мнѣ резолюцію на нихъ потребно дать.

(*Беретъ бумаги.*)

ПРЯМИКОВЪ.

Позволите ль мнѣ честь къ вамъ и впередъ бывать?

КРИВОСУДОВЪ.

Добро пожаловать. — Я вашъ слуга покорный.

(*Прямиковъ уходитъ.*)

═

ЯВЛЕНІЕ VI.

КРИВОСУДОВЪ и ДОБРОВЪ.

КРИВОСУДОВЪ.

Вотъ на! какой вострякъ! о! да какой проворный!
Лишь только на порогъ—и къ дочкѣ ужъ успѣлъ!
Да какъ сестра моя? . . кто ей на шею сѣлъ?
Знать, что волочутся, и не сказать ни слова!

ДОБРОВЪ.

Да можетъ быть, сударь, что женишка такова
Хотѣла приласкать. Вѣдь съ тысячью-то душъ
Красавецъ этакой хоть бы кому такъ мужъ.
Чинъ подполковничій; черезъ четыре года
Полкъ тысячный; а Богъ коли не дастъ похода,
То съ сихъ двухъ тысячъ душъ! — Позвольте мнѣ сказать
Преданнѣйшу слугѣ, чѣмъ онъ и вамъ не зять?

КРИВОСУДОВЪ.

Вотъ эти молодцы все вѣтеръ лишь гоняютъ;
И родовыхъ наслѣдствъ беречь они не знаютъ;
А что и говорить о благонажитыхъ!
Кто первый захотѣлъ, тотъ и ощиплетъ ихъ.
Не знаютъ, что за звѣрь экстрактъ и протоколы;
Лишь только разными языки и глаголы,
Съ своими, жъ Русскими, на площади, вездѣ,
Лепечутъ; а языкъ прильпе ихъ на судѣ.
Ты знаешь, нажилъ я вѣдь лишь трудомъ да потомъ,
Ну, такъ не жаль ли, братъ, какъ въ прахъ пойдетъ все мотомъ?

Такова зятя я хочу себѣ найтить,
Который бы умѣлъ къ нажитому нажить.
Да у меня и есть ужъ нѣкто на примѣтѣ.

(*Кладетъ бумаги на столъ.*)

ДОБРОВЪ (*беретъ бумаги и подноситъ ему.*)

Три дѣла тутъ, сударь, которы по помѣтѣ,
Ужъ болѣе трехъ лѣтъ не рѣшены лежатъ:
Пора бы кончить ихъ....

КРИВОСУДОВЪ.

Да кто же виноватъ?
Лежатъ! — вотъ на! затѣмъ, что николи не ходятъ
Просители ко мнѣ.

ДОБРОВЪ.

Да чай они и бродятъ
Подъ окнами, сударь; но чтобъ сюда прійтить,
Такъ не съ чѣмъ имъ...

КРИВОСУДОВЪ.

Такъ чтожъ? За ними мнѣ ходить
Прикажешь?

ДОБРОВЪ.

Нѣтъ, сударь; но я за нихъ таскаюсь.
Ихъ правъ искъ: я нашолъ....

КРИВОСУДОВЪ.

Такъ я и не мѣшаюсь;
Когда ты что нашолъ; находка предъ тобой.

ДОБРОВЪ.

Что вотъ у этого послѣднею землёй
Грабительски его сосѣди завладѣли,
И домъ зимой сожгли.

КРИВОСУДОВЪ.

Хозяина, знать, грѣли.

ДОБРОВЪ.

А бѣдныхъ сихъ дворянъ въ подушный всѣхъ окладъ
Помѣщикъ записалъ.

КРИВОСУДОВЪ.

Я былъ бы очень радъ,
Когда бъ въ крестьянску чернь, чтобъ носа не взносили,
Всѣхъ мелкотравчатыхъ дворянъ перекрестили.

ДОБРОВЪ.

А этотъ, наконецъ, за поземельный споръ,
Обманомъ заведенъ къ помѣщику на дворъ,
Обруганъ тамъ, прибитъ; домой чуть дотащился,
И въ три дни отдалъ духъ.

КРИВОСУДОВЪ.

Знать, дурно онъ лечился.

ДОБРОВЪ (*въ сторону.*)

Ну! вотъ и приговоръ! — (*вслухъ*) Да что жъ хоть первымъ двумъ?...

КРИВОСУДОВЪ.

Да дѣла не могу рѣшить я на-обумъ:
Кто правъ, кто виноватъ, мнѣ это видѣть должно

ДОБРОВЪ.

Изъ дѣла. . . .

КРИВОСУДОВЪ

Ничего увидѣть не возможно.

ДОБРОВЪ.

Но внятно говоритъ тутъ письменный доводъ.

КРИВОСУДОВЪ.

Потребенъ, слышишь ли? изустный переводъ.

ДОБРОВЪ.

Но дѣло на письмѣ гласитъ довольно ясно.

КРИВОСУДОВЪ (*вырываетъ бумаги, бьетъ объ столъ и бросаетъ*).

Но дѣло на письмѣ, хоть бей объ столъ, безгласно.
Да полно пустошью мнѣ голову ломать;
Поди: къ обѣднѣ мнѣ пора ужъ поспѣшать.

ДОБРОВЪ (*поднявши бумаги*)

Хоть взгляньте. . . .

КРИВОСУДОВЪ

Охъ! поди, не говори мнѣ болѣ.

ДОБРОВЪ.

При бѣломъ ихъ, сударь, принесъ я протоколѣ;
Лишь подписать.

КРИВОСУДОВЪ.

Поди.

ДОБРОВЪ.

Для ангела!

КРИВОСУДОВЪ.

Поди.

ДОБРОВЪ.

Для праздника!

КРИВОСУДОВЪ.

Поди, поди и пропади!

(*Выталкиваетъ вонъ.*)

═

ЯВЛЕНІЕ VII.

КРИВОСУДОВЪ.

Тьфу! бѣшеный какой! чуть къ горлу не придрался,
И съ челобитчикомъ скорѣя бъ развязался!
Лишь только подписать, готовъ и протоколъ;
(*передразниваетъ.*)
Нѣтъ, другъ мой, да и я, вѣдь, также не осёлъ.
Когда всѣ на-голо подписывать я буду,
То скоро работать (*дѣлая будто жуетъ*) и челюстьми забуду.
Перо, и то въ себя чернилы, вѣдь, берётъ:
Такъ мнѣ ли одному сидѣть разиня ротъ,
И видя подъ носомъ летящихъ куропатокъ,
Изъ сотни не схватить одну или десятокъ?
Простъ былъ бы я и впрямъ!

═

ЯВЛЕНІЕ VIII.

КРИВОСУДОВЪ, ФЕКЛА, НАУМЫЧЪ и АРХИПЪ
(*съ подарками въ корзинахъ.*)

ФЕКЛА.

Вотъ, милый муженёкъ,
Къ намъ Проваловъ прислалъ Наумыча.

КРИВОСУДОВЪ (*надѣвая перстни, шпагу и проч.*)

Дружокъ!
Здорово. Господинъ каковъ твой?

НАУМЫЧЪ.

Васъ поздравить
Велѣлъ съ днемъ ангела, и симъ.... (*показывая подарки*)

ФЕКЛА (*Архипу.*)

Изволь поставить.

НАУМЫЧЪ.

Поклонъ вамъ отдаетъ.

КРИВОСУДОВЪ.

Благодари его;
Но много такъ на что?

НАУМЫЧЪ.

И, сударь, ничего!

КРИВОСУДОВЪ.

Но, право, совѣстно.

НАУМЫЧЪ.

Домашне все, вѣдь, это.

ФЕКЛА.

А намъ бы все платить наличною монетой.

НАУМЫЧЪ.

Не ужъ? сударыня!

КРИВОСУДОВЪ.

Но будетъ ли онъ къ намъ
На дружескій обѣдъ?

НАУМЫЧЪ.

Когда угодно вамъ.

КРИВОСУДОВЪ.

Пожалуй попроси.

ФЕКЛА.

Мы будемъ дорогова
Ждать гостя.

НАУМЫЧЪ.

Я скажу. — (*Кривосудову*) О дѣлѣ я два слова
Хотѣлъ промолвить вамъ. Соперникъ прибылъ нашъ....

КРИВОСУДОВЪ.

Онъ былъ ужъ у меня;

НАУМЫЧЪ (*Феклѣ, разсматривающей и раскладывающей подарки.*)

Въ бутылкахъ эрмитажъ.

КРИВОСУДОВЪ.

Но я его оттёръ. О дѣлѣ небылицы
Занесъ-было, но я замялъ рѣчь,

НАУМЫЧЪ (*Феклѣ.*)

Фунтъ горчицы.

КРИВОСУДОВЪ.

И съ рукъ сжилъ.

НАУМЫЧЪ.

Сколько жъ вамъ мой господинъ, сударь,
Обязанъ? (*Феклѣ*) На роброн атласъ.

ФЕКЛА.

Какой хабаръ!

КРИВОСУДОВЪ.

Но какъ онъ намекнулъ, то дѣло плоховато!

НАУМЫЧЪ.

Все ложно. (*Феклѣ*) На кафтанъ тутъ бархатецъ
косматой.
(*Кривосудову*) И вы словамъ, сударь, не вѣрьте.

КРИВОСУДОВЪ.

Ну! добро;
Посмотримъ.

НАУМЫЧЪ (*Феклѣ.*)

Флёръ цвѣтной невѣстѣ на фуро.
(*Кривосудову, указывая на подарки*)
На дѣлѣ мы, сударь, доказываемъ ясно.

КРИВОСУДОВЪ.

Добро, добро.

НАУМЫЧЪ (*Феклѣ.*)

За насъ словцо. — Шампанско красно.

КРИВОСУДОВЪ.

Ужо посмотримъ.

ФЕКЛА.

Да, мой милый, посмотри:
Одной провизіи не съѣсть недѣли въ три.

КРИВОСУДОВЪ (*смотря на подарки.*)

Ба, ба! что вижу впрямъ! да это дворъ гостиной!

НАУМЫЧЪ.

Изволите шутить.

ФЕКЛА (*Наумычу.*)

Обернуто холстиной?

НАУМЫЧЪ (*Феклѣ.*)

Швейцарской сыръ. (*Кривосудову*) Такъ мы надѣемся на васъ?

КРИВОСУДОВЪ.

Ну, кланяйся; добро.

ФЕКЛА.

Обѣдъ нашъ ровно въ часъ.

НАУМЫЧЪ.

Навѣрно будетъ.

ФЕКЛА.

Ну! спасибо.

КРИВОСУДОВЪ.

Ну! спасибо.

ФЕКЛА (*провожая Наумыча.*)

Спасибо.

НАУМЫЧЪ (*возвратясь, Фекль.*)

Тамъ, въ сѣняхъ, въ кулькѣ провѣсна рыба.

(*Уходитъ съ Архипомъ.*)

(*Слуга выноситъ подарки.*)

═

ЯВЛЕНІЕ IX.

КРИВОСУДОВЪ и ФЕКЛА.

ФЕКЛА.

Какой же умница Наумычъ!

КРИВОСУДОВЪ

Не дуракъ!

ФЕКЛА.

И Праволовъ, какой досужей!

КРИВОСУДОВЪ.

Не простакъ.

ФЕКЛА.

Какъ любитъ онъ нашъ домъ, и какъ не оставляетъ!

КРИВОСУДОВЪ.

Зато и дѣлать ужъ чего не заставляетъ!

ФЕКЛА.

Вотъ другъ, какихъ теперь въ диковинку сыскать!
Все знаетъ напередъ, что думаешь сказать;

Всѣ памятуетъ дни: крестины, имянины,
Родины. . . .

КРИВОСУДОВЪ.

Плохо лишь онъ помнитъ день кончины!

ФЕКЛА.

Имъ живы; кормитъ насъ, и домъ нашъ и весь скотъ;
И словомъ: имъ живемъ безъ нужды, безъ хлопотъ.

КРИВОСУДОВЪ

Но до хлопотъ, смотри, чтобъ съ нимъ намъ не добиться.
Ужъ сталъ онъ нѣсколько тяжолъ намъ становиться:
Я слышу на него отвсюду вопіютъ.
Лишь утушимъ одно, — другое дѣло въ судъ;
И сдѣлалъ для него ужъ я такихъ премного,
Изъ коихъ и одно бъ могло, судить коль строго,
Во Уголовный Судъ меня препроводить
Чтобъ лакомствомъ его оскомы не набить!

ФЕКЛА.

Пустое: ты вертишь, вѣдь, всѣ дѣла чистенько.

КРИВОСУДОВЪ.

Что черно, какъ ни чисть, а будетъ все черненько.

ФЕКЛА.

Пустое: мы ль одни! всѣхъ не переведутъ.

КРИВОСУДОВЪ.

А какъ по жеребью прійдетъ отвѣдать, тутъ?....

ФЕКЛА.

Пустое; знать, съ утра ты лѣвой всталъ ногою,
Что голову набилъ такою чепухою.
Ты только посмотри, какъ оборотливъ онъ:
Въ столицѣ у него, ты знаешь, есть патронъ
И, сверхъ того, еще пріятелей имѣетъ.
Куда ни кинется, вездѣ ужъ онъ поспѣетъ.
Такъ ты пожалуйста пустова не страшись
И на него въ дѣлахъ его ты положись.

КРИВОСУДОВЪ.

Что дѣлать!

ФЕКЛА.

Ахъ! на умъ теперь пришло мнѣ кстати,
На Прямикова искъ въ Гражданской, вѣдь, Палатѣ.

КРИВОСУДОВЪ.

Такъ точно.

ФЕКЛА.

Онъ о немъ давно мнѣ говорилъ.

КРИВОСУДОВЪ.

А мнѣ не такъ давно.

ФЕКЛА.

Какъ онъ со мной судилъ,
То, съ стороны его казалось дѣло свято.

КРИВОСУДОВЪ.

А я скажу тебѣ, что очень плоховато;
И я не знаю какъ ужъ тутъ и поворотить.

ФЕКЛА.

Однако жъ, милый мой, ты долженъ пособить.
Вѣдь вспомни, какъ онъ намъ. . .

КРИВОСУДОВЪ.

Да помню такъ, какъ должно;
Но памятью одной тутъ пособить не можно:
Тутъ надобенъ указъ, иль право, иль законъ.

ФЕКЛА.

Законовъ столько!

КРИВОСУДОВЪ.

Такъ.

ФЕКЛА.

Указовъ милліонъ!

КРИВОСУДОВЪ.

И это истинно

ФЕКЛА.

Правъ цѣлая громада!

КРИВОСУДОВЪ.

Все неоспоримо.

ФЕКЛА

Ну, такъ чево же нада?

КРИВОСУДОВЪ.

Безумна! надобно такой законъ прибрать,
Чѣмъ виноватаго могли бы оправдать.

ФЕКЛА.

Да вѣдь законъ прибрать секретарево дѣло,
А ваше лишь рѣшить; и я ручаюсь смѣло,
Что Секретарь прибралъ законъ ужъ для него:
Изъ пропасти такой не выбрать одного!

КРИВОСУДОВЪ.

Да я же не одинъ: вѣдь у меня есть члены.

ФЕКЛА.

Вотъ на еще! да имъ и море по колѣны:
Такъ много ль надобно ихъ уломать труда!

КРИВОСУДОВЪ.

Инъ быть такъ; если онъ спроворитъ до суда
Всѣхъ членовъ наклонить, то вотъ тѣ слово
свято,
Что ужъ и я пущусь.... хоть дѣло плоховато!

ФЕКЛА.

Притомъ для дочери онъ не женихъ, а кладъ.
А свой, вѣдь, своему и по-неволѣ братъ.

КРИВОСУДОВЪ.

Ба! я позабылъ сказать тебѣ, что снова
Господь намъ женишка даруетъ и другова.
Какъ на голову снѣгъ севодни....

ФЕКЛА.

Кто таковъ?

КРИВОСУДОВЪ.

Онъ подполковникъ; дай мнѣ вспомнить.... Прямиковъ.

ФЕКЛА.

Что съ Праволовымъ?...

КРИВОСУДОВЪ.

Да, тотъ самый.

ФЕКЛА.

И на эту
Вѣсть не далъ ты ему отвѣта прямо?

КРИВОСУДОВЪ.

Нѣту.

ФЕКЛА (*съ жаромъ.*)

Какъ! хочешь намъ его на шею навязать?

КРИВОСУДОВЪ

Никакъ; я лишь хотѣлъ сперва тебѣ сказать.

ФЕКЛА.

Я слышать не хочу; чтобъ не было и духу
Его у насъ въ дому.

КРИВОСУДОВЪ.

Онъ нашу дочь-воструху
Въ Москвѣ ужъ зналъ.

ФЕКЛА.

Какъ зналъ?

КРИВОСУДОВЪ.

Зналъ у сестры въ дому.

ФЕКЛА.

Возможно ль быть?... Да я.... Да я ей!... я
ему!...

КРИВОСУДОВЪ.

Спокойся же мой другъ! вѣдь отказать намъ можно.

ФЕКЛА.

Не только отказать, но заказать тутъ должно,
Чтобъ къ намъ онъ ни ногой. — Онъ хочетъ за-
бѣжать,
И сватовствомъ тебя къ себѣ лишь привязать,
Чтобъ въ дѣлѣ ты ему помочь не отказался

Но не на олуховъ молодчикъ разскакался:
Намъ Праволовъ давно знакомъ; а старый другъ,
И по пословицѣ: вѣдь лучше новыхъ двухъ.
Не правда ль? миленькой! ась?

КРИВОСУДОВЪ.

Правда присносущна.
Но, кажется, къ нему дочь очень равнодушна.
Ей что-то Праволовъ не по-нутру.

ФЕКЛА.

Такъ что жъ?
Такъ на нее смотрѣть? что старъ онъ, не пригожъ,
Не финтоватъ, не враль, такъ дурѣ и не нравенъ;
Но умъ его ужъ зрѣлъ и кошелекъ исправенъ.
Полюбятся они, какъ лѣтъ пять поживутъ.
Не такъ ли?

КРИВОСУДОВЪ.

Точно такъ. Что за сомнѣнье тутъ?

ФЕКЛА

Ну, такъ оставивши пустыя, вздорны бредни,
Пойдемъ, чтобъ этакъ намъ не проболтать обѣдни.

(*Уходятъ.*)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

—

ЯВЛЕНІЕ I.

ПРАВОЛОВЪ и НАУМЫЧЪ.

ПРАВОЛОВЪ.

Ну, все ль исправно ты спроворилъ по наказу?

НАУМЫЧЪ.

Исполнилъ все, сударь, по вашему приказу.

ПРАВОЛОВЪ.

Подарки всѣмъ судьямъ изъ глаза ты на глазъ,
Съ поклономъ отъ меня препоручилъ?

НАУМЫЧЪ.

Какъ разъ

ПРАВОЛОВЪ.

И что они тебѣ на это отвѣчали?

НАУМЫЧЪ.

Что по-судейски имъ обыкновенно — взяли.

ПРАВОЛОВЪ.

Навѣдался ли, гдѣ присталъ нашъ Прямиковъ?

НАУМЫЧЪ.

Въ трактирѣ

ПРАВОЛОВЪ.

Хорошо. Подьячимъ тамъ пировъ
Пріятельскихъ давать нельзя ему: народу,
И день и цѣлу ночь, тамъ тма безъ переводу.
Но для запаса ты приставилъ ли дозоръ?

НАУМЫЧЪ.

За пятьдесятъ алтынъ за нимъ слѣдитъ весь дворъ.

ПРАВОЛОВЪ.

Кто Стряпчимъ у него?

НАУМЫЧЪ.

Кто Стряпчимъ? нѣтъ ни духа.

ПРАВОЛОВЪ.

Не можетъ это быть.

НАУМЫЧЪ.

Отрѣжьте мнѣ полъуха,
Коли я лгу. Но я въ совѣтники ему
Ужъ подпустилъ съ-тишка Ловилова Козьму.
Вы знаете, сударь, какъ онъ всѣмъ въ душу вьется:
А я ему шепнулъ, что если подберется
Онъ къ молодцу, и намъ откроетъ въ дѣлѣ что,
То перейдетъ въ карманъ ему полтинокъ сто.

ПРАВОЛОВЪ.

Добро. Къ Секретарю отнесъ ли ты бумагу?

НАУМЫЧЪ.

Отнесъ, и вейновыхъ чернилъ большую флягу.

ПРАВОЛОВЪ.

Проворитъ ли онъ намъ, какъ честно слово далъ?

НАУМЫЧЪ.

Проворитъ; о! да какъ! — во-вѣки не видалъ
Такова я дѣльца: въ экстрактѣ это дѣло
Онъ скомкалъ такъ, сударь, что я ручаюсь смѣло,
Кто бъ ни прочелъ его, хоть лобъ будь пядей въ
пять,
Не можетъ слова въ немъ ни одного понять
Отвѣтну рѣчь смѣшалъ онъ такъ уловкой дивной,
Что смыслъ изо всего является противной
Всему тому, себя чѣмъ оправдаетъ онъ.
Законовъ въ пользу намъ подвелъ онъ милліонъ;
Но этимъ всѣмъ еще не удовлетворился,
И вновь съ вчерашня дня въ архиву онъ зарылся.

ПРАВОЛОВЪ.

Такъ ладно все. Теперь и я тебѣ скажу,
Что около судей удачно ворожу:
Настроилъ всѣхъ подъ свой гудокъ; и трудъ ве-
ликій
Лишь былъ мнѣ около проклятаго заики:
Все душу перегнуть боится сей провалъ;
Но, съ Божьей помощью, я чорта уломалъ.
Другимъ, какъ насказалъ указовъ, регламентовъ,
Да сунулъ въ Банковый тисненныхъ документовъ,
Такъ и явился чистъ; а съ нимъ весь бился день.

Теперь остался мнѣ одинъ лишь нашъ хозяинъ;
Ну, какъ да не возьметъ онъ?

НАУМЫЧЪ.

Кто? кто? этотъ Каинъ?
Лишь въ полный вѣсъ.

ПРАВОЛОВЪ.

И такъ ужъ солонъ мнѣ....

НАУМЫЧЪ.

Какъ быть!
Вы знаете: когда похлебки не солить....

ПРАВОЛОВЪ.

Конечно. Между тѣмъ ты не забылъ искусно
Промежъ листовъ вклеить то показанье устно,
Чтò мы съ покойника?...

НАУМЫЧЪ.

Спроворено ужъ всё.

ПРАВОЛОВЪ.

А тѣ свидѣтели, которыхъ на-лицо
Нѣтъ, ужъ подставлены ль?

НАУМЫЧЪ.

Ужъ всѣ, сударь, готовы.

ПРАВОЛОВЪ.

Да твердо ль внушены? и всѣ ли однословы?

НАУМЫЧЪ.

Не разобьются ужъ они въ словахъ, сударь.

ПРАВОЛОВЪ.

А тѣ указики, что̀ далъ я, Секретарь?...

НАУМЫЧЪ.

Всѣ къ дѣлу помѣстилъ.

ПРАВОЛОВЪ.

И такъ ужъ ладно дѣло?

НАУМЫЧЪ.

Извольте приступать, сударь, къ суду вы смѣло.

ПРАВОЛОВЪ.

Благодаря Творца, удачно здѣсь клеимъ.
Но чтобъ въ Саратовѣ по старенькимъ моимъ
Дѣламъ не вышло мнѣ....

НАУМЫЧЪ.

А что же вамъ опасно?

ПРАВОЛОВЪ.

Я письма получилъ: еще не видно ясно....

НАУМЫЧЪ.

Съ которой стороны?

ПРАВОЛОВЪ.

Ты помнишь споръ за лѣсъ?

НАУМЫЧЪ.

Ну....

ПРАВОЛОВЪ.

И убитой?

НАУМЫЧЪ.

Что жъ? не уже ль онъ воскресъ?

ПРАВОЛОВЪ.

Никакъ; но дѣло-то умерше воскресаетъ.

НАУМЫЧЪ.

Вздоръ: кто ввойдетъ?

ПРАВОЛОВЪ.

Да чортъ горами вѣдь качаетъ.

НАУМЫЧЪ.

Нѣтъ ни наслѣдничка....

ПРАВОЛОВЪ.

Отколь не знаю зло;
Но до Намѣстника ужъ дѣло-то дошло.

НАУМЫЧЪ.

Да у Намѣстника....

ПРАВОЛОВЪ.

Пріятелей имѣю;
Но я на нихъ весьма надѣяться не смѣю.
Вѣдь та бѣда, теперь не такъ, какъ въ старину:
Бывало, кто ужъ разъ возьметъ твою казну
Въ замѣну совѣсти, то ужъ солгать стыдится;
Теперь хоть отъ тебя, какъ прежде всякъ щечится,
Хоть всякъ обѣими по старинѣ берётъ,
Но если дѣло гдѣ доходитъ до хлопотъ,
И ежель туго гдѣ пріидетъ стоять за другомъ,
То онъ и съ кошелькомъ вильнетъ направо кругомъ.
Но что о будущемъ, о настоящемъ мнѣ

Здѣсь нужно хлопотать: съ отцомъ наединѣ
Я постараюся условиться о дѣлѣ,
Чтобъ скомкать намъ его на этой же недѣлѣ.
Онъ тѣмъ охотнѣе рѣшится мнѣ помочь,
Что выдать за меня свою желаетъ дочь.

НАУМЫЧЪ.

Но не уже ль и впрямъ, сударь, на ней жениться?...

ПРАВОЛОВЪ.

Я бъ долженъ напередъ съума сойти, взбѣситься.
Возможно ль дурочку, въ столицѣ лѣтъ съ шести
Преизбалованну почти до двадцати,
Которая приходъ съ расходомъ свесть не знаетъ,
Шьетъ, на Давыдовыхъ лишь гусляхъ повираетъ,
Да по-французски врётъ, какъ сущій попугай,
А по-природному ни здравствуй, ни прощай, —
Возможно ли въ жену такую взять мнѣ дуру!
Съ ней развѣ запереть себя навѣкъ въ кануру.
Нѣтъ, тѣшатся пускай мать ею, да отецъ;
А я слуга ея, лишь дѣлу бы конецъ;
Но до того манить мнѣ ихъ женитьбой нада.
Вотъ на! забылъ: сюда, чай, членовъ всѣхъ гро-
мада
На имянинный пиръ изволитъ навалить;
Я всѣхъ ихъ на-повалъ хочу перепоить.
А чтобы не довесть хозяевъ до убытковъ,
Ступай, и разнаго запаса и напитковъ,
Какъ за обѣдъ пойдемъ, сюда ты принеси;
И самъ Секретаря усильно попроси,

Чтобъ былъ онъ за меня съ хозяиномъ картё-
жить;
А проигрышъ его не долженъ ужъ тревожить.
Поди; да вотъ онъ самъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

ПРАВОЛОВЪ, КОХТИНЪ и НАУМЫЧЪ.

ПРАВОЛОВЪ (*обнимая его.*)

Здорово, милый другъ!

КОХТИНЪ.

Я васъ ища, сударь, обѣгалъ городъ вкругъ:
И въ уголовной былъ; тамъ въ нижнюю расправу;
На мигъ къ колодничью я забѣжалъ приставу;
Оттоль къ межевщику, оттуда въ магистратъ,
Оттоль въ смирительный, оттоль сюда; и радъ,
Что васъ хоть здѣсь засталъ. Я радостну по-
вишку....

ПРАВОЛОВЪ.

Какую?

КОХТИНЪ (*протягивая руку.*)

Тьфу! забылъ....

ПРАВОЛОВЪ (*даетъ синюю ассиг-
націю.*)

Вотъ, другъ мой! на вспоминку.

КОХТИНЪ.

Да, да; поймалъ: она. — Да сколько же трудовъ
Пока дорылся! Дни. . . .

ПРАВОЛОВЪ.

Ну, безъ обиняковъ,
Скажи ее.

КОХТИНЪ.

Дни три, повѣрьте, безъ засыпу. . . .
Вѣдь надо было мнѣ бумагъ огромну кипу. . . .

ПРАВОЛОВЪ.

Я вѣрю; но скажи.

КОХТИНЪ.

Но прежде чѣмъ сказать,
Я долженъ вамъ. . . .

ПРАВОЛОВЪ (*даетъ еще синюю ассигнацію.*)

Тебѣ я долженъ: можешь взять.
Да только лишь скажи.

КОХТИНЪ.

Какъ вы нетерпѣливы!
Такъ я скажу, сударь, что вы весьма счастливы;
И что моимъ трудомъ, вдругъ послѣ всѣхъ заботъ,
Вашъ искъ возьметъ, сударь, хорошій оборотъ.—
А что? не рады ль вы? . . . (*Наумычу*) А ты что не хохочешь?

ПРАВОЛОВЪ (*даетъ еще синюю ассигнацію.*)

Скажи лишь прямо все; я радъ дать что ты хочешь.

КОХТИНЪ.

Ну, такъ скажите жъ мнѣ, какъ при крещеньи званъ
Былъ другъ нашъ Прямиковъ?

ПРАВОЛОВЪ.

На что?

КОХТИНЪ.

Да какъ?

ПРАВОЛОВЪ.

Богданъ.

КОХТИНЪ.

Зовите жъ вѣчно вы меня Искаріотомъ,
Когда онъ искони не окрещенъ Федотомъ.

ПРАВОЛОВЪ.

Какой вздоръ!

КОХТИНЪ.

Нѣтъ, не вздоръ: духовной доведу.

ПРАВОЛОВЪ.

Да если бъ онъ былъ такъ и названъ на роду,
То много ль изъ того корысти бы мнѣ было?

КОХТИНЪ.

Что вдругъ вашъ умъ, сударь, такъ тупо притупило?

Нѣтъ нужды знать, зачѣмъ онъ имя премѣнилъ,
Но нынѣ онъ Богданъ; а я вамъ доложилъ,
Что Прямикова сынъ, въ свое, сударь, крещенье
Федотомъ названъ былъ: то малое ль сомнѣнье
Тутъ предстоитъ, что сей Богданъ, не тотъ Фе-
дотъ,
О чьемъ наслѣдіи вашъ искъ, сударь, идётъ?

ПРАВОЛОВЪ (*обнимая его.*)

Ахъ! другъ ты мой! дружокъ! Ахъ! другъ ты
мой сердечной!
Я благодарностью тебѣ обязанъ вѣчной.
Ну, какъ же удружилъ ты этой новизной!

НАУМЫЧЪ (*въ сторону.*)

Тьфу! экъ онъ вывернулъ! — бѣсовской сынъ
прямой!

КОХТИНЪ.

Я вамъ сказалъ, что вы обрадуетесь сильно.

ПРАВОЛОВЪ.

Да какъ въ дѣлахъ твое проворство изобильно!
Въ духовной?

КОХТИНЪ.

Въ ней, сударь!

ПРАВОЛОВЪ.

Его отца?

КОХТИНЪ.

Отца.

ПРАВОЛОВЪ.

Доѣду жъ этого теперь я молодца!

КОХТИНЪ.

Въ согласье важнаго такого документа,
Я тотчасъ поспѣшилъ, не тратя ни момента,
Къ прошенью вашему прибавку учинить,
Для васъ потребно гдѣ экстрактъ перечернить;
И къ завтрашнему дню все будетъ ужъ готово.
А какъ и дѣло все пріяло образъ новый,
То новенькіе я законы пріискалъ,
И съ дѣломъ, кажется, гладенько сочеталъ.
Но если и еще чего тутъ не достанетъ,
То этотъ все, сударь, указикъ вамъ натянетъ.

(*Подаетъ ему бумагу.*)

ПРАВОЛОВЪ.

Подай, мой другъ! — (*Прочитавъ бумагу.*) Ну, такъ одно къ другому льнетъ....
Теперь онъ отъ меня уже не ускользнетъ.
Ахъ! милый ты мой другъ! какъ я тебѣ обязанъ!

КОХТИНЪ.

Готовъ служить впередъ: я къ вамъ душей привязанъ.

(*Потряхиваетъ камзольнымъ карманомъ.*)

ПРАВОЛОВЪ.

Спасибо; вѣрю я; но вотъ на этотъ разъ
Прими, мой другъ, еще пожалуй, за указъ.

(*Хочетъ дать ему нѣсколько рублей, но Анна вбѣгаетъ, слышитъ послѣдній стихъ, и деньги остаются въ рукѣ Праволова.*)

═

ЯВЛЕНІЕ III.

ПРАВОЛОВЪ, КОХТИНЪ, НАУМЫЧЪ и АННА.

АННА.

Казалось: господа пріѣхали.

ПРАВОЛОВЪ.

Анюта!
Здорово. Не дичись, стороннихъ нѣтъ вѣдь тута.
Какъ барышня спала, скажи мнѣ, ночью сей?

АННА.

Не хорошо.

ПРАВОЛОВЪ.

А что?

АННА.

Все чудились вы ей.

ПРАВОЛОВЪ.

Мнѣ лестно, что меня она и сонна видитъ;
Знакъ, что и наяву не ненавидитъ.
За эту вѣсть хочу Анюту въ первый разъ
Я подарить. (*Даетъ ей тѣ рубли, что у него остались*)

АННА (*не принимая.*)

Да вѣдь вѣсть эта не указъ;
И я не знаю ихъ.

КОХТИНЪ (*представляя, будто что суетъ въ карманъ кафтанной.*)

Такъ знаешь уложенье.

ПРАВОЛОВЪ.

Пожалуй же пріими, за доброе хотѣнье

АННА (*не принимая.*)

Изъ доброй воли хочу желать добра.

КОХТИНЪ (*тихо къ Праволову.*)

Вы видите, она не падка до сребра;
Пожалуйте лишь мнѣ, я золотцомъ подброшу.
(*Беретъ деньги.*)

АННА (*въ сторону*)

Ахъ! какъ я лавержетъ тебѣ, срамецъ, взъерошу!
(*Вслухъ*) Карету слышу я, ихъ надо встрѣтить мнѣ.
(*Уходитъ.*)

ПРАВОЛОВЪ (*Кохтину.*)

Оставь съ хозяиномъ меня наединѣ.

(*Наумычъ беретъ за руку Кохтина и уходитъ въ другія двери.*)

═

ЯВЛЕНІЕ IV.

КРИВОСУДОВЪ, ФЕКЛА, СОФІЯ, ПРАВОЛОВЪ и АННА.

ПРАВОЛОВЪ.

Усердно съ праздникомъ, сударь, васъ поздравляю.

КРИВОСУДОВЪ (*обнимая его.*)

Благодарю весьма; здоровья вамъ желаю.

ПРАВОЛОВЪ (*къ Феклѣ, цалуя ея руку, а потомъ у Софіи.*)

И васъ, сударыня.

ФЕКЛА.

Мы вдвое должны васъ
Благодарить: съ утра вы не забыли насъ.

КРИВОСУДОВЪ.

Мнѣ право совѣстно, что вы....

ПРАВОЛОВЪ.

Какъ вамъ не стыдно?

ФЕКЛА.

Такъ много ужъ для насъ....

ПРАВОЛОВЪ.

Вотъ это мнѣ обидно.

КРИВОСУДОВЪ.

Нѣтъ это слишкомъ ужъ....

ПРАВОЛОВЪ.

Нельзя ль не вспоминать?

ФЕКЛА.

Вы разоряетесь....

ПРАВОЛОВЪ.

Прошу же перестать.

КРИВОСУДОВЪ.

Но я впередъ прошу....

ПРАВОЛОВЪ.

Хоть мало пощадите.

ФЕКЛА.

Такъ много....

ПРАВОЛОВЪ.

Иль меня вы — выжить вонъ хотите?

ФЕКЛА.

Никакъ: вы дорогой и милый гость у насъ;
И сердцемъ ради мы васъ видѣть каждый часъ.
Но на одинъ лишь мигъ.... чтобы разоблачиться.—
(*Уходитъ и уводитъ Софью и Анну.*)

ПРАВОЛОВЪ.

Прошу, сударыня, со мною не чиниться.

═

ЯВЛЕНІЕ V.

КРИВОСУДОВЪ и ПРАВОЛОВЪ.

Во время сего дѣйствія Фекла по-часту выглядываетъ изъ дверей и показываетъ Праволову, что она даетъ ему время переговорить съ ея мужемъ. А какъ тотъ беретъ деньги, то она радостные знаки дѣлаетъ, и прочая.

КРИВОСУДОВЪ.

Прошу жъ, другъ милый, сѣсть.

ПРАВОЛОВЪ.

Мнѣ совѣстно въ такой,
Какъ нынѣ, день скучать....

КРИВОСУДОВЪ.

Пріятель дорогой!
Пожалуй говори съ душею мнѣ открытой.

ПРАВОЛОВЪ.

О дѣлѣ я моемъ, чтобъ лишней волокитой
Не изнурять себя, желалъ вамъ говорить.
Соперникъ мой ужъ здѣсь; онъ станетъ яму рыть.

КРИВОСУДОВЪ.

Ну, да коли не правъ, такъ самъ падетъ во ону.

ПРАВОЛОВЪ.

Но, можетъ быть, иной повѣритъ Вѣтрогону
И станетъ иначе о дѣлѣ ужъ судить;
Потребно мнѣніямъ не дать, сударь, простить.
Тѣмъ паче, что мое такъ въ дѣлѣ право свято....

КРИВОСУДОВЪ.

Нѣтъ, между насъ сказать, такъ дѣло плоховато!

ПРАВОЛОВЪ.

Вы шутите, сударь. Извольте лишь ввойтить,
Вы ясно въ дѣлѣ семъ изволите найтить,
Что не наслѣдникъ онъ.... наслѣдному имѣнью;
Что несомнѣнному подвержено ... сомнѣнью
Свидѣтельство, что далъ ему Уѣздный судъ;
Что хоть сосѣди всѣ и присягнули тутъ,
Но документы гдѣ и ясныя бумаги,
Не должно тамъ отнюдь уже давать присяги;
И вы бъ увидѣли, что съ стороны его
Онъ правится ни чѣмъ; а напротивъ того
Нашли бы, что мой искъ, по купчей, мною взятой...

КРИВОСУДОВЪ.

Ну, что ни говори, а дѣло плоховато!
А какъ великъ вашъ искъ?

ПРАВОЛОВЪ.

Да только лишь село,
Отъ коего земли ужъ много отошло.
Да маленькія три при ономъ деревеньки;
Угодья хороши, да мужички бѣдненьки.
Съ осмью паствами плотина на рѣкѣ;
При томъ и сѣнокосъ и лѣсъ въ особнякѣ.

КРИВОСУДОВЪ.

Я слышалъ, конской есть заводецъ тамъ богатой?

ПРАВОЛОВЪ.

Я могъ бы услужить. . . .

КРИВОСУДОВЪ.

Да дѣло плоховато!
При томъ?

ПРАВОЛОВЪ.

Три пустоши, хоть мѣры и большой,
Да только кряжъ земли ужъ тутъ пришолъ другой.
Еще два озерка, да прудъ.

КРИВОСУДОВЪ.

А скотъ рогатой?

ПРАВОЛОВЪ.

Имѣется; я бъ могъ. . . .

КРИВОСУДОВЪ.

Да дѣло плоховато!

ПРАВОЛОВЪ.

А! кстати: слышалъ я, назадъ тому дней пять,
Что вздумали и вы деревню покупать;
И съ выгодой притомъ?

КРИВОСУДОВЪ.

Да, такъ; была затѣя.
Отсталъ.

ПРАВОЛОВЪ.

Что жъ?

КРИВОСУДОВЪ.

Въ долгъ купить такъ заболитъ и шея;
Наличныхъ же дастъ Богъ.

ПРАВОЛОВЪ.

Когда сія одна
Причина, то. . . . а какъ послѣдняя цѣна?

КРИВОСУДОВЪ.

Три тысячи.

ПРАВОЛОВЪ.

Всего? да это даровое.
Я почиталъ, сударь, по крайней мѣрѣ вдвое.
Повѣрьте мнѣ: я вамъ совѣтую купить.

КРИВОСУДОВЪ.

Я бъ радъ; да ежели мнѣ не чѣмъ заплатить?

ПРАВОЛОВЪ.

Ужъ это не должно тревожить вашу думу.

Я вамъ могу служить: я точно эту сумму
Имѣю, и ее мнѣ некуда дѣвать.

КРИВОСУДОВЪ.

Нѣтъ; я васъ не хочу отнюдь обременять.

ПРАВОЛОВЪ.

Напротивъ, вы меня чрезъ это облегчите;
И не уже ль меня обидѣть захотите?
Вы знаете, я вамъ другъ не съ вчерашня дня
Притомъ же я почти уже вамъ и родня:
Вы за меня отдать вѣдь дочь согласны вашу.

КРИВОСУДОВЪ.

Но, милый, не вошли еще вы въ семью нашу;
А деньги любятъ счетъ; и брать на срокъ въ-
займы. . . .

ПРАВОЛОВЪ.

Да въ этомъ дружески сойдемся съ вами мы:
Вы отдадите мнѣ, какъ лишнія случатся.

КРИВОСУДОВЪ.

Нѣтъ; нѣтъ.

ПРАВОЛОВЪ.

Но у меня онѣ вѣдь залежатся
Позвольте ими вамъ изъ дружбы услужить.
Вотъ всѣ тутъ. (*Даетъ пакетъ.*)

КРИВОСУДОВЪ.

О! нѣтъ, нѣтъ.

ПРАВОЛОВЪ.

И такъ вы оскорбить

Намѣрены меня, когда, сударь, отъ друга
Вамъ не угодна ужъ и малая услуга?

КРИВОСУДОВЪ.

Да какъ?

ПРАВОЛОВЪ.

Не тратьте словъ.

КРИВОСУДОВЪ.

Нельзя вамъ отказать;
Но, ей-ей, совѣстно.... (*беретъ пакетъ.*)

ПРАВОЛОВЪ.

Опять-таки, опять!

КРИВОСУДОВЪ (*встаетъ.*)

Я жъ вамъ росписочку....

ПРАВОЛОВЪ.

Мы съ вами такъ ужъ близки;
И межъ друзей, сударь, какія тутъ росписки?

КРИВОСУДОВЪ.

Вы вяжете меня довѣренностью сей,
Мой милый другъ, сильнѣй, чѣмъ строгость век-
селей.
(*Цалуетъ его.*)

ПРАВОЛОВЪ.

Ни въ малой для сего не будьте вы тревогѣ.
Но эта, чаю, мнѣ деревня по дорогѣ;
Я бъ завернулъ въ нее, чтобъ распорядокъ дать,

И обстоятельно вамъ отрапортовать,
Когда бъ скорѣй меня отправили отселѣ.

КРИВОСУДОВЪ.

Да быть такъ, ужъ добро: на этой же недѣлѣ.

ПРАВОЛОВЪ.

Мнѣ дѣла на словахъ нельзя такъ изъяснить,
Но на бумагѣ все изволите найтить.

КРИВОСУДОВЪ.

Инъ на бумагѣ мы увидимъ все какъ должно.

ПРАВОЛОВЪ.

И такъ, надѣяться уже, уже сударь, мнѣ можно?

КРИВОСУДОВЪ.

Да прочихъ членовъ тожъ вамъ должно попро-
сить.

(*Дѣлая будто считаетъ деньги*)

ПРАВОЛОВЪ.

Они наклонны всѣ мнѣ право присудить;
Лишь вы бъ, сударь!...

КРИВОСУДОВЪ.

Когда ужъ всѣ они согласны;
Инъ ужъ добро; по мнѣ вы будьте безопасны.
Да слышу, вотъ валятъ всѣ гуртомъ къ намъ они.

═

ЯВЛЕНІЕ VI.

КРИВОСУДОВЪ, ПРАВОЛОВЪ, БУЛЬБУЛЬКИНЪ, АТУЕВЪ, РАДБЫНЪ, ПАРОЛЬКИНЪ, ХВАТАЙКО, КОХТИНЪ, ФЕКЛА, СОФІЯ.

(*Члены входятъ въ среднюю дверь, а Фекла съ дочерью съ другой стороны.*

БУЛЬБУЛЬКИНЪ.

Хозяину поклонъ; счастливы долги дни.

АТУЕВЪ.

Желаю здравствовать; усердно поздравляю.

ХВАТАЙКО.

Здоровы съ праздникомъ.

ПАРОЛЬКИНЪ.

Я счастья вамъ желаю.

РАДБЫНЪ.

И-и я по-по-здра-здра-здравляю васъ.

КОХТИНЪ.

Да ниспослетъ Господь тму благъ на всякъ вамъ часъ!

КРИВОСУДОВЪ.

Благодарю, друзья! Жена! проси садиться.

ФЕКЛА.

Покорнѣйше прошу. — (*къ Софіи*) А ты и поклониться
Не смыслишь: — все-таки въ присядку.

БУЛЬБУЛЬКИНЪ.

А! и другъ
Нашъ, Праволовъ, здѣсь.

АТУЕВЪ (*къ Праволову.*)

Что? здорово ль?

ПРАВОЛОВЪ.

Для услугъ.

ПАРОЛЬКИНЪ (*къ Праволову.*)

Да что-то не веселъ?

ХВАТАЙКО.

Вѣдь вашъ онъ челобитчикъ.
(*Всѣ садятся*)

БУЛЬБУЛЬКИНЪ.

Ну, проповѣдь! — Прямой.... этотъ всѣхъ обид-
чикъ. . . .

РАДБЫНЪ.

Но пра-прав-право онъ не безъ при-при-чи-чи-
чины. . . .

БУЛЬБУЛЬКИНЪ.

Другая проповѣдь!

АТУЕВЪ.

И тутъ не жди кончины.

РАДБЫНЪ.

До-до-до-води-дитъ и и-ино-ногда
Насъ пра-пра-правдою до-до-до-сты-стыда

ПРАВОЛОВЪ (*подойдя къ Бульбулькину, тихо.*)

Венгерской Анталъ какъ?

БУЛЬБУЛЬКИНЪ.

Зелёнъ и хлѣбомъ пахнетъ.

ПРАВОЛОВЪ (*Атуеву тихо.*)

Тѣ своры Крымскихъ? —

АТУЕВЪ.

Ну! ужъ братъ! хоть кто такъ ахнетъ.

ПРАВОЛОВЪ (*къ Хватайкѣ тихо.*)

Карета какова? любезный Прокуроръ!

ХВАТАЙКО.

Такъ гибкихъ въ жизнь мою я не видалъ рессоръ.

ПРАВОЛОВЪ (*къ Паролькину тихо.*)

Тѣ съ жемчугомъ часы?...

ПАРОЛЬКИНЪ.

Прекрасно репетуютъ.

КРИВОСУДОВЪ.

А что же новаго по городу толкуютъ?

ПАРОЛЬКИНЪ.

Не знаю правда ли, а громко говорятъ,
Что Губернаторомъ къ намъ будетъ....

БУЛЬБУЛЬКИНЪ.

Кто же? братъ!

ПАРОЛЬКИНЪ.

Слышно, что Правдолюбъ.

КРИВОСУДОВЪ.

О! упаси Владыко!
Вотъ тутъ-то, милые, ужъ въ строку каждо лыко:
Правдивъ, какъ страшный судъ, безмезденъ, капотунъ,
И человѣчества онъ общій опекунъ;
Во всяку входитъ дрянь; чтобъ съ просьбой не втесался.

АТУЕВЪ.

Да право я его ни мало бъ не боялся:
Пусть Губернаторъ онъ; что жъ? намъ онъ не судья:
Не дую въ усъ ему, сидя въ Гражданской я.

БУЛЬБУЛЬКИНЪ.

Да онъ какъ дунетъ въ усъ такъ, слышь, и съ мѣста сдуетъ.
Вѣдь какъ въ Сенатъ кого вчернѣ онъ обрисуетъ,
То покормежный въ мигъ герольдія пашпортъ....

АТУЕВЪ

Да безъ суда меня, хотя бъ онъ самъ былъ чортъ,
Не можетъ осудить.

БУЛЬБУЛЬКИНЪ.

Однако какъ разсудитъ
Заблаго выгнать вонъ, то выйти вонъ принудитъ.

КРИВОСУДОВЪ (*Атуеву.*)

Вѣдь трудно, милый мой, намъ прать противъ рожна!

ХВАТАЙКО.

Послушайте: вотъ вамъ другая новизна:
За взятки, говорятъ, ужъ велѣно....

ПАРОЛЬКИНЪ.

Простите,
Что рѣчь вамъ перебью. Для Бога вразумите,
Какъ можно взятками попасть въ бѣду? вѣдь тутъ
Одинъ для давшаго и для принявшихъ судъ:
Такъ чортъ ли понесетъ кого-нибудь съ доносомъ?

ХВАТАЙКО.

Ты огорошилъ насъ заботливымъ вопросомъ.
Но кратко я на то скажу тебѣ въ отвѣтъ:
Ты развѣ позабылъ, что весь издревле свѣтъ
Все на авось-либо надежду полагаетъ?

КРИВОСУДОВЪ.

А что? жена! гостей вѣдь водка ожидаетъ.
Проси жъ.

ФЕКЛА.

Покорнѣйше....

БУЛЬБУЛЬКИНЪ (*къ Атуеву.*)

Ведите.

АТУЕВЪ (*къ Бульбулькину.*)

Должно вамъ.

КРИВОСУДОВЪ.

Прошу же, милые мои, не по чинамъ.

(Бульбулькинъ и Атуевъ берутъ подъ руки Феклу, Хватайко и Паролькинъ Кривосудова, Кохтинъ Радбына, а Праволовъ Софію, и уходятъ въ боковыя двери.)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

—

ЯВЛЕНІЕ I.

НАУМЫЧЪ и АРХИПЪ.

(*Вносятъ корзину съ бутылками.*)

АРХИПЪ (*поставивъ корзину.*)

Тьфу, пропасть! какъ усталъ! я думалъ надорвуся,
Покуда съ ношей сей на лѣстницу вздеруся.
Ну! барина пока судьи пооберутъ,
Проклятые, меня безвинно надорвутъ.
Ужъ лучше бъ въ ямѣ жить піявкамъ симъ годилось:
Чтобъ съ улицы пустилъ, само бы къ нимъ вкатилось.

НАУМЫЧЪ.

Ну, что ты вопишь, братъ? о чемъ твоя тоска?
О, еслибъ Странчимъ былъ ты хотя полгодка,
То бъ, вѣрно, проклинать не сталъ твою судьбину.
Когда бъ былъ принужденъ нагнуть сто разъ въ день спину;

Верстъ тридцать обѣжать по городу пѣшкомъ
Въ дождь, слякоть иль морозъ и зной бумагъ съ мѣшкомъ;
Предъ солнцемъ на поклонъ не опоздать до Члена;
Ждать часикъ у воротъ, хоть грязь и поколѣна;
И какъ ни гнали бъ прочь, а доступъ получить;
Указовъ наизустъ сто сотенъ затвердить;
Иль просидѣть съ перомъ тутъ ночи безъ засыпу,
А до удушья тамъ въ архивну врыться кипу;
Того ласкать, кого душей нельзя терпѣть;
Отъ всякаго сносить, ко всякому поспѣть;
А что несноснѣе: такъ цѣлы дни поститься,
И всѣхъ перепоить, а самому трезвиться!
Совсѣмъ тѣмъ, послѣ всѣхъ докукъ, трудовъ, хлопотъ,
Какъ дѣло иногда бываетъ въ черный годъ,
Въ непользу барина свихнется сатаною,
То прійдетъ тутъ еще отдуться и спиною.
Вотъ жизнь, какъ ты, мой другъ, Архипушка! молчи;
Поди, и около теленковъ хлопочи.

(Архипъ уходитъ.)

═

ЯВЛЕНІЕ II.

АННА и НАУМЫЧЪ

(разставливаетъ бутылки.)

АННА.

Ну! какъ же тянутъ тамъ! — *(Увидя вино и корзину.)*
Да ба! и это ново!

Вино къ десерту, знать, иль полднику готово.
(*Къ Наумычу*) А вы зачѣмъ?

НАУМЫЧЪ.

Зачѣмъ, не спрашивай; а съ чѣмъ?
Запасецъ этотъ я своимъ принесъ плечемъ.
За то меня, когда бъ была не столько люта,
Ты подарить должна, безцѣнная Анюта!

АННА.

Мнѣ не чѣмъ подарить.

НАУМЫЧЪ.

Хоть малый поцѣлуй.

АННА.

Тьфу! этакой наглецъ!

НАУМЫЧЪ.

Пожалуй же не плюй
Въ колодезь: можетъ быть, испить вѣдь доведется.
(*Хочетъ ее обнять.*)

АННА (*отпихивая его.*)

Поди же, отвяжись.

НАУМЫЧЪ.

Ну! кто слегка такъ бьется?
Коли жъ скупишся ты.... такъ я тебѣ дарю...
(*Хочетъ ее поцѣловать.*)

АННА (*поцѣловавъ свою руку, даетъ ему оплеушину.*)

Инъ, вотъ мой поцѣлуй тебѣ.

НАУМЫЧЪ.

Благодарю.

═

ЯВЛЕНІЕ III.

ФЕКЛА, СОФЬЯ, АННА и НАУМЫЧЪ.

ФЕКЛА (*входя видитъ, какъ Анна Наумычу оплеушину дала.*)

(*Къ Аннѣ*) Что вижу! дерзкая! кто больно такъ дерется?

АННА.

Да онъ, сударыня, невѣдь куда несется....
За вашу же я честь, — не вытерпя, — съ сердца....
Чтобъ онъ съ передняго не заходилъ крыльца
Съ подарками. — (*Указывая на бутылки.*)

НАУМЫЧЪ (*къ Феклѣ.*)

Теперь ея измѣря пяди,
Я буду заходить, сударыня, ужъ сзади.

ФЕКЛА (*къ Аннѣ.*)

Но, дура, не давай ты воли-та рукамъ.
(*Къ Наумычу*) А ты, мой милый другъ, Наумычъ! вѣдь и впрямъ
Что прямо лѣзешь такъ, то дѣлаешь не гоже;
Иному съ стороны покажется похоже
На нѣчто странное, и вѣсть Господь на что̀!

(*Между этимъ Анна ставитъ столикъ съ картами.*)

Спасибо; но поди, чтобъ не увидѣлъ кто.
Какъ изъ-за столика они десертна встанутъ,
И на просторъ сюда гуртомъ ужъ всѣ нагрянутъ,
То приходи и ты.

(*Наумычъ уходитъ.*)

ФЕКЛА *(къ Аннѣ.)*

А ты поторопися,
И стулья для гостей разставь: вотъ оглянися,
Всѣ идутъ.

АННА *(въ сторону.)*

Пьяные.

ФЕКЛА *(услышавъ и замахнувшись на Анну.)*

Знать, хочешь ты румянъ?

═

ЯВЛЕНІЕ IV.

ФЕКЛА, СОФІЯ, АННА, КРИВОСУДОВЪ, ПРАВОЛОВЪ, БУЛЬБУЛЬКИНЪ, АТУЕВЪ, РАДБЫНЪ, ПАРОЛЬКИНЪ, ХВАТАЙКО, КОХТИНЪ и НАУМЫЧЪ

(выходятъ всѣ полупьяные.)

ХВАТАЙКО.

Ну, столъ, ужъ прямо столъ!—Все вмѣстѣ: сытъ
и пьянъ.

ПАРОЛЬКИНЪ.

Десертъ!

БУЛЬБУЛЬКИНЪ.

Напиточки!

АТУЕВЪ.

Откудова что взято!

КРИВОСУДОВЪ.

Нѣтъ; что-то поваръ нашъ сегодня плоховато....

ФЕКЛА.

Немного запился.

БУЛЬБУЛЬКИНЪ.

Да празднику кто радъ,
Тотъ до свѣта ужъ пьянъ. — (*къ Хватайкѣ.*) А
что? не правда ль? братъ!

ХВАТАЙКО.

Пословица не лжетъ.

ПРАВОЛОВЪ.

А тотъ, кто время тратитъ,
Она жъ вѣдь говоритъ, что дорого заплатитъ

ХВАТАЙКО.

Къ чему словцо?

ПРАВОЛОВЪ (*указывая на карты.*)

Къ тому, что множество червей своей
Въ колодахъ сихъ давно свободы ждутъ.

ПАРОЛЬКИНЪ (*къ Кривосудову.*)

Онъ правъ: пора пустить ихъ по зеленому полю
Ну, Прокуроръ, рѣши колодничью неволю;
Тебѣ вступиться долгъ.

КРИВОСУДОВЪ.

Изволь, мой другъ, изволь.
Кто какъ?

ПРАВОЛОВЪ (*раздаетъ карты.*)

Мы наберемъ: я съ вами въ рокамболь,
Совѣтникъ въ помощь вамъ.

(*Указывая на Бульбулькина, который беретъ карту.*)

ПАРОЛЬКИНЪ.

А кто жъ въ заповѣдную?
Я банка не мечу.

ПРАВОЛОВЪ.

Добро; и васъ обдую:
Я дѣлаю вамъ банкъ. Наумычъ, ты мечи;
(*даетъ ему ассигнаціи.*)
Да знаешь, пяль глаза и всячески щечи.

ФЕКЛА.

А кто жъ со мной въ пикетъ?

ПРАВОЛОВЪ.

Сударыня, простите;
Вы нашу партію вѣдь окончать хотите.
Я къ вамъ.—(*Кривосудову*). А за себя, чтобъ васъ не разлучить,
Позвольте моего мнѣ друга посадить.
(*Указывая на Кохтина*).

КРИВОСУДОВЪ.

По мнѣ вы какъ хотя.

БУЛЬБУЛЬКИНЪ.

А я и радъ размѣну.

КРИВОСУДОВЪ.

Какую-жъ нашей мы игрѣ поставимъ цѣну?

ПРАВОЛОВЪ.

Я по пяти рублей; а меньше николи.
(*Къ Кохтину*) Садись, мой другъ, но лишь пожалуй не соли.

БУЛЬБУЛЬКИНЪ.

Да годовой окладъ съ насъ этакъ сбрить изволишь.
Въ три пули, ежели да намъ не помирволишь.

КРИВОСУДОВЪ.

Не горячись: а то и впрямъ бобыль.

БУЛЬБУЛЬКИНЪ.

Я радъ бы; но когда пожалуетъ шпадиль;
Она не документъ: не выбросишь изъ дѣла.

(Всѣ садятся; по срединѣ въ ломберъ играющіе. — На одной сторонѣ Фекла съ Праволовымъ; а на другой играющіе въ банкъ. Близъ Феклы на канапѣ Софія, которая потомъ, сыскавъ тутъ книжку читаетъ).

НАУМЫЧЪ.

Да что же на столѣ наличнаго нѣтъ мѣла?

ХВАТАЙКО.

А много ль въ банкѣ-та наличныхъ?

НАУМЫЧЪ.

Сотни три.

ПРАВОЛОВЪ.

Наумычъ! не ударь ты въ грязь лицемъ, смотри.

ПАРОЛЬКИНЪ.

Какъ ни смотри, ни зги въ двѣ таліи не взвидитъ.

АТУЕВЪ.

А я боюсь, что онъ вельми насъ всѣхъ обидитъ.

ХВАТАЙКО.

Снимайте: полно вамъ пороть-та дребедень.

ФЕКЛА.

А мы по старинѣ? по четверцѣ поэнь?

ПРАВОЛОВЪ.

Когда угодно вамъ.

ФЕКЛА.

И также все съ рефетомъ?

ПРАВОЛОВЪ.

На что, сударыня, и спрашивать объ этомъ.

КРИВОСУДОВЪ.

Жена! рефетомъ ты не замори гостей.

ФЕКЛА.

Ахъ! кстати ль! — Софьюшка! ну! встань по-
чародѣй.
И пуншикъ изготовь.

СОФІЯ.

Ахъ! я вѣдь не умѣю.

ФЕКЛА.

Какая ты и впрямъ! — (*Къ Аннѣ*). А ты что пя-
лишь шею?
Ну, двинься же хоть ты.

ХВАТАЙКО.

Нѣтъ, дама не везетъ.
Такъ атандѣ; авось мнѣ вывезетъ валетъ. —
Тьфу пропасть; соника: и этотъ вонъ изъ кона!

КРИВОСУДОВЪ.

Вотъ штрафъ за то, что ты идешь противъ закона,
И въ запрещенную игру . . .

ХВАТАЙКО.

Да, видно, намъ
Въ нее играть судьба, съ поры той, какъ Адамъ
Въ нее наслѣдное все проигралъ имѣнье.

БУЛЬБУЛЬКИНЪ.

Ха, ха! ха, экой вздоръ! какое заключенье!
Вотъ въ мнѣніяхъ твоихъ всегда подобный вздоръ,
Ты предлагаешь намъ, почтенный Прокуроръ!
Ну! отъ кого, скажи, наслѣдіе Адаму?

ХВАТАЙКО.

Да отъ кого-нибудь, а надобно жъ....

ПАРОЛЬКИНЪ.

Тьфу! даму
Я, слушая вашъ вздоръ, какъ олухъ прозѣвалъ.

ПРАВОЛОВЪ.

Позвольте, чтобы я за Прокурора сталъ.
И я готовъ теперь представить вамъ урода,
Который безъ отца, безъ племени, безъ рода,
Наслѣдіе беретъ: а именно таковъ
Точь въ точь соперникъ мой, молодчикъ Пря-
миковъ.

БУЛЬБУЛЬКИНЪ.

Ну! докажи же намъ; то быть такъ, всѣмъ собо-
ромъ.
Пожалуемъ тебя мы нашимъ Прокуроромъ.

АТУЕВЪ (*въ полголоса*).

Экъ онъ объѣхалъ слѣдъ!

ПАРОЛЬКИНЪ (*въ полголоса*).

Ей, ей, не безъ ума.

ХВАТАЙКО (*въ полголоса*).

Великій тутъ скачокъ, хоть линія пряма!

РАДБЫНЪ (*въ полголоса*).

Отъ Пря-Прямико-кова до-до-Ада-дама?

ПАРОЛЬКИНЪ.

Насилу наконецъ мнѣ выиграла дама.

ПРАВОЛОВЪ (*оборачивается къ нимъ, а между тѣмъ Фекла подбираетъ карты*),

Охотно; и на вашъ я посылаюсь судъ.
Покойный Прямиковъ, и нѣтъ сомнѣнья тутъ,
Имѣлъ лишь одного во всю свою жизнь сына,
Котораго ужъ нѣтъ! скора была кончина.
Гдѣ точно умеръ онъ, вамъ не могу сказать;
Сколь ни желалъ, того не предуспѣлъ узнать.
Но звался онъ Федотъ; такъ вписанъ въ родословной,
И даже у отца такъ названъ и въ духовной.
Сей, напротивъ того, зовется ужъ Богданъ;
И такъ вы видите, что явной тутъ обманъ:
И что чрезъ хищное, неправедное средство,
Федотово къ себѣ Богданъ прибралъ наслѣдство.

НАУМЫЧЪ (*Хватайкѣ*),

Вы лишній уголокъ . . . .

БУЛЬБУЛЬКИНЪ (*Праволову*).

Прямой ты Прокуроръ!
Отдать я долженъ честь.

ХВАТАЙКО (*Бульбулькину*).

Кто я? да я не воръ.

БУЛЬБУЛЬКИНЪ (*Хватайкѣ.*)

Льнетъ развѣ и къ тебѣ?

ХВАТАЙКО.

Не гну и пальца даромъ.

НАУМЫЧЪ (*Хватайкѣ.*)

Берете шутку вы съ такимъ какъ правду жаромъ.

РАДБЫНЪ.

Ра-развѣ Бо-Богданъ не не Фе-Фе-Федотъ?

АТУЕВЪ.

Ты видишь тутъ сбылось: Федотъ-де, да не тотъ.

═

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢ жъ и ПРЯМИКОВЪ.

ПРАВОЛОВЪ (*увидя входящаго Прямикова*).

Что-жъ онъ Богданъ, то хоть у самого спросите.
Да кстати, вотъ онъ самъ.

ХВАТАЙКО.

Чортъ проситъ.

ПРЯМИКОВЪ (*Кривосудову*).

Извините,
Что дружескую я бесѣду помѣшалъ.
Я съ праздникомъ, сударь, поздравить васъ желалъ.
И вамъ, сударыня, отдать мой долгъ.

ФЕКЛА.

Садиться,

Прямиков цѣлует руку Софіи и садится возлѣ нея.

Прошу. — Сюда, прошу ко мнѣ перемѣститься.

ПРЯМИКОВЪ.

Мнѣ хорошо и здѣсь.

КРИВОСУДОВЪ.

Какъ васъ, сударь, зовутъ?

ПРЯМИКОВЪ.

Къ чему вопросъ? — Богданъ.

ПРАВОЛОВЪ (*въ полголоса.*)

Лгу-ль я?

ХВАТАЙКО (*въ полголоса.*)

Тутъ ясный судъ.

ПРЯМИКОВЪ.

А вижу . . . я-было сперва и не примѣтилъ.
Здѣсь кстати моего соперника я встрѣтилъ,
Мы можемъ на словахъ вамъ дѣло объяснить.

КРИВОСУДОВЪ.

Но мы словесныхъ дѣлъ не можемъ вѣдь судить.

ПРЯМИКОВЪ.

Я не суда прошу, а только разсужденья.

БУЛЬБУЛЬКИНЪ.

Да до суда нельзя открыть судейска мнѣнья.

ПРЯМИКОВЪ.

Но правду открывать вамъ не запрещено,

КРИВОСУДОВЪ.

Да не келейно такъ въ дому.

ПРЯМИКОВЪ.

Не всель одно,
Гдѣ вы ее, сударь, и какъ бы ни сыскали?
Но сверхъ того, когда бъ вы истину узнали,
То бы неправаго могли вы устыдить,
И съ нимъ меня, сударь, безъ тяжбы примирить.
Я въ правости моей на судъ вашъ полагаюсь.

КРИВОСУДОВЪ.

Но я, сударь, въ дѣла чужія не мѣшаюсь:
На то вѣдь Совѣстный лишь установленъ Судъ.
Мирить на свѣтѣ всѣхъ ему лишь ввѣренъ трудъ.

НАУМЫЧЪ (*въ полголоса.*)

Мирится; стало быть, не правъ.

ХВАТАЙКО (*въ полголоса.*)

Не правъ, конечно:
Кто за свое пойдетъ мириться?

КРИВОСУДОВЪ.

Я сердечно
Радъ миру; но, сударь, я право вамъ не лгу:
Въ чужія я дѣла мѣшаться не могу.
Вы въ Совѣстный бы Судъ пошли.

ПРЯМИКОВЪ.

Я радъ иттить;
Но милости его не могъ уговорить.

ПРАВОЛОВЪ.

Въ Судъ Совѣстный, сударь, вы, знать, затѣмъ спѣшите,
Что снисхожденье въ немъ къ себѣ сыскать хотите;
А я, безмездіе и истину любя,
Такъ правымъ въ искѣ семъ, по чести, чту себя,
Что спорнаго всего наслѣдства и имѣнья
Достать я не хочу отнюдь изъ снисхожденья;
Но чтобы чистымъ мнѣ предъ цѣлымъ свѣтомъ быть,
Закономъ лишь его желаю получить.

БУЛЬБУЛЬКИНЪ.

Когда бы стали всѣ судящіесь мириться,
На что бъ казнѣ тогда другимъ судамъ платиться?
А плату бравъ, судить должны мы какъ ни есть,
Чтобъ хлѣба царскаго по пустякамъ не ѣсть.

ПРЯМИКОВЪ.

Когда же вы судить хотите непремѣнно....

ПРАВОЛОВЪ.

Я правъ; хотя судить предъ цѣлою вселенной.

ПРЯМИКОВЪ.

То въ краткихъ я словахъ...

КРИВОСУДОВЪ.

Да на бумагѣ мы...

ХВАТАЙКО.

Ахъ! кто бъ избавилъ насъ отъ этой кутерьмы?

ПАРОЛЬКИНЪ.

Не легко принесло!

ПРЯМИКОВЪ.

Вамъ объясню все дѣло;
И если что не такъ, сказать онъ можетъ смѣло.

ПРАВОЛОВЪ.

Но ябедъ, сударь, отнюдь я не ученъ.
Чтожъ я неправедно имѣнія лишенъ,
То мой повѣренный законами вамъ тѣми....

НАУМЫЧЪ (*вскоча съ мѣста.*)

Готовъ вамъ доказать предъ каждымъ и предъ
всѣми.

ПРЯМИКОВЪ (*къ Праволову.*)

Не съ нимъ, а съ вами я бесѣдовать желалъ.

ПРАВОЛОВЪ.

Я неучъ въ ябедахъ. — Уже вамъ разъ сказалъ.

ПРЯМИКОВЪ.

Но изъясняться съ нимъ и подло мнѣ и низко;
Вамъ такъ же, какъ и мнѣ, вѣдь ваше право близко.

ПРАВОЛОВЪ.

Вамъ ближе лихъ оно.

ПРЯМИКОВЪ.

Мнѣ ближе! мнѣ? а какъ?

ПРАВОЛОВЪ.

А такъ, что въ вашихъ все имѣніе рукахъ;
А съ правомъ я моимъ лишь по судамъ таскаюсь.
Моимъ живете вы, — а я лишь разоряюсь.

ПРЯМИКОВЪ.

Но я согласенъ вамъ теперь же все отдать,
Лишь право мнѣ свое извольте доказать.

ПРАВОЛОВЪ.

Я вамъ твержу, сударь, что ябеды не знаю.

ПРЯМИКОВЪ (*нѣсколько горячо.*)

Стократъ васъ менѣе ее я понимаю.
Не ябедничать здѣсь, а правду говорить....

ПРАВОЛОВЪ.

Я вижу, вы меня готовитесь бранить;
Но я вамъ уступлю изъ уваженья къ дому.

ПРЯМИКОВЪ (*съ горячностью.*)

Не брань, а истину....

ФЕКЛА.

Да этому содому,
Какъ вижу я, отнюдь не будетъ и конца.
(*Къ Прямикову*) домъ отпертъ мой, сударь, вѣдь не для наглеца:
Я не стерплю, чтобъ кто гостей въ немъ и словами...

ПРЯМИКОВЪ.

Безвинно виноватъ, сударыня, предъ вами.
Я почитаю васъ и почитаю всѣхъ.
Но словъ хочу ему сказать не больше трехъ,
И не о дѣлѣ семъ, повѣрьте мнѣ, божуся.
(*Провалову, отведя въ сторону.*)
Послушайте.

ПРАВОЛОВЪ.

Ну, что? ни мало не боюся.

ПРЯМИКОВЪ (*въ полголоса.*)

Бояться нечего: я то хочу сказать,
Что ябеды тебѣ не стану запрещать;

Какъ хочешь каверзи, вывертывай указы,
Но если въ домѣ семъ дерзнешь ты дочь любить,
И если вздумаешь ея ты мужемъ быть,
То я тебѣ божусь, что эту тяжбу нашу
Рѣшу тѣмъ, что тебя какъ чорта окарнашу;
И по міру пущу безъ носа, безъ ушей.
Порука сабля въ томъ; повѣрь пожалуй ей;
Она не шутитъ вѣдь. — Ну! помни жъ.

ПРАВОЛОВЪ.

Не забуду.

ПРЯМИКОВЪ.

Помѣхой пиршеству я вашему не буду.
Покорный всѣхъ слуга, — (*Къ Софіи*) а особливо
вашъ.
(*Уходитъ.*)

═

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ жъ, выключая ПРЯМИКОВА.

БУЛЬБУЛЬКИНЪ.

Какой же бѣшеный наглецъ!

ФЕКЛА.

Какая блажь!

ХВАТАЙКО (*Праволову.*)

Да что тебѣ, мой другъ, на память онъ оставилъ?

ПРАВОЛОВЪ.

Такъ ничего: просилъ, чтобъ я себя избавилъ
Отъ нарастающихъ и суетныхъ хлопотъ.

БУЛЬБУЛЬКИНЪ.

Впрямъ, видно, Богомъ данъ тебѣ, братъ, сей Федотъ:
Хлопочетъ о тебѣ какъ другъ.

ПРАВОЛОВЪ.

Да вы шутите....

КРИВОСУДОВЪ.

Бетъ мой....

КОХТИНЪ.

И этотъ вашъ! для Бога пощадите.
Я въ пухъ ощипанъ.

БУЛЬБУЛЬКИНЪ.

А! чужой вѣдь щиплемъ пухъ.

ПРАВОЛОВЪ.

Да чаще каски-та хватай, сердечный другъ!

КОХТИНЪ.

Высокородный всё грандиссимо хватаетъ.

ПАРОЛЬКИНЪ (*Праволову.*)

Душеприсяжный твой кругомъ насъ обираетъ.

ПРАВОЛОВЪ.

Да такъ и надлежитъ. — (*къ Наумычу*). Но кстати ты бы всталъ.
(*Кривосудову.*) Позволитель, чтобъ онъ намъ пуншикъ сработалъ?
Онъ мастеръ.

КРИВОСУДОВЪ

Хорошо.

БУЛЬБУЛЬКИНЪ.

И впрямъ; а то красотка
Насъ какъ на водопой....

НАУМЫЧЪ (*подошедъ къ Аннѣ.*)
Вотъ тамъ въ корзинѣ водка.

ФЕКЛА.

Капотъ.

ПРАВОЛОВЪ.

Такъ истинно.

КРИВОСУДОВЪ.

Да кто жъ?

ПРАВОЛОВЪ.

Да я капотъ.

БУЛЬБУЛЬКИНЪ.

Вотъ это сработалъ проклятый все Федотъ.

РАДБЫНЪ (*къ Хватайкѣ, который подсматриваетъ карты.*)

Что ты, ты кар-кар-кар...

ХВАТАЙКО (*зажимая ему ротъ,*)
Ну, полно же ты каркать.

ПАРОЛЬКИНЪ.

Пора, Наумычъ, слышь; покинь ты съ нейбалакать.

КРИВОСУДОВЪ.

Что жъ, Анна! впрямъ куда ты такъ отъ насъ ушла?
Ты бъ пуншу новаго стаканы поднесла;
А мы бъ тебѣ сполать. —

ФЕКЛА (*Аннѣ.*)
Поди жъ потoропись.

Во все это время Анна подноситъ пуншъ и вино гостямъ, по частымъ знакамъ Феклы: а гости постепенно пьянѣютъ.

АТУЕВЪ.

А, а! доѣхали!

ПРАВОЛОВЪ.

Что?

ПАРОЛЬКИНЪ (*показывая на Наумыча.*)

У него спросися.

НАУМЫЧЪ.

Да что; бѣда, сударь, и я уже капотъ.

ПРАВОЛОВЪ.

Смѣлѣй; лови секурсъ. (*Бросаетъ кошелёкъ.*)

БУЛЬБУЛЬКИНЪ.

Вотъ это все Федотъ.

ПРАВОЛОВЪ.

Да вамъ Федотъ лишь смѣхъ; а мнѣ ужъ съ симъ Федотомъ.

КРИВОСУДОВЪ.

Но что жъ? коли и впрямъ какимъ-нибудь комплотомъ
Богданъ Федотово имѣніе заѣлъ,
Такъ есть на это вѣдь законъ.

КОХТИНЪ.

Ужъ я велѣлъ
Прибрать и вынесть всѣ.

КРИВОСУДОВЪ.

Я чаю, въ уложеньи?...

КОХТИНЪ.

Есть множество, сударь.

ПАРОЛЬКИНЪ.

И также въ учрежденьи?...

КОХТИНЪ.

Имѣется.

БУЛЬБУЛЬКИНЪ.

Нельзя, чтобъ не гласилъ указъ....

КОХТИНЪ.

Гласятъ и многіе.

ХВАТАЙКО.

Яснѣй всего Наказъ
Объ этомъ говоритъ, въ статьѣ той, гдѣ... объ этомъ....

АТУЕВЪ.

Вотъ темна пароли.

ПАРОЛЬКИНЪ.

Тузъ на ряду съ валетомъ.

КРИВОСУДОВЪ.

Вѣдь то же къ этому законъ идетъ и тотъ,
Гдѣ за поступокъ лживъ?...

КОХТИНЪ.

Идетъ сударь! идетъ.

БУЛЬБУЛЬКИНЪ.

И если регламентъ да согласить съ наказомъ...

КОХТИНЪ.

То сходно будетъ все съ помянутымъ указомъ.

ХВАТАЙКО.

Ну, такъ чего жъ? и вамъ весьма короткій судъ.

КРИВОСУДОВЪ.

Федота въ сторону; Богданъ конечно плутъ;
И должно, отобравъ Федотово имѣнье,
Отдать кому есть слѣдъ. Мое такое мнѣнье.

БУЛЬБУЛЬКИНЪ.

И я то жъ мню.

АТУЕВЪ.

И я.

ПАРОЛЬКИНЪ.

И я.

РАДБЫІНЪ.

И-и-и-я.

ХВАТАЙКО.

Съ столь общей мыслію согласна мысль моя.

ПРАВОЛОВЪ.

Благодарю васъ всѣхъ.

КРИВОСУДОВЪ.

Законы всѣ отчасти
Клеятся. —

АННА (*въ полголоса, собирая на полу карты.*)

Станемъ же и мы клеить масть къ масти.

КРИВОСУДОВЪ.

Что жъ пуншу?

ФЕКЛА

Анна! что жъ проворнѣй подноси,
И чаще и кругомъ; да милости проси.

БУЛЬБУЛЬКИНЪ.

Мы скоро у нее ужъ милости попросимъ.

КРИВОСУДОВЪ.

Когда бъ кто пѣсенку. —

ПАРОЛЬКИНЪ.

Да лучше карты бросимъ:
Не стала дама везть.

АТУЕВЪ.

Ты тяжело кладешь.

КРИВОСУДОВЪ *(Хватайкѣ.)*

Любезный Прокуроръ! — Ты хорошо поешь:
Запой намъ.

ХВАТАЙКО.

Радъ душой; да голоса-та нѣту.

КРИВОСУДОВЪ.

Ну, какъ-нибудь.

БУЛЬБУЛЬКИНЪ.

Мы всѣ пристанемъ для комплекту.

ХВАТАЙКО *(поетъ)*

Бери, большой тутъ нѣтъ науки;
Бери, что только можно взять.
На что жъ привѣшены намъ руки,
Какъ не на то, чтобъ брать?

(Всѣ повторяютъ: брать, брать, брать?
(Софія, заткнувъ уши, уходитъ)

КРИВОСУДОВЪ.

Ей браво! хорошо!

ХВАТАЙКО.

Вѣдь самъ сложилъ словца.

БУЛЬБУЛЬКИНЪ.

Да по работѣ какъ ужъ не узнать творца?

ПРАВОЛОВЪ.

А что, схватили?

ПАРОЛЬКИНЪ.

Наконецъ.

(Встаютъ и попиваютъ. Наумычъ имъ подноситъ.)

КОХТИНЪ.

Такой же и моей игрѣ, сударь, вѣнецъ.
Безсчестно проигралъ.

ПРАВОЛОВЪ.

И такъ спустилъ я много!
Но какъ быть! не всегда щечиться изъ чужого.
(смѣется.)

ФЕКЛА.

Не такъ-то много: вотъ почти и нечего.

ПРАВОЛОВЪ.

Да такъ, сударыня, четыреста всего.
(Встаетъ онъ и Фекла.)

ФЕКЛА

Да что же, Анна, ты на стѣны зазѣвалась?
Носи кругомъ; ужъ ты совсѣмъ избаловалась.

БУЛЬБУЛЬКИНЪ.

Насилу вотъ и мы послѣднее беремъ?
Конецъ. — (*Встаютъ и они.*)

ПРАВОЛОВЪ.

А сколько же считается на комъ?

БУЛЬБУЛЬКИНЪ.

Почти что на тебѣ весь счотецъ остается:
Мнѣ двадцать восемь призъ.

КРИВОСУДОВЪ.

Мнѣ сорокъ доведется.
(*Къ Бульбулькину.*) Съ васъ восемь.

БУЛЬБУЛЬКИНЪ.

Такъ.

ПРАВОЛОВЪ.

Ну, я довольно просолилъ.
(*Платитъ Кривосудову и Бульбулькину.*)
Извольте жъ проигрышъ.

КРИВОСУДОВЪ.

Да я бы погодилъ.

ПРАВОЛОВЪ.

Нѣтъ, я люблю платить: вѣдь денежка счетъ любитъ.
(*Платя Бульбулькину, въ полголоса.*)
Мой проигрышъ никто, я чаю, не раструбитъ.

БУЛЬБУЛЬКИНЪ (*въ полголоса.*)

Никто, никто. — (*Къ Кривосудову вслухъ.*) А съ вась по старымъ сколько я?...

КРИВОСУДОВЪ (*вынимая записную книжку.*)

Сочтемъ тотчасъ: при мнѣ записочка моя.

ПРАВОЛОВЪ (*къ Атуеву.*)

И я въ дѣлѣ лишь на васъ надежду неизмѣнну...

АТУЕВЪ (*насилу стоя на ногахъ.*)

Надѣйся на меня какъ на кремлевску стѣну.

ПРАВОЛОВЪ (*къ Паролькину.*)

Могу ли въ дѣлѣ я на васъ?

ПАРОЛЬКИНЪ (*обливъ руку пуншемъ.*)

Хоть согрѣшу,
Пусть высохнетъ рука моя, коли не подпишу.

ПРАВОЛОВЪ (*къ Радбыну.*)

На васъ надѣяться я какъ на друга стану.

РАДБЫНЪ (*указывая на товарищей, попивающихъ и поющихъ: бери...*)

Ужъ отъ-отъ-отъ-отъ нихъ я не от-от-отстану.
(*Выпиваетъ стаканъ.*)

ПРАВОЛОВЪ (*къ Бульбулькину.*)

Позволите ль на васъ надежду въ дѣлѣ класть?

БУЛЬБУЛЬКИНЪ.

Скажи Секретарю. — А онъ что мнѣ подастъ...
(*Кохтинъ подаетъ ему покалъ, а онъ беретъ его и выпиваетъ.*)
То я хоть этими обѣими руками. . . .

ПРАВОЛОВЪ (*къ Хватайкѣ.*)

Я васъ межъ лучшими моими чту друзьями,
И вашей помощи всѣхъ болѣе ищу.

ХВАТАЙКО.

Свахляютъ пусть они. — А я ужъ пропущу. —
(*Выпиваетъ стаканъ.*)

ПРАВОЛОВЪ (*къ Кривосудову.*)

На васъ я въ дѣлѣ ужъ. . .

КРИВОСУДОВЪ.

Да дѣло-то худенько!
Вѣдь штрафъ пятьсотъ рублей, такъ надо бережненько! . . .

ПРАВОЛОВЪ (*дѣлаетъ въ сторону знакъ неудовольствія.*)

(*Ласково.*) Когда случится что, я ихъ плачу за васъ;
Надежны будьте.

КРИВОСУДОВЪ.

Такъ: но лучше бы въ запасъ....
(*Дѣлаетъ будто деньги считаетъ.*)

ПРАВОЛОВЪ.

Такъ я ихъ поутру пришлю въ сохранность вашу.

КРИВОСУДОВЪ (*указывая на членовъ, поющихъ: бери....*)

Инъ быть такъ: — Съ ними ужъ я не порознь глашу.

ПРАВОЛОВЪ (*Кохтину.*)

У всѣхъ теперь ужъ я настроилъ дѣло въ ладъ.
Ты помощь окажи. — А это на въ закладъ.

(*Даетъ ассигнацію.*)

Могу ль надѣяться?

КОХТИНЪ (*подставляя карманъ кафтанной*)

Извольте положить — ся.

ПРАВОЛОВЪ (*ко всѣмъ.*)

Однако не пора ль съ хозяиномъ проститься?

БУЛЬБУЛЬКИНЪ.

Пора; — покойна ночь!

АТУЕВЪ.

Прощайте; ужъ пора.

ХВАТАЙКО.

Слуга вашъ.

Сладка сна!

РАДБЫНЪ.

Пора-ра насъ съ двора.

(*Гости уходятъ обнявшись и припѣвая: бери, бери,... а Фекла и Анна подъ руки отводятъ Кривосудова.*)

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

—

ЯВЛЕНІЕ I.

СОФІЯ и АННА

(*въ спальномъ платьѣ.*)

АННА.

Зачѣмъ, сударыня, вы такъ раненько встали?

СОФІЯ.

Я не могла всю ночь очей сомкнуть съ печали!
Несносный Праволовъ всю ночь мечтался мнѣ.
Покою отъ него мнѣ нѣтъ ужъ и во снѣ!

═

ЯВЛЕНІЕ II.

СОФІЯ, ПРЯМИКОВЪ и АННА.

ПРЯМИКОВЪ.

Не ждалъ я счастія такъ рано тутъ васъ встрѣтить.

СОФІЯ (*въ сторону.*)

Ахъ, еслибъ слезъ моихъ онъ не успѣлъ примѣ-
тить!

ПРЯМИКОВЪ.

Да что! мнѣ кажется вы грусны? — вы въ сле-
захъ!

СОФІЯ.

Нѣтъ: такъ; такъ ничего.

ПРЯМИКОВЪ.

А слезы на глазахъ!
О чемъ грустите вы? сударыня, хоть взгляньте ...

АННА (*Прямикову.*)

Вотъ баринъ съ барыней къ намъ идутъ: пере-
станьте,
Сударь! —

ЯВЛЕНІЕ III.

КРИВОСУДОВЪ, ФЕКЛА, ПРЯМИКОВЪ, СОФІЯ и АННА.

ПРЯМИКОВЪ.

Простите мнѣ столь ранній мой приходъ.
Желанье вамъ служить меня, сударь, ведётъ
Все ваше позабывъ ко мнѣ жестокосердье,
Я поспѣшаю вамъ не лестное усердье,
Привязанность мою на дѣлѣ изъявить;
И хоть васъ, можетъ быть, могу и огорчить

Сей откровенностью; однако же рѣшился
Сказать, что отъ друзей вчера я извѣстился
О предстоящей вамъ опасности: Сенатъ,
По разнымъ жалобамъ, на васъ вошелъ въ докладъ;
И если вы, сударь, умедлите взять мѣры,
То не хорошо. . . .

ФЕКЛА (*отпихивая Кривосудова.*)

Какія же химеры!
Какіе пустяки! Отколь нанесъ вѣстей?
И кто къ намъ въ домъ просилъ непрошенныхъ
гостей?
Невѣдь зачѣмъ, невѣдь откудова ввернулся.
Служивой, батюшка! иль ты ума рехнулся,
Что съ вздоромъ этакимъ втесался ты въ нашъ
домъ?
Отколь въ головушку твою такой содомъ,
Сумбуръ и ералашъ вселился? мой родимой!
Или нельзя воротъ проѣхать нашихъ мимо?
Иль на тебя нашелъ благой не въ пору часъ?

ПРЯМИКОВЪ.

За искренность мою не ожидалъ отъ васъ. . .

ФЕКЛА.

Да съ искренностью сей тебя мы къ намъ не
ждали.
Съ чего тебѣ объ насъ вдругъ хлопоты припали?
Откудова, Богъ вѣсть, зачѣмъ влетѣлъ въ Се-
натъ;
Отколь взялъ жалобы, куда вошелъ въ докладъ;
Какія мѣры брать, аршинны иль саженны?

(*Размахнувъ руками.*)

ПРЯМИКОВЪ.

Напрасно на меня вы столько раздраженны.
Я мнилъ. . . .

ФЕКЛА.

Пожалуй ты, сударь, что хочешь мни,
Но съ дрянью къ намъ такой вперёдъ не загляни.

КРИВОСУДОВЪ (*къ Феклѣ, становясь между ею и Прямиковымъ.*)

Но, милый мой дружокъ, престань же горячиться,
И дай порядочно безъ жару мнѣ спроситься. . . .

ФЕКЛА (*отпихивая Кривосудова.*)

О чемъ тутъ спрашивать? вѣдь тутъ одинъ распросъ,
Одинъ допросъ: зачѣмъ въ нашъ домъ Господь занёсъ?

ПРЯМИКОВЪ.

Для вашей пользы я. . . .

ФЕКЛА.

Трудился безполезно.

ПРЯМИКОВЪ.

Любя вашъ домъ. . . .

ФЕКЛА.

Прошу такъ не любить любезно.

КРИВОСУДОВЪ (*становясь между Феклою и Прямиковымъ.*)

Но дай, жена! Хоть словъ. . . .

ФЕКЛА (*отпихивая Кривосудова.*)

Да что ужъ тутъ болтать?
Пожаловалъ къ намъ въ домъ затѣмъ, чтобъ насъ ругать.

ПРЯМИКОВЪ.

Возможно ль мнѣ ругать!

ФЕКЛА.

Да какъ же не ругаешь?
И жалобами намъ и всѣмъ ты попрекаешь.
Какія жалобы? и жаловался кто?
Когда, какъ, почему, кому, гдѣ, и за что?

ПРЯМИКОВЪ.

Когда изволите, я покажу вамъ ясно. . .

ФЕКЛА.

Показывать ты мнѣ изволишь тутъ напрасно,
Гдѣ нѣчего, хоть будь указка показать.
Да что противу насъ кто можетъ доказать?
Кого мы безъ суда имѣнія лишили?
Кого не по словамъ закона разорили?
Кого?. . .

КРИВОСУДОВЪ (*становясь между Феклою и Прямиковымъ.*)

Позволь, жена, мнѣ только слова три....

ФЕКЛА (*отпихивая Кривосудова.*)

Въ дому лихъ я вольна; въ судѣ ты знай смотри.

ПРЯМИКОВЪ.

Но я. . . .

ФЕКЛА.

Но ты, кто ты? голубчикъ! я не знаю,
Не знала и впередъ знать вѣчно не желаю.
Пріѣхалъ клеветать!

СОФІЯ.

Ахъ, нѣтъ; не клеветать
Онъ, матушка!.. .

ФЕКЛА.

Что? что? тебѣ какая стать,
Безумная! въ дѣла стороннія мѣшаться,
За незнакомаго противъ меня вступаться?
Вотъ по-заморскому намъ воспитали дуръ!
Ты бъ знала свой филе вязать, строчить тамбуръ,
Стучать на кляузахъ, иль гарпой утѣшаться,
А не туда, куда не вѣдаешь, мѣшаться.
Поди жъ, безумная! въ каморку уплетись;
И слышь, мнѣ на глаза день цѣлый не кажись.

(*Софія уходитъ.*)

АННА (*къ Феклѣ.*)

Напрасно на нее....

ФЕКЛА.

И ты туда жъ, скотина!
Знать, около ушей свербитъ твоя личина.
Я всею пятерней ее пощекочу;
И скверный твой языкъ тотчасъ укорочу.
Негодна! сгибни въ мигъ за барышней твоею;
Или ты слышала? я всею пятернею. . .

(*Анна уходитъ бѣгомъ.*)

ПРЯМИКОВЪ.

Мнѣ жаль, сударыня!...

ФЕКЛА.

И мнѣ, сударикъ, жаль,
Что въ домъ нашъ суется не звана всяка шаль,
Затѣмъ, чтобъ этаки намъ причинять досады.

ПРЯМИКОВЪ.

Такъ я оставлю васъ. — (*Уходитъ.*)

ФЕКЛА.

Весьма мы будемъ рады.

═

ЯВЛЕНІЕ IV.

КРИВОСУДОВЪ и ФЕКЛА.

ФЕКЛА.

Насилу съ рукъ сжила! какой же онъ вострякъ!
А на тебя, сударь, наѣхалъ, знать, столбнякъ.
Стоишь, какъ словно пень: не шевелишь языка;
Все стряпай за тебя отъ мала до велика.

КРИВОСУДОВЪ.

Ну, хорошо же ты настряпала теперь
По шеѣ чуть его не вытолкнула въ дверь.
Ну, было ли за что такъ сильно разсердиться?
Онъ, можетъ быть, и впрямъ хотѣлъ намъ под-
служиться,
А ты, не распрося, откуда, кто таковъ?...

ФЕКЛА.

Вздоръ; я узнала вѣдь, что это Прямиковъ,
И что онъ лишь затѣмъ въ домъ нашъ и завернулся,
Чтобы пустыхъ его ты бредней ужаснулся,
И Праволову бы въ рѣшеньи измѣнилъ.
Но плохости твоей онъ умыслъ сочинилъ.
Провѣдалъ, видно, онъ, что ты трусливой роты.

КРИВОСУДОВЪ.

Хоть это и пустякъ, однако безъ заботы
Съ дѣлами нашими, жена, не можно жить:
Чему не должно бы, иногда то можетъ быть
Ты знаешь, вѣдь, и заячія уши
Рогами назовутъ, то пойдутъ уши тпруши.

ФЕКЛА.

Вотъ трусость ты свою самъ назвалъ пустякомъ,
А въ тотъ же самый мигъ явился русакомъ;
Но старое дитя, скажи мнѣ, какъ не стыдно
Вдругъ струсить отъ того, что ложно очевидно?
Отколь молодчику извѣстенъ сталъ Сенатъ?
Откуда знать ему, что онъ вошелъ въ докладъ?
И какъ, не разсудя сперва, не разсмотряся,
Идти докладывать, уму не доложася?
Да и докладывать о чемъ? скажи, родной!
Дѣла твои текутъ своею чередой,
Какъ и вездѣ: такъ тутъ о чемъ и доложиться? —
Вѣдь всей святой Руси въ докладъ не помѣститься;
И съ этой стороны спокойся; такъ о чемъ
Еще? о взяточкахъ? — такъ мы лихъ не беремъ:
А принимаемъ лишь, что насъ принять неволятъ.

КРИВОСУДОВЪ.

Жена! я ужъ сказалъ: не вѣчно слышь мирволятъ.
Не все двуличную даетъ расправу судъ;
Ино вѣдь взятками пріемы назовутъ,
И такъ какъ....

ФЕКЛА.

Нѣтъ лихъ, нѣтъ; не назовутъ, божуся
Да какъ не видишь ты, тому вотъ я дивлюся,
Что симъ враньемъ тебя лишь хочетъ онъ отвесть
Отъ Праволова? —

КРИВОСУДОВЪ.

Но, жена, какъ тутъ да есть....

ФЕКЛА.

Нѣтъ ничего; а что и есть, то все пустое.

КРИВОСУДОВЪ.

Что ни наесть....

ФЕКЛА.

Ну, слышь нѣтъ ничего.

КРИВОСУДОВЪ.

Такое....

ФЕКЛА.

Такого ничего, слышь нѣтъ.

КРИВОСУДОВЪ.

То будешь ты....

ФЕКЛА.

Пока я буду что; а это пустоты.

КРИВОСУДОВЪ.

Виною. . . .

ФЕКЛА.

Инъ быть такъ; но этой новизною,
Пустыми страхами и вздорной чепухою,
Пожалуй перестань мнѣ голову ломать.
Иль хочешь ты меня и съ свѣта ужъ согнать?
(*Съ жаромъ.*)

КРИВОСУДОВЪ.

Ну, инъ добро, мой другъ, не стану, успокойся.
Я лишь боюсь. . . .

ФЕКЛА (*зажимая ему ротъ.*)

Еще, пожалуй же не бойся
Того, что вертопрахъ нарочно съ вѣтра вретъ.
Да вотъ Наумычъ къ намъ съ Секретаремъ идетъ.
Пожалуй же, мой другъ, для страха ты пустова
Въ ихъ дѣлѣ не скриви ужъ даннаго разъ слова.
Припомни, что онъ другъ, и какъ всегда онъ
намъ . . .

КРИВОСУДОВЪ.

Добро; ну!

═

ЯВЛЕНІЕ V.

КРИВОСУДОВЪ, ФЕКЛА, КОХТИНЪ и НАУМЫЧЪ.

НАУМЫЧЪ.

Господинъ мой приказалъ мнѣ вамъ
Поклонъ отдать, сударь, нижайшій съ симъ паке-
томъ.

КРИВОСУДОВЪ,

(*Распечатываетъ письмо; ассигнаціи падаютъ. Фекла отпихиваетъ всѣхъ и сама подбираетъ.*)

Что это?

НАУМЫЧЪ.

Онъ въ письмѣ семъ пишетъ вамъ объ этомъ.

ФЕКЛА.

Знать, проигрышъ?

НАУМЫЧЪ.

Никакъ, сударыня, а штрафъ.
Когда не будетъ онъ въ своемъ процессѣ правъ.
Такъ въ немъ увѣренъ онъ!

КРИВОСУДОВЪ.

Онъ пишетъ и о дѣлѣ.
(*Къ Кохтину.*) А что же? вѣдь на сей хотѣли мы недѣлѣ . . .
Я думаю, экстрактъ до этихъ поръ готовъ?

КОХТИНЪ.

Сегодня подписалъ его ужъ Прямиковъ.

КРИВОСУДОВЪ.

Прибавилъ что-нибудь?

КОХТИНЪ.

Нѣтъ, онъ просилъ убавить;
Но я не захотѣлъ его тѣмъ позабавить.

КРИВОСУДОВЪ.

Законы?

КОХТИНЪ.

Пріискалъ и всѣ поставилъ въ рядъ.

КРИВОСУДОВЪ.

Такъ чтобъ не волочить, ужъ можно и въ докладъ?

НАУМЫЧЪ.

Нижайше просимъ мы безъ дальней проволочки...

КРИВОСУДОВЪ.

(*Къ Кохтину.*) Добро; ты къ слушанью сегодни-жъ
безъ отсрочки
Представь. Лиха бѣда намъ выслушать, а тамъ
Въ минуту приговоръ.

КОХТИНЪ (*подавая бумагу.*)

Когда угодно вамъ,
Сударь, осмѣлюся нижайше доложиться...
Чтобъ время выиграть и меньше вамъ трудиться,
Я предварительный журналецъ началилъ;
Съ законами его и съ дѣломъ согласилъ,
Наипаче же, сударь, съ вчерашнимъ общимъ
мнѣньемъ.

КРИВОСУДОВЪ.

Торопишь дѣло ты ужъ съ лишнимъ поспѣшеньемъ.

НАУМЫЧЪ.

Мы просимъ васъ, сударь, не отлагать въ даль
судъ:
Желѣзо вѣдь пока лишь горячо куютъ.
(*Дѣлаетъ будто деньги считаетъ.*)

КРИВОСУДОВЪ (*Беретъ бумагу.*).

Ну! да добро: подай; увидимъ: (*Читаетъ.*)—При-
казали....
Читаетъ тихо — а потомъ громко.

«И Праволова искъ формально оправдали,
«Въ согласье для сего изданныхъ точныхъ правъ,
(*Къ Кохтину.*) Ихъ нѣтъ.

КОХТИНЪ.

Я въ протоколъ ихъ всѣхъ впишу, собравъ.

КРИВОСУДОВЪ.

Инъ быть такъ, хорошо; возьми.
(*Подаетъ бумаги Кохтину.*)

НАУМЫЧЪ.

Мы всенижайше
Благодаримъ, сударь, за изволенье ваше;
И баринъ мой вамъ въ вѣкъ не можетъ отслужить
Всего, чѣмъ вы его изволите должить.
Но смѣю-ль я еще покорное прошенье...
(*Къ Кохтину.*) Не въ гнѣвъ. — (*Къ Кривосудову.*)
Тутъ малое, сударь, есть упущенье:
Не упомянуто отнюдь о пожилыхъ.
Мы въ правѣ требовать по крайней мѣрѣ ихъ.
Что мы убытчились въ семъ искѣ по премногу,
То вѣдомо, сударь, вамъ и Всевѣдцу Богу.

КРИВОСУДОВЪ (*Кохтину.*)

Да что же? дѣло бъ впрямъ ужъ сдѣлать намъ
съ концомъ.

КОХТИНЪ.

Исправлю все, сударь, единымъ я словцомъ.
(*На спинѣ Наумыча пишетъ и читаетъ.*
« А какъ толь долго онъ не пользовавшись онымъ;
(*Къ Кривосудову.*) Имѣньемъ сирѣчь.

КРИВОСУДОВЪ.

Ну! прибавь еще, законнымъ.

КОХТИНЪ (*пишетъ и читаетъ; а Наумычъ между тѣмъ подаетъ ему украдкою ассигнаціи.*)

«Законнымъ многіе убытки въ сей процессъ,

КРИВОСУДОВЪ.

И незаконные.

КОХТИНЪ (*пишетъ и читаетъ.*)

«И незаконны несъ:
«То оные искать съ Богдана Прямикова.

КРИВОСУДОВЪ.

Пиши взыскать.

КОХТИНЪ (*пишетъ и читаетъ.*)

«Взыскать, или съ его другова
«Именья, истцу симъ предоставляетъ судъ. —
Законы подведу я послѣ.

КРИВОСУДОВЪ:

И все тутъ.

НАУМЫЧЪ.

Нижайше мы, сударь, благодаримъ.

КРИВОСУДОВЪ (*Кохтину.*)

Подите;
И это на-бѣло переписать велите.

КОХТИНЪ (*Наумычу.*)

Ты Регистратору отдай лишь моему;
Да чтобъ не показалъ отнюдь онъ ни кому.

НАУМЫЧЪ.

Какъ разъ исполню все. — Слуга вашъ все-
покорный.
(*Уходитъ.*)

═

ЯВЛЕНІЕ VI.

КРИВОСУДОВЪ, ФЕКЛА и КОХТИНЪ.

КРИВОСУДОВЪ (*къ Кохтину.*)

А ты, послушай-ка. Слухъ, можетъ быть, и вздорный
Пронесся, будто бы противу насъ Сенатъ
Мудреный нѣкакій недавно взнесъ докладъ
О взяткахъ, о дѣлахъ рѣшенныхъ здѣсь неправо.

КОХТИНЪ.

Вотъ на! какой же духъ на насъ донесъ лукавой?

КРИВОСУДОВЪ.

Я этого всего не могъ развѣдать вдругъ.
Но ты поистиннѣ скажи мнѣ, милый другъ,
Какое дѣло мы оплошно такъ рѣшили,
Чтобъ внутренности всей наружностью не скрыли?
Я-такъ ни одного припомнить не могу.

КОХТИНЪ (*потирая спину.*)

Хотъ исповѣдаться, не помню, не солгу.

ФЕКЛА.

Да этому и быть не можно.

КРИВОСУДОВЪ.

Ахъ! помилуй,
Жена, оставь ты насъ: мы лучше знаемъ силу
Въ дѣлахъ, чѣмъ ты.

ФЕКЛА.

Нѣтъ лихъ; не хуже знаю я.
Вѣдь что гдѣ, какъ принять, забота лишь моя;
Но пусть на мѣстѣ гнѣвъ Господень покараетъ,
Когда десница вѣсть, что шуица хватаетъ.

КРИВОСУДОВЪ (*Кохтину.*)

Послушай-ка: теперь вспадаетъ мнѣ на умъ.
Ты помнишь ли, какой великой вышелъ шумъ
О векселѣ, что̀ я велѣлъ на оборотѣ
Подчистить?

КОХТИНЪ.

Ахъ! сударь, въ напрасной вы заботѣ:
Подчистилъ я одинъ. — Отвѣтчикъ въ споръ
вошелъ. —
На истца своего онъ подозрѣнье взвелъ,
Что надпись онъ скоблилъ о вексельной уплатѣ;
А по законамъ вы рѣшили споръ сей кстатѣ,
Къ уничтоженію сей вексель присудя.

ФЕКЛА (*Кривосудову*)

Такъ что жъ? ты виноватъ тутъ столько жъ,
какъ и я.

КОХТИНЪ.

Притомъ не вексель мы вѣдь, сударь, подскоблили:
Бумагу чистую.

ФЕКЛА.

Такъ чѣмъ вы согрѣшили?
Бумагу чистую не ужъ ли грѣхъ скоблить?
Великая бѣда!

КРИВОСУДОВЪ.

Добро, инъ такъ и быть.

КОХТИНЪ.

Приходитъ нѣчто мнѣ еще на помышленье.
Вы тяжбу помните за Простина имѣнье,
За кое Праволовъ совсѣмъ стороннимъ бывъ,
И имя Простина въ процессѣ позабывъ,

Условясь хитростно, искалъ на Чужпродава,
Который не имѣлъ то жъ никакова права
Къ сему имѣнію; — а мы, не разобравъ
Чье спорное село, безъ дальнихъ всѣхъ расправъ,
Въ отлучку Простина, тѣмъ сей процессъ рѣшили,
Что тяжущимся двумъ чужое присудили;
Которое они дѣлятъ ужъ пополамъ. —
Что̀ Простинъ возгласитъ, не понимаю самъ.

КРИВОСУДОВЪ.

Пускай онъ возгласитъ теперь ужъ что захочетъ,
Когда онъ о себѣ такъ мало самъ хлопочетъ.
Такъ что за нужда намъ о немъ тутъ хлопотать?
Судьи мы. — Долгъ на̀шъ есть лишь только то и знать,
Что на бумагѣ намъ представятъ на сужденье.
Какъ смѣть намъ знать самимъ, что спорное имѣнье
Не тяжущимся двумъ, тебѣ принадлежитъ?
На это надобенъ какой-нибудь намъ видъ;
А безъ того рѣшимъ, безъ дальнихъ всѣхъ разсказовъ,
Процессъ межъ двухъ сторонъ по строгости указовъ.
Когда же оба споръ лишь о чужомъ вели,
Какъ быть!

ФЕКЛА.

Зло сильно такъ возникло на земли,
Что споритъ о чужомъ одинъ, гдѣ два лишь спорятъ;
Такъ дивно ли, когда два о чужомъ завздорятъ?

КОХТИНЪ.

Какое диво тутъ?

ФЕКЛА.

Да полно все пустякъ.
Вѣдь испугался онъ пустыхъ насущныхъ вракъ,
Которыя ему дошли отъ Прямикова.

КОХТИНЪ.

Какъ? эта грозна вѣсть отъ этова пустова
Враля къ вамъ принеслась? ну! ужъ правдива вѣсть!
Онъ запугать лишь васъ хотѣлъ чѣмъ ни на есть.

КРИВОСУДОВЪ.

Нѣтъ этимъ онъ меня ни чуть не запугаетъ.
Но всячина, мой другъ, на свѣтѣ вѣдь бываетъ.
Довольно простоты на кажда мудреца;
А умудряетъ Богъ инова и слѣпца.

КОХТИНЪ.

Но этого, сударь, не умудрилъ, божуся.

ФЕКЛА.

Да что! ты трусъ!

КРИВОСУДОВЪ.

Я, право, не боюся:
Ты видѣла, что я ужъ написать велѣлъ:
Дѣлецъ, голубушка, познается отъ дѣлъ.

ФЕКЛА.

А тутъ теперь безъ дѣлъ проходитъ только время ....

КОХТИНЪ.

На шеѣ у меня дѣлъ цѣлое беремя ....
Когда вамъ нужды нѣтъ меня здѣсь удержать,
То бъ я пошолъ велѣть скорѣй переписать.

ФЕКЛА (*Кривосудову.*)

Пусти его, мой другъ.

КРИВОСУДОВЪ (*Феклѣ.*)

Охъ, какъ ты ужъ пристала!
(*Кохтину.*) Ну, инъ поди. Но слышь, чтобъ намъ не ждать журнала. —
(*Кохтинъ уходитъ.*)

═

ЯВЛЕНІЕ VII.

КРИВОСУДОВЪ и ФЕКЛА.

КРИВОСУДОВЪ.

Жена, довольна-ль ты? смотри, я подаюсь;
Но истину сказать я ей же ей боюсь.

ФЕКЛА.

Ты все-таки одно: привыкъ всего пугаться
Вѣдь не ходить и въ лѣсъ, когда волковъ бояться.

КРИВОСУДОВЪ.

Хоть не боялся я до сей поры волковъ;
Но чѣмъ вѣдь дальше въ лѣсъ, тѣмъ болѣ найдешь дровъ:
И но чтобъ не зайтить въ таку глухую пущу!

ФЕКЛА

Сегодня ты съ утра лишь пустошь мелешь сущу.
Похмѣлье, знать, еще въ головушкѣ шумитъ
Пойдемъ-ка; гданская-татъ водочка стоитъ
На шкафикѣ моемъ близъ твоего взголовья,
Такъ чарочку хлебни для добраго здоровья,
И чтобъ изъ головы напрасной вышелъ страхъ.

КРИВОСУДОВЪ.

Пойдемъ; дѣла ломать впрямъ трудно натощакъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

АННА и ДОБРОВЪ.

ДОБРОВЪ (*видя разброшенныя бутылки и прочая.*)

Ба, ба! да это что? — Что за трактирна стойка?
Какъ вижу, тутъ была изрядная попойка;
И не пирушка, а полновѣсный пиръ.
Какой разстроенный бутылочный ранжиръ!
Знать, рѣчками вездѣ текло вино и пиво,
И не оскудѣвалъ сей чанъ пуншеточивой.
Скажи, какъ клюковки всѣ гости налились?

АННА.

Что называется: до положенья ризъ.
По лѣстницѣ къ крыльцу ужъ не сошли, спустились;
И чадомъ вейновымъ такъ сильно зарядились,
Что не опомнятся, я думаю, дни въ три.

ДОБРОВЪ.

Не такъ оплошные они богатыри:
Вѣрь, что хоть на-пролетъ всеночну пропун-
шуютъ,
Проспавшись, какъ ни въ чемъ, вновь мертву чашу
дуютъ;
И что не клюнувши и чарки и другой,
Въ судъ ни одинъ изъ нихъ не ступитъ и ногой.
Да, кажется, почти и время имъ сходиться.

АННА.

Ах-ти, такъ надобно и мнѣ поторопиться
Слѣды вчерашняго присутствія прикрыть,
И Бахусовъ кагалъ въ судейску превратить.
(*Она поливаетъ комнату, взявъ стаканъ изъ стола.*)

ДОБРОВЪ.

Напрасные труды, не токмо что простые,
Но цѣлый хоть ушатъ разлей воды святыя,
То ябедничьихъ здѣсь не смоешь ты проказъ.
Послушай: окрещенъ кто ужъ въ чернилахъ разъ,
Тотъ черкъ останется, хоть мой въ Іорданѣ.

АННА.

Да это не вода: остался пуншъ въ стаканѣ.
Пусть пьетъ судейское питье судейской полъ.

ДОБРОВЪ.

Резонъ! —

АННА.

Прошу помочь поставить къ мѣсту столъ.

ДОБРОВЪ (*ставитъ съ нею столъ по срединѣ.*)

Охотно.

АННА.

А куда дѣвать бутылки?

ДОБРОВЪ.

Строемъ
Поставя ихъ подъ столъ, суконцемъ симъ прикроемъ.
Вѣдь множество оно привыкло прикрывать
И не такихъ грѣховъ!

АННА.

А какъ? прошу сказать.

ДОБРОВЪ.

Вотъ какъ: когда судья желаетъ, чтобъ чье дѣло
Лѣтъ нѣсколько на свѣтъ Господній не глядѣло,
То онъ его кладетъ подъ красное сукно;
А тамъ — спокойна ночь; лежи и прѣй оно.

АННА.

Добро жъ, поставимъ ихъ подъ скромно покрывало;
Но лишь боюсь, чтобъ все тутъ цѣло устояло.

ДОБРОВЪ.

То правда, что нельзя навѣрно утвердить:
Судейское чутье исправно.

АННА.

Такъ и быть;
Хозяинъ будетъ самъ сидѣть на караулѣ;
Вѣдь видитъ съ креселъ онъ, что крадетъ кто на стулѣ?

ДОБРОВЪ.

Не завсегда: ино онъ смотритъ лишь на то;
Не надзираетъ ли за нимъ со стула кто?

АННА.

Мудрёнъ свѣтъ! Но мы все порядкомъ учредили:
Когда бъ, какъ этотъ столъ, такъ чисты судьи
были!

ДОБРОВЪ.

Потише: берегись; вотъ къ намъ валитъ весь судъ.

АННА (*уходя.*)

Что вижу, правдѣ матъ они теперь дадутъ.

═

ЯВЛЕНІЕ II.

КРИВОСУДОВЪ, БУЛЬБУЛЬКИНЪ, АТУЕВЪ, ПАРОЛЬКИНЪ, РАДБЫНЪ, КОХТИНЪ и ДОБРОВЪ.

КРИВОСУДОВЪ.

Прошу пожаловать.

АТУЕВЪ.

Нѣтъ; вамъ впередъ довлѣетъ:
Вы намъ глава.

БУЛЬБУЛЬКИНЪ.

Ну, впрямъ глава сія умѣетъ
Хоть чью бы ни было головушку вскружить,
Когда путемъ кого захочетъ угостить;

Какъ я ни скромничалъ, и какъ ни укрѣплялся,
Но ей, не помню какъ съ вчерашнимъ днемъ раз-
стался.

КРИВОСУДОВЪ.

Изволите шутить.

ПАРОЛЬКИНЪ.

Подите съ шуткой прочь.
Я изъ кареты вонъ не вылѣзъ цѣлу ночь —
Такъ ноги спуталъ мнѣ вашъ этотъ пуншъ про-
клятой.

КРИВОСУДОВЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, я угощалъ васъ право плоховато;
И ужинъ позабылъ.

БУЛЬБУЛЬКИНЪ.

Да можно ль было ѣсть?
При винахъ этакихъ ужъ ужина не въ честь.

РАДБЫНЪ.

Вольно же вамъ не по-по-по-ви-но-новаться;
Я вамъ го-го-говорилъ пора-ра убираться.

КРИВОСУДОВЪ.

Но, милые мои, не часъ ли засѣдать? *(Садятся.)*

БУЛЬБУЛЬКИНЪ.

Извольте, я готовъ теперь дѣла ломать.

ПАРОЛЬКИНЪ.

Не поломаешь всѣхъ: скопилось ихъ довольно.

КРИВОСУДОВЪ.

Повытчикъ, ну, возьми, читай реестръ настольный.

ДОБРОВЪ (*читаетъ.*)

«Корнета Скудова искъ за наслѣдный домъ,
«Отнятый у него Секретаремъ Драчомъ. —
(*Говоритъ.*) Ужъ третій годъ лежитъ въ повытьѣ это дѣло.

КРИВОСУДОВЪ.

О! мимо; пусть лежитъ еще три года смѣло,
Авось-либо тогда рѣшимъ его судьбу. —
Онъ домомъ смѣлъ назвать пребѣдную избу.

ДОБРОВЪ (*читаетъ.*)

«Искъ вексельной Луки Ссудихина маіора
«На Володиміра Хватайка Прокурора. —

КРИВОСУДОВЪ.

Ахъ! мимо; поскорѣй, скорѣй брось этотъ вздоръ.
Помилуй, намъ всего нужнѣе Прокуроръ.

ДОБРОВЪ (*читаетъ.*)

Черезъ опекуна прошенье Бѣдняковыхъ,
О выкупѣ двухъ селъ наслѣдственныхъ отцовыхъ,
На подполковницу Чужхватову, вдову
Ирину....

КРИВОСУДОВЪ (*Доброву.*)

Съ дѣломъ симъ я послѣ призову.
(*Членамъ.*) Реченная, друзья, скажу межъ насъ, вдовица,

Намѣстнику она вѣдь внучатна сестрица:
Онъ жалуетъ ее; — такъ, знаете — впередъ!..

БУЛЬБУЛЬКИНЪ.

Ну, береженаго и Богъ вѣдь бережетъ.

КРИВОСУДОВЪ (*Доброву.*)

Ну!

КОХТИНЪ (*вырываетъ реестръ у Доброва и читаетъ, перевернувъ нѣсколько листовъ.*)

Искъ ассессора Ефрема Праволова
На подполковника Богдана Прямикова.

КРИВОСУДОВЪ.

Вотъ это кстати бы сегодня разобрать.

БУЛЬБУЛЬКИНЪ.

Добро.

РАДБЫНЪ.

Хо-хорошо.

ПАРОЛЬКИНЪ.

И впрямъ.

АТУЕВЪ (*Кохтину.*)

Вели подать.

КОХТИНЪ (*Доброву.*)

Тамъ это на столѣ лежитъ оно особно.

КРИВОСУДОВЪ (*Доброву.*)

Поближе; внятнѣе читай.

ДОБРОВЪ (*читаетъ.*)

«Экстрактъ подробной.
«Своею жалобой ассессоръ Праволовъ
«Изобразилъ: маіоръ покойный Прямиковъ,
«Скончавшись, все свое наслѣдное имѣнье,
«Которому всему подробно означенье,
«Приложено при семъ, ближайшему роднѣ
«Оставилъ по своей покойной же женѣ;
«А именно, Ѳомѣ маіору Чужпродаву.
«Сей, по наслѣдственну и по законну праву,
«Имѣнье оное все истцу уступилъ,
«И крѣпость на судѣ, какъ должно, утвердилъ.
«Законный срокъ прошолъ и спора не явилось.
«Когда жъ просителю заблаго разсудилось
«Во обладаніе имѣній тѣхъ ввойтить,
«Чтобъ съ нихъ законные доходы получить,
«То нѣкакой Богданъ, названье Прямикова,
«Не предъявя къ тому предлога никакова,
«Взявъ, сыномъ самъ себя роднымъ его назвалъ,
«И истцу оныхъ всѣхъ имѣній не давалъ....

КРИВОСУДОВЪ.

Примѣтьте — Не давалъ.

БУЛЬБУЛЬКИНЪ.

Ну! не давалъ, вѣстимо.

КРИВОСУДОВЪ.

Какъ это зло могло закономъ быть терпимо?
(*Къ Доброву.*) Читай.

ДОБРОВЪ (*читаетъ.*)

«Хотя жъ тогда проситель этотъ споръ
«Разрушилъ, доказавъ, что Прямиковъ маіоръ
«Имѣлъ лишь одного во всю свою жизнь сына,
«Федота, коего скора была кончина. . . .
«Затѣмъ, что онаго нѣтъ болѣе въ живыхъ.
«Но не уважа судъ доводовъ таковыхъ,
«Имѣніе за симъ Богданомъ же оставилъ,
«И нѣсколькихъ дворянъ въ томъ присягнутъ заставилъ,
«Что Прямикова сей Богданъ законный сынъ,
«И всѣмъ имѣніямъ наслѣдникъ лишь одинъ.
«Проситель, таковымъ обиженный рѣшеньемъ,
«Съ вторичнымъ жалобнымъ на то вступилъ прошеньемъ.
«Когда жъ и тутъ ему судъ въ правѣ отказалъ,
«То апелляцію до срока онъ прислалъ,
«Въ которой наконецъ доказываетъ ясно,
«Что Прямикова съ нимъ духовная согласно
Федота одного за сына признаетъ;
«А о Богданѣ въ ней ниже полслова нѣтъ,
«Которымъ именемъ отвѣтчикъ сей зовется;
«Въ чемъ на свидѣтелей онъ безпристрастныхъ шлется,
«На подпись собственну по всѣмъ дѣламъ его,
«На совѣсть чистую Богдана самого,
«И даже на его маіорскіе патенты. —
«А какъ гдѣ письменны найдутся документы
«Тамъ дѣйствовать уже присяги не должны. . . .

(*Между тѣмъ Члены, нашедъ бутылки подъ столомъ, одну ногами повалили.*)

БУЛЬБУЛЬКИНЪ.

Инъ память вѣчная ему.

ПАРОЛЬКИНЪ.

И въ доброй часъ.

АТУЕВЪ.

Экъ спрятали куда остаточный запасъ.

ПАРОЛЬКИНЪ.

Пошарька, нѣтъ ли картъ: такъ мы бъ переметнули.

БУЛЬБУЛЬКИНЪ.

Будь сытъ тѣмъ, что вчера съ Наумыча вы сдули.

ПАРОЛЬКИНЪ.

Да ты не видѣлъ вѣдь какъ даму я пригнулъ:
Десяткомъ рубликовъ за банкъ перешагнулъ.

КРИВОСУДОВЪ (*Доброву.*)

Постойка. (*Къ Членамъ.*) Кстати тутъ весьма при-
ведены
Патенты штабскіе. Тутъ имя вѣдь прямое...
Такъ что онъ ни толкуй, ужъ, вѣрно, все пустое.
Вотъ важный пунктъ!

БУЛЬБУЛЬКИНЪ.

И впрямъ.

КРИВОСУДОВЪ (*Доброву.*)

Ну, далѣ.

ДОБРОВЪ (*читаетъ.*)

«Не должны;
«А какъ судомъ они неправедно даны,
«То должно ихъ почесть въ семъ дѣлѣ за не-
важныхъ;
«А присягателей всѣхъ за криво-присяжныхъ:
«Богдану-жъ съ сей поры указомъ запретить
«Чужое прозвище безправно впредь носить,
«А Прямикова всѣ имѣнія и села
«Отдать просителю.

КРИВОСУДОВЪ.

Тутъ явна правость дѣла.

БУЛЬБУЛЬКИНЪ.

Какъ солнце ясное. —

ПАРОЛЬКИНЪ.

Правъ безъ обиняковъ.

АТУЕВЪ.

Да вѣдь на истину не много нада словъ.

КРИВОСУДОВЪ.

Тутъ правда сущая во всѣхъ словахъ примѣтна.
Но что-то возвѣститъ намъ сторона отвѣтна?

ДОБРОВЪ (*читаетъ.*)

«А Прямиковъ Богданъ передъ судомъ сказалъ
«На все сіе: — хотя проситель показалъ,
«Что за кончиною маіора Прямикова
«И сына-де его постигла смерть роднова,
«Но утвердить сего онъ, истецъ, не успѣлъ
«Ни чрезъ свидѣтелей, ниже изъ гласныхъ дѣлъ.
«Сколь совѣсть ни ломалъ, сколь въ ябедѣ ни рылся:
«А напротивъ того, лишь только въ судъ явился,
«То ясно доказалъ....

КОХТИНЪ (*вырывая бумаги у Доброва.*)

Но ты сталъ бормотать.
Подай мнѣ: слушай же, и научись читать.

КРИВОСУДОВЪ.

И впрямъ прочти-ко ты, а то онъ такъ не внятно...

БУЛЬБУЛЬКИНЪ.

Коли ужъ что читать такъ должно акуратно.

КОХТИНЪ (*невнятно читаетъ кашляя, останавливаясь, и проч.*)

«А Прямиковъ Богданъ передъ судомъ сказалъ

«На все сіе хотя. — Проситель показалъ.
«Что за кончиною Маіора; Прямикова
«И сына-де его: постигла смерть роднова
«Но утвердить сего онъ истецъ не успѣлъ
«Ни чрезъ свидѣтелей ниже; изъ гласныхъ дѣлъ
«Сколь совѣсть ни ломалъ сколь: въ ябедѣ не рылся
«А напротивъ того. . .

Тутъ останавливается, харкаетъ, сморкаетъ носъ.

лишь только
въ судъ явился
«То ясно доказалъ онъ Прямиковъ Богданъ
«Присягой двадцати; сосѣдственныхъ дворянъ
«Что Прямикова онъ родной сынъ и законный
«Что Чужпродавъ маіоръ. — Совсѣмъ ему сторонній
«И матери его былъ, токмо просто: кумъ.

Останавливается, нюхаетъ табакъ; Кривосудовъ беретъ табакъ изъ его табакерки, — а онъ за то ему кланяется, — продолжаетъ читать и, возвыся немного голосъ, бормочетъ.

«Что какъ ему отнюдь не вспало и наумъ
«Что бъ кто нибудь его могъ продавать. — Имѣнья
«Когда онъ былъ въ чужихъ краяхъ для обученья
«То ябедъ плутовскихъ, уступокъ и бумагъ. —
«Черезъ повѣренныхъ, тѣмъ меньше, на словахъ
«Оспоритъ онъ. — Не могъ за двѣсти миль, и болѣ
«Что возвратясь въ свое отечество оттолѣ,
«И съ двухъ сторонъ нашелъ; зажженное войной
«Онъ долгомъ счелъ служить; и жертвовать собой
«По замиреньи-жъ.

(*Тутъ останавливается, оборачиваетъ листы, чешетъ голову, оправляетъ камзолъ.*)

— Въ домъ отцовской возвратяся
«Узналъ что ябеда ему въ родню: вплелася
«Въ число покойниковъ: давно его причла
«И точное его наслѣдье: продала
«Что тутъ презрѣвъ ее, всѣ низкія ехидства
«Крючки, законностей, пролазы и безстыдства
«На правости своей:

(*Останавливается пока окончатъ Члены разговоръ свой, а тогда оканчиваетъ чтеніе, возвыся голосъ при самомъ концѣ.*)

себя онъ утвердилъ,
«И хищникамъ; своихъ наслѣдствъ не попустилъ.
«Въ чемъ супротиву лжи и ябедничья кова
«Священнаго; себѣ законовъ ждетъ покрова.

(*Во время сего чтенія, Радбынъ тотчасъ задремлетъ, потомъ Бульбулькинъ; Атуевъ и Парольkинъ встаютъ и выходятъ на авансцену.*)

БУЛЬБУЛЬКИНЪ (*въ полголоса.*)

Ну! мастеръ признаюсь, нашъ секретарь читать,
Хотябъ подслушалъ чортъ, не могъ бы разобрать.

ПАРОЛЬКИНЪ.

Пусть мелетъ онъ; а мы подумаемъ о дѣлѣ.
Изъ гвардьи отпускной сюда на сей недѣлѣ
Вельми молоденькой пожаловалъ барчукъ;
Пуста головушка, но съ золотцомъ сундукъ.
Мы можемъ, приглася его въ свою бесѣду. . . .

БУЛЬБУЛЬКИНЪ.

А какъ да не пойдетъ на удочку?

ПАРОЛЬКИНЪ.

Подъѣду
Къ нему, повѣрь, съ такой я ловкой стороны:

Ужъ змѣйки отъ меня къ нему подпущены.
Лишь вы бы. . . .

АТУЕВЪ.

Ба! да кто? не мой сосѣдъ ли это?
Что позлащенною всѣмъ хвастаетъ каретой.

ПАРОЛЬКИНЪ.

Тотъ самой.

АТУЕВЪ.

Ну! такъ всѣхъ сокровищъ ты ево не вѣдаешь!

ПАРОЛЬКИНЪ.

Ужъ ли? а именно, чево?

АТУЕВЪ.

Красотка у него; да знаешь ли? прекрасна!

ПАРОЛЬКИНЪ.

Поди прочь: знать, душа ужъ къ ней твоя пристрастна:
Я видѣлъ и не разъ: ни чуть не хороша.
Поддѣнемъ кошелёкъ: въ немъ больше барыша.

БУЛЬБУЛЬКИНЪ.

Ой! ой! вы молодёжь! ну, долго-ль вамъ проказить,
И то за кошелькомъ, то за красоткой лазить?
Пора бы вашу жизнь ужъ вамъ остепенить.

ПАРОЛЬКИНЪ.

А что жъ прикажешь ты начать намъ дѣлать?

БУЛЬБУЛЬКИНЪ.

Пить (*садятся.*)

КРИВОСУДОВЪ.

Экъ вздоры!

ПАРОЛЬКНИЪ.

Дребедень!

АТУЕВЪ.

Сумбуръ!

БУЛЬБУЛЬКИНЪ.

А штиль надутъ!

РАДБЫНЪ

Ни мы-мы-мысли нѣтъ; ни смы-ты-мысла тутъ.

КОХТИНЪ.

Ни ссылки на указъ.

КРИВОСУДОВЪ.

Какіе тѣ указы?
Ты видишь, тутъ одни пустые лишь разсказы,
Запутанная рѣчь и бранныя слова.
Ей, у меня отъ нихъ вскружилась голова.
Пусть лучше бы онъ вралъ по-чудьски иль богемски.

КОХТИНЪ.

Однакъ Уѣздный Судъ и также Верхній Земскій,
Рѣшеніе на сихъ резонахъ утвердя,
И спорное ему имѣнье присудя,
Соперника его согласно обвинили.

БУЛЬБУЛЬКИНЪ.

Знать, пышныя слова имъ головы вскружили.

КРИВОСУДОВЪ.

Но вы какъ мыслите о семъ? мои друзья.

БУЛЬБУЛЬКИНЪ.

Коль правду вамъ сказать, такъ вотъ что мыслю я:
Что плутъ Богданъ.

АТУЕВЪ.

Ей, такъ.

КРИВОСУДОВЪ.

И я такого жъ мнѣнья.

РАДБЫНЪ.

То точно такъ.

ПАРОЛЬКИНЪ.

Въ томъ нѣтъ и малаго сомнѣнья.

КРИВОСУДОВЪ.

Такъ Праволова вы согласны оправдить?

БУЛЬБУЛЬКИНЪ И ПАРОЛЬКИНЪ.

Согласны.

АТУЕВЪ.

И весьма.

РАДБЫНЪ.

Ужъ та-ки-ки-ки-быть.

КРИВОСУДОВЪ.

Люблю я этаку согласну мыслей встрѣчу.
Такъ резолюцію въ сей силѣ я отмѣчу?

БУЛЬБУЛЬКИНЪ.

Когда угодно вамъ.

КРИВОСУДОВЪ (*написавъ, отдаетъ бумагу Кохтину.*)

Возьми же; да поди,
Все это поскорѣй какъ нада расплоди;
И принеси журналъ, чтобъ подписать успѣли. —
(*Кохтинъ, а за нимъ Добровъ уходятъ.*)

БУЛЬБУЛЬКИНЪ.

Ну! надъ проклятымъ симъ мы дѣломъ попотѣли!

КРИВОСУДОВЪ.

Такъ можно отдохнуть.

(*Всѣ встаютъ*)

ПАРОЛЬКИНЪ (*смотря на свои часы*)

Двѣнадцатой уже часъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ жъ и ХВАТАЙКО.

ХВАТАЙКО.

Желаю здравствовать. — Не потревожу ль васъ?

КРИВОСУДОВЪ.

Никакъ: любезный гость; спокойно ль ночевали?

ХВАТАЙКО.

Я думаю, какъ всѣ: какъ улеглись — не знали.
(*Въ полголоса.*) Въ передней Праволовъ своей судьбины ждетъ.
Вы не забыли ли его?

КРИВОСУДОВЪ.

Нѣтъ, милый, нѣтъ.
Ужъ дѣло все съ концомъ: согласно мы рѣшили.

ХВАТАЙКО.

Ай, да спасибо вамъ: вотъ прямо удружили!

БУЛЬБУЛЬКИНЪ.

Когда бъ скорѣй журналъ....

КРИВОСУДОВЪ.

Да я вѣдь ужъ велѣлъ.

ПАРОЛЬКИНЪ.

А вотъ и Секретарь.

═

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ жъ и КОХТИНЪ съ журналомъ.

КОХТИНЪ (*отдавая бумагу Кривосудову.*)

Въ минутную поспѣлъ.

БУЛЬБУЛЬКИНЪ.

Ну, впрямъ спроворилъ въ мигъ.

КРИВОСУДОВЪ (*подписывая.*)

И такъ перекрестяся.

БУЛЬБУЛЬКИНЪ (*подписавъ.*)

Экъ живо подмахнулъ!

АТУЕВЪ (*подписывая.*)

И я благословяся.

ПАРОЛЬКИНЪ (*Радбыну, который хочетъ читать бумагу.*)

Да, ну, пожалуй насъ читаньемъ не смѣши:
Еже писахъ, писахъ.

РАДБЫНЪ (*подписавъ, Паролькину*)

Такъ на-жъ ты пи-пиши.

ПАРОЛЬКИНЪ (*подписавъ, отдаетъ бумагу Кривосудову.*)

Вотъ подчеркнулъ и я. —

КРИВОСУДОВЪ.

Бумага и готова.
(*Къ Кохтину.*) Возьми.

ХВАТАЙКО.

Такъ можно ужъ позвать къ вамъ Праволова?

КРИВОСУДОВЪ (*Кохтину, который отворяетъ дверь.*)

Охотно; прикажи.

ХВАТАЙКО.

Ну, какъ же эта вѣсть
Обрадуетъ его, судя какъ ни наесть,
А дѣло тысячъ въ сто.

═

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢ жъ и ПРАВОЛОВЪ.

ПРАВОЛОВЪ.

Слуга вашъ всенижайшій.

КРИВОСУДОВЪ.

И мы усердные.

БУЛЬБУЛЬКИНЪ (*потрепавши Праволова по плечу.*)

И скромны слуги ваши.

ХВАТАЙКО (*Праволову.*)

Какой тебѣ, мой другъ, сегодня снился сонъ?

ПРАВОЛОВЪ.

Къ чему вопросъ такой?

АТУЕВЪ (*Праволову.*)

Ты знаешь ли, вѣдь онъ
Снотолкователемъ недавно учинился.

ХВАТАЙКО (*Праволову.*)

Вчерашнимъ пуншевымъ ты чаномъ окатился
Во снѣ, навѣрное?

ПРАВОЛОВЪ.

А можетъ быть и такъ.

ПАРОЛЬКИНЪ.

А это, говорятъ, хорошій будто знакъ.

ПРАВОЛОВЪ.

Я благодаренъ вамъ за доброе значенье.

БУЛЬБУЛЬКИНЪ.

За потерпѣнье вѣдь даетъ Богъ и спасенье.

═

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТѢ жъ и ДОБРОВЪ.

ДОБРОВЪ (*несетъ два пакета и отдаетъ ихъ Кривосудову.*)

Съ Почтамта лишь сейчасъ они принесены.

КРИВОСУДОВЪ.

Посмотримъ, нѣтъ ли-то какой въ нихъ новизны.
(*Распечатываетъ и отдаетъ Хватайкѣ одинъ пакетъ.*)
Судебно око ты: пожалуй потрудися.

ХВАТАЙКО (*развернувъ бумагу.*)

Отъ приказали вѣдь? — *Читаетъ:* «А какъ въ Сенатъ стеклися
«Изъ разныхъ главныхъ мѣстъ, Правленій и Судовъ,
«Репорты, коими Ассессоръ Праволовъ
«Въ поносныхъ ябедахъ, злодѣйственныхъ безпутствахъ,
«Въ разбояхъ, грабежахъ и даже душегубствахъ,
«Довольно приличенъ. — (*Къ Праволову.*) Кой чортъ! смотри-ка братъ!
(*Читаетъ:*) «Довольно приличенъ, то для того Сенатъ
«Присутственнымъ мѣстамъ всѣмъ симъ повелѣваетъ
«Строжайшій обыскъ.

ПРАВОЛОВЪ.

Охъ! кровь въ жилахъ замерзаетъ.

ХВАТАЙКО (*читаетъ.*)

«О Праволовѣ семъ повсюду предписать:
«И гдѣ найдется онъ, сковавъ, подъ стражу взять,
«И крѣпко содержать до новаго указу. —

ПРАВОЛОВЪ.

Погибъ я!

ХВАТАЙКО (*къ Праволову.*)

Вотъ-тѣ на! какую же проказу?...

ПРАВОЛОВЪ (*падая на колѣна и поднявъ вверхъ обѣ руки, между коихъ записная книжка видна.*)

Да что ужъ говорить, не погуби, спаси.

ХВАТАЙКО.

Да ты возможнаго, голубчикъ, лишь проси.
Вѣдь то жъ и у меня спина-та щекотлива.

ПРАВОЛОВЪ.

Пропалъ навѣки я! о хищность нечестива!
(*Бѣжитъ вонъ.*)

ХВАТАЙКО (*бѣжитъ за нимъ.*)

Куда? постой; вернись. — Что бъ онъ куда не сгибъ.

═

ЯВЛЕНІЕ VII.

КРИВОСУДОВЪ, БУЛЬБУЛЬКИНЪ, АТУЕВЪ, ПАРОЛЬКИНЪ, РАДБЫНЪ, КОХТИНЪ и ДОБРОВЪ.

АТУЕВЪ.

Я внѣ себя!

ПАРОЛЬКИНЪ.

Кой чортъ!

КРИВОСУДОВЪ.

Меня какъ громъ ушибъ.

БУЛЬБУЛЬКИНЪ.

Мнѣ кажется я пьянъ.

РАДБЫНЪ.

Ек-ек-ек-еко-диво!

КРИВОСУДОВЪ.

Да какъ съ нимъ этакъ вдругъ незапно, не-
счастливо!
Я не сберусь съ умомъ. — Но дай-ко намъ про-
честь
(Беретъ другой пакетъ.)
И эту вещь. Очки; тутъ что-нибудь да есть.
О чемъ Сенату къ намъ писать и столько много?
(Читаетъ вслухъ:)
Вотъ на! «Гражданскую Палату всю..и строго...»
Ахти! пропали мы! *(роняетъ изъ рукъ бумагу и падаетъ въ кресла.)*

БУЛЬБУЛЬКИНЪ.

За что? перекрестись!

АТУЕВЪ.

Не ужъ ли впрямъ?

ПАРОЛЬКИНЪ.

Господь, Господь съ тобой, очнись.

РАДБЫНЪ.

Ек-еко-диво!

КОХТИНЪ.

Ну! пришло и намъ, знать, круто!
(Подымаютъ бумагу и всѣ, сбѣжавшись, читаютъ.)

ДОБРОВЪ (*въ сторону.*)

Крутили вѣдь и вы!

КРИВОСУДОВЪ.

О скорбь! о горе люто!

═

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ТѢ жъ ФЕКЛА, СОФІЯ и АННА.

ФЕКЛА.

Что за бѣда у васъ? — о чемъ такъ сильный крикъ?

КРИВОСУДОВЪ.

Пропали мы!

ФЕКЛА (*Кривосудову.*)

Да какъ? ну-жъ! поверни языкъ.

КРИВОСУДОВЪ.

Погибли, говорю, ну! сгибли, да пропали!

ФЕКЛА (*къ Бульбулькину.*)

Да какъ?

БУЛЬБУЛЬКИНЪ.

Погибли такъ, какъ въ вѣкъ не погибали.

ФЕКЛА (*къ Паролькину.*)

За что?

ПАРОЛЬКИНЪ.

За то, что намъ пришелъ прямой ужъ матъ!

ФЕКЛА (*къ Атуеву.*)

Взбѣшусь: скажите мнѣ. . .

АТУЕВЪ.

Ужъ все сказалъ Сенатъ.

ФЕКЛА (*къ Радбыну.*)

Сенатъ! ахти! и впрямъ: да что же вамъ оттуда?

РАДБЫНЪ.

Въ вѣкъ ек-ек-екого не ждалъ я чу-чу чуда!

ФЕКЛА (*къ Кохтину.*)

Хоть ты мнѣ растолкуй. —

КОХТИНЪ.

Да толкъ тутъ не далёкъ:
За бабушкинъ, знать, грѣхъ всѣхъ насъ попуталъ
Богъ.

ФЕКЛА (*къ Доброву.*)

Хоть ты,... —

ДОБРОВЪ.

О томъ вся скорбь, что вздумалось Сенату
Насъ въ Уголовну всѣхъ препроводить Палату.

ФЕКЛА.

Ахти мнѣ! да за что?

КРИВОСУДОВЪ.

Да то-то и бѣда,
Что осудили насъ безъ всякаго суда.
Ну, льзя ли, по однимъ доносамъ лишь злослов-
нымъ,
Велѣть насъ всѣхъ судить порядкомъ уголов-
нымъ?

За взятки, яко бы, за толкъ кривой въ дѣлахъ
Законовъ будто. . . . —

ФЕКЛА.

Какъ? какъ? на пустыхъ словахъ
Сенатъ увѣрился? Сенатъ насъ обвиняетъ?
Да кто жъ намъ взятки далъ? кто насъ изобли-
чаетъ? —
Безъ права, безъ суда, честь тронуть, осуждать,
Ограбить, разорять, срамить насъ, убивать! —
Да что? зачѣмъ ему мѣшаться въ эти вздоры?
Въ одномъ лишь развѣ здѣсь судѣ засѣли воры?
И къ намъ, не дьяволъ ли занёсъ столъ красный
въ домъ?
Прочь съ нимъ отсель: я все поставлю кверху дномъ.
(*Опрокидываетъ столъ; всѣ члены и Кох-тинъ разбѣгаются; подъ столомъ увидя бу-тылки, Фекла къ Кривосудову съ радостью.*)
А кто принесъ?

КРИВОСУДОВЪ.

Никто. — Остатки, знать, вчерашни.

═

ЯВЛЕНІЕ IX.

КРИВОСУДОВЪ, ФЕКЛА, СОФІЯ, АННА и ДОБРОВЪ.

ФЕКЛА (*свернувъ руки стоитъ.*)
Ахти! бѣда! бѣда!

КРИВОСУДОВЪ.

Твои вотъ это шашни:
Черезъ тебя и я, и весь мой домъ погибъ.

ФЕКЛА.

Черезъ меня? Да ты сидѣлъ въ судѣ какъ грибъ,
Какъ истуканъ, какъ пень, какъ олухъ, какъ оселъ,
Какъ рохля; въ жизнь твою ты двухъ концовъ
не свелъ.

КРИВОСУДОВЪ.

Сведи же ты теперь.

ФЕКЛА.

Сведи! еще бормочетъ;
И онъ же голову еще вскружить мнѣ хочетъ!
Слышь недразни, а то — (*бросается къ нему.*)

СОФІЯ.

Ахъ, матушка! я васъ
Прошу.... —

ФЕКЛА (*Софьи:*)

И ты туда жъ? — поди съ моихъ ты глазъ.

КРИВОСУДОВЪ.

Да не гони ее: она бѣды не знаетъ,
Что ужъ ея женихъ въ острогѣ засѣдаетъ.

ФЕКЛА

Кто? —

КРИВОСУДОВЪ.

Праволовъ.

ФЕКЛА.

Ахти! За что?

КРИВОСУДОВЪ.

Сенатъ велѣлъ
Сковать, и скованъ ужъ: такъ, стало, не безъ дѣлъ

ФЕКЛА.

Ахти! пришла бѣда! ахти мнѣ! умираю.

(Падаетъ въ обморокъ; Софія и Анна бросаются ей помогать.)

═

ЯВЛЕНІЕ X.

ТѢ ЖЪ И ПРЯМИКОВЪ.

ПРЯМИКОВЪ.

Простите мнѣ, сударь, что смѣлость принимаю
Прійти къ вамъ; ваше я несчастіе узналъ;
Жалѣя искренно, за первый долгъ считалъ
Спѣшить утѣшить васъ и раздѣлить печали.

(къ Феклѣ, пришедшей въ себя.)

Хотя вы на меня немного пороптали,
Сударыня! но я надеждой льщуся той,
Что, сами оправдя теперь поступокъ мой,
Усердья моего почувствуете цѣну.

КРИВОСУДОВЪ.

Вы счастья нашего узнали перемѣну?

ПРЯМИКОВЪ.

Но чувствованій я моихъ не премѣнилъ,
И вамъ готовъ помочь колико будетъ силъ.
Счастливъ, когда бъ мои услуги предуспѣли
Склонить васъ, чтобы вы съ пріятностью глядѣли
На нѣжну страсть мою.

ФЕКЛА.

Вы много чести намъ, . . . —
Я право васъ стыжусь. Когда угодно вамъ. . . .
Съ моей я стороны согласна всей душею.

КРИВОСУДОВЪ.

И я то жъ;— да и вы, я чай, согласны съ нею.

СОФІЯ.

Ахъ! признаюсь, что мнѣ онъ не противенъ былъ.

КРИВОСУДОВЪ (*соединяя ихъ руки.*)

Ну, дай же Богъ! чтобъ онъ тебѣ былъ вѣчно милъ!

ПРЯМИКОВЪ (*цѣлуя руки Софіи*)

Какое счастіе!

СОФІЯ.

Какая перемѣна!

КРИВОСУДОВЪ.

Теперь моя печаль немного облегченна.

АННА.

Авось-либо и все намъ съ рукъ сойдетъ слегка.

ДОБРОВЪ.

Впрямъ: моетъ, говорятъ вѣдь, руку де рука;
А съ Уголовною Гражданская Палата,
Ей, ей, частёхонько живетъ за панибрата;
Не то, при торжествѣ уже какомъ ни есть,
Подъ милостивый васъ поддвинутъ манифестъ.

КРИВОСУДОВЪ.

Ну, что ни говори, а дѣло плоховато!

АННА.

Жить ябедой и тѣмъ: что взито, то и свято.

КОНЕЦЪ.

СГАНАРЕВЪ,

ИЛИ

МНИМАЯ НЕВѢРНОСТЬ.

КОМЕДІЯ ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

СОЧ. МОЛЬЕРА, ПЕРЕЛОЖЕННАЯ СТИХАМИ

Васил. Капнистомъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Торговинъ, богатый купецъ, г. Григорьевъ.
Софья, дочь его, г-жа Фіалова, больш.
Милетъ, офицеръ, любовникъ ея, г. Жебелевъ.
Сганаревъ, богатый мѣщанинъ, г. Рыкаловъ.
Марѳа, жена его, г-жа Рахманова.
Аршининъ, купецъ, г. Супруновъ.
Родияковъ, мѣщанинъ, г. Чудинъ.
Настасья, служанка Софьи, г-жа Жебелева.
Евсей, слуга Милетовъ, г. Орловъ.

Дѣйствіе на площади. Съ одной стороны домъ Торговина, съ другой Сганарева; оба съ балконами и отворяющимися окнами.

Представлена на театрѣ въ С.-Петербургѣ въ 1-*й разъ по возобновленіи, въ пользу актера Рыкалова* 1806 *Мая* 17 *дня.*

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

—

ЯВЛЕНІЕ I.

ТОРГОВИНЪ, СОФЬЯ и НАСТАСЬЯ.

СОФЬЯ *(выходя въ смятеніи.)*

Нѣтъ, батюшка, на то я ввѣкъ не соглашусь.

ТОРГОВИНЪ.

Что, что бормочешь ты? — Послушай: я взбѣшусь,
Когда ты мнѣ еще хоть слово — хоть полслова
Осмѣлишься сказать. — Тьфу пропасть! въ жизнь такова
Упрямства вздорнаго не видѣлъ въ людяхъ я.
Ну, да кому изъ насъ, мнѣ ль слушаться тебя,
Или тебѣ меня, скажи, повѣса, должно? —
Мнѣ кажется, отцу всегда знать лучше можно
Гдѣ счастія искать для дочери своей. —
Безумная, уймись, не вздорь: а то ей-ей,
Ты до бѣды дойдешь упорностью твоею;
Я не люблю болтать, шутить я не умѣю.

Я положилъ уже, чтобъ тотъ мнѣ зятемъ былъ,
Которому въ жену тебя я посулилъ.
Ты скажешь: «нравъ его мнѣ вовсе неизвѣстенъ,
Не знаю милъ ли онъ, довольно ли прелестенъ.»
Я знаю, что набитъ и тугъ карманъ его;
Такъ что же узнавать осталось сверхъ сего?
Имѣя тысячъ сто крестовиковъ наличныхъ,
Не долженъ ли имѣть онъ прелестей отличныхъ
Въ глазахъ твоихъ? — Пошла! съ такою красотой
Кто бъ ни былъ и каковъ, — онъ малый дорогой!

СОФЬЯ

Увы!

ТОРГОВИНЪ.

Ну, что, увы! — скажи, что значитъ это?
Къ чему дурацкое «увы» твое пропѣто?
Но ежели меня еще ты подожжешь,
То не такія ты «увы» еще споешь. —
Вотъ прокъ безпрочный, прокъ безперерывныхъ чтеній
Романовъ, пѣсенокъ, любовныхъ сочиненій!
Ихъ пустошью твоя набита голова,
Ты чаще ихъ твердишь, чѣмъ божески слова.
Брось эти книги въ печь: примѣры ихъ дурные
Всѣ головы у насъ вскружили молодыя.
Нравоучительны ты книги выбирай
О заблужденіи и истинѣ читай.
Душъ тройственнымъ путемъ къ спасенью приближайся;
Иль утѣшеніемъ ты грѣшныхъ утѣшайся.
Иліотропіонъ, *Терпѣнья щитъ*, *Цвѣтникъ*,

Златую книжицу замѣть межъ прочихъ книгъ.
Вотъ золото и впрямъ. О! если бъ ты читала
Лишь это, то бы такъ противиться не стала.

СОФЬЯ.

Такъ вы Милета мнѣ велите позабыть?
Когда бъ безъ вашего согласія любить
Его посмѣла я, была бы передъ вами
Виновна; но вы насъ соединили сами.

ТОРГОВИНЪ.

Такъ, я соединилъ, и дѣла не таю; —
Да я жъ и разлучу, и въ этомъ устою.
Милетъ собой пригожъ, но кошелькомъ хвораетъ,
А деньгамъ — деньгамъ все на свѣтѣ уступаетъ.
Знай, что они красу и харямъ придаютъ,
Безъ нихъ краса—уродъ, глупъ умный, честный — плутъ.
Аршининъ, можетъ быть, и не любимъ тобою,
Но вѣрь, что сдѣлавшись, какъ должно быть, женою,
Ты будешь, — я тебѣ могу поруку дать —
Не только-что любить его, но обожать. . . .
Но я дуракъ, что съ той пустился въ разсужденья,
Которой моего довольно повелѣнья. —
И такъ упрямство ты, голубка, отложи,
И вздохи и увы безумны удержи,
Женихъ твой будетъ къ намъ сегодня неотложно. —
Ты не прими его такъ, какъ невѣстѣ должно,

Не встрѣть его такимъ лицемъ, какъ я хочу,
То я тебя!... ну, ну! — я право не шучу. —
(*Уходитъ.*)

═

ЯВЛЕНІЕ II.

СОФЬЯ и НАСТАСЬЯ.

НАСТАСЬЯ.

Какъ! вы, сударыня, то отказать хотите,
Что столь пріятно? — Не стыдно ль вамъ, скажите,
На зовъ къ супружеству слезами отвѣчать
И руку муженьку въ владѣніе отдать?
Меня — такъ нѣтъ — никто къ супругу не пристроитъ,
Чтобъ уговорить меня труда не стоитъ.
Не только бъ отдала я рученьку одну,
Лишь было бъ изъ чего, и обѣ протяну.
Дьячекъ, который здѣсь молитвенникъ читаетъ
У вашей бабушки, разумно разсуждаетъ.
Онъ мнѣ вчера сказалъ: «вы, женщины, мой свѣтъ,
Походите на хмѣль, который и цвѣтетъ,
Покуда къ дереву прижавшись плотно вьется,
А сохнетъ, отъ него какъ скоро оторвется.»
Онъ правъ, сударыня, онъ въ этомъ правъ весьма;
Я, грѣшная, собой узнала то сама.
Богъ упокой навѣкъ покойнаго Ивана!
При животѣ его и я была румяна,

Была свѣжа, рѣзва, какъ дикая коза:
А нынѣ сдѣлалась какъ вялая лоза.
При немъ крещенскихъ я морозовъ не страшилась;
Въ нетопленой избѣ зимою спать ложилась,
Безъ одѣяла ночь, бывало, пролежу:
Теперь въ Петровки я подъ шубою дрожу.
Нѣтъ, барышня, ни съ чѣмъ не можетъ ужъ сравняться
Раздолье къ доброму супругу приласкаться;
Хоть для того, чтобы сказать кому-нибудь:
А! здравствуй! ежели случится намъ чихнуть.

СОФЬЯ.

Не ожидала я такого вдругъ совѣта:
Урода полюбить, а позабыть Милета.

НАСТАСЬЯ.

По истинѣ сказать, Милетъ вашъ не уменъ,
Зачѣмъ такъ долго онъ отсюда удаленъ?
А долгое его такое удаленье
Къ его невѣрности даетъ мнѣ подозрѣнье.

СОФЬЯ.

Ахъ, нѣтъ! не говори пророчествъ мнѣ такихъ.
Взглянь на черты его: (*показываетъ ей миніатюрный портретъ*)
Скажи, судя по нихъ,
Возможно ли его подозрѣвать въ измѣнѣ?
Нѣтъ, нѣтъ; не сроденъ онъ къ безчестной перемѣнѣ,
И вѣрности ко мнѣ всегда храня законъ,
Какъ здѣсь черты его, такъ непремѣненъ онъ.

НАСТАСЬЯ.

То правда, что черты его пріятны несказанно,
Такого бы и я любила постоянно....

СОФЬЯ.

Со всѣмъ тѣмъ должно мнѣ.... Но можно ли,
увы!
(*Падаетъ въ обморокъ и роняетъ портретъ.*)

НАСТАСЬЯ (*поддерживая ее.*)

Что сдѣлалось вамъ, сударыня, — что вы?
(*Оборачиваясь къ своему дому.*)
Подите, эй! — Кто тамъ?

ЯВЛЕНІЕ III.

СОФЬЯ, НАСТАСЬЯ, СГАНАРЕВЪ.

СГАНАРЕВЪ.

Я здѣсь, что вы кричите?

НАСТАСЬЯ.

Ахъ! барышня моя скончалась, — помогите!

СГАНАРЕВЪ.

Такъ только-то? — Я счелъ, что провалился
свѣтъ....
Но впрямъ, посмотримъ-ко. — Скончались ли вы,
иль нѣтъ,
Сударыня? — Она молчитъ.

НАСТАСЬЯ.

Просить васъ смѣю,
Пока я позову слугу, останьтесь съ нею. —
(*Отдаетъ ему Софью на руки и уходитъ.*)

═

ЯВЛЕНІЕ IV.

СОФЬЯ, СГАНАРЕВЪ и МАРѲА,
(*стоящая у окна.*)

СГАНАРЕВЪ.

Вся холоднёхонька, — не умерла ль и впрямъ?
(*Наклоняется къ лицу.*) Посмотримъ, дышетъ ли
она? — не знаю самъ.
Да полно, у нея не обморокъ ли модный?

МАРѲА (*взглянувъ въ окно.*)

Ахти! что вижу я? Мой муженёкъ негодный
Цѣлуется съ другой! — Нѣтъ, этому не быть.
Злодѣя поспѣшу на дѣлѣ уличить.
(*Отходитъ отъ окна.*)

СГАНАРЕВЪ.

Но надобно мнѣ отсюдова убраться.
На тотъ свѣтъ право ей не кстати отправляться.
Дуракъ, кто пустится въ далекой этотъ путь:
Она годится здѣсь еще на что-нибудь.
(*Уноситъ Софью въ домъ ея.*)

═

ЯВЛЕНІЕ V.

МАРѲА (*одна.*)

Онъ съ нею убѣжать отсель поторопился!
Однако хоть теперь онъ отъ меня и скрылся,
Но вся невѣрность мнѣ открылася его;
Для доказательства довольно и того,
Что я ужъ видѣла, — теперь не удивляюсь,
Зачѣмъ горячности и ласкъ его лишаюсь:
Онъ ластится къ другой, чуждаяся меня,
Для ихъ-то масляницъ должна поститься я!
Вотъ такъ-то всѣ мужья на свѣтѣ поступаютъ:
Что имъ позволено, такъ то и презираютъ;
Какъ скоро женятся, ласкаютъ, нѣжатъ насъ;
Ни шагу отъ жены, ни пяди ни на часъ;
Но нѣсколько недѣль спустя, уже простыли
И нашимъ ужъ добромъ старинныхъ угостили.
О! если бъ вздумалось правленью приказать,
Чтобъ такъ, какъ башмаки, мужей перемѣнять:
Я чаю, многія тогда бъ со мной явились,
Которыя бъ приказъ исполнить торопились....
Но это что лежитъ?... Находка хороша.

(*поднимаетъ портретъ*)

Я не надѣялась такого барыша.
Посмотримъ.

═

ЯВЛЕНІЕ VI.

МАРѲА и СГАНАРЕВЪ

(*не видя другъ друга.*)

СГАНАРЕВЪ.

Нѣтъ теперь опасности ни мало;
Минулся обморокъ и ей ужъ легче стало.
Да вотъ жена моя. —

МАРѲА.

О! это — такъ.... портретъ.
Какой же молодецъ прекрасный!...

СГАНАРЕВЪ.

Что тамъ вретъ
Она? — На чей портретъ такъ пристально зѣваетъ?
Посмотримъ; — это мнѣ добра не предвѣщаетъ.
(*Смотря черезъ плечо Марѳы.*)
Я въ подозрѣніе, какъ во щи куръ попалъ.

МАРѲА.

Никто красавца ввѣкъ такого не видалъ!...
И живопись сто разъ прекраснѣе металла.
Какъ пахнетъ хорошо! (*нюхаетъ портретъ.*)

СГАНАРЕВЪ.

И ... и поцѣловала!...
Ну, я теперь пропалъ!...

МАРѲА.

По истинѣ сказать,
Пріятно за такимъ красавцемъ помахать.

И если бъ вздумалось ему поволочиться,
То право, кажется, что можно бъ и пуститься.
Зачѣмъ мнѣ не далъ Богъ такого молодца
На мѣсто моего негодника, срамца?...

СГАНАРЕВЪ (*вырвавъ у нея портретъ.*)

Ахъ, ты безумная! такъ ты мнѣ измѣняешь?
Достоинства мои и превосходства хаешь?
Или ты думаешь, безпутная змѣя,
Что рожи этакой твоей не стою я?
Ну, да какова же, мартышка неуклюжа,
Пригожѣе меня желать могла ты мужа?
Въ моей особѣ льзя ль похулить что-нибудь?
Мой богатырскій станъ, моя широка грудь,
Мое лице, моя боярская осанка,
Для тысячи красотъ прелестная приманка;
И словомъ, всѣ мои пріятства, красоты,
Считаешь за ничто, бездѣлкой ставишь ты?
И жадности твоей въ любовную услугу
Пристроить хочешь ты намѣстника къ супругу?

МАРѲА.

Замашку я твою изъ сихъ узнала словъ:
Ты этимъ думаешь....

СГАНАРЕВЪ.

Не путай пустяковъ.
Ужъ дѣло сдѣлано: судьба моя извѣстна,
И лбу-то моему она ни чуть не лестна.

МАРѲА.

Пожалуй ты меня еще не раздражай;

Иль разругаю я безпутнаго. — Отдай,
Отдай, я говорю, отдай мою находку,
Иль хочешь....

СГАНАРЕВЪ.

Перервать хочу тебѣ я глотку.
Когда бы подлинникъ, какъ копія сія,
Попался въ руки мнѣ!...

МАРѲА.

Такъ что жъ?

СГАНАРЕВЪ.

Душа моя!
Такъ ничего.... и впрямъ поступокъ твой изряденъ
Твоею чивостью, теперь мой лобъ наряденъ.

(*Разсматриваетъ портретъ.*)

Такъ это милый тотъ красавецъ удалой,
Что̀ около тебя вертится вкругъ юлой,
Который ужъ съ тобой....

МАРѲА.

Который что̀ со мною?

СГАНАРЕВЪ.

Который ужъ съ тобой.... раздуло бъ васъ горою.

МАРѲА.

Да что за вздоръ такой городишь ты, уродъ?

СГАНАРЕВЪ.

Ты понимаешь все, ехидный женскій родъ!
Такъ! — Сганаревымъ звать меня и перестанутъ;

А рогоносовымъ честить подъ титломъ станутъ!
Постой же, за такой вельми казистый видъ
Супружній и тебя кулакъ позаклеймитъ.

МАРѲА.

И вздоръ такой нести, негодный! ты мнѣ смѣешь?

СГАНАРЕВЪ.

И такъ безпутствовать стыда ты не имѣешь?

МАРѲА.

Нѣтъ, это ничего: грѣхъ въ этомъ не великъ.
Наставя на меня оленью ты егрету,
Отличную на лбу мнѣ сдѣлала примѣту!

МАРѲА.

И такъ обидѣвши чувствительно меня,
Супружеской любви безстыдно измѣня,
Притворно ты теперь изволилъ разсердиться
Затѣмъ, чтобъ отъ упрекъ моихъ освободиться.
Такой поступокъ новъ, и всѣхъ онъ удивитъ.
Онъ самъ же виноватъ, да самъ же и бранитъ!

СГАНАРЕВЪ.

Смотря на видъ ея, таящій адску злобу,
Кто бъ не почелъ ее за честную особу?

МАРѲА.

Поди, любовницъ ты своихъ не покидай;
Клянись ихъ вѣкъ любить, цѣлуй ихъ, обнимай,
Но дай мнѣ мой портретъ и не юродствуй болѣ.
(*Вырываетъ портретъ и уходитъ.*)

СГАНАРЕВЪ.

Я у тебя возьму его и по-неволѣ.
(*Гонится за ней и уходитъ.*)

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

—

ЯВЛЕНІЕ I.

МИЛЕТЪ и ЕВСЕЙ.

ЕВСЕЙ.

Ну, наконецъ, сударь, мы кончили нашъ путь;
Позвольте же мнѣ васъ спросить о чемъ-нибудь.

МИЛЕТЪ.

Спроси.

ЕВСЕЙ.

Не бѣсы ль вамъ въ дорогѣ помогали
Переносить труды? мы день и ночь скакали
Какъ полоумные. Держась на облучкѣ,
Я ждалъ безъ головы при каждомъ быть толчкѣ.
Провалъ бы эти взялъ прокляты кибитчонки!
Онѣ мнѣ лёгкое отбили и печонки.
Не говоря уже о прочемъ ни о чемъ,
Я такъ, сударь, измятъ, какъ въ ступѣ толкачемъ.
При всемъ томъ, только лишь съ повозки нашей встали,
Не ѣвши ни куска, мы въ городъ побѣжали. —

МИЛЕТЪ.

Чему дивиться тутъ? Ты знаешь, слухъ идетъ,
Что за-мужъ дочь свою Торговинъ отдаетъ.
Ты знаешь, какъ ее люблю я, обожаю. —
Узнать свою судьбу скорѣе поспѣшаю.

ЕВСЕЙ.

Такъ; но обѣдъ, моимъ повѣрьте вы словамъ:
Въ семъ изысканіи былъ нуженъ бы и вамъ;
Не худо пищею, сударь, вамъ укрѣпиться,
Чтобы съ кручиною отважнѣе сразиться.
Я по себѣ сужу: малѣйшая бѣда,
Когда я не поѣмъ, согнетъ меня всегда.
Когда желудокъ мой патронами настрою,
Какъ рыцарь стану я противу бѣдъ горою.
Покушайте, сударь, чтобъ лучше отражать
Тѣ горести, что̀ васъ готовятся встрѣчать;
И если одолѣть всѣ бѣдствія хотите,
Бокаломъ ренскаго вы духъ вашъ укрѣпите.

МИЛЕТЪ.

Возможно ли мнѣ ѣсть?

ЕВСЕЙ.

А я быка бы съѣлъ;
Но вашъ обѣдъ, сударь, я чаю ужъ поспѣлъ,

МИЛЕТЪ.

Молчи же: я велю. . . .

ЕВСЕЙ.

Жестокое велѣнье!

МИЛЕТЪ.

Не пища у меня на мысли, но сомнѣнье.

ЕВСЕЙ.

А у меня, сударь, она съ ума нейдетъ.
Простынетъ, бѣдненькой горячій мой обѣдъ!

МИЛЕТЪ.

Дай волю мнѣ о чемъ хочу освѣдомляться;
А ты ступай домой, прожора, объѣдаться.

ЕВСЕЙ.

Не смѣю спорить я противъ господскихъ словъ.
(*Уходитъ.*)

═

ЯВЛЕНІЕ II.

МИЛЕТЪ один.

Нѣтъ, нѣтъ, напрасно я страшуся пустяковъ.
Отецъ мнѣ слово далъ, а дочь клялася страстно
Любить меня по смерть: — нѣтъ, я боюсь напрасно.

═

ЯВЛЕНІЕ III.

МИЛЕТЪ и СГАНАРЕВЪ.

СГАНАРЕВЪ (*разсматриваетъ портретъ, не видя Милета.*)

Таки его отнялъ я у моей жены!
Дай рожу разсмотрѣть мнѣ этой сатаны. . .
Но онъ мнѣ не знакомъ! . .

МИЛЕТЪ (*въ сторону, замѣтивъ въ рукахъ Сганарева свой портретъ.*)

Ба! что мнѣ показалось?
Портретъ мой! . . . точно мой! . . . что думать мнѣ осталось?

СГАНАРЕВЪ (*все не видя Милета.*)

О, бѣдный Сганаревъ! къ чему ты осужденъ?
Подъ козерогомъ ты, конечно, въ свѣтъ рожденъ!
И такъ ужъ. . . .

МИЛЕТЪ (*вглядываясь въ портретъ.*)

Это онъ! но трудно догадаться.
Какъ отъ Торговиной онъ могъ ему достаться?

СГАНАРЕВЪ (*какъ и прежде.*)

И такъ ужъ пальцами указывать съ сихъ поръ
Всѣ станутъ на меня! на счётъ мой всякой вздоръ
Не перестанутъ врать и прозой и стихами,
И гробъ украсятъ мой огромными рогами!

МИЛЕТЪ (*продолжая разсматривать портретъ.*)

Да онъ ли? . . .

СГАНАРЕВЪ (*все такъ же.*)

Гадина! боишься ль Бога ты
Невѣрностью своей вписать меня въ скоты?
И будучи женой отличнаго красавца,
Зачѣмъ ты этого, негодная, мерзавца. . . .

МИЛЕТЪ.

Такъ, это мой портретъ! глаза мои не лгутъ.

СГАНАРЕВЪ (*отворачиваясь отъ Милета.*)

Онъ любопытенъ.

МИЛЕТЪ (*все въ сторону.*)

Такъ; но я дивлюсь, какъ тутъ. . . .

СГАНАРЕВЪ (*въ сторону.*)

Къ кому онъ вяжется?

МИЛЕТЪ (*въ сторону.*)

Вступлю съ нимъ въ разговоры
(*Къ Сганареву.*) Могу ль . . . послушайте! . . .

СГАНАРЕВЪ.

Досугъ мнѣ слушать вздоры!

МИЛЕТЪ.

Могу ль узнать отъ васъ, сударь, какой судьбой
Попался къ вамъ портретъ?

СГАНАРЕВЪ (*про себя.*)

Къ чему вопросъ такой
Онъ сдѣлалъ мнѣ? — Постой! . . . въ лицѣ я примѣчаю
(*Сличаетъ Милета съ портретомъ.*)
О! о! хлопотъ его теперь причину знаю;
И удивлять меня онѣ ужъ не должны:
Вотъ благодѣтель мой, — не мой, — моей жены!

МИЛЕТЪ.

Рѣшите вы меня, скажите, ради Бога. . . .

СГАНАРЕВЪ.

Мы знаемъ отчего такая въ васъ тревога.

Портретъ вашъ, до меня дошедшій, васъ смутилъ:
Въ извѣстны руки вамъ онъ вами отданъ былъ;
И намъ, извольте знать, ничуть не безъизвѣстно
Какъ были связаны вы съ той особой тѣсно.
Не вѣдаю, знакомъ я вамъ, сударь, иль нѣтъ,
Но дружескій принять извольте мой совѣтъ
И перестаньте впредь за нею волочиться:
Такая мужу честь.... прошу васъ не трудиться.
Вы знать, сударь, должны, что всякъ съ своей
женой....

МИЛЕТЪ.

Какъ! та, отъ коей вы портретъ достали мой....

СГАНАРЕВЪ.

Моя жена: я мужъ ея.

МИЛЕТЪ.

Вы мужъ?

СГАНАРЕВЪ.

Такъ; — вѣрно.
И тѣмъ, что̀ я узналъ, я огорченъ чрезмѣрно.
Вѣдь вамъ извѣстно чѣмъ. — Теперь роднѣ ея
Все разсказать иду (*Уходитъ.*)

═

ЯВЛЕНІЕ IV.

МИЛЕТЪ один.

О, Боже мой! что я
Теперь успѣлъ узнать! Такъ этотъ слухъ былъ
вѣрный!

Мнѣ говорили всѣ, что мужъ ея прескверный.
Ахъ, если бъ ты меня и не клялась любить,
То не уже ль тебя не могъ остановить
Столь скаредный предметъ? И можно ль думать
было,
Чтобъ для него твое мнѣ сердце измѣнило?...
Невѣрная!... что онъ богатъ!... такой ударъ
Такъ срѣзалъ съ ногъ меня, такъ сильно бросилъ
въ жаръ,
Что я весь внѣ себя.... кровь въ жилахъ цѣпе-
нѣетъ....
Кружится голова.... и свѣтъ въ глазахъ тем-
нѣетъ.

═

ЯВЛЕНІЕ V.

МИЛЕТЪ и МАРѲА.

МАРѲА *(при входѣ не видя Милета.)*

Онъ отнялъ у меня.... Но что, сударь, вы?...
Ахъ!
Блѣднѣете и чуть стоите на ногахъ?

МИЛЕТЪ.

Не знаю отъ чего мнѣ вдругъ такъ дурно стало.

МАРѲА.

Здѣсь въ обморокъ, сударь, упасть вамъ не при-
стало.
Пожалуйте въ мой домъ, покуда онъ пройдетъ.

МИЛЕТЪ.

На нѣсколько минутъ пріемлю вашъ совѣтъ.

(Входитъ съ Мароою въ домъ Сганарева.)

═

ЯВЛЕНІЕ VI.

СГАНАРЕВЪ и РОДНЯКОВЪ.

РОДНЯКОВЪ.

Въ семъ случаѣ мужьямъ простить заботу можно;
Но не видавъ огня, пожаръ — кричать не должно.
Все, что о ней ты мнѣ изволилъ повѣстить,
Въ винѣ отнюдь ее не можетъ уличить,
О преступленіяхъ, мой зять; такого рода
Не должно говорить безъ явнаго довода.

СГАНАРЕВЪ.

Покуда ощупью до правды не дойдешь?
Не такъ ли?

РОДНЯКОВЪ.

Часто мы беремъ за правду ложь,
Когда спѣшимъ судить. — Богъ вѣсть какъ ей достался
Портретъ, котораго ты столько испугался.
Узнай же напередъ и мнѣ приди сказать,
Тогда-то за вину мы можемъ наказать.

(Уходитъ.)

═

ЯВЛЕНІЕ VII.

СГАНАРЕВЪ один.

И въ самомъ дѣлѣ такъ; онъ разсудилъ прекрасно.
Некстати я вспылилъ: мнѣ, можетъ быть, напрасно
Дурная мысль на умъ и суета пришла
Объ участи моей и моего чела.
Портретъ, который такъ смутилъ меня чрезмѣрно,
Безчестья моего не доказалъ навѣрно.
Пойду же я теперь.... *(Останавливается, увидя изъ своего дома выходящихъ Милета и Мареу.)*

═

ЯВЛЕНІЕ VIII.

СГАНАРЕВЪ, МИЛЕТЪ и МАРѲА.

СГАНАРЕВЪ.

Что вижу? — Боже мой! —
Такъ нужды въ копіи ей не было большой·
Со мной портретъ, а съ ней самъ подлинникъ остался!
Тьфу чортъ!...

МАРѲА *(не видя Сганарева.)*

Вашъ не совсѣмъ припадокъ миновался.
Когда вы выйдете, то, можетъ быть, сейчасъ....

МИЛЕТЪ.

Нѣтъ, нѣтъ; благодарю чувствительнѣйше васъ;
Мнѣ, право, совѣстно васъ больше безпокоить.
(*Марѳа уходитъ въ домъ.*)

СГАНАРЕВЪ.

Онъ вздумалъ ей еще и комплименты строить!

═

ЯВЛЕНІЕ IX.

СГАНАРЕВЪ, МИЛЕТЪ и СОФЬЯ
(*стоя у окна видитъ проходящаго Милета.*)

СГАНАРЕВЪ.

Увидѣлъ онъ меня, и вотъ ко мнѣ идетъ.

МИЛЕТЪ (*увидя Сганарева.*)

Мой духъ смущается.... и этакой уродъ!...
Но утолить мою досаду мнѣ должно нынѣ
И приписать мое несчастіе судьбинѣ.
Скорбѣть осталось мнѣ лишь на нее одну
(*Проходя мимо Сганарева.*)
Счастливъ, имѣетъ кто столь милую жену!
(*Уходитъ.*)

═

ЯВЛЕНІЕ X.

СГАНАРЕВЪ и СОФЬЯ.

СГАНАРЕВЪ *(не видя выходящей Софьи.)*

Безъ всѣхъ обиняковъ онъ ясно изъяснился.
Я внѣ себя отъ словъ его такъ изумился,
Какъ-будто на моемъ лбу явилось сто роговъ!
(въ слѣдъ къ Милету.)
Ступайте! — мерзокъ мнѣ поступокъ вашъ таковъ.

СОФЬЯ *(не видя Сганарева.)*

Милетъ здѣсь былъ;—мой взоръ меня не обольщаетъ.
Зачѣмъ онъ отъ меня пріѣздъ свой укрываетъ?

СГАНАРЕВЪ *(не видя Софьи, передразнивая Милета.)*

«Счастливъ, имѣетъ кто столь милую жену!» —
Нѣтъ, горе, горе мнѣ, что эту сатану
Въ жену я получилъ, котора безъ причины
Произвела меня въ рогатыя скотины! —
Но онъ ушелъ, покрывъ безчестьемъ честь мою!
Я грязью закидать ему бы долженъ рожу
И горло разодрать, или на рожѣ кожу;
Какъ вора, мужній кладъ укравшаго, схватить
И, караулъ крича, на съѣзжую тащить.

(Встрѣчается съ Софьей.)

СОФЬЯ.

Давно ли вамъ знакомъ, пожалуйте скажите,
Тотъ, съ кѣмъ стояли вы тутъ, гдѣ теперь стоите?

СГАНАРЕВЪ.

Кто? — этотъ?

СОФЬЯ.

Да.

СГАНАРЕВЪ.

Увы! сударыня, не мнѣ
Знакомъ онъ, но моей негодницѣ-женѣ.

СОФЬЯ.

Да что васъ такъ крушитъ, когда спросить я смѣю?

СГАНАРЕВЪ.

Крушиться, истинно, причину я имѣю.

СОФЬЯ.

Но отчего же вамъ печаль пришла сія?

СГАНАРЕВЪ.

Грушу, сударыня, не о бездѣлкѣ я
И я не знаю, кто бъ въ такой, какъ я, кручинѣ,
Такъ точно не вздыхалъ, какъ я вздыхаю нынѣ.
Сударыня! — во мнѣ, скажу вамъ наконецъ
Мужей вы видите несчастныхъ образецъ.
На честь мою, увы! злодѣи наступили
И, сдѣлавъ въ ней ущербъ, ея меня лишили.

СОФЬЯ.

Какъ?

СГАНАРЕВЪ.

Этотъ молодецъ рога мнѣ приковалъ,
Сударыня, и я навѣрное узналъ
Сегодня, а притомъ ничуть не стороною,
Безчестну связь его съ моей, увы! женою.

СОФЬЯ.

Какъ! тотъ, кто здѣсь. . . .

СГАНАРЕВЪ.

Да, тотъ и моя жена,
Какъ онъ въ нее влюбленъ, въ него такъ влюб-
лена.

СОФЬЯ.

Такъ точно, отъ меня онъ скрылся не напрасно,
И утая прiѣздъ, онъ доказалъ мнѣ ясно
Свое злодѣйство, такъ. . . . не знаю я отчего;
Но я ждала бѣды, увидѣвши его.

СГАНАРЕВЪ.

Вы слишкомъ сжалились такъ много надо мною.
Не всякъ рожденъ съ такой душевной добротою:
Иные, коимъ я открылъ мою напасть,
Меня же подняли на смѣхъ, разиня пасть!

СОФЬЯ.

Возможно ль съ чѣмъ сравнить такое злодѣянье?
И льзя ль сыскать ему достойно наказанье?
Какъ не стыдится онъ казаться межъ людей,
Имѣя гнусное бездѣльство за душей?
Возможно ль? . . .

СГАНАРЕВЪ.

Точно такъ; нѣтъ ничего вѣрнѣе.

СОФЬЯ.

Измѣнникъ! Есть ли кто тебя на свѣтѣ злѣя?

СГАНАРЕВЪ.

Предобрая душа!

СОФЬЯ.

Невѣрный! Адъ въ себѣ
Не можетъ изыскать достойныхъ мукъ тебѣ!

СГАНАРЕВЪ.

Такъ точно!

СОФЬЯ.

Поразить столь злобно, столь ужасно,
Невинность, искренность и сердце столько страстно!

СГАНАРЕВЪ.

Ай!

СОФЬЯ.

Сердце, коего любви невинный жаръ
Не заслужилъ, чтобъ сей сразилъ его ударъ!

СГАНАРЕВЪ.

Ей такъ!

СОФЬЯ.

Которое.... но я мятусь чрезмѣрно:
Измѣны этой я не перенесу навѣрно.

СГАНАРЕВЪ.

Но не сердитесь такъ, жалѣя объ моей
Судьбѣ, сударыня!

СОФЬЯ.

Не мысли же, злодѣй,
Чтобъ я упреками тебѣ одними мстила:

Нѣтъ, злоба бо̀льшее мнѣ мщеніе внушила!
Я знаю, чѣмъ тебя мнѣ должно наказать;
Пойду, ничто меня не можетъ удержать!
(*Уходитъ.*)

═

ЯВЛЕНІЕ II.

СГАНАРЕВЪ одинъ.

Пусть Богъ тебя за то вовѣкъ не оставляетъ! —
Какая добрая! мстить за меня желаетъ!
Да что же я могу? . . . И пылкій гнѣвъ ея
Показываетъ мнѣ, что̀ долженъ дѣлать я.
Впрямъ этакихъ обидъ сносить никакъ не должно,
Не бывъ скотиною. — Пойду и не отложно,
Бродягу этого сыскавъ гдѣ нинаесть,
Отпотчую путемъ, отмщу за нашу честь.
О! я тебя, дружокъ! переломивши руки,
Дамъ знать я каково играть съ мужьями штуки!...
Потише. . . . Кажется, такой рогоковачъ
Ничуть не терпѣливъ и нѣсколько горячъ;
Онъ можетъ въ руки взять увѣсисту дубину,
Какъ лобъ мнѣ наклеплъ, такъ и наклеитъ спину.
Я вовсе не люблю запальчивыхъ людей,
И миролюбію привязанъ всей душей;
Я никого не бью, чтобы не быть мнѣ биту,
И въ нужномъ случаѣ подставить радъ ланиту....
Но честь за эту мнѣ обиду мстить велитъ. . . .
Пускай честь, пусть ее что хочетъ говоритъ,
Ея совѣтъ хорошъ, я право въ томъ увѣренъ,
Но слушаться его ни мало не намѣренъ.

Когда я похрабрюсь, то шпага, по ефесъ
Воткнувшись въ грудь мою, животъ распоретъ весь;
Когда въ семъ городѣ моя смерть гласна будетъ,
Скажи, честь, что тебѣ изъ этого прибудетъ?
Въ могилѣ тѣсно вѣдь, да и душненько жить.
Я жъ не колдунъ, чтобъ могъ оттуда выходить. —
И такъ я этого намѣренъ придержаться,
Что лучше съ рогомъ жить, чѣмъ отъ роговъ скончаться.
И впрямъ: великая ль бѣда носить рога?
Испортится ль отъ нихъ станъ, видъ, рука, нога?...
Провалъ бы взялъ того безумца, сумасброда,
Кѣмъ ихъ считать за стыдъ принесена къ намъ мода,
Кто первый осудилъ мужей безчестье несть
За то, во что̀ жену легко чортъ можетъ ввесть!
Когда всякъ за свои проступки отвѣчаетъ,
То за жену зачѣмъ безвинно мужъ страдаетъ?
Зачѣмъ на бѣдныхъ насъ не нашу класть вину? —
Когда бѣсъ соблазнитъ безчестную жену,
На мужа вся бѣда и вся хула кладется;
Та глупость сдѣлаетъ, тотъ глупымъ остается!
О, это пакостный обычай! и приказъ
Призрѣнья общаго дать долженъ бы указъ,
Чтобы за женъ мужьямъ никакъ не быть въ отвѣтѣ.
Не мало ли и такъ печалей намъ на свѣтѣ?
Гоненья, ябеды, болѣзни, жажды, гладъ
Довольно нашу жизнь во весь нашъ вѣкъ тягчатъ.

На что же намъ самимъ напасти наши множить,
О томъ кручиниться, что̀ не должно тревожить?
Такъ плюнемъ мы на всѣ такіе пустяки,
Пускай грустятъ одни о вздорахъ дураки.
Жена грѣшитъ — она жъ и кайся; а мнѣ что?
Зачѣмъ грустить?... рога ношу? — такъ я за то
Сыскалъ отличную, превыспреннюю честь —
И многихъ изъ бояръ въ товарищи причесть.
Съ кѣмъ шашни у жены знать, не сказавъ ни слова,
Привычка у бояръ самихъ ни чуть не нова. —
И такъ зачѣмъ входить мнѣ въ драку или въ споръ
За сущи пустяки, за совершенный вздоръ? —
Мнѣ станутъ, можетъ быть, когда смолчу, смѣяться?
Мнѣ смѣхъ сходнѣе снесть, чѣмъ на бѣду метаться.

(*Положа руки на грудь.*)

Но кровь волнуется и ярость тутъ кипитъ,
Она за честь мою вступиться мнѣ велитъ:
Нѣтъ, полно трусить мнѣ — пойду пріосамлюся
И отомстить тотчасъ нахальнику потщуся;
Пойду и разглашу, позвавъ его на бой,
Что шашни у него давно съ моей женой.

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ТОРГОВИНЪ, СОФЬЯ, НАСТАСЬЯ.

СОФЬЯ.

Теперь ужъ, батюшка, я не противлюсь болѣ,
И слѣдовать во всемъ готова вашей волѣ.
Женой Аршинина я соглашаюсь быть,
А прежнюю любовь изъ мысли истребить.
Я слабостямъ моимъ хочу сопротивляться,
И словомъ: слѣпо вамъ во всемъ повиноваться.

ТОРГОВИНЪ.

Вотъ этаки меня отвѣты веселятъ!
Теперь, разумница моя, ну, право, такъ я радъ,
Что ноги антраша мои бы прыгать стали,
Когда бъ сторонніе на насъ здѣсь не зѣвали.
Но дай себя сто разъ, сто разъ поцѣловать, —
За это насъ никто, никто не станетъ осуждать.
Отецъ поцѣловать дочь можетъ безъ зазора
И даже посреди Вселенскаго Собора.
Ну, радъ я! право радъ; отъ радости, повѣрь,
Десятокъ лѣтъ я вдругъ помолодѣлъ теперь.

(*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ II.

СОФЬЯ, НАСТАСЬЯ.

НАСТАСЬЯ.

Поступокъ страненъ вашъ!

СОФЬЯ.

А если я открою
Причину этого, то будешь ты со мною
Согласна.

НАСТАСЬЯ.

Можетъ быть.

СОФЬЯ.

Милетъ мнѣ измѣнилъ:
Онъ, тайно возвратясь, отъ насъ здѣсь скрытно жилъ.
Невѣрный!

НАСТАСЬЯ.

Вотъ и самъ онъ къ вамъ идетъ.

═

ЯВЛЕНІЕ III.

СОФЬЯ, МИЛЕТЪ, НАСТАСЬЯ.

МИЛЕТЪ.

Покуда
Не удалюсь навѣкъ, сударыня, отсюда,
Въ отчаяньи моемъ, осмѣлюсь попѣнять.

СОФЬЯ.

Какъ смѣешь ты себя глазамъ моимъ казать?

МИЛЕТЪ.

Такъ, гнѣвъ вашъ справедливъ: я долженъ повиниться.
И вашимъ выборомъ вы можете хвалиться!
Живите, веселясь несчастіемъ моимъ,
Сударыня, съ своимъ супругомъ дорогимъ.

СОФЬЯ.

Да, съ нимъ я жить хочу, измѣнника забуду:
Твоею горестью я веселиться буду.

МИЛЕТЪ.

Но чѣмъ противъ меня вы столь оскорблены?

СОФЬЯ.

Измѣнникъ! онъ своей не хочетъ знать вины!

═

ЯВЛЕНІЕ IV.

СОФЬЯ, МИЛЕТЪ, НАСТАСЬЯ, СГАНАРЕВЪ (*въ кирасѣ, въ большой шляпѣ, въ ботфортахъ и съ длиннымъ палашемъ*).

СГАНАРЕВЪ (*не видя ни кого*).

Стрѣляй, коли, руби, рѣжь этого бродягу,
Который чести насъ лишить имѣлъ отвагу.

СОФЬЯ (*показываетъ Милету Сганарева*).

Невѣрный! посмотри сюда: вотъ мой отвѣтъ.

МИЛЕТЪ.

Я вижу....

СОФЬЯ.

Сей тебя ужъ обличитъ предметъ.

МИЛЕТЪ.

Ни чуть; но васъ краснѣть онъ долженъ бы заставить.

СГАНАРЕВЪ (*все не видя ни кого*).

Теперь бы то путемъ я могъ его отправить!
Гнѣвъ богатырскую мнѣ храбрость придаетъ,
И если встрѣчусь съ нимъ, то до бѣды дойдетъ:
Прощайся съ жизнію; убить его клянуся,
Гдѣ бъ ни нашелъ его, то тамъ же и вцѣплюся,
(*Увидя Милета, крадется къ нему, вынувъ до половину палашъ*).
Да вотъ онъ. — Двину въ тылъ злодѣю моему.

МИЛЕТЪ (*оборотясь, къ Сганареву*).

Къ кому вы пристаете?

СГАНАРЕВЪ (*вдвинувъ палашъ*).

Кто, я? — я ни къ кому,

МИЛЕТЪ.

Къ чему же рыцарскій нарядъ?

СГАНАРЕВЪ.

Я такъ одѣлся,
Отъ слякоти (*въ сторону*). Когда бъ да онъ не осмотрѣлся,
Пырнулъ бы я ему межъ ребръ невзначай.

МИЛЕТЪ.

Что?

СГАНАРЕВЪ (*бьетъ себя по щекамъ*).

Что? — ну, ничего. — Трусъ, олухъ, негодяй!

СОФЬЯ (*Милету*)

Смущаешься при немъ, я вижу, ненапрасно:
Въ твоей винѣ тебя изобличитъ онъ ясно.

МИЛЕТЪ.

Въ моей винѣ? никакъ; но онъ мнѣ доказалъ,
Что тщетными себя я клятвами ласкалъ,
Что, положась на нихъ, ошибся я чрезмѣрно.

СГАНАРЕВЪ (*въ сторону*).

Прямая баба я!

СОФЬЯ.

Ахъ, перестань, невѣрный,
Безстыдно на себя брать непорочный видъ.

СГАНАРЕВЪ (*въ сторону*),

Ты слышишь, какъ она за честь твою стоитъ.
Трусливый Сганаревъ! Да, ну жъ, — ну, дружно,
смѣло,
Ну сдѣлай славное и богатырско дѣло
И рыцарски его рѣзни украдкой въ тылъ....

МИЛЕТЪ (*Софьѣ*).

И такъ, какъ страстный мой вамъ выговоръ не
милъ,
То долженъ я теперь упреки всѣ оставить
И съ этимъ счастливымъ васъ выборомъ по-
здравить.

СОФЬЯ.

Да, выборъ мой ни чѣмъ не можно охуждать,
Сударь!

МИЛЕТЪ.

Не стыдно ли его вамъ защищать?

СГАНАРЕВЪ (*Милету*).

Не стыдно, господинъ, и это ей пристало.
А вамъ, сударь, хвалы не дѣлаетъ ни мало.
Такой позоръ; когда бъ и я вспылить хотѣлъ,
То, право бы, дошло до кровопролитныхъ дѣлъ.

МИЛЕТЪ.

Но что я сдѣлалъ вамъ? Какая бы причина....

СГАНАРЕВЪ.

Подите! вамъ моя извѣстна ужъ кручина;
Но отъ соблазна вы, сударь, себя храня,
Должны знать, что я взялъ жену лишь для меня,
И что, кто на нее хоть малымъ посягаетъ,
Чужую собственность тотъ прихватить желаетъ.

МИЛЕТЪ.

Васъ подла эта мысль тревожить не должна:
Какъ скоро я узналъ, что вамъ она жена,
То истребилъ любовь, вы можете повѣрить.

СОФЬЯ.

Ахъ, какъ, измѣнникъ, ты умѣешь лицемѣрить!

МИЛЕТЪ.

Какъ? не ужель и вы хотите заключать,
Что могъ безчестну толь надежду я питать?
Скажите, было ль мнѣ бездѣльство это сродно?

СОФЬЯ.

Съ нимъ изъяснись, когда тебѣ все знать угодно.

СГАНАРЕВЪ (*Софьѣ*).

Вы лучше за меня стоите, чѣмъ я самъ,
Сударыня. — Самъ Богъ за то отплатитъ вамъ!

═

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и МАРѲА.

МАРѲА (*къ Софьѣ*).

Хотя ревнивою могу, вамъ показаться,
Сударыня, но мнѣ нельзя не догадаться,
Что́ дѣлается тутъ. Я не хочу вспылить,
Но вашихъ мнѣ нельзя поступокъ похвалить:
Вы отъ меня отвлечь стараетесь напрасно
Того, кто лишь меня любить божился страстно.

СОФЬЯ.

Она жъ и не таитъ безчинства своего!

СГАНАРЕВЪ.

Никто не требовалъ прихода твоего,
Змѣя! что за меня стоитъ она, ты злишься;
Знать, милаго дружка ты потерять боишься?

СОФЬЯ (*къ Марѳѣ*).

Не бойтесь, это ввѣкъ не должно васъ страшить
(*Къ Милету*).
Ты видишь; — на это что можешь говорить?

МИЛЕТЪ.

Но что же на это?

НАСТАСЬЯ.

Нѣтъ, отгадать не можно,
Когда сумятицѣ такой рѣшиться должно.
Чѣмъ болѣ слушаю, тѣмъ менѣе мой умъ
Доходитъ, отъ чего родился этотъ шумъ.
Какъ вижу, надо мнѣ рѣшить сію загадку.
(*Становится межъ Софьею и Милета*)
Прошу, отвѣтствуйте мнѣ, только по порядку.
(*Къ Милету*)
Вы барышню мою въ чемъ можете винить?

МИЛЕТЪ.

Какъ въ чемъ? въ томъ, что она могла меня забыть
Такъ скоро; что когда, по слухамъ имовѣрнымъ,
О столь измѣнѣ злой, съ терзаніемъ чрезмѣрнымъ,
Гонимъ любовію, сюда я прискакалъ,
То вѣроломную ужъ замужемъ засталъ!

НАСТАСЬЯ.

Какъ замужемъ? — Кто жъ мужъ?

МИЛЕТЪ (*указывая на Сганарева*).

Вотъ онъ.

НАСТАСЬЯ.

Какъ, — онъ

МИЛЕТЪ.

Такъ точно.

НАСТАСЬЯ.

Да кто жъ вамъ сказалъ?

МИЛЕТЪ (*указывая на Сганарева*).

Онъ самъ.

НАСТАСЬЯ (*къ Сганареву*).

Ужъ ли нарочно

Вы? . . . .

СГАНАРЕВЪ.

Я сказалъ, что я . . . . моей женѣ я мужъ.

МИЛЕТЪ (*Сганареву*).

Но въ вашихъ я рукахъ портретъ мой видѣлъ?

СГАНАРЕВЪ.

Ну-жъ,

Что далѣе? — вотъ онъ!

МИЛЕТЪ.

Вы сами говорили,

Что отъ своей жены его вы получили?

СГАНАРЕВЪ.

Такъ точно; изъ ея проклятыхъ вырвалъ рукъ.

(*Указывая на Марѳу*).

И безъ того бъ не зналъ ея всѣхъ скверныхъ штукъ.

МАРѲА.

Какія штуки? вздоръ ты мелешь обычайно:
Портретъ здѣсь на столѣ сыскала я случайно,
И этого когда я барина ввела
(*показывая на Милета*),
Въ нашъ домъ, покудова болѣзнь его прошла,
Примѣтить не могла въ немъ сходства я съ портретомъ.

СОФЬЯ.

Какъ вижу, я одна виновна въ дѣлѣ этомъ,
Портретъ вашъ уроня здѣсь въ обморокѣ томъ,
(*къ Сганареву*).
Въ которомъ вы меня перенесли въ нашъ домъ.

НАСТАСЬЯ.

Вотъ видите, мой умъ и тутъ вамъ пригодился.
Сумбуръ вашъ безъ меня вовѣки бъ не рѣшился.

СГАНАРЕВЪ (*подумавши*).

Принять ли это мнѣ все за наличный грошъ? . . .
Но лобъ мой все еще, все ёжится какъ ёжъ.

МАРѲА.

Нѣтъ; не совсѣмъ еще прошла моя тревога;
Хотя наружность льститъ, но я боюсь подлога.

СГАНАРЕВЪ.

А почему жъ самимъ себѣ не довѣрять?
Я болѣе тебя могу здѣсь потерять. —
Быть такъ: миръ! по рукамъ и доброю порою.

МАРѲА.

Изволь, но береги висковъ, какъ что открою.

СОФЬЯ.

Ахъ, что я сдѣлала въ невѣдѣньи моемъ! —
Сочтя невѣрнымъ васъ, передъ моимъ отцемъ
Теперь въ замужество вступить я обѣщалась
Съ тѣмъ, отъ кого для васъ такъ долго отрицалась!
Чѣмъ отразить ударъ, который намъ грозитъ?
Ужъ батюшка . . . . вотъ онъ!

МИЛЕТЪ.

Онъ въ словѣ устоитъ.

═

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТѢ же и ТОРГОВИНЪ.

МИЛЕТЪ (*къ Торговину*).

Привязанъ страстію, любовію чрезмѣрной
Я къ вашей дочери: надеждой льщуся вѣрной,
Что не откажетесь вы слова мнѣ сдержать,
Чтобы судьбу ея съ моею сочетать.

ТОРГОВИНЪ (*передразнивая его*)

Привязанному столь любовію чрезмѣрной
Къ любезной дочери и льстящемуся вѣрной
Надеждою, что я.....чтобъ слово удержать
Не откажуся двухъ судебъ я сочетать. —
Покорнѣйшій слуга!

МИЛЕТЪ.

Что за отзывъ суровый!
Иль такъ вы держите, сударь, честное слово?

ТОРГОВИНЪ.

Такъ исполняю долгъ отца, и дочь моя
Согласна съ волею родительской.

СОФЬЯ.

Кто я?
Нѣтъ, батюшка, сударь, и ваше обѣщанье
Священно быть должно.

ТОРГОВИНЪ.

Опять за бормотанье!

Какъ смѣешь, дура, ты, играть такъ нагло мной?—
Недавно, передъ симъ, Аршинина женой
Желала быть .... Да вотъ отецъ его, конечно.
Чтобъ дѣло заключить, идетъ онъ.

ЯВЛЕНІЕ VII и ПОСЛѢДНЕЕ.

Тѣ же и АРШИНИНЪ.

ТОРГОВИНЪ (*къ Аршинину*).

Радъ сердечно,
Что вижу васъ. — Зачѣмъ принесъ Господь?

АРШИНИНЪ.

Мнѣ жаль,
Что объявить, сударь, я долженъ вамъ печаль;
Но долженъ объявить.—Сговоръ нашъ разорвался:
Ужъ годъ тому, какъ сынъ мой тайно обвѣнчался;
А я теперь узналъ.

ТОРГОВИНЪ.

Вы не печальну вѣсть,
Повѣрьте мнѣ, сударь, изволили принесть.
Скажу, и это вамъ покажется то жъ ново,
Что милости его давно я далъ ужъ слово
(*указываетъ на Милета*).
Принять въ мою семью: онъ изъ полку сейчасъ
Лишь прибылъ къ намъ.

АРШИНИНЪ.

Я радъ и поздравляю васъ!

МИЛЕТЪ (*цѣлуя руки Софьи*).

О, счастье! съ чѣмъ восторгъ возможетъ мой
сравняться?

ТОРГОВИНЪ.

Пойдемъ къ веселому пирку приготовляться.
(*Уходятъ всѣ, кромѣ Сганарева*).

СГАНАРЕВЪ (*одинъ, долго подумавши*).

Кто ближе могъ меня, казалось, быть къ рогамъ?
Вотъ какъ обманутъ тотъ, повѣрилъ кто глазамъ!
(*къ зрителямъ*).
Примѣръ мой завсегда имѣйте на примѣтѣ:
Все видя, ни чему не вѣрьте вы на свѣтѣ.

КОНЕЦЪ.

АНТИГОНА.

ТРАГЕДІЯ

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТІЯХЪ,

ВЪ СТИХАХЪ.

Представлена въ первый разъ на Маломъ Театрѣ, въ бенефисъ г-жи Семеновой большой. Сентября 21, 1815 года.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Креонтъ, царь ѳивскій, г. Бобровъ.

Антигона, дочь Эдипа, царя ѳивскаго, г-жа Семенова бол.

Эгина, наперстница ея, г-жа Петрова.

Эмонъ, сынъ Креона, г. Брянскій.

Димасъ, г. Каменогорскій.

Форбатъ, наперстникъ Креона, г. Толченовъ.

Стража.
Жрицы. } ѳивскіе.
Народъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

—

(*Театръ представляетъ царскіе чертоги.*)

ЯВЛЕНІЕ I.

КРЕОНТЪ, ФОРБАТЪ.

КРЕОНТЪ.

Свершила наконецъ всѣ ужасы война,
И кровью братій двухъ земля обагрена.
Рѣшило Ѳивъ судьбу сраженіе кроваво,
Эдиповыхъ сыновъ на тронъ исчезло право:
Другъ другу давъ ударъ, во прахъ они легли,
И право то во адъ съ собою увлекли.
Отъ смерти ихъ сама природа се трепещетъ,
Но межъ сихъ ужасовъ мнѣ лучъ утѣхи блещетъ.

ФОРБАТЪ.

Возможно ли Креонтъ чтобъ столько былъ жестокъ,
Чтобъ, видя нынѣ какъ свирѣпствуетъ здѣсь рогъ,
Не пролилъ капли слезъ и не былъ сердцемъ тронутъ?

КРЕОНТЪ.

Оставимъ плачъ другимъ, пусть слабы души стонутъ.
Пусть Антигона, днесь лишася братій двухъ,
Безплодно свой объ нихъ терзаетъ грустью духъ,

Пусть мечется въ тоскѣ, пусть слезы проливаетъ,
И тѣмъ о праздномъ здѣсь престолѣ забываетъ.
Пусть, ставя сынъ мой страсть къ царевнѣ за уставъ,
Изъ братіевъ въ одномъ самъ друга потерявъ,
Соплачетъ ей и тѣмъ любезной угождаетъ.
Скорбящая душа всегда слаба бываетъ.
Потребна твердость мнѣ, и вреденъ скорби видъ,
Когда Эдиповъ днесь престолъ мнѣ предстоитъ.

ФОРБАТЪ.

Но трона у тебя никто отъять не можетъ;
Тебѣ остался онъ; иль мысль тебя тревожитъ,
Что можешь быть лишенъ? . . .

КРЕОНТЪ.

То правда, я достигъ
Въ смущеньяхъ сихъ всѣхъ мѣръ, мнѣ кажется, своихъ.
Алкающій давно душею всей я трона,
И зря, что братья тѣ суть мнѣ къ нему препона,
Путями скрытными въ нихъ ненависть вселилъ,
Чтобъ тронъ очистили, я ихъ вооружилъ.
Я признаюсь, война основана та мною;
Креонтовъ былъ совѣтъ, чтобъ дерзкою рукою
Державу Этеоклъ неправедно хранилъ,
Которой по чредѣ лишь править долженъ былъ,
И право бъ защищалъ оружьемъ не геройско.
Подъ Ѳивы Полиникъ привлекъ аргивско войско,
Мной тайно наученъ, съ Адрастомъ съединясь,
Отечеству грозилъ, на брата разъярясь.
Въ срединѣ сей они неслыханныя брани

Другъ друга поразить взнесли грозящи длани,
И кровь забывъ, одну вражду вмѣня въ законъ,
Взаимный давъ ударъ, извергли души вонъ.
Безъ нихъ здѣсь кто меня достойнѣе державы?
Къ тому же Этеоклъ въ поля стремясь кровавы,
Вельможамъ, воинству торжественно изрекъ,
Чтобъ скипетръ я пріялъ, коль онъ свой кончитъ вѣкъ.
Вотъ права сильныя; но стали бы всѣ слабы,
Когда моя душа унизиться могла бы;
Когда на нихъ я всю надежду полагалъ,
И самъ, не дѣйствуя, въ уныніи дремалъ.
Въ сихъ случаяхъ народъ къ волненію способенъ,
И первый, кто дерзнетъ, восхитить скиптръ удобенъ.
Адрастъ, предъ Ѳивами со войсками стоящъ,
Царевна, самъ мой сынъ, любовью къ ней горящъ, —
Всѣ могутъ быть мои соперники опасны.
Но мнѣ, оставя имъ крушенія напрасны,
Мнѣ надобно, Форбатъ, ихъ всѣхъ предупредить
И твердостью души порфиру уловить.
Доколѣ не въ вѣнцѣ, не буду я спокоенъ . . .

ФОРБАТЪ.

Единый, государь, ты здѣсь его достоинъ.
Доказываетъ днесь то твердость намъ твоя.
Дерзай, надеженъ, будь: корона ждетъ тебя.
Ужъ нашихъ согражданъ согласное собранье
Готово увѣнчать сіе твое желанье.
Предстань лишь токмо имъ: всѣ примутъ твой законъ.

КРЕОНТЪ.

Будь долей мнѣ, о, верхъ моихъ желаній, тронъ!
Одѣй меня своимъ сіяніемъ, порфира!
И тотчасъ докажу въ очахъ всего я міра,
Что сквозь преграды всѣ, умѣвъ тебя снискать,
Незыблемой рукой умѣю и сдержать.
Пойдемъ, предстанемъ днесь соборищу всѣхъ
Ѳивянъ.

(Хочетъ уйти, но встрѣтясь съ Антигоною, предъ нею останавливается)

═

ЯВЛЕНІЕ II.

АНТИГОНА, КРЕОНТЪ, ЭГИНА, ФОРБАТЪ.

КРЕОНТЪ.

Царевна, я тебѣ, страшася быть противенъ
Утѣхою своей, того знать не даю,
Сколь въ сердцѣ чувствую я всю напасть твою.
Когда усильно мы несчастнымъ сострадаемъ,
То, можетъ быть, лишь тѣмъ ихъ скорби умно-
жаемъ.
Чту долгомъ я тебѣ въ слезахъ свободу дать,
И вскорѣ видѣть ихъ отертый токъ желать.

═

ЯВЛЕНІЕ III.

АНТИГОНА, ЭГИНА.

АНТИГОНА.

Въ отчяяньи моемъ отрады ненавидя,
Благодарю его, что, скорбь мою онъ видя,

Утѣхой суетной меня не отягчилъ.
Ахъ! кто бы скорбь мою умалить въ силахъ былъ?
Для поражаемой судьбою Антигоны
Утѣхой жалобы осталися и стоны.
Въ мракъ вѣчный братія мои погружены;
Но кѣмъ?... другъ другомъ, ахъ! они умерщ-
влены.
А я, несчастная! жить въ свѣтѣ долженствую,
Чтобъ въ сердцѣ, помня ихъ, питати муку злую.
Узнавъ, что каждый въ нихъ, лишенный жизни,
палъ,
Равно объ каждомъ, ахъ! мой духъ вострепеталъ.
Пускай между собой ихъ раздѣляла злоба,
Они любезны мнѣ: они мнѣ братья оба.
Слезами жертвую имъ вкупѣ обоимъ,
И душу ужасомъ наполнила я злымъ.
Но что, Эгина, ты?... что слѣдуешь за мною?
Не хочешь ты мнѣ дать мгновеннаго покою.

ЭГИНА.

Ты рвешься горестью, всю твердость погубя.
Въ семъ состояньи какъ оставить мнѣ тебя?

АНТИГОНА.

Всѣ обо мнѣ твои старанья мнѣ несносны.
Премѣнишь ли ты тѣмъ судьбы уставы злостны?
Когда ужаснѣйшій тотъ слухъ меня достигъ,
Что братій нѣтъ, увы! на свѣтѣ ужъ моихъ,
Тогда, отчаянья несчастная ставъ жертва,
Я силъ лишася всѣхъ, предъ всѣми пала мертва:
Вы, ревностью меня зловредной тяготя,
Вселили мукъ соборъ, жизнь въ сердце возвратя.

Почто тогда меня избавили вы смерти?
Она хотѣла жизнь и всѣ съ ней бѣдства смерти.
Стократно сноснѣй намъ одинъ разъ умереть,
Чѣмъ продолжительны удары тѣ терпѣть.

ЭГИНА.

Коль сами Небеса о жизни въ насъ пекутся,
То знакъ, что наши тѣмъ всѣ бѣдствія прервутся.
Спокойство восприми, повѣряся на нихъ;
Отчаяньемъ не смѣй предѣлъ нарушить ихъ.
Не знали, крови узъ тѣ братія несчастны,
И преступленія влекли къ себѣ ужасны.

АНТИГОНА.

Я знаю, ихъ смирить небесный громъ былъ слабъ,
Единый и другій неистовства былъ рабъ:
Геенною престолъ скоряе бъ искупили,
Чѣмъ распри ихъ вину другъ другу бъ уступили.
О, преткновеніе возвышенныхъ сердецъ!
О, тронъ! облещущій, но тягостный вѣнецъ!

ЭГИНА.

Забудь напасти всѣ, конецъ увидѣвъ имъ.

АНТИГОНА.

Довольно ль, боги! весь Эдиповъ родъ гонимъ?
Правдиво ль ты, о рокъ! ко смертнымъ толь враждуешь,
Что грѣхъ отеческій и въ чадахъ наказуешь?
Остатокъ крови сей что удивила свѣтъ,
Чего должна я ждать, кромѣ единыхъ бѣдъ?
Всечасно мысль моя тѣмъ будетъ пораженна,
Что моего отца я матерью рожденна,

Что я, увы! сестра братоубійцевъ двухъ,
Что родъ нашъ славенъ тѣмъ, что ужасовъ въ
немъ духъ.
О, боги! отъ меня сіи злодѣйства скройте;
Иль смерть въ отраду мнѣ стремительно устройте.
Разгнѣванной судьбы принесши злой ударъ,
Я жизнь вмѣняю въ ядъ, а смерть въ сладчайшій
даръ.

ЭГИНА.

Спокой, царевна, свой смятенный духъ ты нынѣ;
Въ Креонтовомъ увидь свою надежду сынѣ.
Эмона любишь ты, Эмонъ тобой горитъ:
Владычицы своей онъ счастье сотворитъ.

АНТИГОНА.

Хотя надежда вся моя въ одномъ Эмонѣ,
Слаба она душѣ отъ скорбѣй къ оборонѣ.

ЭГИНА.

Какъ можешь ты имѣть сомнѣнія о томъ?

АНТИГОНА.

О немъ сомнѣнія во сердцѣ нѣтъ моемъ.
Пылающъ мной, любимъ, герой великодушенъ,
Не можетъ быти онъ тѣмъ чувствіямъ пре-
слушенъ,
Которыя всегда ко мнѣ его влекутъ,
И нашихъ ужъ давно сердецъ союзъ плетутъ.
Всегда меня въ своей онъ страсти увѣряетъ.
Я бъ вѣрила тому, что мною онъ сгараетъ,
Хотя бъ боговъ не звалъ своихъ въ подпору словъ;
Гдѣ сердце дастъ обѣтъ, нѣтъ нужды до боговъ.

Простымъ его словамъ я болѣ клятвъ повѣрю,
Но тѣмъ, увы! своей печали не умѣрю:
За нѣжности свои, толь пламенно любя,
Найдетъ ли онъ во мнѣ награду для себя?
Могу ли сообщить хоть тѣнь ему спокойства,
Коль душу всю мою волнуютъ неустройства?
И слабы прелести пріятны ли тогда,
Какъ льется плачъ на нихъ, написана бѣда?
Я буду ввѣкъ къ себѣ, къ любезному строптива.
Ты зрѣла, какъ моя душа несправедлива
Смерть братіевъ моихъ въ вину ему причла;
Ты слышала, что я въ жару ему рекла;
Въ слѣдъ токмо одному стремяся изступленью,
Я дерзкому вдалась Эмона оскорбленью.
Забывъ, что воспретить имъ силъ онъ не имѣлъ,
Что крови-бъ онъ своей для нихъ не пожалѣлъ,
Забывъ, за все ему упрекомъ заплатила.
Иль мыслишь, что во мнѣ свирѣпа скорби сила,
Утихнувши на часъ, ввѣкъ станетъ лишь молчать?
Нѣтъ; вѣчно буду всѣхъ собою огорчать.
Всѣмъ чувствовать то дамъ, что духъ мой ощущаетъ.

═

ЯВЛЕНІЕ IV.

АНТИГОНА, ЭМОНЪ, ЭГИНА.

ЭМОНЪ.

Царевна, зрю, еще льетъ слезы и страдаетъ.
Эмону вся твоя чувствительна напасть;
Эмонъ во всемъ беретъ съ тобою равну часть.

Лишенна братій ты, лишенъ онъ друга нѣжна.
Всѣ чувствія его крутитъ печаль мятежна.
Но межъ сихъ ужасовъ, грызущихъ люто насъ,
Прости, коль онъ дерзнетъ вознесть утѣхи гласъ.
Свершенныхъ замѣнить бѣдъ, сѣтуя, не можно.
Добротою души блистающа не ложно,
Напасти долею своей должна ль ты честь?
Блаженствомъ будешь ты, какъ прелестями цвѣсть.
Дерзну ль рещи, что тѣмъ въ несчастьи облег-
ченна
Быть можеши, моимъ что сердцемъ обоженна?
Имѣетъ мой отецъ въ умахъ народа власть,
По братіяхъ твоихъ, его корона часть;
Я самъ, когда своей не тщетно силой льщуся,
Я въ дѣйство произвесть все для того потщуся,
Дабы ты дни вела достойные тебя.
И если, всей душей я пламенно любя,
Горячности своей узрю тебя причастну,
Владычицу свою когда увижу страстну,
Мнѣ вздохъ хотя одинъ дающую во мзду,—
Я ниже тѣмъ своей почту боговъ чреду.

АНТИГОНА.

Ко мнѣ Эмоновы мнѣ чувствія извѣстны:
Я знаю сколь они горящи и не лестны;
И склонность я къ тебѣ сколь сильную храню,
Давно уже ты самъ то вѣдаешь, я мню.
Но, ахъ! любя тебя душа моя страшится:
Да намъ сія любовь въ напасть не обратится.
Всѣ бѣдства испытавъ, мнѣ страшно все те-
перь . . .

По симъ боязнямъ ты мою горячность мѣрь...
Мнѣ мой разсудокъ страсть губить повелѣваетъ,
Но сердце верхъ беретъ, ему все уступаетъ.
На скорби не смотря, которыя терплю,
Забыти не могу, что я тебя люблю.
Постраждуль вѣчно я, въ мученьяхъ ли увяну,
Любити никогда Эмона не перестану.

═

ЯВЛЕНІЕ V.

АНТИГОНА, ЭМОНЪ, ЭГИНА, ФОРБАТЪ.

ФОРБАТЪ.

Царевнѣ возвестить Креонтъ меня послалъ,
Что нынѣ скипетръ онъ по праву воспріялъ.
Изъ рода нашихъ онъ царей теперь старѣйшій,
Потщится онъ разгнать напасти наши злѣйши.
Не сомнѣваясь въ томъ, что, въ скорби ты своей,
Себѣ единыхъ ждешь несчастья полныхъ дней,
Въ противномъ онъ тому тебя мной увѣряетъ:
Онъ должностію то себѣ предпоставляетъ,
Чтобъ крови ты своей приличну жизнь вела.
Останешся ты тѣмъ, что прежде ты была.
Хоть братія твои владѣти здѣсь не будутъ,
Что дщерь Эдипа ты, то Ѳивы не забудутъ.

АНТИГОНА.

Креонта я моихъ отцевъ на тронѣ зря,
Желаю видѣть въ немъ достойнаго царя.
Не мню, чтобы онъ столь душею сниспустился,
Несчастну безъ него тѣснить чтобъ вящше тщился.

Мою не въ силахъ онъ унизити чреду,
Подпоры отъ него, не милостей я жду.
Вѣщай ему, коль мнѣ доставитъ часть плачевну,
Онъ не рабу казнитъ, но оскорбитъ царевну.

═

ЯВЛЕНІЕ VI.

АНТИГОНА, ЭМОНЪ, ЭГИНА.

ЭМОНЪ.

Се явственна судьба споспѣшествуетъ намъ,
Не къ горестнымъ ведетъ, но къ радостнымъ,
нась днямъ.
Державную здѣсь власть пріявшій мой родитель,
Желанья нашего явится совершитель.
Хоть гнѣвомъ на меня его палился духъ,
За то, что Полиникъ нѣжнѣйшій былъ мнѣ другъ;
Но днесь онъ укротитъ свой гнѣвъ неспра-
ведливый,
Коль братья и враги ужъ оба тѣ не живы;
Причину распри въ насъ постигнулъ коль конецъ,
Вновь къ сыну своему явится въ немъ отецъ.
Мы кротость въ немъ родимъ, когда ему пред-
станемъ,
И нашей заклинать его любовью станемъ,
Которыя ему чистѣйшій огнь не скрытъ,
Да бракомъ онъ сердца горящи съединитъ.
Докажемъ мы тогда, любви что совершенство
Двумъ смертнымъ можетъ дать верховное бла
жество,
Здѣсь долу ихъ судьбу съ небесною сравнить,
Заставить, все забывъ, другъ въ другѣ токмо жить.

Межъ тѣмъ престань платить ты скорби тщетны
дани,
Изъ мыслей днѣшнія изгнавши ужасъ брани,
Лишь счастьемъ будущимъ займи въ восторгѣ умъ.

АНТИГОНА.

Могу ль избавиться отъ лютыхъ сихъ я думъ?
Я братій, можетъ быть, тѣмъ память оскорбляю,
Что въ день, въ который ихъ обоихъ вдругъ теряю,
Къ страданію объ нихъ примѣшиваю страсть;
Но если бъ не она, сама бъ должна я пасть.
Летящу душу вонъ она остановляетъ;
Но, ахъ! не къ вящшимъ ли мученьямъ оживляетъ?
Не посылайте намъ вы оныхъ, боги! вновь.
Содѣлайте, моя невинна чтобъ любовь
Увѣнчанна была и одобренна вами.
Прославьте счастьемъ насъ, прославивши бѣдами.
Чѣмъ ваша мощь свята, коль не погубитъ зло?
Довольно здѣсь не слезъ, но крови ужъ текло.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

—

ЯВЛЕНІЕ I.

ЭМОНЪ, ДИМАСЪ, ПОСОЛЪ АРГИВСКІЙ.

ПОСОЛЪ.

Аргивскаго посла названіе священно
Носящу на себѣ, Адрастомъ повелѣнно,
Мнѣ предложеніе позволь ты учинить:
Онъ знаетъ дружбу, что душа твоя хранитъ
Къ союзнику его, несчастному герою,
Что отческой вражды была тебѣ виною;
И онъ осмѣлился, твое геройство знавъ,
Надѣяться, что ты, мысль равну съ нимъ пріявъ,
Виновнику отмстишь войны тоя кровавой,
Кой ненаказанно гордится здѣсь державой.
Склонись ты къ Ѳивамъ намъ путь тайный показать,
Чтобъ скипетръ изъ руки Креонтовой отъять...

ЭМОНЪ.

Какъ! мнѣ родителю измѣнникомъ явиться?...

ПОСОЛЪ.

Ты мыслишь, можетъ быть, что нашъ владыка
льстится
Отечествомъ твоимъ смятеннымъ овладѣть;
Намѣреній такихъ не можетъ онъ имѣть.
Онъ хочетъ лишь отмстить за кровь здѣсь про-
ліянну:
Содѣйствуй лишь ему,—и къ царскому ты сану
Узришь тебѣ стезю. Онъ Ѳивы лишь спасетъ
Отъ власти варварской, тебя на тронъ взведетъ.
Ты будешь здѣсь царемъ.

ЭМОНЪ.

Я болѣ не внимаю,
И выше чести я престолъ не поставляю.
Когда бы самъ Адрастъ сіе мнѣ провѣщалъ,
Достойно бы ему тогда я отвѣчалъ.
Ты жъ, удалясь отсель, неси во станъ аргивскій
Презрѣніе мое за ковъ толико низкій.
Поди.

═

ЯВЛЕНІЕ II.

ЭМОНЪ, ДИМАСЪ.

ЭМОНЪ.

Вотъ день убійствъ хотѣли чѣмъ свершить!
Къ паденію отца чтобъ сына побудить,
Ласкали скиптра мнѣ неправымъ полученьемъ.
Коль средство трона есть достигнуть преступ-
леньемъ,
Для добродѣтельныхъ сколь низокъ онъ сердецъ.
Злодѣй всегда злодѣй, хотя на немъ вѣнецъ.

ДИМАСЪ.

Закону чести ты во слѣдъ идя прямому,
Пороку никогда не пріобщишься злому
И будешь свойствами твоей великъ души.
Но, государь, ты мнѣ въ вину не припиши,
Коль удивленія я своего не скрою:
Зря въ горести тебя ... прилично ли герою
Вдавать себя тоскѣ, смущаться, трепетать?

ЭМОНЪ.

Возможно ль мнѣ, Димасъ, спокойну пребывать?
Всѣ ужасы въ сей день свершившіеся знаешь,
А ты еще меня смущеньемъ упрекаешь!
Какой не тронется свирѣпый человѣкъ,
Коль зрѣлъ въ глазахъ своихъ кровавыхъ волны рѣкъ!
Еще мечтаю я зрѣть въ другѣ сопостата ...
Се мертвый братъ лежитъ, низвергнувшій самъ брата ...
Къ чертогамъ ли я симъ отъ боя взоръ простру,
Въ потокахъ вижу слезъ ихъ тающу сестру ...
Ту, что и внутрь и внѣ красой небесъ блистаетъ,
Се ту отчаянье смертельно удручаетъ.
Ту, коей я горю ... и коею любимъ ...
Зрю преданну въ корысть печалямъ сердца злымъ.
Могу ли самъ я быть мученью не причастенъ?
Безчувства нѣтъ во мнѣ; не столько я несчастенъ.
Когда чьи скорби зрю, самъ скорбями дыша,
То ощущаю тѣмъ, что есть во мнѣ душа.
И въ томъ ли токмо знать героевъ должно свойствѣ,

Чтобъ, слыша стонъ другихъ, въ холодномъ быть
спокойствѣ!
Знакъ звѣрства одного поносный сей покой;
И если кто таковъ, онъ извергъ, не герой.

ДИМАСЪ.

Похвально чувствія хранити таковыя.
Но обстоятельства къ концу приходятъ злыя;
Напасти ужъ прошли и не настанутъ вновь.
Питай лишь общую съ царевной ты любовь,
Все ваше бѣдствіе въ блаженство превратится,
Вамъ жертвенникъ утѣхъ навѣки воскурится.

ЭМОНЪ.

Хоть кажется судьба намъ иногда сладка,
Но ядъ мѣшаетъ съ ней невидима рука;
И часто посредѣ минутъ благопріятныхъ
Мутимся мы въ душѣ отъ скорбей непонятныхъ.
Блаженство предо мной наружно предстоитъ,
Но внутренность моя другое мнѣ твердитъ:
Предчувствій мрачныхъ, ножъ во сердце, слышу,
входитъ,
И лютыхъ мукъ соборъ въ него съ собою вво-
дитъ;
Безвѣстны фуріи въ меня сыскали путь;
Зубовъ ихъ остріе грызетъ смятенну грудь:
Конечно, небеса, создавши насъ къ страданьямъ,
Симъ внутреннимъ жить въ насъ велѣли предвѣ-
щаньямъ,
Чтобъ предварители намъ были въ томъ они,
Что горесть за собой влекутъ счастливы дни.

═

ЯВЛЕНІЕ III.

КРЕОНТЪ, ЭМОНЪ, ФОРБАТЪ, ДИМАСЪ, ВОИНЫ.

КРЕОНТЪ.

Мой сынъ, колико я душею восхищаюсь,
Что день, порфирою въ который украшаюсь,
Предѣломъ всѣхъ намъ сталъ отечественныхъ
бѣдъ!
Не брани огнь горитъ, но мира блещетъ свѣтъ
Аргивцы чрезъ посла меня объ ономъ просятъ
Не мрачный кипарисъ, вѣтвь масличну приносятъ.
Сраженны смертію двухъ братій и враговъ,
Кровопролитія несчастнѣйшихъ творцовъ,
Желаютъ наложить оружію молчанье,
И нашихъ кончить стѣнъ упорно облежанье.
Довольно здѣсь уже свирѣпствовала брань;
Довольная была отъ Ѳивъ судьбѣ злой дань:
Се время наступить по смутностяхъ покою.
Хощу да счастіе мнѣ данныхъ чадъ устрою,
И миръ облобызавъ, тѣмъ царствовать начну,
Что изнуренную ущедрю всю страну.

ЭМОНЪ.

Коль прекратятся такъ дни бранію бурливы,
Отнынѣ, государь, всѣ будемъ мы счастливы;
Своею насадивъ здѣсь тишину рукой,
Ты будеши великъ не трономъ, но собой.
Къ несчастью смертныхъ всѣхъ царей, на свѣтѣ
мало,
Чье сердце миромъ быть прославленно желало.
Хоть славу за собой влечетъ всегда война,
Но кроткихъ честь царей—подвластныхъ тишина.

КРЕОНТЪ.

На полѣ ужаса, лютѣйшаго сраженья,
Побитыя тѣла лежатъ безъ погребенья.
Се нынѣ я даю велѣніе, какъ царь,
Да велелѣпнѣйшій воздвигнется алтарь,
И Этеокловъ трупъ на ономъ да сожжется,
Да прахъ его потомъ во урну соберется,
Дабы онъ былъ хранимъ межъ прахами владыкъ.
Братоубійца же, мятежный Полиникъ,
Кой къ отческу привлекъ чужое войско граду,
Могу ль и къ мертвому не чувствовать досаду?
Да будетъ, говорю, всѣхъ почестей лишенъ,
Да трупъ его лежитъ оставленъ, не сожженъ,
Да будетъ пищей онъ звѣрей и хищныхъ вра-
новъ. —
Се честь ко памяти измѣнниковъ, тирановъ!

ЭМОНЪ (*въ сторону.*)

Что слышу! сей ударъ царевну поразитъ.

КРЕОНТЪ.

Да весь народъ сіе мое велѣнье чтитъ,
Не смѣя оному ни въ чемъ быть прекословенъ
Кто жъ въ преслушаньи мнѣ явится днесь вино-
венъ,
Клянуся Стиксомъ я и силой царскихъ словъ,
Тотъ люту стерпитъ казнь, кто бъ ни былъ онъ
таковъ.

═

ЯВЛЕНІЕ IV.

АНТИГОНА, КРЕОНТЪ, ЭМОНЪ, ЭГИНА, ФОРБАТЪ, ДИМАСЪ, ВОИНЫ.

АНТИГОНА.

Владыкой Ѳивамъ ставъ, подпорой царску роду,
Услыши, государь, стенящую природу.
Сестра двухъ братій, брань жизнь коихъ пре-
рвала,
О должности твоей вѣщать тебѣ пришла.
Бездушны трупы ихъ, дымящися кровями,
Подъ грудой тѣлъ лежатъ предъ градскими стѣ-
нами:
Сихъ сами странъ цари и сынове царей,
По смерти злой не зрятъ достойныхъ имъ честей.
И должно ли, чтобъ мы имъ были судіями,
Когда мы убѣжать отъ зла не можемъ сами?
Оставимъ, смертны бывъ, грѣхи казнить богамъ:
Воздай симъ, государь, честь царскую тѣламъ,
И самымъ тѣмъ утѣшь въ печаляхъ сихъ ужас-
ныхъ,
Страдающихъ по нихъ сокровниковъ несчастныхъ.
Но сихъ моихъ рѣчей моленіемъ не чти;
Я требую: сестру, царевну въ томъ прости.
Ставъ благомъ ревность ту, которой я пылаю,
Исполнь не медля то, чего я ожидаю.
И такъ ужъ я стыжусь, что ты на тронъ вос-
шелъ,
А первый долгъ свершить до словъ моихъ ко-
снѣлъ.

КРЕОНТЪ.

Похвально сколь сіе чувствительное рвенье!
Мое къ царевнѣ имъ сугубится почтенье.
Но блескомъ лишь меня занятаго не мни,
И медленностію въ семъ дѣлѣ не вини.
Почто мнѣ ждать, чтобъ былъ я предваренъ тобою?
О чемъ ты мнѣ рекла, устроено все мною.
И воля въ томъ моя какой дала законъ,
Оставшійся съ тобой, повѣдаетъ Эмонъ.
Надѣюсь, что съ моимъ сообразясь желаньемъ,
Не омрачишь себя царскій гласъ роптаньемъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

АНТИГОНА, ЭМОНЪ, ЭГИНА, ДИМАСЪ.

АНТИГОНА.

Ужасною тоской мой разумъ потемненъ,
О новомъ былъ царѣ на-время заблужденъ.
Я вижу, что его я суетно винила;
Прости, коль я тебя въ отцѣ я огорчила;
Въ несчастныхъ не они, ихъ бѣдства говорятъ.

ЭМОНЪ.

Ахъ! въ чемъ прощать тебя?...

АНТИГОНА.

Въ семъ сердцѣ грусти ядъ
Волнуется, кипитъ, цѣпь мыслей разрываетъ.
Смущенно чувствую, смущенно гласъ вѣщаетъ.

Но ты мою печаль, сколь можно, днесь умѣрь,
Въ отрадѣ сей меня, любезный князь, увѣрь,
Что помнитъ твой отецъ, начавъ владѣть симъ
градомъ,
Чѣмъ долженъ нынѣ онъ царямъ и царскимъ ча-
дамъ. . . .
(*по нѣкоторомъ молчаніи*)
Но ты молчишь. . . .

ЭМОНЪ.

Страшусь... хоть долженъ я рещи...
Въ отчаянье тебя страшуся вовлещи.
Съ какимъ бы я тебѣ то возвѣстилъ стремленьемъ,
Что могъ бы счесть твоихъ прискорбій утѣшень-
емъ!
Но чтобы возвѣстить бѣды разящи насъ,
Готовый излетѣть остановился гласъ.

АНТИГОНА.

Еще мои бѣды, еще я вижу множатъ.
Когда судьбы конецъ страданьямъ симъ положатъ?

ЭМОНЪ.

Изъ братіевъ твоихъ злосчастнѣйшій единъ
Пріиметъ почести какъ странъ сихъ властелинъ.
Другой... Позволь судьбу мнѣ умолчать другова...
Сколь въ жизни, по концѣ столь часть его сурова.

АНТИГОНА.

Другова?.. умолчать?.. такъ... все я поняла
И ярость на кого небесная снизшла,
Къ тому и человѣкъ свою жестокость клонитъ!
Кто сильными гонимъ, того и слабый гонитъ.

Креонта смертными пустилъ рокъ обладать,
А область хочетъ онъ неправдою начать!
И изъ двухъ братіевъ, вражду питавшихъ равну,
По смерти одному назначилъ часть безславну,
Чтобъ въ жертву ихъ сестру мученіямъ предать,
И родъ весь до конца Эдиповъ истреблять!
Какъ! братъ мой будетъ днесь всѣхъ почестей
лишаться!
На мрачныхъ тѣнь его брегахъ должна скитаться!
А я!.. а я сіе могу ли претерпѣть?
Стократно легче бъ мнѣ со братьями умреть,
Чѣмъ самовидицей такого быть позора.
Креонтъ! увы! ты нашъ мучитель, не подпора.
Иль мыслишь, что, вѣнецъ блистающій надѣвъ,
Удобно разверзать тиранства можешь зѣвъ?
Забылъ, что кротостью къ богамъ владыка ближе;
На тронѣ что злодѣй простыхъ злодѣевъ ниже.
Но въ злобѣ утопать стремяся все сверши
И жизни дщерь царей послѣднюю лиши.
Вынь душу изъ меня и послѣ скорбно тѣло,
Не слыша пѣней сихъ, предай въ снѣдь звѣрямъ
смѣло,
Да брата и сестры жрутъ купно плоть они;
Спряженныхъ насъ родствомъ сей долей съедини.
Быть можетъ, что нашъ тлѣнъ проклятіе отрыг-
нетъ,
Которое ушей Креонтовыхъ достигнетъ,
И совѣсть у него тѣмъ въ сердцѣ пробудясь,
Отмститъ за насъ, вся вкругъ ехидною віясь.
Но нѣтъ... я мыслю, кто къ тиранству присту-
паетъ,

Заранѣе въ душѣ тотъ совѣсть затушаетъ.
Поди, реки ему, законы что храня
Онъ звѣрства своего, мертвитъ пускай меня...

ЭМОНЪ.

Ты въ изступленьи мнѣ гласишь: Креонтъ мучитель;
Разишь слухъ сына тѣмъ, что лютъ его родитель:
Заставила меня страдать стократно злѣй
Виною сей его, чѣмъ собственной своей,
И думаешь, что ты нужна ему быть жертвой;
Нѣтъ; смерть твою Эмонъ претерпитъ развѣ мертвой.
Я крови для тебя до капли бъ не щадилъ,
И жизней тысячью твою бъ жизнь искупилъ.
Но днесь не предстоитъ къ отчаянью намъ нужда:
Креонтова душа свирѣпствъ толь сильныхъ чужда.
Онъ смерти твоея возможетъ ли желать?

АНТИГОНА.

Коль въ томъ не хочешь ты его подозрѣвать,
Когда ты удержать мою жизнь алчешь слезну,
То сдѣлай опытъ въ томъ, утѣшь свою любезну:
Сыновнею мольбой Креонта преклони,
Да погребательны возжгутся днесь огни
Для братіевъ моихъ обоихъ равно...

ЭМОНЪ.

Боги!
Приникните съ небесъ и будьте мнѣ залоги.
Что если бы сіе свершить я въ силахъ былъ,

То вашими бъ ея слова себѣ вмѣнилъ.
Я люто стражду самъ, коль ты себя тревожишь;
Но твердый нравъ царевъ не вѣдать ты не можешь:
Что онъ предприметъ въ томъ стремителенъ, жестокъ,
И слову измѣнить за тяжкій чтетъ порокъ.
Хотя онъ не тиранъ, но духъ властолюбивый
Творитъ, что дѣйствуютъ въ немъ чувствія строптивы;
Моленьемъ не даетъ себя онъ побѣдить
И въ твердости границъ не знаетъ сохранить.

АНТИГОНА.

Такъ бѣдство зря мое, никто мнѣ не сострараждетъ,
Лишь токмо слезъ моихъ напиться всякій жаждетъ.
Злодѣи! истощу не слезы вамъ, но кровь.
Се пламенна ко мнѣ, Эмонъ, твоя любовь!
Холодностей своихъ пронзивъ меня мечами,
Всѣ клятвы чувствія содѣлалъ ты лжецами.
Ты звалъ боговъ: не имъ, я вѣрила тебѣ,
И пагубы сама тѣмъ строила себѣ.
Придетъ ли въ мысль слова тѣ опытомъ измѣрить,
Которыми, кто милъ, насъ силится увѣрить?
Такъ, слабой ты моей души владыкой сталъ,
И что вѣщалъ ты мнѣ, всѣмъ тѣмъ меня ласкалъ.
Но днесь, какъ рвутъ меня прискорбія ужасны,
Всѣ дѣйствія твои съ рѣчами не согласны.

Пріятна страсть сперва, но лютъ ея конецъ.
Таковъ же сынъ ко мнѣ, каковъ свирѣпъ отецъ.
Сокройся отъ меня...

ЭМОНЪ.

Чѣмъ виненъ предъ тобою?

АНТИГОНА.

Бѣги... я, зря тебя, слаба владѣть собою.
Коль ставишь ты въ ничто меня такъ оскорблять,
Бѣги и мыслямъ дай моимъ токъ вольный взять.
Бѣги, вѣщаю я...

═

ЯВЛЕНІЕ VI.

АНТИГОНА, ЭГИНА.

АНТИГОНА.

Колико я страдаю!
Въ мучителяхъ моихъ и тотъ, кѣмъ я пылаю.

ЭГИНА.

Возможно ль, чтобъ тебѣ мучителемъ былъ онъ!
Къ тебѣ его любовь — души его законъ.
Когда бы могъ твои онъ бѣдствія исправить,
Не нужно было бы его къ тому заставить.
Но коль уставъ Креонтъ далъ гнѣвомъ двигнуть
злымъ,
Вы опровергнуть то безсильны оба съ нимъ.
Во безмятежіи сноси свою ты долю;

Съ спокойствомъ на лицѣ смотри на царску
волю:
Лишь съ чувствіемъ къ нему презрѣніе вмѣщай.

АНТИГОНА.

Я больше сдѣлаю. Во мнѣ не ожидай
Изъ царской дщери зрѣть рабу другимъ подобну.
Могу ль я слѣдовать сему велѣнью злобну?
Къ Креонту праведно душей разсвирѣпѣвъ,
Въ сердечныхъ только свой сокрывши нѣдрахъ
гнѣвъ,
Безплодно стану ль я тоскою изнуряться?
Нѣтъ; чувствія сестры въ дѣлахъ моихъ явятся.
Коль долгъ царя Креонтъ не хочетъ совершить,
То я свой совершу.

ЭГИНА.

Что мыслишь учинить?

АНТИГОНА.

Коль Этеокла чтутъ по смерти какъ владыку,
Такую жъ честь сама воздамъ я Полинику.
Хоть велелѣпнаго лишится онъ костра,
Но славенъ сей обрядъ: сожжетъ его сестра.
Мракъ нощи, служитъ кой злодѣйствъ людей по-
кровомъ,
Споспѣшникъ будетъ въ семъ безгрѣшномъ дѣй-
ствѣ новомъ.
Невиннымъ можетъ быть въ немъ польза въ пер-
вый разъ.

Подъ сѣнію его отвагой воружась,
Изъ града выйду стѣнъ въ средину поля бранна,
Достигну сердцемъ тамъ предмета мной желанна:
Разрою груды тѣлъ сама своей рукой
И, братній трупъ обрѣвъ, омою слезъ рѣкой;
Почту его своей любви я ѳиміамомъ,
И кровью тучная земля мнѣ будетъ храмомъ:
Возшлю до облакъ вопль, любезный трупъ возжгу,
Со пламенемъ симъ огнь душевный сопрягу.

ЭГИНА.

Что слышу я! въ тебѣ какая дерзость дивна!
Въ опасности идешь ..

АНТИГОНА.

Не смѣй мнѣ быть противна;
Рѣшилась я. Меня не мысля удержать,
Потщися моея достойна дружбы стать
И не кажи въ своемъ мнѣ робости совѣтѣ.
Для слабыхъ только душъ опасности суть въ свѣтѣ.
Собравъ къ царевнѣ ихъ усердствующихъ женъ,
Жрицъ вѣрныхъ также бъ сонмъ былъ къ коимъ пріобщенъ,
Приди ко мнѣ. Мы всѣ изъ града выйдемъ тайно
Позорище звѣздамъ явить необычайно:
Въ превыспреннихъ яснѣй начнутъ онѣ блистать,
Узрѣвъ, что гдѣ предъ симъ свирѣпствовала рать,
Тамъ тѣ, слабѣйшими что чтутся существами,
Презрѣвъ тиранство, долгъ святый свершаютъ сами.

Любовь, которою мой къ брату духъ горитъ,
Средь ужасовъ мое величье сотворитъ.
Богамъ самимъ, мое предчувство въ томъ свидѣ-
тель,
Покажется сія завидна добродѣтель.

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

—

(Театръ представляетъ поле предъ градскими стѣнами, на которомъ сражались, и глубокую ночь. Даль составляютъ пригорки, изъ-за которыхъ видно разстилающееся по тмѣ зарево).

ЯВЛЕНІЕ I.

ЭМОНЪ, ДИМАСЪ, воины.

ДИМАСЪ.

Куда стремишься ты? тма нощи въ небесахъ,
А мы скитаемся на бранныхъ сихъ мѣстахъ.
Мы слѣдуемъ тебѣ: ты въ странномъ самъ смятеньи.
Иль хочешь страшное возобновить сраженье?
Иль нѣсколько часовъ ты миръ усталъ вкушать?
Усердныхъ воиновъ велѣлъ ты мнѣ избрать,
Въ опасности тебѣ чтобъ храбрость посвятили:
Покорствовать тому мы всѣ не укоснили.
Въ награду намъ свое намѣренье скажи:
Коль есть тебѣ враги, разить ихъ укажи.

Въ крови ль омыться чьей должна твоя досада?
Вѣщай, что дѣлать намъ въ часы сіи внѣ града?

ЭМОНЪ.

Не въ лютый бой входить, не лить алкаю кровь,
Невинность защищать мнѣ днесь велитъ любовь.
Не постигаешь ты стремленіе Эмона,
Когда въ опасности великой Антигона!
Чти жаръ священный тотъ, которымъ я горю;
Воззри на твердь, увидь отъ пламени зарю.
Ты будеши тогда исполненъ удивленья,
Познаешь какъ сего причину озаренья.
Велѣніе отца ты знаешь моего:
Я просьбу истощилъ нарушить чтобъ его;
Испытывалъ смягчить движенье въ немъ порочно,
И что предчувствовалъ, то сдѣлалося точно.
Но отъ Эгины что увѣдалъ нынѣ я!
Дивясь, о семъ душа смутилася моя.
Познай и ты сіе. Познай, что Антигона
Творительница ставъ великихъ душъ закона,
Не истощается безплодною тоской,
Но дѣйствіями полъ днесь превосходитъ свой.
Опасностей не зря въ отчаяньи, въ печали,
Свой долгъ она творитъ: се тѣ часы настали.
Но я все за нее былъ долженъ предузнать
И мѣры вѣрныя къ ея спасенью взять.
Сокрывшись здѣсь своей подвигнутъ силой страсти,
Отъ всякой огражду нечаянной напасти
Ту, коей я дивлюсь и коей всплامененъ.

Въ ней болѣ чѣмъ во мнѣ геройскій духъ вмѣщенъ;
Но я хотя ужъ тѣмъ надѣюся быть славенъ,
Любовью что своей съ ея любовью равенъ.

ДИМАСЪ.

Какой величества душевнаго примѣръ!
Въ обоихъ васъ равно безстрашію нѣтъ мѣръ.
Блистая напрерывъ изяществомъ сердечнымъ,
Вы слухъ своихъ именъ хотите сдѣлать вѣчнымъ.

ЭМОНЪ.

Кто героинею плѣненнымъ быть умѣлъ,
Въ геройствѣ тотъ, повѣрь, имѣетъ самъ удѣлъ.
На краѣ гибелей ее зря, быть спокойнымъ
Не есть любить ее, иль быть того достойнымъ.
Друзья, раздѣлите вы сей восторгъ со мной,
Что случай есть дать щитъ невинности собой.
Что можетъ болѣе возвысить человѣка,
Какъ то, коль не щадитъ онъ Небомъ данна вѣка,
Чтобъ добродѣтели со прелестьми спасти?
Мнѣ счастье за нее смерть лютую снести.
Съ движеньемъ сердца я въ семъ дѣйствѣ часть примаю,
Какъ будто бы днесь самъ трупъ брата сожигаю.
Превыше бренности мой, слышу, духъ возникъ.
Прими тѣ чувствія сердечны, Полиникъ,
Что памяти твоей въ даръ другъ твой посвящаетъ;
О жребіи твоемъ онъ слезы проливаетъ;
Онъ огнь тебѣ возжегъ на алтарѣ души:
Ты въ мрачныхъ областяхъ обѣтъ его внуши.

Коль въ вѣчну ввергнутъ нощь немилосердымъ
роcомъ,
Пронзительнымъ сюда изъ оной смотришь окомъ,
Какое для себя ты видишь торжество!
Се въ первый долгъ вмѣнивъ то, что велитъ родство,
И чувствія любви питая непреложны,
Сестра твоя тебѣ являетъ чести должны:
Тотъ, кто тебѣ былъ другъ, кто въ страсти къ ней горитъ,
На стражѣ у нее при тайнѣ сей стоитъ.
Презрѣли всѣхъ они, другимъ сіе чтобъ ввѣрить;
Всѣ страхи не могли ихъ жаръ къ тебѣ умѣрить.

ДИМАСЪ.

Се зрѣлище самихъ достойное Небесъ!
Но дымъ и пламя вѣтръ по воздуху разнесъ.
Ужъ тихнетъ все теперь, все снова померкаетъ:
Знать, Антигона сей обрядъ окончаваетъ...
(*Видно шествіе съ пригорковъ Антигоны и послѣдующихъ ей*).
Уже соборище въ дали я вижу женъ;
Является ихъ путь къ мѣстамъ симъ устремленъ.

ЭМОНЪ.

Сокроемся, друзья.

═══

ЯВЛЕНІЕ II.

АНТИГОНА, ЭГИНА, жрицы и женщины, Антигонѣ последующія.

АНТИГОНА.

(*Выходитъ изъ дали театра въ ночномъ безпорядкѣ, плачущая и съ урною въ рукахъ; прочія женщины ей послѣдуютъ*).

Предметъ для сердца слезный!
Сосудъ, вмѣщающій прахъ столько мнѣ любезный!
Весь брата тлѣнности остатокъ моего!
Свидѣтелемъ будь ввѣкъ отчаянья сего,
Отнынѣ коему есть жертвой Антигона.
Воззрѣти на тебя не возмогу безъ стона.
Ты будешь мнѣ въ умѣ всечасно представлять
Вину моихъ скорбей, ужаснѣйшую рать.
Напомнишь мнѣ . . . терпѣть я буду ли то въ силахъ?
Съ чьей кровью равная въ моихъ течетъ кровь жилахъ.
О, жителей небесъ священная судьба,
Съ которой братися всѣхъ смертныхъ власть слаба,
Ко добродѣтели моей содѣйствуй волѣ;
Къ различной правь меня съ сокровниками долѣ:
Да блага сѣмена въ душѣ я возвращу,
Злодѣйствъ себѣ въ твоихъ уставахъ не сыщу.
Коль чада жъ всѣ тобой Эдипа столь гонимы,
Что преступленье въ адъ имъ путь необходимый,
Неправедный сей судъ скоряе упреди
И смерть мнѣ дать, моихъ злодѣйствій ты не жди.

Чтобъ ими осквернить мнѣ душу самовольно,
Твоей, клянусь собой, всей силы недовольно.

(*Отдаетъ урну въ руки жрицамъ*).

Служебницы боговъ, обрядъ святящи сей!
Примите къ брату вы залогъ любви моей:
Возшлите къ небесамъ о немъ молитву теплу;
Хранилище его сосудъ сей будетъ пеплу,
А самого вмѣститъ въ себя душа моя.

(*Послѣ нѣкотораго молчанія*).

Какіе ужасы въ семъ мѣстѣ вижу я!
Духъ къ трепету влекутъ поля сіи пустыя;
Едины мраки лишь простерты здѣсь густые;
Вперяетъ все боязнь, чѣмъ я окружена,
И самыхъ громовъ здѣсь страшнѣе тишина.
Сіянья звѣздъ мои не видятъ слабы очи;
Всей поражаюся опасностію ночи;
Дрожь чувствую земли трясущейся ногой;
Рвусь тщетно мѣстъ бѣжать, былъ въ коихъ лютый бой....
Такъ....слышу звукъ мечей....и крови здѣсь дымятся....
Се братія мои съ оружіемъ стремятся.
Постойте, на кого вы руки вознесли?....
Другъ друга зрю разятъ....и крови потекли
Се собственной моей изъ персей ихъ потоки.
Ахъ! язвами суть мнѣ всѣ язвы ихъ глубоки.
Се точатъ кровь древа, реветъ ужасный вой,
И звуки гибельны войны толико злой,
Смутить самихъ боговъ, превыше тучъ взнесенны....

═

ЯВЛЕНІЕ III.

АНТИГОНА, ЭМОНЪ, ЭГИНА, жрицы и женщины.

(*Эмонъ, слыша изступленіе Антигоны, выбѣгаетъ изъ закрытія и со всѣми предстоящими старается ее успокоить*).

ЭМОНЪ.

Царевна, усмири ты чувства возмущенны . . . .

АНТИГОНА.

Престань пылати брань, умолкни страшный шумъ,
Спокой хотя на часъ ужасшійся мой умъ.
Но нѣтъ . . . лютѣйши мнѣ еще предстали виды:
Разверзся адъ, оттоль стремятся Эвмениды;
Обвитъ зміями, въ ихъ десницахъ блещетъ мечъ.
Куда бѣжите вы? сраженіе ль пресѣчь?
Но къ братіямъ ужъ вы простерли страшны руки;
До ада имъ терпѣть даете адски муки;
Припавши къ ранамъ, вы сосете кровь изъ нихъ;
Влечете за собой ихъ въ бездну обоихъ;
Ихъ кровію стезю тамъ черну обагряя . . . .
Туда жъ за ними зрю влекомъ Эмонъ, страдая....
Почто вы, Фуріи, оставивши меня,
Не сдѣлали сего причастницей огня?
Въ презрѣнье моего разительнаго стона,
Вы братій увлекли, вы увлекли Эмона;
А мнѣ судили жить безъ жизненныхъ отрадъ,
Съ симъ воздухомъ вдыхать лютѣйшій въ сердце адъ.

По волѣ вы судьбой бѣснующихся правьте....
И, братіевъ влача, Эмона хоть оставьте....
(*Лишается силъ; Эмонъ, Эгина и женщина ее поддерживаютъ*).

ЭМОНЪ.

Престань разить свой умъ ужасною мечтой.
Открой глаза, увидь Эмона предъ собой.

АНТИГОНА.

Эмона!....адскія врата, я зрю, трепещутъ,
Эмона возвративъ, всѣ Фуріи скрежещутъ...,
Ахъ! суетной ласкать надеждой мнѣ хотятъ:
Отрѣянъ ихъ рукой обратно онъ во адъ.

ЭГИНА.

Какіе въ мысль свою сама ты вводишь мраки!
Содѣянны тобой страшатъ тебя призраки.

АНТИГОНА.

Эгины слышу гласъ!.... я вижу здѣсь тебя....

ЭМОНЪ.

Смятенье утоли, мечтаніе губя.

АНТИГОНА.

И ты, Эмонъ!.... и ты!....

ЭМОНЪ.

Я здѣсь, смотря, терзался,
Мучительный тебѣ какъ ужасъ вображался.

АНТИГОНА.

По степенямъ сей мракъ въ умѣ моемъ исчезъ,
Подземный страхъ прогнать сіяетъ лучъ съ небесъ.

Приближся, чтобы мнѣ повѣрить было можно,
Что вижу предъ собой Эмона я не ложно.

ЭМОНЪ.

Увѣрь себя ты въ томъ, и духъ свой успокой;
Нѣтъ гибелей тебѣ, когда Эмонъ съ тобой:
Чтобъ вредъ тотъ былъ при немъ, коль мысль
твою смущаетъ,
Въ томъ аду самому Эмонъ не довѣряетъ.

АНТИГОНА.

Чѣмъ далѣ я вхожу, тѣмъ большу вижу тму.
Какъ могъ теперь предстать ты взору моему?
Какой толь сильною влекомъ ты былъ причиной
Въ полунощи сюда?

ЭМОНЪ.

Любовію единой.

АНТИГОНА.

Что слышу!

ЭМОНЪ.

Дерзостно намѣренье узнавъ,
Которо влилъ въ тебя рѣшительный твой нравъ,
Не долженъ ли я былъ къ тому вооружиться,
Чтобъ въ безопасности возмогъ здѣсь совершиться
Обрядъ сей, кой тебя на высшу взводитъ честь?
Ужель любовь слаба къ геройству насъ привесть?
Иль духъ твой за мой жаръ ко мнѣ толико зло-
бенъ,
Что вѣритъ онъ съ трудомъ, что я къ сему
способенъ?
Коль мужествомъ вполнѣ желаешь ты блистать,
Оставь мнѣ то, чтобъ могъ тебѣ я подражать.

Когда жъ ты въ слабостяхъ меня подозрѣвала,
Такъ истинной ко мнѣ ты страсти не питала.

АНТИГОНА.

Могу ль я о тебѣ въ такомъ сомнѣньи быть?
Не бывъ героемъ, чѣмъ ты бъ могъ меня плѣнить?
Величьемъ душъ себя другъ съ другомъ мы равняемъ;
Симъ средствомъ я тобой, а ты мной обожаемъ
Не ново для меня, что днесь ты учинилъ,
Ты внутреннихъ къ тому имѣешь много силъ,
Которыми мою горячность ты присвоилъ
И въ сердцѣ у меня престолъ себѣ устроилъ.

ЭМОНЪ.

Что можетъ болѣе насъ въ свѣтѣ превознесть,
Какъ то, что мы любви собой приносимъ честь?
Владѣя нашими взаимно что душами,
И боги и цари другъ надъ другомъ мы сами?
Но нощь ужъ за свою средину перешла,
Опасно то, чтобъ здѣсь ты долѣе была;
Желаніе свое уже ты совершила,
Потребно чтобъ себя отселѣ удалила....

(Антигона съ послѣдующими ей хочетъ уйти Но внезапу изъ находящагося въ сторонѣ лѣску вышедшіе, подъ предводительствомъ Форбата, воины, окружа ихъ, остановляютъ).

═

ЯВЛЕНІЕ IV.

АНТИГОНА, ЭМОНЪ, ЭГИНА, ФОРБАТЪ, жрицы и женщины, воины.

ФОРБАТЪ.

Остановитеся.

АНТИГОНА.

Что вижу!

ЭМОНЪ.

От чего
Дерзаете?....

ФОРБАТЪ.

Творя владыки моего
Снизпосланное мнѣ съ престола повелѣнье,
Царевну удержать чту правомъ дерзновенье.
Оставя трупъ лежать здѣсь братій одного,
На стражѣ быть велѣлъ у мѣста онъ сего,
Чтобъ если кто его изволу въ преступленьи,
Здѣсь Полиниково дерзнетъ свершить сожженье,
Кто бъ ни былъ онъ, того представити бъ ему.
Вотъ извиненіе усильству моему.

ЭМОНЪ.

Кому слова сіи столь буйственны вѣщаешь?
И руку на кого насильства воздымаешь?
Иль ненаказанно мнишь оскорбить теперь
Эмона и царей владѣвшихъ въ Ѳивахъ дщерь?
Иль думаешь, что мы тебѣ подобны будемъ,
И свойственное намъ величье душъ забудемъ?
Но разстояніе съ собой героевъ знай;
Къ нимъ ни подъ чьимъ щитомъ касаться не дерзай:

Колико ты въ своей чредѣ предъ ними низокъ,
Толико, тронувъ ихъ, къ паденью будешь близокъ.
Ты мыслишь, можетъ быть, оружіе подъять;
Но въ силахъ я тебя за дерзость наказать.
Сіе я покажу тебѣ немедля дѣломъ.
(*Къ скрывшимся воинамъ своимъ*).
Явитеся, друзья! (*воины его выходятъ къ Форбату*)
въ намѣреніи смѣломъ.
Возьми ты у меня теперь ее.

ФОРБАТЪ.

Долгъ мой
Сверхъ воли быть велитъ противнымъ предъ
тобой.

АНТИГОНА.

Ахъ! се бѣдамъ конецъ Креонтомъ получаю:
Онъ смерти хочетъ мнѣ .... и я того жъ желаю.
Ведите вы меня.

(*Форбатъ съ воинами хочетъ увести Антигону, но Эмонъ съ стремленіемъ становится самъ и съ своими воинами между ею и Форбатомъ*).

ЭМОНЪ (*къ своимъ воинамъ, обнаживъ свое оружіе, въ чемъ они ему подражаютъ*):

Оружья обнажимъ!

АНТИГОНА (*къ Эмону*).

Что хочешь сдѣлать ты стремленіемъ такимъ?
На что оружія? Почто сія тревога?

ЭМОНЪ (*къ Форбату*).

Сихъ острія желѣзъ къ царевнѣ суть дорога.

ФОРБАТЪ (*вынувъ мечъ и обратясь къ своимъ воинамъ*).

Пойдемъ мы, не разя Эмона одного,
Противу сонмища мятежнаго сего,
И чрезъ сіе свершимъ намъ дѣло порученно.
(*Форбатовы воины обнажаютъ мечи*).

АНТИГОНА (*видя обѣ стороны, намѣревающіяся сражаться, бросается въ средину ихъ*).

Къ какому ваше злу свирѣпство утремленно?
Геройствомъ то, Эмонъ, возможно ли считать,
Согражданамъ своимъ чтобъ смертью угрожать?
Коль за меня ты мечъ на Ѳивянъ обращаешь,
Ты славу тѣмъ мою навѣки омрачаешь.
И можешь ли себя великимъ сотворить,
Когда рабовъ царя стремишься ты разить?
Гонимымъ должно ли подобиться тирану?
Такъ; я иду сама: къ Креонту я предстану.
Суровости его чего бояться мнѣ,
Когда я дщерь, сестра владѣвшихъ въ сей странѣ,
Когда мила тебѣ, когда я Антигона?
И на его главѣ не мнѣ страшна корона.
Я пагубъ не хочу ни на кого навлечь.
Ты жаръ свой утуши, вложи обратно мечъ;
Я требую сего (*къ Форбату*) и шествую съ тобою,
(*Эмонъ влагаетъ свой мечъ въ ножны, въ чемъ воины ему подражаютъ; послѣ чего и Форбатъ съ своими то же дѣлаютъ*).

ЭМОНЪ (*къ Форбату*).

Невидимой теперь избавленъ ты рукою.
Когда бъ тотъ огнь во мнѣ невольно не угасъ,
Которымъ я горѣлъ спасти ее въ сей часъ,
Не могъ бы ты его избѣгнути безбѣдно.
Влюбленныхъ мужество испытывати вредно.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

(*Театръ представляетъ царскіе чертоги*).

—

ЯВЛЕНІЕ I.

КРЕОНТЪ, ФОРБАТЪ, воины.

КРЕОНТЪ.

Могу ль я быть своихъ движеній властелинъ,
Когда въ преступникахъ царевна и мой сынъ!
Мятежнаго сюда представьте мнѣ Эмона.

═

ЯВЛЕНІЕ II.

КРЕОНТЪ (*одинъ*).

Власть царска не была ихъ дерзости препона.
На что жъ мнѣ грозная сія власть и дана,
Коль дѣвой, юношей презрѣнна здѣсь она?
Иль будетъ мнѣ однимъ порфира украшеньемъ?
Нѣтъ . . . . обладать начну преслушниковъ мученьемъ . . . .
Мученьемъ . . . . слово я какое произрекъ!
Иль сталъ, возшедъ на тронъ, другой я человѣкъ?
Иль долженъ чувствіемъ пожертвовати сану
И царствовати какъ прилично лишь тирану?

Нѣтъ, сердце не на то мое сотворено;
Но къ лютой крайности теперь приведено.
Въ немъ нѣжны склонности владыки должность
губитъ,
И тѣхъ велитъ карать, кого оно столько любитъ.
Когда еще вѣнцемъ я симъ не обладалъ,
Далекій отъ меня колико онъ блисталъ!
А нынѣ мукою сіе мнѣ благо стало.
Какого ждать конца коль гнусно такъ начало?
Глаза открыты мнѣ сей опытомъ судьбы.
Цари! вы своего величія рабы:
Предписывая казнь державными руками,
Вы прежде всѣхъ ее возчувствуете сами....
Нѣтъ; къ трону шествовавъ насиліемъ своимъ,
Я удержу его симъ способомъ однимъ.
Принужу я свой духъ излити ярость гнѣвну;
Вдамъ казни первую преслушницу царевну;
Въ проступкѣ семъ Эмонъ, содѣйствовавшій ей,
Лютѣйшѣ чѣмъ въ себѣ претерпитъ муки въ ней;
Причастенъ буду самъ я горести великой,
Но страждетъ пусть душа, лишь быть бы мнѣ
владыкой.

═

ЯВЛЕНІЕ III.

КРЕОНТЪ, ЭМОНЪ, ФОРБАТЪ, воины.

КРЕОНТЪ.

Приближься и внимай. Могу ль я на тебя
Воззрѣти, нѣжности своей не погубя?
И льзя ль, чтобъ сыномъ я наречь тебя склонился,
Когда ты предо мной проступкомъ осквернился?

Хотя бы цѣлый свѣтъ противъ меня возсталъ,
Въ тебѣ бы послѣ всѣхъ врага я ожидалъ;
Иль паче бы я той надеждой сладкой льстился,
Чтобъ на весь свѣтъ со мной одинъ ты вору-
жился.
Но днесь, я зрю, что ты движеній подлыхъ рабъ;
Въ слабѣйшихъ случаяхъ явился вящше слабъ:
Не должно за меня итти противъ вселенной,
Довлѣло почитать уставъ мой положенной;
Ты жъ въ преслушаньи мнѣ преступникомъ могъ
быть!
Когда я почестей намѣренъ былъ лишить
Предъ братомъ изверга, мятежника гнуснѣйша,
Въ царевнѣ и въ тебѣ тогда упорность злѣйша
Преобратила все намѣренье въ ничто;
И чѣмъ гнушался я, содѣлали вы то.
Преступницу сію ты видя окруженну,
На воиновъ моихъ смѣлъ руку взнесть надменну;
Въ сраженье съ ними вшедъ, сражался бъ ты
со мной.
Или царей, отцовъ прямый разитъ герой?

ЭМОНЪ.

Весь ужасъ, государь, вины своей я знаю.
Но я все предпрималъ для той, кѣмъ я пылаю.
Тебѣ извѣстна вся моя къ царевнѣ страсть:
На всякую для ней я устремлюсь напасть.
Когда единожды любовь насъ побѣдила,
Какая можетъ ей соперницей быть сила?
Она себѣ законъ; ей свой священъ изволъ,
Не слышитъ ничего, не видитъ бездны золъ:

Сильняе всѣхъ ея въ насъ дѣйствуютъ стремленья;
Не знаемъ, какъ она влечетъ насъ въ преступленья.
И добродѣтелью являетъ намъ то зло,
Которо для нее полезно быть могло.
Я Антигону зря, страшимую ударомъ,
Не собственнымъ своимъ, былъ движимъ страсти жаромъ.

КРЕОНТЪ.

Такъ ты для сей любви отца позабывалъ
И должности свои священны презиралъ!
О! если бъ въ чувствіяхъ тебѣ я былъ подобенъ,
И сколько ты ко мнѣ, къ тебѣ былъ столько жъ злобенъ,
То въ сердцѣ бы своемъ гласъ крови истребивъ,
И сына своего въ преступникѣ забывъ,
Проклялъ бы я.... и палъ ты въ персть бы предъ владыкой.
Но зря, что мучишься ты совѣсти уликой,
Нрошаю все.... въ тебѣ хочу зрѣть сына вновь.
Прощаю.... лишь забудь съ царевной ты любовь.
Безумную толь страсть Креонтъ не уважаетъ;
Губи ее: она тебя не оправдаетъ.
Престань надеждою питать себя пустой,
Чтобы соединилъ царевну я съ тобой.
Преступница къ чредѣ сей право потеряла;
Не брака свѣтъ, но ей готовы смертны жала.
Когда велѣніе мое пренебрегла,
Такъ участію смерть она пріобрѣла

ЭМОНЪ.

Что слышу!

КРЕОНТЪ.

Долженъ быть поступокъ сей наказанъ.
Я царь, и клятвою въ томъ страшною обязанъ.
Все мнѣ забыть велитъ, что дщерь царей она.
Уже ей мною казнь предопредѣлена.

ЭМОНЪ.

Возможно ли, сія невинность чтобъ небесна,
Котора ни съ какимъ порокомъ несовмѣстна,
Была бъ днесь жребіемъ съ злодѣями равна!

КРЕОНТЪ

Мысль страстью не во мнѣ, въ тебѣ ослѣплена.
Мой духъ предъ прелестьми злодѣйство ненавидитъ
И око у меня равно съ разсудкомъ видитъ.
Я низкихъ не хочу рѣчей твоихъ внимать,
И то, что предпріялъ не стану отмѣнять.
Коль сыномъ быть моимъ всю чувствуеши цѣну,
Такъ душу ты исправь, любовью поврежденну.
Гдѣ не одобритъ честь любови въ сердцѣ власть,
Тамъ беззаконіе хранитъ толь сильну страсть.
Реку тебѣ мое рѣшительное мнѣнье:
Въ послѣдній разъ уже я дамъ тебѣ прощенье;
Но вѣдаешь ты, самъ съ условіемъ какимъ.
Когда же, ты огнемъ преступничьимъ палимъ,
Продлиши предо мной подлѣйше преслушанье —
Достойное найдешь сей страсти увѣнчанье.

Судьбѣ тебя одной съ царевной я предамъ
И брачнымъ торжествомъ смерть люта будетъ
вамъ.

═

ЯВЛЕНІЕ IV.

ЭМОНЪ *одинъ.*

Въ какую ввергнутъ я отчаянія бездну!
Виновнымъ сыномъ быть! . . . иль потерять любезну!
Средины никакой межъ крайностей нѣтъ двухъ.
Мученіемъ любви несносно страждетъ духъ.
Владычица моихъ всѣхъ склонностей сердечныхъ
Погибнетъ отъ суда людей безчеловѣчныхъ! . . .
Но, можетъ быть, чтобы отъ золъ ее спасти,
Отчаянье мое покажетъ мнѣ пути.
Я сердце дѣйствовать рукой своей заставлю;
Отъ казни мерзостной невинную избавлю,
Отъ пропасти ее отторгнуть длань простру;
Коль тщетно жъ будетъ все, такъ съ нею самъ умру.
Я помню, что Адрастъ мнѣ предлагалъ измѣну,
Поставивъ за нее державную власть цѣну, —
Я предложенье то геройски пренебрегъ;
Но днесь мнѣ, можетъ быть, подастъ оно успѣхъ.
Пойду въ аргивскій станъ. . . . но что я предпринимаю? . . .
Злодѣемъ становлюсь?.... къ измѣнѣ приступаю?...
Нѣтъ. . . . пусть злодѣйствуютъ другіе какъ хотятъ.

Я твердъ: примѣры ихъ меня не развратятъ.
Отчаянъ.... но свое не помрачу геройство:
Въ несчастьяхъ тверду быть—души великой свойство.
Но ахъ! исполнивши долгъ чести я святой,
Разстанусь съ жизнію.... разстануся съ драгой....
И лютой казни сей Эмонъ не помѣшаетъ?....
Сколь душу мысль сія ужасна раздираетъ!
Спасти ужъ предпріялъ ту, кою я люблю;
Но счастье ль то, коль ей измѣной жизнь куплю?
Нѣтъ.... смерть хотя вкушу несноснымъ симъ урономъ,
Останусь въ бѣдствіяхъ.... и въ смерти я Эмономъ.

═

ЯВЛЕНІЕ V.

АНТИГОНА въ цѣпяхъ, **ЭМОНЪ**, **ЭГИНА**, стража.

ЭМОНЪ (*увидя Антигону.*)

Но что является? о ужасъ! о позоръ!
Тебя ль, царевна, мой во узахъ видитъ взоръ?
Тебя ли видитъ въ семъ ужасномъ заключеньи?
Тотъ градъ, въ величествѣ кой зрѣлъ твое рожденье,
Въ которомъ тронъ отцамъ и братьямъ былъ твоимъ,
Днесь видитъ, низостью сколь жребій твой тягчимъ,
И узритъ, можетъ быть, твоихъ страданій болѣ.

АНТИГОНА.

Неправедная власть Креонта на престолѣ
Не можетъ низостей мученьемъ причинить.
Разить — ему позоръ, мнѣ слава — все сносить.

ЭМОНЪ.

Сколь дорого плачу за бѣдъ твоихъ познанье!
Нѣтъ; не мечты моихъ суть страховъ основанье.
Я точно знаю то, и, зная, рвусь душой,
Что злая надъ твоей напасть виситъ главой.
Не думай, что твоихъ содѣйствій ожидаю;
Всѣмъ жертвовать любви одинъ я предпримаю.
Пойду къ родителю, къ стопамъ его паду,
И въ жалость, можетъ быть, тоскою приведу.
Скажу: коль надобна ему здѣсь нынѣ жертва....

АНТИГОНА.

Что слышу! за меня стремишься къ смерти ты
И, торжество забывъ надъ злобой правоты,
Ты хочешь защитить невинность униженьемъ!
Пострaждетъ наша честь толь стыднымъ намъ моленьемъ.
Когда бъ проступокъ мой мнѣ казнями грозилъ,
Тогда бъ ты безъ стыда прощенья мнѣ просилъ;
Но нынѣ, что Эмонъ къ спасенію мнѣ скажетъ?
Пускай меня Креонтъ какъ хочетъ такъ накажетъ:
Онъ властенъ сдѣлать то. Но чтобъ меня простить,
То должно напередъ въ злодѣйствѣ обвинить.
Ужаснаго я толь прощенья не желаю.

Посредникомъ своимъ я Небо избираю.
Кто въ добродѣтеляхъ всю жизнь свою ведутъ,
Тѣмъ человѣческій совсѣмъ не страшенъ судъ.

ЭМОНЪ.

Но свѣтъ невинности твоей весь не узнаетъ:
Онъ по наружности единой осуждаетъ.
Свидѣтелемъ ставъ днесь позора твоего,
Невинна ты, иль нѣтъ, не различитъ того
И часть твою молва разсѣетъ ослѣпленна...

АНТИГОНА.

Довольна совѣсть въ комъ, важна ль тому все-
ленна?

ЭМОНЪ.

Ты хочешь все снести... но я противъ тебя
Возстану...

АНТИГОНА.

Ахъ! но тѣмъ погубишь ты себя
И вдвое поразишь меня своимъ ударомъ.
Влекомый таковымъ неосторожнымъ жаромъ,
Когда себя очамъ родителя явишь,
Сугубо противъ насъ его ты раздражишь.
Онъ будетъ зрѣть твое во страсти мнѣ упорство;
Въ злодѣйство претворитъ твое онъ непокорство;
И не смягча ты въ немъ движеній лютыхъ власть,
Быть можетъ, равную моей претерпишь часть.

ЭМОНЪ.

Что нужды?... я умру, коль не спасу любезной.

АНТИГОНА.

Увидь отчаянье, увидь потокъ мой слезной.

ЭМОНЪ.

Когда причастна ты столь слабости любя,
Такъ бодрствовати днесь мнѣ должно за тебя.
Надеждой на меня свергай печали бремя.
Другое трачу я, тебя внимая, время,
Которое въ твою я пользу обращу.
Прости.

АНТИГОНА.

Постой. . . . отсель тебя я не пущу.
Не трогаютъ тебя вопль, стонъ и слезъ потоки,
Такъ вырвись изъ моихъ объятіевъ, жестокій!
Исторгнися изъ нихъ, коль сила есть къ тому.
Иль слабъ еще и сей оплотъ тебѣ? . . .

ЭМОНЪ.

Къ чему
Приводишь ты? . . . но нѣтъ, не буду малодушенъ.
Се первый въ жизни разъ Эмонъ тебѣ преслушенъ.
Снѣдающій тебя чуждъ слабости мнѣ ядъ.
Спѣшу, куда спѣшить мнѣ чувствія велятъ.
Коль держишь ты меня, то знакъ, что ненавидишь.
Прости.... Спасенье ты, иль смерть мою увидишь.
(Онъ вырывается изъ объятій Антигоны и уходитъ, а она, вскрикнувъ, пребываетъ нѣсколько времени неподвижною, устремивъ взоры въ слѣдъ ему.)

АНТИГОНА.

Увы!

═

ЯВЛЕНIЕ VI.

АНТИГОНА, ЭГИНА, стража.

АНТИГОНА.

Эмонъ ли днесь избѣгъ объятiй тѣхъ,
Онъ въ коихъ находилъ тму счастья и утѣхъ?
А я, оставшись здѣсь, могу ли быть спокойна?
Лишь кажетъ ужасы мнѣ мысль моя нестройна.
Опасности къ себѣ влача онъ самъ собой,
Ихъ презираетъ всѣхъ: то чудно ль? онъ герой.
Мнѣ, любящей его, мнѣ съ сердцемъ столько
нѣжнымъ,
Льзя ль душу оградить покоемъ безмятежнымъ?
Боязни онъ, любя, не зритъ ни отъ чего,
А мнѣ любовь велитъ страшитися всего
И кажетъ подъ его мнѣ каждымъ шагомъ бездну·

ЭГИНА.

Почто себя вдавать въ прискорбность безполезну?
Надежды видя лучъ, пускати токи слезъ?
Въ несчастьяхъ почитай то даромъ ты Небесъ,
Что будетъ часть твоя Эмономъ превращенна.

АНТИГОНА.

Коль воля то боговъ, чтобъ я была спасенна,
То счастье лишь тогда спасеньемъ назову,
Какъ возмогу сказать: Эмономъ я живу.
Не нужны мнѣ ни жизнь, ни счастье чрезъ дру-
гова.
Но мысль не престаетъ смущать меня сурова;
Надеждой не могу я сердца утвердить.

Льзя ль страхъ о томъ, кто намъ любезенъ, истребить?
Когда ему напасть малѣйша угрожаетъ,
Его паденье умъ нашъ каждый часъ мечтаетъ.
Судьба! приведшая ко крайностямъ насъ злымъ,
Эмона защищай подъ промысломъ своимъ:
Недремлющимъ блюди стопы его ты окомъ,
Невинной чтобъ не пасть мнѣ въ бѣдствіи глубокомъ;
Забудь о мнѣ совсѣмъ, лишь дни его продли;
Смерть люту отъ меня въ Эмонѣ удали.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

(Театръ представляетъ темницу.)

—

ЯВЛЕНІЕ I.

АНТИГОНА въ цѣпяхъ, **ЭГИНА**, жрицы и женщины.

(Съ одной стороны выходитъ Антигона съ Эгиною, а съ другой жрицы, несущія урну съ Полиниковымъ прахомъ, препровождаемыя Антигониными женщинами.)

АНТИГОНА (*къ жрицамъ.*)

Сколь вашему должна усердному раченью,
Послѣдню моему покорны что хотѣнью,
Въ толь страшны вы мѣста сосудъ сей принесли,
Чтобъ слезы на него въ послѣдній разъ текли....
Вотъ къ брату гдѣ должна я долгъ воздать природы!
Оковы тяжкія, темницы мрачной своды,
Плачевный памятникъ, грозящая мнѣ смерть —
Вы рушите мою душевную всю твердь!

ЭГИНА.

Кто можетъ быть, какъ ты, на свѣтѣ такъ несчастна?
Чѣмъ жизнь твоя славнѣй, тѣмъ болѣ смерть ужасна.

АНТИГОНА.

Не жизнь мнѣ дорога, не смерть меня страшитъ,
Мнѣ гнусенъ лишь одинъ привязанный къ ней
стыдъ.
Узрѣлъ бы рокъ меня безъ ропота покорну,
Коль мнѣ бъ судилъ онъ смерть всѣмъ общу, не
позорну;
Съ восхищеньемъ бы свой отдала я вѣкъ,
На жертву Божеству, къ спасенью человѣкъ.
Но не предписана мнѣ часть сія священна;
Чтобъ такъ окончить жизнь, не столько я бла-
женна;
Ни людямъ, ни богамъ не нуженъ мой конецъ;
Гонитель мой одинъ конца сего творецъ.
Льетъ ярость на меня владыка звѣроправный;
Ко смерти изыскалъ онъ способъ мнѣ безслав-
ный.
Уже мой казни духъ всю лютость испыталъ,
И трепетъ слабости впервые онъ позналъ:
Уже онъ зритъ себя оставленна богами,
Когда отвсюду мы окружены бѣдами,
Отчаянье тогда прибѣжище одно:
Прибѣжище отъ мукъ, но съ муками равно.

ЭГИПА.

Будь чувствіямъ своимъ до смерти ты послушна,
Какъ прежде, такъ и днесь равно великодушна.

АНТИГОНА.

Ахъ! можно ли, съ душей чувствительной родясь,
Безъ ужаса пренесть жестокихъ бѣдствій связь
И быть подверженной сихъ бѣдствій къ довер-
шенью,

Злодѣямъ лишь однимъ приличному мученью?
Нѣтъ; кары таковой не сыщетъ зляе адъ.
О! еслибъ кровь во мнѣ, вся превратяся въ ядъ,
Неугасимый огнь во внутренней вспалила,
И смертію въ сей часъ смерть низку предва-
рила,
Съ какимъ бы въ сердцѣ я восторгомъ умерла!
Но чувствій вся болѣзнь къ сей крайности мала:
На то волнуетъ лишь мной каждую минуту,
Чтобы страшняе зрѣть напасть свою мнѣ люту,
Неслышащихъ боговъ о смерти сей прошу.
Смерть медлитъ; я ее по степенямъ сношу...
Почто жъ меня Эмонтъ несчастную оставилъ?
Онъ взоромъ бы своимъ зло смерти мнѣ убавилъ:
Сугуба скорбь мою грудь томную грызетъ;
Когда его со мной въ часахъ послѣднихъ нѣтъ.
Увы!.. онъ, можетъ быть, теперь самъ поги-
баетъ....
Въ отчаяньѣ мой духъ все глубже погружаетъ.
Ждала ль такого я мучительнаго дня?
Мнѣ мнится, въ свѣтѣ все презрѣло днесь меня.
О комъ ни вспомню я, ко мнѣ всѣ стали строги:
Тираны всѣ, Креонтъ, Эмонъ и сами боги.
Но если я отъ всѣхъ на свѣтѣ семъ терплю,
Ихъ лютость я сама одна остановлю:
Я смерти, можетъ быть, презорственной избѣгну;
Коль казнь мнѣ шлетъ судьба.... судьбы уста-
вы свергну.

ЭГИНА.

Ахъ! жди своей судьбы съ незыблемой душой.
Ее не умягчишь отчаяньемъ, тоской.

АНТИГОНА (*обращаясь къ урнѣ*).

О ты, котораго уже нѣтъ во вселенной;
Отъ коего одинъ сей прахъ остался тлѣнной!
О, братъ! я къ коему была прилѣплена,
Источникъ слезъ моихъ и смерти мнѣ вина!
Возстань отъ вѣчнаго ты сна хотя на мало,
И на сестру увидь зіяющее жало,
На ту, которую невинность не спасла,
Котора только тѣмъ преступница была,
Почтила нѣжностью умершаго что брата,
Что бѣдственной была любовію объята,
Что врагъ ея пріялъ владычество надъ ней.
Ахъ! ежели любви достойна я твоей,
Тронись теперь моимъ, тронись смертельнымъ страхомъ,
И чувство показавъ, вздрогни холоднымъ прахомъ.
Не презри стоновъ ты страдающей души,
Влей смерть въ меня и тѣмъ зловредну жизнь сверши,
Прими въ участницы своей меня ты доли:
Любезный братъ!... се гласъ моей послѣдней воли...
Я смерти не могу поносныя снести...
Но должно... лютый рокъ!... дражайшій прахъ! прости.

(*Падаетъ, лишаясь памяти, на руки женщинъ.*)

ЭГИНА (*къ жрецамъ*).

Уйдите, чтобъ не зрѣть предмета ей плачевна.
Сбери всѣ чувства ты, несчастная царевна;

Сбери ихъ, се Креонтъ! къ мѣстамъ приходитъ
симъ.

АНТИГОНА.

Ужель противнымъ мнѣ присутствіемъ своимъ
Заранѣ казнью онъ терзать меня стремится?
Въ послѣдній, знать, моихъ желаетъ слезъ напиться.

═

ЯВЛЕНІЕ II.

АНТИГОНА, КРЕОНТЪ, ЭГИНА, женщины, воины.

КРЕОНТЪ.

Виновница всѣхъ золъ! преслушница царю!
Увидь ты ужасъ весь, которымъ я горю.
Сей ужасъ твоего плодомъ есть преступленья.
Ужъ тайны поднялись во градѣ семъ смятенья:
Монарха за твою достойну казнь виня,
Граждане ѳивскіе всѣ ропщутъ на меня.
И кто, кромѣ тебя съ Эмономъ въ томъ причиной?
Твоею пораженъ ужасною судьбиной,
И твердость зря мою преступокъ твой казнить,
Потщился въ ихъ сердцахъ мятежъ онъ воспалить.
Пускай злодѣйскій ковъ усилиться возможетъ,
Но лютый сей успѣхъ Эмону не поможетъ.
Въ стѣнахъ коль на меня народъ возстанетъ сихъ,
Угаснетъ ужъ тогда свѣтильникъ дней твоихъ.
Пусть возгремитъ Эмонъ оружіемъ здѣсь грозно;
Чтобы тебя спасти, то средство будетъ поздно.

АНТИГОНА.

Какую произнесъ ты на меня хулу!
Невинна я во всемъ; лишь ты причастенъ злу.
Какимъ ты правомъ мнѣ назначилъ рокъ плачевный,
И кто тебѣ далъ власть надъ жизнію царевны?
Ты новый путь сыскалъ Эдиповъ родъ терзать:
Ты дщери смѣлъ его казнь гнусну предписать.
Чей умъ, зря страшное злодѣйствіе такое,
Злодѣйство-бъ не родилъ еще лютѣйше вдвое!
Когда отчаянье всѣ чувства заслѣпитъ,
Зараза зла въ сердца стремительно летитъ.
Но боги, что съ небесъ въ грудь нашу проникаютъ,
Но боги чистоту души моей всю знаютъ.
Открыто имъ все то, что въ сердцѣ я таю;
Читая тамъ они грызущу скорбь мою,
Преклонности къ грѣху ни малыя не видятъ.
Всѣ чувствія мои злодѣйство ненавидятъ.
Эмона знаю я; любезна я ему;
Но чтобъ онъ сталъ злодѣй, не вѣрю я тому.
Смятеній ожидай; стремись ты въ преступленье,
И плодъ его вкуси — вселенныя презрѣнье.
Но добродѣтель лишь единую любя,
Унижены тобой, превзойдемъ мы тебя.

КРЕОНТЪ.

О Фурія! бѣды, лютѣйшія родивша,
Межъ сыномъ и отцомъ огнь злобы распаливша!
Неслыханнымъ себя злодѣйствомъ оскверня,
Ты оправдаться мнишь, виня во всемъ меня!
Какъ добродѣтелью тщеславиться ты можешь,

Коль сердце той страны, гдѣ родилась, тревожишь?
Ожесточенье какъ далеко столь несешь,
Что поруганіе мнѣ чувствовать даешь?
Какъ, зная власть мою, не двигнешься боязнью?
Ты зло сугубишь зломъ; я казнь удвою казнью.

АНТИГОНА.

Не страшны казни мнѣ. Уже, я вижу, смерть
Готовится свой мракъ на дни мои простерть.
Отчаянье одно имѣю я въ предметѣ;
Зрю ужасы вездѣ: что дѣлать болѣ въ свѣтѣ?
Достойную себя всю жизнь я проводя,
Достойный путь возьму изъ оной исходя.
Дивишься, не робка что, зря я духъ твой звѣрскій.
Невинныя сердца предъ смертью самой дерзки.

КРЕОНТЪ.

Престану дерзость я сію претерпѣвать:
Ужъ время за нее пришло тебѣ страдать.
Что медлю?...

ЯВЛЕНІЕ III.

АНТИГОНА, КРЕОНТЪ, ЭГИНА, ФОРБАТЪ, ЖЕНЩИНЫ, ВОИНЫ.

ФОРБАТЪ.

Государь! весь городъ сталъ въ волненьѣ.
Оружье взявъ народъ, въ неистовомъ стремленье,
Со Антигоною поступокъ твой винитъ
И казнь ея пресѣчь къ темницѣ сей спѣшитъ.
Всѣ купно вопіютъ: Креонтъ пусть обладаетъ,

Но пусть сей казнью онъ владѣть не начинаетъ,
И живу намъ отдастъ пусть нашихъ дщерь царей...

КРЕОНТЪ.

Я укрощу мятежъ свирѣпой черни сей.
Измѣнникъ мнѣ, мой сынъ, конечно, имъ главою?

ФОРБАТЪ.

Эмона нѣтъ совсѣмъ съ ихъ буйною толпою...

КРЕОНТЪ.

Они орудіе, а онъ всему вина.
Не прейдетъ казнь его, предательства цѣна.
Мятежъ воздвигнулъ онъ, попрать меня въ надеждѣ.

(Указывая на Антигону.)

Такъ сей злодѣйки казнь пусть онъ увидитъ прежде.

(Къ воинамъ.)

На уготованну влеките смерть ее.

АНТИГОНА *(сама въ себѣ.)*

Духъ, преходя отсель на вѣчно бытіе,
Будь въ сей минутѣ твердъ.

(Воины, приближаясь, хотятъ ее взять, но она, отступя отъ нихъ, величественнымъ своимъ видомъ препятствуетъ къ себѣ подойти.)

Мгновенье погодите.
Послѣдній долгъ свершу...

(Вынувъ скрытый у нея кинжалъ, закалается и, упавъ въ руки Еины и женщинъ, говоритъ къ воинамъ)

Теперь меня влеките.

КРЕОНТЪ.

О ужасъ!

(*Лишь только Эгина съ женщинами отвлечетъ на рукахъ своихъ Антигону къ сторонѣ, то за театромъ слышенъ звукъ оружій и топотъ бѣгущихъ. Креонтъ продолжаетъ.*)

Но что шумъ сей предвѣщаетъ намъ?
Се всѣ мятежники стремятся къ симъ мѣстамъ.
Когда долгъ подданныхъ у нихъ теперь въ забвеньѣ,
(*къ воинамъ.*)
Они враги мои. Вступите вы въ сраженье.

═══

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

АНТИГОНА, лежащая въ сторонѣ театра на рукахъ женщинъ, КРЕОНТЪ, ЭМОНЪ, ЭГИНА, ФОРБАТЪ, ДИМАСЪ, женщины, народъ, воины.

(*Вбѣгаетъ вооруженный народъ. Начинается сраженіе. Эмонъ съ другой стороны съ Димасомъ и съ малымъ числомъ воиновъ вбѣжавъ, останавливаетъ сраженіе.*)

ЭМОНЪ.

Постойте, дерзкіе! . . . что мыслите свершить?
И вашъ ли долгъ дѣла монарши здѣсь судить?
Онъ Вышняго, а вы его рабы закона.
Когда не человѣкъ, свята для васъ корона.
(*Къ Креонту.*)
Ты видишь, государь, какъ шелъ я на тебя,

И за монарха бы имъ предалъ я себя.
Теперь уже мой мечъ спасти тебя не нуженъ.
(*бросаетъ мечъ.*)
Лишь ты противъ меня... и я обезоруженъ.
Преступника иль нѣтъ, какъ хочешь ты карай,
Но только жизнь самой невинности подай.
Отдай царевну мнѣ... народу возмущенну...

КРЕОНТЪ (*указавъ на Антигону.*)

Возьмите вы ее... но жизни ужъ лишенну.

ЭМОНЪ.

Что вижу!... боги!...

КРЕОНТЪ.

Вотъ что сдѣлалъ духъ строптивъ!
Она, свой смертный часъ сама предускоривъ,
Поносно чтобъ не пасть, сама себя сразила,
И буйный сей мятежъ напраснымъ сотворила.

ЭМОНЪ.

Я Антигону ли безчувственну зрю днесь?...
Смерть хладну видя въ ней, самъ леденѣю весь....
Она ль лежитъ, во тму погрязши вѣчной ночи?
Безъ цвѣту всѣ черты, безъ пламенныхъ искръ очи.
Ея ль увядшая нѣмая красота,
Окровавленна грудь, запекшися уста?
Ахъ! сердце бъ коль во мнѣ ни билось, ни кипѣло,
Какъ могъ бы я узнать любезное толь тѣло?
Но гдѣ, увы! твоя божественна душа?
Какъ!... нѣтъ ее!... она, сама свой рокъ рѣша,

Достигнула уже боговъ безсмертныхъ лона,
И смертью, свѣтъ презрѣвъ, превысила Эмона!...
Какъ!... нѣтъ ее!... а я еще живу!...
И суетно себѣ на помощь смерть зову...
И, немогущій глазъ на свѣтъ безъ страха вскинуть,
Вмѣстилище ставъ мукъ, безсиленъ жизнь изринуть....
Умножьтеся во мнѣ лютѣйши скорби вдругъ,
Раждайтесь новыя на части рвать мой духъ;
Вы въ каждомъ чувствѣ мнѣ давайте смертну рану,
Вскрывъ сердце, вы въ него влеките боль желанну,
Да, страждя, умирать я всякій часъ могу....
Я къ самому себѣ какъ злѣйшу лютъ врагу.
Я врагъ себѣ.... я врагъ той, кою обожаю.
Нѣтъ; не своя рука.... но я ее пронзаю....
Въ ужасной участи ее оставивъ я,
Виновникъ сталъ сего кроваваго ручья.
Увы! быть можетъ, что ея душевна сила
Въ злодѣяхъ чтя меня, сей смертью поспѣшила.
Убійца я ее.... мысль страшная сія
Ввѣкъ жалить будетъ духъ, какъ нѣкая змія,
И ядовитыя отчаянія стрѣлы
Въ душѣ я понесу и жизни за предѣлы.
А ты, родитель мой, па сей смотря позоръ,
Ты видишь ужасовъ съ холодностью соборъ,
На радость внутренню молчанья вздѣвъ личину;
Въ тебѣ всѣхъ нашихъ золъ я перву чту причину!

Почти я своего не вижу въ томъ отца,
Кто къ крайности привелъ невинныя сердца.
Но боги злобы сей безъ казни не оставятъ,
О лютости твоей жалѣть тебя заставятъ;
Сокрытый громъ метнувъ, въ раскаянье введутъ,
Въ величіи тебя, въ порфирѣ потрясутъ
И тартаромъ престолъ содѣлаютъ бездоннымъ.
Почувствуешь, сколь быть несносно беззакон-
нымъ.
Но, изступленъ, кому упреки я творю?...
Въ тиранѣ семъ кого?... родителя я зрю!...

КРЕОНТЪ.

Родителя.... но ахъ! тобою огорченна.
Эмонова ль душа толико дерзновенна?
И отъ тебя ль сносить упреки долженъ я?
Смирися предо мной.... Блаженна часть твоя,
Что ты, ее лишась, не будешь мукамъ жертва.

ЭМОНЪ.

Ахъ! страшны ль муки мнѣ, коль Антигона мертва?
Зри, смерти зракъ на семъ челѣ напечатлѣнъ.
Прелестный домъ души безъ ней остался тлѣнъ.
Такъ; вижу.... смерть на ней мнѣ ѣдки взоры
мещетъ,
Маня къ себѣ меня, косою острой блещетъ;
Съ той хочетъ съединить, кѣмъ чувствія горятъ,
Дверь вѣчности раскрывъ, въ ней тму сулитъ
отрадъ.
Спокойство на ея вкушу я мрачномъ лонѣ....
Пустите къ ней меня.... пустите къ Антигонѣ....

Престаньте сей предметъ священный окружать:
Съ лица ея въ себя смерть дайте мнѣ всосать,
Въ послѣдній разъ ее почтить любви огнями,
И жизнь свою у ней повергнуть предъ ногами.

(*Увидя на полу лежащій кинжалъ, которымъ Антигона закололась.*)

О, ты, орудіе! раздравше нѣжну грудь,
Я коею горю и кою могъ тронуть!
Еще ты кровью мнѣ любезной обагренно:
Ты въ сердцѣ было томъ. . . . ты для меня священно. . . .
Ты той, кѣмъ я дышалъ, въ мракъ вѣчный ввергло дни. . . .
И ты же съ ней меня въ семъ мракѣ съедини.

(*Говоря послѣднія слова, стремительно поднявъ кинжалъ, вонзаетъ себѣ въ грудь.*)

КРЕОНТЪ.

Что сдѣлалъ ты?

ЭМОНЪ (*лежа на рукахъ воиновъ.*)

Лишь то, что сдѣлать было должно.
На свѣтѣ мнѣ уже остаться не возможно:
Блаженство все свое въ любезной потерявъ,
И нѣжности въ отцѣ обратно не снискавъ.
Вотъ что меня грызетъ, вотъ чѣмъ мой духъ страдаетъ,
И гнѣвъ твой глубже чѣмъ кинжалъ меня произаетъ.
Жалѣй о мнѣ. . . . мой духъ на часъ останови. . . .
Брось кротости ты взоръ. . . . и сыномъ назови.

КРЕОНТЪ.

Снести гоненіе судьбы немилосердо
Такое, какъ во мнѣ, лишь можетъ сердце твердо.
Несчастный! какъ рукой ты дерзкою возмогъ
Пріятый отъ Небесъ сложить съ себя залогъ?
Судьбу не допустить свершить твое теченье,
И даже обмануть Всевышне Провидѣнье?
Ты далъ ли самъ себѣ чего себя лишилъ?
Страдалъ ты; безъ тебя бъ рокъ жизнь твою рѣшилъ.
Великія сердца суть жребію послушны,
А руку на себя подъемлетъ малодушный.
Но что я говорю?... Я самъ всему виной.
Свирѣпствомъ ископалъ я пропасть подъ тобой,
И можетъ быть, тебя бъ съ царевной ненавидѣлъ,
Плачевной вашей коль кончины бъ сей не видѣлъ.
Не уноси съ собой вражду во гробъ мою.
(Съ величайшею чувствительностью.)
Прости меня.... вину я чувствую свою.

ЭМОНЪ.

О, гласъ, который боль терзающу смягчаетъ!
Родитель мнѣ еще родительски вѣщаетъ....
И мучившій меня въ немъ гнѣва огнь угасъ....
Пріятенъ самый мнѣ ужасный смерти часъ....
Я съ Антигоною себя соединяю....
И сыномъ я ... отцу любезнымъ умираю.

КРЕОНТЪ.

Лишился жизни онъ!... я слезны токи лью....
Пусть душу къ твердости неволимъ мы свою,
Величьемъ ослѣпить чтобъ робкій взоръ народа;
Но дѣйствуетъ всего сильняе въ насъ природа.

КОНЕЦЪ ТРАГЕДІИ.

ОДЫ ДУХОВНЫЯ.

I.

ТЩЕТА КРАМОЛЫ

ПРОТИВУ ПОМАЗАННИКА БОЖІЯ.

Псаломъ 2.

—

Почто смущаются языки,
Текутъ въ слѣдъ буйства своего?
Земныя возстаютъ владыки
На Бога и Христа его.

Рекли: «завѣты ихъ отринемъ,
«Желѣзны узы разорвемъ
«И, презря власть ихъ, съ выи скинемъ
«Несносный, тяжкій ихъ яремъ.

Но ихъ безумству посмѣется
Живый на небесахъ; — речетъ —
И сонмъ ихъ страхомъ потрясется;
Господня ярость ихъ смятетъ.

Я Царь, Сіона обладатель;
Творца Я волю возвѣстилъ.
Ты Сынъ мой, рекъ ко мнѣ Создатель:
Мой Сынъ! Я днесь тебя родилъ.

Проси: Тебѣ Я въ поднебесной
Языки дамъ всѣхъ странъ земныхъ.
Твой скиптръ ихъ упасетъ желѣзной,
И, какъ скудель, сотретъ онъ ихъ.

И нынѣ, о цари! внемлите,
И міру судіи всему!
Творцу со трепетомъ служите,
Со страхомъ радуйтесь Ему.

Пріймите гласъ святыхъ завѣтовъ,
Да гнѣвъ Его не воскипитъ,
И васъ, средь пагубныхъ совѣтовъ,
Въ путяхъ коварныхъ потребитъ.

Но Онъ блистаетъ ужъ громами,
Во гнѣвѣ съ трона Своего,
Блаженны правыя сердцами,
Въ надеждѣ твердой на Него!

II.

НАДЕЖДА ПРАВЕДНИКА.

Псаломъ 3.

Сколь многіе враги возстали,
И мнѣ, о Боже! ищутъ бѣдъ!
Рекли въ душѣ моей печали:
«Ему спасенья въ Богѣ нѣтъ.»

Но Ты, о Боже! въ дни толь злые
Заступникъ мой, взносяй мой рогъ!
Воззвалъ къ нему, — и отъ святыя
Горы меня услышалъ Богъ.

Засну я въ мирѣ и проснуся,
Зане Господь покрылъ щитомъ.
Отъ тмы враговъ не ужаснуся,
Нападшихъ на меня кругомъ.

Воскресни, Боже! и всечасно
Спасай меня; — се Ты сразилъ
Творящихъ злая мнѣ напрасно,
И зубы грѣшныхъ сокрушилъ.

Твое, Владыко мой! спасенье
Мы зримъ во всѣхъ концахъ земныхъ,
И вѣчное благословенье
На людяхъ, Господи! Твоихъ.

III.

ПРИЗЫВАНІЕ ПОМОЩИ.

Псаломъ 6.

—

Не облечи меня ты яростью Твоею,
О Боже! гнѣвомъ не карай,
Но кротко пощади; я въ немощахъ слабѣю:
Помилуй, призри, исцѣляй.
Уже вся сила сокрушилась
Въ груди, стѣсненной скорбью злой;
И вся душа моя смутилась:
А ты, что медлишь? Боже мой!

Возстань и душу днесь не дай на жертву злобѣ;
Избавь для славы Твоея;
Зане кто о Тебѣ воспомнитъ въ адѣ, въ гробѣ?
Отъ вздоховъ утрудился я;
На всяку ночь постель омыю,
Слезами ложе омочу;
Передъ врагомъ склоняя выю,
Въ напастяхъ скорбну жизнь влачу.

Бѣгите отъ меня, всѣ мыслящія злобно:
Господь моимъ стенаньямъ внялъ.
Услышалъ Онъ мое моленіе прискорбно
И теплую мольбу пріялъ.
Да возмутятся, постыдятся,
Всѣ, мнѣ желающія злыхъ;
Да вскорѣ тощи возвратятся,
И студъ вездѣ да встрѣтитъ ихъ.

IV.

ОБЛИЧЕНІЕ БЕЗБОЖНАГО.

Псаломъ 13.

—

Рече безумный въ изступленьи,
Въ душѣ своей: «нѣтъ Бога, нѣтъ.»
Земля погрязла въ согрѣшеньи;
Во злобѣ обуялъ весь свѣтъ.

Господь съ небеснаго чертога
На земнородныхъ чадъ приникъ,
Чтобъ зрѣть, взыскуяй, знаяй Бога,
Обрящется ли кто изъ нихъ?

Но нѣтъ; всѣ вкупѣ развратились
И уклонились отъ Него;
Съ пути благаго совратились;
Нѣтъ правыхъ, нѣтъ ни одного.

Иль всѣ въ безумствѣ утопаютъ,
Творящи зло и грѣхъ и студъ?
Людей моихъ какъ хлѣбъ снѣдаютъ,
Но Господа не призовутъ!

Гдѣ страха нѣтъ, тамъ трепетали.
Зане лишь правыхъ Богъ крѣпитъ;
Совѣты нища посрамляли,
Ему же самъ Всевышній щитъ.

Кто дастъ отъ горъ святыхъ спасенье?
Когда насъ Богъ освободитъ,
Съ Израилемъ отрадно пѣнье
Іакова возвеселитъ.

V.

СПОКОЙСТВІЕ ПРАВЕДНАГО.

Псаломъ 22.

—

Господь мой пастырь, не страшусь:
Вовѣкъ отрады не лишусь.
На пажитяхъ обильныхъ, злачныхъ,
При токахъ тихихъ и прозрачныхъ
Меня къ покою Онъ вселитъ;
Смятенну душу возвратитъ,
И на пути наставитъ правы,
Для имени Его и славы.

Хотя во смертну сѣнь пойду,
Не убоюсь: Тебя найду.
Жезломъ и палицей святою
Меня утѣшивъ, предо мною
Готовишь Ты въ виду враговъ
Трапезу всѣхъ благихъ даровъ;
Главу мнѣ мvромъ умащаешь,
И полну чашу наливаешь.

Вся жизнь исполнится моя
Щедротъ Твоихъ и благостыни;
И въ храмѣ Твоея святыни
До смерти водворюся я.

VI.

ВОЗНОШЕНІЕ ДУШИ КЪ БОГУ.

Псаломъ 41.

Съ какимъ въ полдневный зной стремленьемъ
Летитъ елень на брегъ ручья,
Съ такимъ, о Боже! нетерпѣньемъ
Паритъ къ Тебѣ душа моя.

Душа моя стремится къ Богу,
Къ живому, къ сильному Творцу:
Но жизни сей прошедъ дорогу,
Когда явлюсь Его лицу?

О, скорбна мысль! почто мгновенно
Нельзя, веселый множа сонмъ,
Со гласомъ пѣсни восхищенной
Войти ликуя въ Божій домъ?

Мнѣ слезы были въ снѣдь всю ночь и день печали,
Моя бесѣда — томный вздохъ,
Когда враги мнѣ повторяли:
«Скажи намъ нынѣ, гдѣ твой Богъ?»

Почто, душа моя! уныла?
Почто меня ты возмутила?
На Бога уповай: Онъ вознесетъ твой рогъ;
Хвалы моей услышитъ пѣнье,
Зане единый взоръ Его — мое спасенье:
Онъ мой защитникъ, онъ мой Богъ.

Хоть зритъ мой духъ печали полный,
Что бездна бездну золъ зоветъ;
Что всѣхъ на мнѣ напастей волны
Прешли, одна другой во слѣдъ;

Но если мнѣ Господь спасенье
Явитъ во дни, въ ночи Ему
Похвальное воскликну пѣнье,
Съ мольбою къ Богу моему.

Творцу, что въ бѣдствахъ щитъ мнѣ твердый,
Почто забылъ меня? скажу:
Когда вознесся врагъ злосердый,
Почто я сѣтуя хожу?

Мнѣ въ грудь былъ острый мечъ, во дни моей печали,
Моя бесѣда — томный вздохъ,
Когда враги мнѣ повторяли:
«Скажи намъ нынѣ, гдѣ твой Богъ?»

Почто, душа моя! уныла?
Почто меня ты возмутила?
На Бога уповай: Онъ вознесетъ твой рогъ;
Хвалы моей услышитъ пѣнье;
Зане единый взоръ Его — мое спасенье;
Онъ мой защитникъ, Онъ мой Богъ.

VII.

ВЕЗДѢСУЩНОСТЬ И ПРОМЫСЛЪ БОЖІЙ.

Псаломъ 138.

—

Творецъ міровъ и человѣка!
Ты испыталъ меня, узналъ
И сокровенны издалека
Мои Ты мысли угадалъ.

Всѣ подвиги мои Ты знаешь;
Пути мои всѣ видишь Ты;
И каждый шагъ мой назираешь
Недремно съ горнѣй высоты.

Въ умѣ рожденное лишь слово
Извѣстно сердцу одному,
Изъ устъ летѣть едва готово,
Дошло ужъ къ слуху Твоему.

Вездѣ Твоя мнѣ зрится сила,
Куда ни обращаюсь я;
И верхъ главы моей покрыла
Стрегущая рука Твоя.

Высокой столь и столь чудесной,
Творецъ! премудрости Твоей
Постичь не можетъ умъ мой тѣсной,
Но изступленъ дивится ей.

Гдѣ скрыться отъ Тебя, не знаю;
Взнесусь надъ звѣздны высоты:
На тронѣ тамъ Тебя встрѣчаю;
Спущусь во адъ . . . и тамо Ты.

Парю ли на крылахъ денницы
На крайній Океана брегъ,
И тамо длань Твоей десницы
Мой быстрый остановитъ бѣгъ.

Я рекъ: во тмѣ могу сокрыться,
Но взоръ Твой освѣщаетъ тѣнь:
Предъ нимъ не можетъ мракъ сгуститься,
И возсіяетъ ночь какъ день.

Сколь чуденъ Богъ, меня создавый,
Сколь чуденъ Ты въ дѣлахъ Своихъ!
Въ нихъ лучъ Твоей блистаетъ славы;
Душа моя гласитъ о нихъ.

Когда еще я не зачался,
Меня ужъ Ты образовалъ;
И Ты, когда я оживлялся,
Изъ чрева матери пріялъ.

Ты твари зрѣлъ несотворенны,
Какъ будто бъ ихъ давно создалъ;
И всей ихъ жизни дни внесенны
Ужъ въ книгѣ вѣчности читалъ.

О, сколь Твоя премудрость дивна!
Сколь множество ея плодовъ!

Какъ время, цѣпь ихъ непрерывна;
Число какъ тма морскихъ песковъ.

И Ты ль, Творецъ! всезрящимъ окомъ
Злодѣйства грѣшниковъ не зришь,
И въ гнѣвѣ праведномъ, жестокомъ,
Ихъ смертію не поразишь?

Бѣгите жъ, злыя! уклонитесь,
Языкъ вашъ остръ, какъ жало змѣй;
Хулу гласить вы не страшитесь
На Бога въ буйности своей.

О, Боже мой! Ты зришь и видѣлъ,
Какъ дерзостныхъ враговъ Твоихъ
Я всей душой возненавидѣлъ
И за враговъ считалъ моихъ.

Изведай, крою ль въ сердцѣ злобу?
О, Господи! и вождь мнѣ будь
Смотри, мой путь ведетъ ли къ гробу?
И къ вѣчности скажи мнѣ путь.

VIII.

ПЛѢНЕНІЕ ИЗРАИЛЯ.

Псаломъ 136.

—

У Вавилонскихъ рѣкъ мы сѣли и рыдали:
Прискорбно тамъ святый Сіонъ воспоминали.

Средь насъ на вѣтвіяхъ, подъ деревомъ сухимъ,
Псалтири наши струнъ лишенныя висѣли.
Тамъ ведшія во плѣнъ намъ стражи повелѣли
Дабы воспѣли мы Сіонски пѣсни имъ.

Какъ пѣснь Господню пѣть въ земли я чуждой
буду?
Божественный Сіонъ! коль я тебя забуду,
Забвенною навѣкъ моя десница будь;
Къ гортани моему прильпни языкъ мой вѣчно,
Когда я о тебѣ не поскорблю сердечно,
Не восхощу тебя съ весельемъ помянуть.

Суди, о Господи! Ты въ день Ерусалима,
Эдомъ, которымъ зришь его теперь гонима.
Онъ рекъ: «Израильтянъ постигъ день золъ и
слезъ;
«До основанія ихъ грады разрывайте,
«Несытымъ пламенемъ ихъ села пожирайте,
«Чтобъ вихрь ихъ пепломъ рвы глубокія занесъ.»

А ты, о люта дщерь надменна Вавилона,
Опустошающа обители Сіона!
Блаженъ, кто бремя всѣхъ терпимыхъ нами бѣдъ
На возносящуюсь твою главу воздвигнетъ;
Блаженъ, кто чадъ твоихъ, какъ рокъ тебя по-
стигнетъ,
Отторгнувъ отъ груди, о камень разобьетъ!

IX.

НА РАЗБИТІЕ ЕГИПТЯНЪ.

Пророчество Іеремія, Глава 46.

Мечи и стрѣлы изострите,
Покройте броней рамена,
На чела шлемы возложите,
Развѣя ратны знамена,
На бурны кони возсѣдайте,
Стѣсните твердый рядъ полковъ,
Смертельны копья устремляйте,
Теките въ срѣтенье враговъ.

Но что? я зрю васъ устрашенныхъ,
И обращающихъ хребетъ.
Отъ воевъ кроясь разъяренныхъ,
И вождь и ратникъ вашъ течетъ,
Бѣжитъ, озрѣться не дерзаетъ.
Летаетъ алчна смерть въ полкахъ,
Всю землю кровью напояетъ,
Предводитъ васъ и гонитъ страхъ.

Не унесутъ васъ легки кони,
Желѣзный не укроетъ щитъ,
Разсыплетъ мечъ литыя брони
И шлемы ваши сокрушитъ.
При встрѣчѣ грозна сопостата,
Отъ страха войски побѣгутъ;
Разбиты на брегахъ Евфрата,
Какъ стебли подъ косой падутъ.

Кто сей, текущій въ поле брани,
Рѣкѣ подобенъ быстротой,
Котора, взявъ потоковъ дани,
Надменна, брегъ преходитъ свой;
Пространны долы потопляетъ
И, горъ верхи волной покрывъ,
Твердыни, башни низвергаетъ
Въ сравненный съ моремъ свой разливъ?

Египетъ, какъ рѣка стремится;
Какъ волны, сонмъ его полковъ;
Число ихъ лишь съ числомъ сравнится
Песчинокъ у морскихъ бреговъ.
Онъ рекъ: «пойду, покрою землю;
«Низвергну градъ враговъ моихъ;
«Во гнѣвѣ мечъ на нихъ подъемлю;—
«И кто спасти возможетъ ихъ?»

Съ восходомъ свѣтлыя денницы,
Мавряне! ополчитесь въ строй.
Возшедъ на ратны колесницы
Теките, Ливіяне! въ бой;
И вы, о Лидяне! дерзайте;
Пока вашъ лукъ не ослабѣлъ,
Съ высотъ, противныхъ поражайте
И тучею покройте стрѣлъ.

Сей день, день мщенія Господня;
Господь врагамъ своимъ отмститъ:
Пожретъ полки ихъ преисподня;
Господень мечъ ихъ поразитъ

И въ сытость кровью ихъ упьется.
Добыча вся, весь станъ врага,
Днесь Богу въ жертву принесется
На васъ, Евфратски берега.

Теки ты къ Галааду нынѣ
Строптивая Египта дщерь!
Тамъ въ горестной твоей судьбинѣ
Цѣленья не найдешь теперь.
Чарами бѣдству не поможешь:
Главу твою покроетъ струпъ;
Бѣснуясь, длань свою изгложешь,
А враны растерзаютъ трупъ.

Народы зрятъ твои печали;
Всю землю вопль наполнилъ твой;
Главами люди покивали
И поругалися тобой.
Твой врагъ попралъ твою гордыню,
Онъ славы рогъ твоей сломилъ;
Страну преобратилъ въ пустыню
И градъ твой пепеломъ покрылъ.

X.

ПОДРАЖАНІЕ 90 ПСАЛМУ:

живый въ помощи вышняго.

—

Въ покровѣ Вышняго живущій,
Вступя въ святый Его чертогъ,

Речетъ: «враговъ моихъ борющій,
«Ты мой защитникъ, ты мой Богъ!»
Правдивъ глаголъ: Господь во брани
Взнеся къ его защитѣ длани,
Плещьми Своими осѣнилъ;
Крамолы крѣпку сѣть терзая,
Оружьемъ правды окружая,
Крыломъ его Своимъ покрылъ.

Душею правый не боялся
Напастей средь нощной тѣни;
Въ надеждѣ твердъ, не уклонялся
Отъ стрѣлъ летающихъ во дни;
Съ свирѣпымъ княземъ тмы сражаясь,
Бронею Вѣры ограждаясь,
Онъ гибель несъ врагу сему;
Хоть тисящи ошуйю пали
И одесную тмы лежали,
Но смерть не ближилась къ нему.

Достойно буйству воздаянье
Своими онъ очами зрѣлъ;
Зане чрезъ твердо упованье
Прибѣжище въ Творцѣ обрѣлъ.
Среди кровава поля бранна
Коснуться не дерзнула рана
Безтрепетной его груди:
Всевышній, благостью водимый,
Велѣлъ, да Ангелы незримы
Отъ золъ хранятъ его пути.

Внявъ Ангелы велѣнью строгу,
Подъяли на рукахъ его,
Да не преткнетъ о камень ногу
Среди теченья своего.
Въ стезю, гдѣ смерть грозила близка,
На аспида и василиска
Онъ смѣлою пятой ступалъ;
Подъ кровомъ благости святыя,
Геенной дышущаго змія
И яростнаго льва попралъ.

На Бога уповалъ, и Сильный
Его избавилъ и покрылъ;
Возслалъ къ Творцу мольбы умильны, —
И слухъ къ нему Господь склонилъ;
Былъ въ скорби съ нимъ и не оставилъ;
Изъялъ отъ лютыхъ бѣдъ, — прославилъ; —
Простря надъ нимъ небесный щитъ,
Десницею вознесъ святою; — — —
И дней исполня долготою,
Спасенье міру — имъ явитъ.

ОДЫ ТОРЖЕСТВЕННЫЯ.

I.

НА ИСТРЕБЛЕНІЕ ВЪ РОССІИ ЗВАНІЯ РАБА ЕКАТЕРИНОЮ ВТОРОЮ,

въ 15 день Февраля 1786 года.

Красуйся счастлива Россія!
Восторгомъ радостнымъ пылай;
Встрѣчая времена златыя,
Главу цвѣтами увѣнчай;
Въ порфиру свѣтлу облекися;
Веселья мvромъ умастися.
Да гласъ твой въ пѣсняхъ возгремитъ,
Исполнитъ радостью вселенну:
Тебѣ свободу драгоцѣнну
Екатерина днесь даритъ.

О даръ божественныя длани!
Даръ истинныхъ богоцарей!
Достойныхъ вѣчной сердца дани,
Достойныхъ міра алтарей!
Россійскіе сыны! теките,
Усердья жертвы принесите:

Мы съ ними Той къ стопамъ падемъ,
Чья насъ десница возставляетъ,
Оковы съ нашихъ рукъ снимаетъ,
И съ вый невольничій яремъ.

Съ временъ въ забвеніи лежащихъ,
Нашъ родъ былъ славенъ на земли.
Вездѣ съ молвой побѣдъ гремящихъ
Россійски лавры возрасли.
Не тамъ лишь, гдѣ восшедша Ѳеба,
Текущаго по своду неба,
И въ понтъ сходяща виденъ свѣтъ;
Но тамъ, гдѣ богъ сей не сіяетъ,
Завѣсы звѣздной не вскрываетъ,
Гдѣ вѣчно мрачна ночь живетъ.

Среди такого блеска славы,
Побѣдъ, которымъ нѣтъ числа,
Во узахъ собственной державы
Россія рабства дни влекла.
Когда чужую цѣпь терзала,
Сама въ веригахъ унывала,
И не рвала своихъ оковъ;
Но раболѣпными руками
Упадшихъ предъ ея ногами
Царей, брала подъ свой покровъ.

Теперь, о радость несказанна!
О день, свѣтляе дня побѣдъ!
Царица, небомъ низпосланна,
Неволи тяжки узы рветъ;

Россія! — ты свободна нынѣ! —
Ликуй: — вовѣкъ въ Екатеринѣ
Ты благость Бога зрѣть должна:
Она тебѣ вновь жизнь даруетъ,
И счастье съ вольностью связуетъ
На всѣ грядущи времена.

Обиліе рѣкой польется,
И ризу позлатитъ полей.
Гласъ громкихъ пѣсней разнесется,
Гдѣ раздавался звукъ цѣпей.
Дѣвицъ и юношъ хороводы
Выводятъ ужъ во слѣдъ свободы
Забавы въ рощи за собой;
И старость, игомъ лѣтъ согбенна,
Предъ гробомъ зрится восхищенна,
Съ свободой встрѣтя вѣкъ златой.

Развязанными днесь крылами
Орелъ россійскій воспаритъ
Надъ гордыми его врагами;
Съ высотъ ихъ выи поразитъ;
Обвившись пламенемъ перуна,
Въ Эвксинѣ изъ руки Нептуна
Трезубый жезлъ исторгнетъ онъ;
Въ дальнѣйшіе враговъ предѣлы
Пошлетъ молніеносны стрѣлы
И раздробитъ сарматскій тронъ.

Лети, пернатыхъ царь! взносися,
Главой касайся небесамъ;

Надъ кровомъ вѣчности спустися;
Внеси въ ея священный храмъ
Священный ликъ Екатерины.
Безсмертныхъ дѣлъ Ея картины
Тамъ изваянны на стѣнахъ;
Да узрятъ вѣки отдаленны,
Колико времена блаженны
Текутъ въ подвластныхъ Ей странахъ.

А Ты, которая свободу,
Какъ животворный свѣтъ даришь!
Знай, что Россійскому народу
Ты вѣчну цѣпь принять велишь:
Мы прежде власти покорялись;
Въ плѣну днѣсь кротости остались,
И стали плѣннѣе стократъ: —
Твои щедроты безконечны,
Сіи сердецъ оковы вѣчны,
И духъ свободы покорятъ.

Въ потомствѣ благодарны Россы,
Наслѣдники временъ златыхъ,
Воздвигнутъ въ честь Твою колоссы,
Блестящи славой дѣлъ Твоихъ.
Въ нихъ кроткій образъ изваянный,
Рукою правды увѣнчанный,
Святиться будетъ въ родъ и родъ:
И время, кое все сражаетъ,
Безсмертну косу изломаетъ
Объ памятникъ Твоихъ щедротъ.

II.

НА ОБЪЯВЛЕНІЕ ВОЙНЫ ПОРТОЮ РОССІИ,

1787 года Августа 5 дня.

—

Какимъ ужаснымъ гласамъ внемлю? —
Звукъ бранныхъ трубъ раздался вдругъ
И прахъ и дымъ покрыли землю: —
Се двинулся на сѣверъ югъ! —
Се россківмъ врагъ орломъ попранный,
Стремящійся на новы раны,
Убійственну подъемлетъ длань.
Вознесши буйства рогъ кичливый,
Онъ мирныя исторгъ оливы
И мечъ извлекъ на месть, на брань.

Доколь, облекшися въ гордыню,
Онъ будетъ нагло возбуждать
Полнощи кроткую богиню
Перуны на него метать?
Давно ли, устремленный къ бою,
Подъ сильною Ея пятою,
Онъ брегъ дунайскій покрывалъ! —
Такъ въ мрачны пропасти Эреба,
Тифонъ *), съ лазурныхъ сводовъ неба
Низринутый Зевесомъ, палъ.

---

*) *Тифонъ*, одинъ изъ Титановъ, возставшихъ противу боговъ.

Такъ сынъ Эола, *) осужденный
На верхъ крутой горы катать
Во адѣ камни раскаленны,
Стремящіеся къ долу вспять,
Напрасно мышцы напрягаетъ
И потъ кровавый проливаетъ:
Трудамъ не видитъ онъ конца. —
Толь строго боги справедливы
Караютъ мысли горделивы
И буйствомъ полныя сердца!

Срацинъ! избѣгни злаго рока,
Уже испытанна тобой.
Хоть въ брани Россовъ грудь жестока,
Но умягчается мольбой.
Приди, пади, прими прощенье. —
Но вящщей ярости волненье
Мнѣ кажетъ твой суровый видъ;
Ты мещешь вкругъ свирѣпы взоры,
И гнѣвъ, къ пролитью крови скорый,
Сильняй въ груди твоей кипитъ.

Теки же, рокомъ злымъ гонимый!
Паденье ускоряй твое.
А ты, о Россъ непобѣдимый!
Прими и мечъ и копіе;
Но броню, щитъ и шлемъ отрини:
Тебѣ, на пагубу гордыни,

---

*) *Сынъ Эола*, Сизифъ.

Сонмъ горьнихъ силъ предъидетъ въ бой.
Хоть бездны встрѣтится стремнина,
Дерзай: — тебя Екатерина
Ведетъ, и Богъ споборникъ твой.

Какъ волны Геллеспонта чисты,
Такъ днесь Эвксинъ позналъ твой флагъ.
Угладился предъ нимъ кремнистый,
Недвижный Бористена прагъ.
На Тавръ, до неба восходящій,
Взлетѣлъ орелъ твой, месть носящій —
Грозою врагъ объятъ кругомъ.
Лишь только мечъ ко брани двинешь,
Ты горду рать его низринешь,
Разсыплешь въ прахъ, лишь бросишь громъ.

Мнѣ Музы тайну открываютъ
Съ завѣсой будущихъ временъ: —
Перуны росски тамъ сверкаютъ,
И гордый рогъ луны сотренъ.
Вдали престолы вижу новы,
И рабствъ расторгнуты оковы.
Храмъ славы зрю на небесахъ;
На лаврахъ тамъ блестятъ трофеи,
И имя кроткія Астреи
Въ звѣздныхъ свѣтится кругахъ.

III.

ОТВѢТЪ РАФАЭЛА ПѢВЦУ ФЕЛИЦЫ *).

Рафаэлъ Санкціо Урбинской,
За Стиксъ отшедшій на покой,
Мурзѣ Орды Киргизской, Крымской,
Каракалпацкой, Золотой,
А подлинно какой, не знаетъ,
Здоровья, счастія желаетъ
И проситъ сей принять отвѣтъ
На то посланье длинновато,
Которое Эрмій крылатой
Ему на сей доставилъ свѣтъ.

---

*) Неподражаемое изображеніе Фелицы, сочиненіе Гавріила Романовича Державина, дало мнѣ поводъ къ написанію отвѣта Рафаэла, въ которомъ весь пятый куплетъ заимствованъ изъ слѣдующихъ трехъ прекрасныхъ строфъ его:

Престолъ Ея на Скандинавскихъ,
Камчатскихъ и златыхъ горахъ,
Отъ странъ Таймурскихъ до Кубанскихъ
Поставь на сорокъ двухъ столбахъ.
Какъ зеркалъ восемь бы стояли
Ея великія моря.
Съ полнеба звѣзды освѣщали,
Вокругъ багряная заря.»

Строфа 8.

На сребро-лунно государство
Простри крылатый, сизый громъ;
Въ желѣзно-каменное царство
Брось молньи и поставь въ верхъ дномъ.

Мурза! сто тридцать повелѣній,
Предписанныхъ тобою мнѣ,
Признаться, удивили тѣни,
Живущи въ здѣшней сторонѣ:
Казалось имъ то очень странно,
Что такъ слегка и столь пространной
Ты вздумалъ мнѣ урокъ задать —
Но сихъ задачъ надъ сотой долей,
Повѣрь, со всею доброй волей,
Пришло бы въ пень Апеллу стать.

Ты, видно, думалъ, что не диво
Изобразившимъ вещество,
Изобразить достойно, живо
И непостижно божество;
Что какъ воображенью слово,
Такъ краской мастерство готово.

Орелъ царевнинъ бы ногою
Въ верху рога луны сгибалъ;
Тогда жъ бы на землѣ другою,
У льва голодный зѣвъ сжималъ.»

Строфа 47.

Представь, чтобъ гласъ сей свѣтодарный
Какъ лучъ съ небесъ проникъ сердца;
Извлекъ бы слезы благодарны,
И всѣ монарха и отца
И Бога бы въ Фелицѣ зрѣли,
Который праведенъ и благъ;
Изъ устъ бы громы лишь гремѣли,
Которы у нее въ рукахъ.»

Строфа 26.

Высоку мысль глазамъ казать;
И какъ ума паренья скоры,
Такъ кисти смѣлыя узоры
И чувствамъ образъ могутъ дать.

Но нѣтъ, Мурза! не такъ не трудно,
Какъ то себѣ мечтаешь ты,
Всѣхъ прелестей собранье чудно
Искусно слить въ однѣ черты;
Чтобъ душу ангела небесна
Представила краса тѣлесна.
Мы солнце видимъ каждый день;
Однако вся искусства сила
Изобразить сего_свѣтила
Одну подобья можетъ тѣнь.

Не такъ легко «надъ полвселенной
«На сорокъ токмо двухъ столбахъ
«Престолъ поставить вознесенной,
«Въ осьми смотрящійся моряхъ;
«Такъ ноги распростерть орлины,
«Чтобъ сжалъ одною зѣвъ онъ львиный,
«Другой рога луны сгибалъ;
«И написать, какъ громъ горящій,
«Въ десницѣ кроткой, злымъ грозящій,
«Гремѣлъ изъ устъ, но не сражалъ.

А ты желалъ, чтобы всѣ дива,
Которы намъ ты возвѣстилъ,
Чтобъ опись славныхъ дѣлъ архива,
Въ одну картину я вмѣстилъ! —

Хоть зналъ я тщетное желанье,
Но все употребилъ старанье
Тебѣ сколь можно угодить;
И такъ пустяся на удачу,
Чтобы рѣшить твою задачу,
Я предпріялъ ее дробить.

Сперва созвавъ въ совѣтъ согласной
Весь живописный нашъ синклитъ,
Фелицы твоея прекрасной
Рѣшился я представить видъ;
А чтобъ исполнить чудно дѣло,
Юноны сапонитой тѣло
Минервиной главой свершилъ;
И прелестьми трехъ Грацій нѣжныхъ
Покрывъ, о чреслахъ бѣлоснѣжныхъ
Кипридинъ поясъ обложилъ.

И восхищался, ... какъ предъ мною
Представъ мурза какихъ-то Ордъ,
Подъ шапкой, бритой головою
И длинными усами гордъ,
Спросилъ: кого изображаю? —
Фелицу. — «какъ Ее? — я чаю,
«Что бредишь ты, — брось кисти прочь,
«И трудъ, мой другъ, оставь напрасный:
«Ея ли образъ то прекрасный?
«Онъ сходенъ съ нимъ, какъ съ полднемъ ночь.

Сказалъ и съ гнѣвомъ удалился. —
Привѣтствомъ удивленъ такимъ,

Я рѣчь завесть поторопился
О чудной сей Фелицѣ съ нимъ.
Догнавъ его, — мурза почтенный!
Сказалъ, оставимъ несравненный
Фелицынъ видъ; позволь спросить
Совѣта, какъ бы кисть счастлива
Могла сего осьмаго дива
Хоть подвиги изобразить?»

«Хоть подвиги? — не трудно дѣло
«Затѣялъ ты въ умѣ своемъ!
«Хотя бъ васъ сто надъ нимъ сидѣло
«Весь вѣкъ, вы встали бы ни съ чѣмъ.
«Для рамъ обширной той картины
«Малъ лѣсъ всей здѣшней Палестины;
«А гдѣ взять красокъ и кистей?
«Опомнися, тебѣ ль пристало
«Явить намъ ясное зерцало
«Великихъ дѣлъ Царевны сей?

«Надъ всѣми царствами вселенной
«Она возносится какъ кедръ
«Надъ тростью гибкой, униженной,
«Чуть выросшей изъ влажныхъ нѣдръ.
«Державный скипетръ простираетъ:
«На царства тамъ гражданъ вѣнчаетъ;
«Въ подданство царствы здѣсь беретъ;
«Тутъ въ брань текущи зря державы,
«Претитъ потоки лишь кровавы,
«И судъ и миръ имъ подаетъ.»

«Се громъ и трескъ Ея перуна,
«Страшилища владыкъ земли,
«Съ полнощи грянувъ, домъ Нептуна
«Въ Средземномъ Понтѣ потрясли.
«Тамъ Гидръ Она въ волнахъ сжигала;
«Луну надменну затмевала
«Крылами своего орла;
«И царствъ не возмутя покою,
«Въ предѣлъ свой сильною рукою
«Пространно море вовлекла.

«Но слова ли возможетъ сила
«Явить въ величіи своемъ,
«Какъ мракъ полнощи просвѣтила
«Она премудрости лучемъ?
«Какъ съ подданныхъ сняла оковы,
«Въ нихъ души поселила новы,
«И какъ, гдѣ трудъ свой не свершенъ
«За прагомъ гроба оставляла,
«Она тамъ счастье засѣвала
«Для жатвы будущихъ племенъ.

«Но что! по всей вселенной нынѣ
«Гремятъ дѣла Ея одной;
«И на пространной сей холстинѣ
«Насилу кистію златой
«Писать ихъ слава успѣваетъ;
«То какъ рука твоя дерзаетъ
«Подъять толь непомѣрный трудъ?
«Оставь, мой другъ! не суетися;
«Кому дивится свѣтъ — дивися:
«А кисть и краски спрячь подъ спудъ.»

Премудраго сего совѣта,
Мурза! отнюдь не презрю я. —
И такъ Фелицына портрета,
Ниже картины дѣлъ Ея,
Тебѣ доставить не намѣренъ.
Когда жъ ты въ способахъ увѣренъ
Тѣ чуда живо написать,
То кисть и краски предъ тобою:
Пиши волшебною рукою,
Что живо такъ умѣлъ сказать.

IV.

ПАМЯТЬ

Ноября 6 дня 1796 года.

Се день плачевный возвратился;
Пролей вновь токи слезъ, о Россъ!
Въ сей день незапно сокрушился
Величественный твой коллосъ,
Вознесшій скипетръ твой, державу,
Наслѣдную отъ предковъ славу,
Поверхъ чела всѣхъ царствъ земныхъ.
Полвѣка онъ, какъ фаръ сіяя,
Стоялъ, всю полночь озаряя,
Но палъ, — погасъ въ единый мигъ.

Стекайтесь, Россы! и воззрите
На тлѣнъ сіявшаго вѣнца.
Печали мракомъ осѣните
Унылы, скорбныя сердца,
И, падши на ступень гробницы,
Омойте слезъ ручьемъ зѣницы. —
Теперь сихъ слезъ, похвалъ сихъ даръ,
Ужъ не почтется данью лести:
Признательность къ бездушной персти
Явитъ лишь душъ усердный жаръ.

Воспомнимъ днесь Екатерины
Безсмертны, доблестны дѣла.
Ихъ слава вѣчности пучины
Какъ молній разсѣчетъ стрѣла.
Любви, трудовъ Ея предметы,
Усердьемъ пламеннымъ согрѣты,
Возможемъ ли мы ихъ забыть?
Потомство поздно не забудетъ;
Но успѣвать чуть мыслью будетъ
Въ слѣдъ громкихъ подвиговъ парить.

Тамъ наглы, кровожадны орды,
Что̀ насъ въ позорный плѣнъ вели,
Россіи древнимъ рабствомъ горды,
Исчезли ужъ съ лица земли.
Срацинъ лежитъ, попранъ двукраты.
Кичливы, буйные Сарматы
Престолъ свой раздробленный зрятъ.
Горами, моремъ отдѣленный,
Палъ Персъ, въ степяхъ своихъ сраженный;
Въ волнахъ Срацинъ и Готѳъ горятъ.

Съ временъ Елены, гдѣ россійскій
И челнъ не плавалъ, тамъ нашъ флагъ
Покрылъ весь бурный Понтъ Эвксинскій,
Агарянамъ нанося страхъ.
Здѣсь Тавръ, Кавказъ предъ Ней склонился,
Тамъ Днѣстръ у ногъ Ея извился. —
Но что? найдется ли предѣлъ,
И брегъ морей, толь отдаленныхъ,
Гдѣ лавровъ, гдѣ бъ оливъ зеленыхъ
Не насадилъ Ея орелъ?

Страны, на кои мощны длани
И Петръ лишь въ мысляхъ налагалъ,
Теперь уже несутъ Ей дани;
Свершила все, что онъ внушалъ. —
Но если мечъ Имъ изощренный,
Былъ Ею часто обнаженный,
И духъ трофеями прельщенъ
Побѣдамъ коль не клалъ границы;. . . .
Россія! духъ твоей Царицы,
Твоей былъ славой воскриленъ.

Но днесь прогнавъ печальны мысли,
Забывъ омытый лавръ въ крови,
Коль можешь, благости исчисли
Плоды Ея къ тебѣ любви. —
Съ юнѣйшихъ лѣтъ, твоей державы
Она законъ и духъ и нравы
Стремилась въ сердце вкоренить;
Страны природной отчуждилась
И въ дщерь Россіи превратилась,
Чтобъ нѣжной матерью ей быть.

Пріяла скиптръ, — пресѣкла брани;
Наукъ распространила свѣтъ;
И къ сиротамъ простерши длани,
Ихъ жизнь покоитъ, бережетъ.
Враждебны потрясая троны,
Даруетъ кротки намъ законы:
Съ Собой въ судилищѣ сидѣть
Священно право удѣляетъ;
И имя рабства истребляетъ,
Душами славясь лишь владѣть.

При Ней мы собственность познали,
Стяжаній цѣль и мзды печать;
И крылья мыслей расширяли,
Дерзая правду Ей вѣщать.
Тутъ Ею казнь смягчилась строга;
Легчитъ Она тамъ гнетъ налога,
Щедроты на народъ лія.
Не данники, мы дѣти были;
И самовластный жезлъ забыли
Подъ кроткимъ посохомъ Ея.

Но, ахъ! гдѣ Матерь и Царица? —
О скорбь, несносная сердцамъ!
Увы! уже мертва десница
Блаженство зиждившая намъ.
Ужъ въ пепелъ сердце перетлѣло,
Что къ намъ любовію горѣло.
Злый рокъ драгую нить пресѣкъ,
Съ которой наше счастье длилось!
За мрачны тучи закатилось
Россійско солнце ужъ навѣкъ.

Приди жъ, о Россъ! на гробъ сей хладный,
Призвавши тѣнь Ея, пролей
Съ мольбою слезы безотрадны
И поклянемся тамъ предъ Ней:
Коль благости Ея забудемъ,
И памяти святить не будемъ,
Да мечъ нашъ, устремленный въ бой,
Какъ трость въ десницѣ сокрушится,
Какъ бичъ Ординецъ возвратится,
Лежавшій подъ Ея пятой.

А Ты, облекшійся въ сіянье,
Ликуй теперь, небесный духъ!
Не аки сѣверно блистанье,
Какъ царь лучей, вселенной кругъ
Согрѣвъ, Ты къ западу склонился,
И въ звѣздномъ храмѣ водворился,—
Ликуй тамъ до конца времянъ.
Хоть червь снѣдать Твой гробъ захочетъ,
Безсмертна лавра не проточетъ: —
Живешь въ сердцахъ Ты Россіянъ.

V.

НА ОТЪѢЗДЪ ВЪ ИТАЛІЮ ГРАФА СУВОРОВА-РИМНИКСКАГО.

1799 года.

Неизмѣримую вселенну
Обтекши, колесо временъ

Взвело вѣками поглощенну
Чреду ужасныхъ перемѣнъ:
Сыны Титеи вновь родились,
Противъ небесъ вооружились.
Тифонъ и буйный Энкеладъ *),
Вращая изступленны взоры,
На горы возметаютъ горы,
И сринуть тронъ боговъ грозятъ.

Неистовы сіи Титаны
Среди Европы возстаютъ;
Какъ раскаленные волканы
Пылая, ось земли трясутъ,
Кипящу лаву извергаютъ,
Подъ пепломъ грады погребаютъ, —
И кто горящаго жерла
Потушитъ пагубны пожары? —
Молва гласитъ какъ громы яры;
Крыло полнощнаго орла.

Лети жъ, Орелъ! какъ вихрь съ снѣгами,
Россіянъ бранный духъ! лети;
Орла вечерняго съ птенцами —
Европу страждущу спасти.
Пари, и въ молненномъ полетѣ
Яви того, кто въ полномъ свѣтѣ
Блестящую луну затмилъ;
Низвергъ твердыни сопостатовъ,
И наглой вольности Сарматовъ
Рога строптивы сокрушилъ.

---

*) *Энкеладъ*, изъ числа тѣхъ же Титановъ.

Взносись, — и грозные Титаны
Твоимъ перуномъ да падутъ.
Возстанови законъ попранный;
Реки цареубійцамъ судъ;
Креста не дай дробить на части;
И буйствъ противъ законной власти
Неистову прерви борьбу.
Всевышній небо преклоняетъ,
Вѣсы тебѣ и мечъ вручаетъ —
Царей и царствъ рѣши судьбу,

IV.

НА ПОБѢДЫ РОССА ВЪ ИТАЛІИ,

1799 года.

—

Сбылось предсказанное мною,
Сбылось — и россій Геркулесъ
На Гидру наступилъ пятою
Чрезъ Альпы ногу лишь занесъ.
Срязя чудовище Секваны,
Воспламененны имъ волканы
Его онъ кровью потушилъ;
И отсѣченными главами,
Межъ неприступными скалами,
Широкій путь свой уравнилъ.

Стократно Гидры сей паденьемъ
Взволнованъ былъ ревущій Падъ *),
И страшнымъ съ горъ ко дну стремленьемъ
Ее скрывающихъ оградъ.
Стократно, лишь земли касалась,
Она внезапно оживлялась,
Какъ лютый въ древности Антей **).
Но чары вновь Алкидъ разрушитъ:
Онъ Гидру надъ гнѣздомъ задушитъ.
Десницей сильною своей.

Се часъ уже приспѣлъ несыты
Убивствомъ зубы сокрушить,
И стерши жала ядовиты,
Рога строптивыя сломить.
Лишъ адску пасть она раскрыла,
Страны дыханьемъ заразила:
Тутъ кровью храмы обагря,
Законъ она попрала, вѣру;
Тамъ превзошла неистовствъ мѣру,
На плахѣ умертвивъ царя.

Вездѣ расширя сѣть крамолы,
Влекла народы смерти въ дань.
Низвергнувъ мирные престолы,
Воздвигла на вселенну брань.

---

*) *Падъ*, рѣка въ Италіи, называемая по-латини *Падусъ*, нынѣшняя *По*.

**) *Антей*, сынъ земли, повергаемый въ сраженіяхъ на землю, получалъ отъ нея новыя силы: Геркулесъ, поднявши, задушилъ его.

Свободой буйство обольщала;
Какъ яростный Прокрастъ *) равняла
Въ правахъ подвластныхъ и царей;
Европы кровью упоилась,
И міръ весь обратить стремилась
Въ гнѣздо пустынныхъ, лютыхъ змѣй.

Подобно року Геркуланы,
Когда изъ пламенна жерла,
Вдругъ хлынули потоки рдяны
Горящей мѣди и стекла:
Трясутся зданья, сверглись въ кучи;
Надвиглись пепельныя тучи;
Окаменѣлый сыплютъ градъ
И съ стогнами равняютъ стѣны.
Подъ лавой вживѣ погребенны,
Падутъ народы въ мрачный адъ.

Европа такъ изнеможенна
Отъ ранъ изсякшихъ кровь ея,
Змѣями въ сердце уязвленна,
На брегѣ пропасти стоя,
Колѣна преклонивъ дрожащи,
На Фаръ средь сѣвера свѣтящій
Возводитъ томный взоръ съ мольбой:
«Избавь отъ гибельныя брани;
«Воздвигни исполински длани,
«И миръ эгидою покрой.»

---

*) *Прокрастъ*, тиранъ въ Аттикѣ, по мѣрѣ мѣдной своей постели, вытягивалъ или отсѣкалъ у плѣнниковъ ноги.

Монархъ, къ защитѣ правды скорый,
На злобу яростью вскипѣлъ,
И царствъ судьбу стрегущи взоры
На Марса росскаго низвелъ.
Простерши скипетръ свой державный
Къ предѣламъ, гдѣ Титанъ стоглавный
Престолы, алтари трясетъ,
Онъ громы витязю вручаетъ;
Въ немъ орлю юность обновляетъ,
Стремитъ въ обычный путь побѣдъ.

Герой, воспламененный гнѣвомъ,
Лишь двигнулся — и буря вдругъ
Со льдистыхъ горъ Рифейскихъ съ ревомъ
На знойный устремилась югъ:
Трескучій мразъ, снѣга, метели,
Свиваясь съ вихрями, летѣли
На крыльяхъ лютыхъ непогодъ,
И льдами быстрый Падъ стѣснили;
Странамъ крамольнымъ возвѣстили
Героя сѣверна приходъ.

Герой стремится — и быстрѣя
Чѣмъ дневнаго свѣтила бѣгъ,
Съ весною отъ жилищъ Борея
Ступилъ на средиземный брегъ.
Страны мятежны! трепещите:
Вы грознаго героя зрите,
Готоваго на васъ извлечь
Въ потокахъ крови закаленный,
И тмами битвъ непритупленный,
Объятый у побѣды мечъ.

Смирите ваши выи горды,
Познавъ вождя геройскихъ силъ.
Се тотъ, кто кровожадны орды
Въ горахъ Тавриды поразилъ.
Тамъ змій, востокъ и югъ гнетящій,
Златой луны рога носящій,
Простертъ, подъ нимъ лежалъ стократъ.
Тутъ гидръ онъ, поразя крамольныхъ,
Исторгъ изъ сонма сферъ престольныхъ
Державу буйную Сарматъ.

Теперь, вступя въ страну трофеевъ,
Сугубымъ мужествомъ горитъ:
Онъ тѣни Кесарей, Помпеевъ,
Камилловъ, Сципіоновъ зритъ;
Слѣды кровавыхъ видитъ боевъ,
И воздухомъ дыша героевъ,
Какъ лютый левъ стремится въ брань.
О Галлы! рокъ вашъ отвратите:
Къ стопамъ упадши, удержите
Подъяту смертоносну длань.

Но буйства наглость ослѣпленна
Противъ перуна смѣетъ стать! —
Я зрю героя раздраженна: —
На дерзку устремленный рать,
Летитъ какъ вихрь; одной рукою
Мечемъ, какъ смертною косою,
Несчетные полки разитъ;
Другою тверды рушитъ грады
И съ трупами смѣся громады,
Струи кровавыхъ рѣкъ тѣснитъ.

Какъ быстра молнія сверкаетъ
Средъ тучъ и мрачной темноты;
Летящій взоръ не успѣваетъ
Во слѣдъ излучистой черты.
Иль какъ, пущенная изъ лука,
Пернатая стрѣла, безъ звука
Скрываетъ въ небѣ свой полетъ,
За хищной птицей устремленна,
Пока съ добычей обагренна,
Вращаясь клубомъ въ низъ падетъ.

Такъ гнѣвный россій Марсъ стремится
Съ кровопролитна боя въ бой.
Гдѣ врагъ лишь встанетъ — тамъ валится;
Бѣжитъ въ вертепы, — но герой
Тамъ предъ челомъ, иль за спиною.
Онъ молнію надъ всей страною
Мечемъ блестящимъ очертилъ;
Съ землей, съ водой, со зноемъ споря,
Отъ моря премагнувъ до моря,
Царямъ два царства возвратилъ.

Но се ужъ гидра изъязвленна
Главы кровавыя влача,
Бѣжитъ и, страхомъ пораженна,
Отъ грозна кроется меча
Въ стѣсненны межъ стремнинъ проходы,
За каменный, рукой природы
Взнесенный къ небесамъ оплотъ.
Но Россъ хребты его низринетъ,
Альпійскія скалы раздвинетъ
И въ сердце горъ откроетъ ходъ.

Богъ силъ во грудь геройску силы
Вдыхаетъ на пути побѣдъ.
Межъ страшныхъ всѣмъ Харибды, Скиллы,
Безвредна онъ его ведетъ.
Падутъ предъ нимъ на брегъ Секваны
Піющи Галла кровь тираны,
И буйной вольности кумиръ.
Монархамъ возвратитъ онъ троны,
Народамъ вѣру и законы
И мірови даруетъ миръ.

Дерзай, о россkій Марсъ! — оливу
Съ безсмертнымъ лавромъ сплесть теки. —
Подобна жизнь твоя разливу
Съ горы стремящейся рѣки:
Въ брегахъ далекихъ извиваясь
И въ синемъ морѣ простираясь,
Сребрится быстрый токъ ея;
Такъ въ вѣчности покрытой мглою,
Блестящей, пламенной струёю
Свѣтиться будетъ жизнь твоя.

Трубою славы восхищенной,
Побѣдъ твоихъ промчится слухъ,
Доколѣ надъ лицемъ вселенной
Носиться будетъ жизни духъ.
Престанешь быть ты чудомъ міра
Тогда лишь, какъ въ странахъ эѳира
Навѣкъ угаснетъ солнца свѣтъ,
И сквозь померкши круги звѣздны,
Въ пустынныя хаоса бездны
Съ луною шаръ земный падетъ.

VII.

НА ВСЕРАДОСТНОЕ ОБРУЧЕНІЕ

ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЫСОЧЕСТВЪ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА И ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЫ ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢЕВНЫ,

совершившееся 1793 года, Мая въ 10 день.

—

Воздѣвъ блестяту багряницу,
Уже стыдливая заря
Ведетъ янтарну колесницу
Дней свѣтоноснаго царя.
На прагъ Востока онъ въѣзжаетъ,
Златыя возжи потрясаетъ
И огненнымъ бичемъ коней
Стремитъ на сводъ небесъ лазурныхъ;
Блескъ сыплется отъ гривъ ихъ бурныхъ
И пламя пышетъ изъ ноздрей.

Но что? — онъ, путь свой премѣняя,
Къ Петрополю склоняетъ бѣгъ;
Весна пріятна поспѣшая
За нимъ, съ полей согнала снѣгъ.
Въ тѣ дни, какъ хладны здѣсь погоды
Обыкли видъ мрачить природы,
Она одѣла листьемъ лѣсъ;
Пестритъ поля дарами Флоры,
И нѣжны птицъ сзываетъ хоры
Воспѣть любовь въ тѣни древесъ.

Что жъ такъ весну и свѣтла Феба
Влечетъ поспѣшно въ россійй край;
И подъ чертою хладной неба
Ихъ заставляетъ зиждить Рай?
Не божество ли ужъ какое,
Жилище небрежа святое,
Сошло къ превыспреннихъ круговъ,
И смертною плѣнясь красою,
Ведетъ торжественно съ собою
И ликъ отрадъ и сонмъ боговъ? —

Такъ точно; — взору изумленну
Небесный предстоитъ предметъ. —
Се нѣкую Чету священну
Ѳѳирный озаряетъ свѣтъ.
Се Дѣва, какъ любовь прекрасна,
На Юношу взираетъ страстна
Съ улыбкой полною утѣхъ.
Такъ роза нѣжна на лилею
Восклоньшися, красой своею
Влечетъ, плѣняетъ взоры всѣхъ.

Чета божественна, прелестна! —
Румянецъ розъ на Ихъ щекахъ,
Въ глазахъ блеститъ лазурь небесна,
Лежатъ кораллы на устахъ,
На лицахъ кротость обитаетъ:
Сей доблесть, мужество являетъ;
Та — нѣжный и любящій духъ.
Залогомъ счастія вселенной
Въ Ней видѣнъ Ангелъ воплощенной,
Въ Немъ — Ангелъ, человѣковъ Другъ.

То не Амуръ ли и Психея
Вновь смертныхъ предстоятъ очамъ;
И не божественна ль Астрея
Предводитъ Ихъ въ священный храмъ?
Но нѣтъ: самъ богъ любви надъ Ними
Летя, стрѣлами золотыми
Пронзаетъ нѣжны Ихъ сердца;
На Нихъ свой пламенникъ склоняетъ
И взоръ Ихъ блескомъ привлекаетъ
Изъ миртъ сплетеннаго вѣнца.

И се восторгъ сыновъ россійскихъ,
Се пѣсней восхищенный ликъ,
Громъ, звукъ орудій мусикійскихъ
И радостный народа кликъ
Чету священну имянуютъ;
Порфиру, руки Ихъ цѣлуютъ,
Цвѣтами усыпаютъ путь:
Всѣ взоры къ Нимъ лишь обращенны;
Всѣ жаждутъ, рвеньемъ воспаленны,
Взглянуть на Нихъ — еще взглянуть,

Предтечей счастливой судьбины
Да будетъ днешне торжество!
Да будетъ Внукъ Екатерины
И Имъ любимо божество
Блаженства нашего залогомъ!
Союзъ Ихъ Всемогущимъ Богомъ
Да будетъ ввѣкъ благословенъ!
Да Павловъ Домъ, какъ лавръ цвѣтущій,
Во всѣ пребудетъ дни грядущи
На немъ со славой утвержденъ!

Лишь только громкій слухъ раздался
О счастливомъ союзѣ семъ,
Сарматъ въ подданство намъ отдался,
Плѣненъ любовью, не мечемъ.
Се племя Росскія Державы
Прельстяся громомъ нашей славы,
Подъ кровъ отечественъ течетъ. —
Симъ ясно рокъ предвозвѣщаетъ,
Какихъ потомство ожидаетъ
Отъ Нихъ торжествъ, отрадъ, побѣдъ.

Красуйся, о Чета священна!
Нѣжнѣйшей страстію пылай:
Въ Тебѣ Россія восхищенна
Зритъ новонасажденный рай.
Ты, чуждый цвѣтъ! — Елисавета!
Краса будь наша, радость свѣта!
А Ты, прекраснѣйшій Женихъ!
Гордъ именемъ Россіянина,
Премудръ будь какъ Екатерина,
И какъ Она, какъ Петръ Великъ.

VIII.

ТОРЖЕСТВЕННАЯ ПѢСНЬ НА ПРАЗДНОВАНІЕ МИРА.

Псаломъ 45.

Господь силъ съ нами, Богъ боговъ,
Защита Россовъ и покровъ!

Богъ намъ прибѣжище и сила,
Помощникъ скорый въ сонмѣ бѣдъ.

Не содрогнемъ, хотя бъ свѣтила
Померкли, весь потрясся свѣтъ
И въ понтъ вершины низложились;
Хотя бъ моря и бурей споръ
Хребты подвигли твердыхъ горъ
И въ бездну ринуть устремились.

Господь силъ съ нами, Богъ боговъ,
Защита Россовъ и покровъ!

Петрополь красятъ мирны рѣки;
Въ немъ Вышній освятилъ Свой Тронъ.
Богъ въ немъ: не двигнется вовѣки —
Оплотъ ему, твердыня Онъ.
Въ языцѣхъ выю дерзновенну
Возноситъ буйный сонмъ людей. —
Священный палъ престолъ царей.
Месть неба удивитъ вселенну!

Господь силъ съ нами, Богъ боговъ,
Защита Россовъ и покровъ!

Приидите, да чудесну славу
Творца побѣдъ вселенна зритъ:
Онъ укротилъ здѣсь брань кроваву,
Онъ сжегъ и мечъ, и лукъ, и щитъ. —
Внемлите всѣ концы земныи!
Речетъ Господь: Азъ Россовъ Богъ.
Въ языцѣхъ вознесу Мой рогъ:
Престолъ Мой вознесу въ Россіи.

Господь силъ съ нами, Богъ боговъ,
Защита Россовъ и покровъ!

IX.

НА ВСЕРАДОСТНОЕ ИЗВѢСТІЕ О ПОКОРЕНІИ ПАРИЖА.

—

Раздался громъ изъ жерлъ мѣдяныхъ,
По стогнамъ льется шумный кликъ:
«Великъ нашъ Царь межъ главъ вѣнчанныхъ!
«Побѣда! — Русскій Богъ великъ!
«Возвысилъ рогъ онъ нашей славы;
«Потрясшей цѣлый міръ державы
«Сломилъ кичливый, дерзкій рогъ.
«Побѣда! — Александръ десницу
«Вознесъ, — и Галловъ зритъ столицу
«Простерту какъ рабу у ногъ.»

О радость! о восторгъ сердечный!
И слава нашему Царю!
Титана въ стыдъ облекъ Онъ вѣчный,
Послѣдню тмитъ его зарю.
Кого страшилася вселенна,
Съ престола, буйствомъ вознесенна,
Низвергъ Онъ, — изверга, — стремглавъ;
Крамолу поразилъ строптиву
И мирную вознесъ оливу
Къ спасенью всѣхъ земныхъ державъ.

Средь страха и среди сомнѣнья
Павъ къ Александровымъ стопамъ,
Ждала столица Галловъ мщенья
За бѣдства, нанесенны намъ;
Но въ Немъ зритъ милость воплощенну,

Къ прощенью, къ жалости склоненну
Покорствомъ плѣнницы своей;
Зритъ руку, въ бранну непогоду,
Отъ давнихъ, тяжкихъ узъ свободу,
Дарующу съ пощадой ей.

Примѣра доблести толикой
Не зрѣлъ въ вѣкахъ, протекшихъ свѣтъ;
Великаго Царя — великой
Душѣ не лестенъ лавръ побѣдъ;
Перуномъ Онъ сразилъ Антея,
Но кровь и супостатъ жалѣя,
Простеръ къ нимъ милующу длань.
О, кротости всемощна сила!
Безъ битвъ она враговъ плѣнила,
И ихъ любви пріемлетъ дань.

Не для побѣды онъ кровавой,
Не для стяжанья лавровъ текъ:
Гнушаясь громкой, бранной славой,
Онъ на престолѣ — человѣкъ.
Отъ буйствъ покровъ — Его порфира:
Не хочетъ покорять Онъ міра,
Но миръ завоевать хотѣлъ;
Хотѣлъ, чтобы по всей вселенной,
Гордыней наглой потрясенной,
Подобно крину онъ процвѣлъ.

Орелъ полночный! возносися,
Ликуй побѣдоносный Россъ!
Отцемъ твоимъ — Царемъ гордися:
Свѣтящій міру Онъ колоссъ.

Низринуты возставитъ троны,
Преобратитъ на радость стоны,
Изгладитъ бѣдствъ народныхъ слѣдъ,
На путь добра привестъ злодѣевъ
Ему пріятнѣй всѣхъ трофеевъ,
И плодъ достойнѣйшій — побѣдъ!

X.

НА СМЕРТЬ НАПОЛЕОНА.

Высокомѣрный духъ, смирися!
Склони взнесенный буйства рогъ!
Внемли прещенью, и страшися:
«Противится гордынѣ Богъ.»
Игралище всемощна рока,
Не мни: — нѣтъ власти, счастью срока.
Се мечъ надъ выей ужъ виситъ,
Се край отверзся небосклона!
Зри въ даль: тамъ прахъ Наполеона
Въ пустынѣ каменистой скрытъ.

Пришлецъ, — свободныя державы
Главой онъ былъ, плѣнивъ сердца —
Почто жъ чрезъ умыслы лукавы
Искалъ онъ царскаго вѣнца?
Почто, воздѣвъ злату порфиру,
Всеобщимъ самовластьемъ міру
Безумно угрожать хотѣлъ? —

Се казнь; и жрецъ всеалчной страсти,
Предѣла непознавшій власти,
Ничтожества позналь предѣлъ.

Такъ съ юга вихрь поднявшись бурный,
Погибель наносилъ странамъ;
Застлавши прахомъ сводъ лазурный,
Размчалъ онъ жатвы по полямъ;
Коснулся зданій — зданья пали;
Ударилъ въ лѣсъ — древа трещали,
И ницъ полегъ дремучій лѣсъ:
Все буйнымъ онъ громилъ стремленьемъ;
Но вдругъ, съ сильнѣйшимъ разъяреньемъ,
Въ столпъ взвился къ небу — и исчезъ.

Исчезъ и славы метеора
Блестящій лучъ такъ въ мигъ одинъ!
Гдѣ верхъ торжествъ, тамъ верхъ позора; —
И въ узахъ — грозный властелинъ! —
Какій превратъ! — простой породы,
И всѣмъ безвѣстный, — юны годы
Едва средь браней протекли, —
Ужъ равнаго не зрѣлъ онъ болѣ,
На велелѣпномъ сѣлъ престолѣ
И жезлъ пріялъ судьи земли.

Къ подножью ногъ счастливца пали
Народы, царства и цари:
Цари отъ взора трепетали;
Мечемъ рѣшая миръ и при,
Онъ все подвергъ убійствъ законамъ;
Ступалъ по раздробленнымъ тронамъ,

И слѣдъ трофеями устлалъ; —
Но манье Вышняго десницы, . . .
И съ громоносной колесницы
Строптивый побѣдитель палъ.

Давно ли на гиганта съ страхомъ
Взиралъ весь изумленный міръ? —
Престолы покрывались прахомъ
И вретищами блескъ порфиръ.
Все рушила десница люта;
Но грозна сближилась минута —
И тотъ, кто троны всѣ потрясъ,
Преткнулся, шедъ въ побѣдномъ ликѣ;
И роковой царей владыкѣ
На Сѣверѣ ударилъ часъ.

Бѣжитъ онъ по снѣгамъ стезею
Окровавленной имъ, — и Россъ
Могущей дланію своею
Низринулъ страшный сей колоссъ.
Вотще отважная измѣна,
Надеждой буйной ослѣпленна,
Опять на тронъ его взвела:
Онъ палъ, — судьба его свершилась,
И въ тронъ тирана превратилась
Кремниста средь морей скала.

Куда ни обращалъ онъ очи,
Безбрежну зыбь вездѣ встрѣчалъ;
Постылы дни, бездремны ночи
Въ уныньи мрачномъ провождалъ;
Терзали духъ воспоминанья;

Престолъ, побѣдны восклицанья,
Все было, какъ призраки сна; —
Пробудокъ — ссылочна пустыня,
И въ ней смиренная гордыня
Жива навѣкъ погребена.

Теперь тамъ трупъ Титана кроетъ,
Лишь персти чужеземной горсть,
И въ черепѣ останки роетъ
Презрѣнный червь, гробницы гость;
А тѣнь, блуждая вкругъ могилы,
Лишь воплей слышитъ гулъ унылый
И клятвы жертвъ убійствъ, крамолъ:
Потомство клятвъ сихъ не забудетъ
И въ немъ Наполеонъ пребудетъ
Безсмертенъ — слухомъ буйствъ и золъ! . . .

Вожди надменны! вразумитесь! —
Онъ былъ примѣръ вамъ и глава;
Священны всѣмъ сердцамъ страшитесь
Насильствомъ нарушать права. —
Чѣмъ болѣ счастье васъ ласкаетъ,
Тѣмъ непримѣтнѣй приближаетъ
Къ стремнинѣ, съ коей должно пасть.
Судьба къ неправдѣ буйной строга:
Вамъ срочна власть дана отъ Бога;
Его всевѣчну чтите власть.

XI.

РУССКИМЪ ВОИНАМЪ.

—

Труба ужъ ратная взгремѣла,
И Росса вновь на брань зоветъ: —
Ура! — дерзай дружина смѣла!
Въ знакомо поприще побѣдъ;
Дерзай, и гидру пощаженну
Великодушною рукой
Вновь жаждой крови воспаленну,
Подъ мстящей задуши пятой.

Готова фурія геенны
Свергать вновь троны, вѣру тлить;
Насиліе, разбой, измѣны
Въ законно право освятить: —
Дерзай, о Россъ! рази кичливость,
Сломи возникшій буйства рогъ:
Тебѣ подпора — справедливость,
Съ тобой — Европа, Царь твой — Богъ!

Дерзай; — тебя пріосѣняетъ
Всевышняго Отца покровъ;
И къ сыну вѣра мать взываетъ:
«Теки противъ моихъ враговъ,
«Противъ злодѣйства ополчися
«За родину, за Божій домъ,
«И въ домъ отеческъ возвратися,
«Иль на щитъ, — иль со щитомъ'» —

Москвы воспомянувъ пожары,
О Россъ! воспламени твой гнѣвъ,
Залей враждебной кровью ярый,
Вспылавшій Энкелада зѣвъ;
Возжегши стрѣлы громометны,
Богопротивника рази,
И верхъ твердѣйшей, новой Этны
Оливу вѣчну водрузи.

НА ТЛѢННОСТЬ.

«Рѣка временъ въ своемъ теченьѣ
«Уноситъ всѣ дѣла людей
«И топитъ въ пропасти забвенья
«Народы, царства и царей.
«А если что и остается
«Чрезъ звуки лиры и трубы,
«То вѣчности жерломъ пожрется
«И общей не уйдетъ судьбы.»

Такъ лебедь, Пиндаръ пѣлъ россійскій,
Когда готовился ужъ часъ,
Въ полетѣ быстромъ къ гробу близкій,
Взвенѣть ему послѣдній разъ;
И въ мигъ, какъ хладною рукою
Ужъ лиру смерть рвала изъ рукъ,
Такъ громкой онъ издалъ струною
Плѣнительный, послѣдній звукъ.

Изъ вѣка въ вѣкъ сей звукъ прольется.
Державинъ! — нѣтъ; — всежруща тлѣнь
Къ вѣнкамъ твоимъ не прикоснется,
Пока свѣтящій смертнымъ день
Чредиться будетъ съ ночью звѣздной;
Пока ось міра не падетъ —
Временъ надъ рѣющею бездной
Вѣнокъ твой съ лирою всплыветъ.

ОДЫ НРАВОУЧИТЕЛЬНЫЯ

И

ЭЛЕГИЧЕСКІЯ.

I.

НА НАДЕЖДУ.

Лѣса, влекущіе къ покою!
Чертогъ любви и тихихъ дней!
Куда вы съ прежней красотою
Сокрылись отъ моихъ очей?
Васъ та же зелень украшаетъ;
Но мнѣ того ужъ не являетъ,
Чѣмъ духъ бывалъ прельщаемъ мой:
Вездѣ меня тягчатъ печали;
Вездѣ, гдѣ прежде восхищали
Утѣхи, счастье и покой.

О рокъ! о судія жестокій!
Неумолимый царь временъ!
Доколѣ буду слезъ потоки
Я лить, тобою осужденъ?
Доколѣ въ сердцѣ скорби кроя,
Я буду прежняго покоя
Искать, въ несчастіи стѣня?
Иль бѣдъ моихъ окончи время,
Или ужъ всѣхъ напастей бремя,
Собравъ, повергни на меня.

Въ терпѣньи мудрый познаваемъ,
Несчастьемъ испытуемъ онъ;
Но гдѣ сверхъ мѣры мы страдаемъ,
Тамъ тщетенъ мудрости законъ:
Рожденная надежда съ нами,
Доколь хоть тихими стопами
Къ концу напастей насъ ведетъ —
Еще разсудокъ помогаетъ:
А въ комъ надежда исчезаетъ,
Подъ косу смерти тотъ течетъ.

Съ юнѣйшихъ лѣтъ жестокой власти
Уже я бремя ощущалъ,
И началъ чувствовать напасти,
Какъ скоро чувствовать я сталъ;
Но днесь они прешли предѣлы. —
Сбери, о рокъ жестокій! стрѣлы,
Еще стремись мнѣ грудь пронзать;
Не убоюсь грозы напрасной:
Сразивъ меня рукою властной,
Ты слабъ мой духъ поколебать.

Ты слабъ! ахъ! нѣтъ; сей мысли вѣрить,
Есть ложной льстить себя мечтой.
Я могъ душею лицемѣрить
Предъ всѣми, но не предъ собой.
Я могъ страстей таить волненье,
Скрывать на сердцѣ огорченье,
И скорбь въ груди запечатлѣть;
Но, душу скрыть отъ всѣхъ умѣя,

И ею, внѣ себя владѣя,
Внутри себя не могъ владѣть.

Страдалъ; — и скорби остро жало,
Таящеесь въ груди моей,
Тѣмъ глубже сердце уязвляло,
Чѣмъ больше крылось отъ очей.
Печаль, являюща отраду
Подобна пагубному яду,
Который, въ лестномъ видѣ сна,
Коварну смерть уготовляетъ.
Конецъ терпѣнья предваряетъ
Души притворна тишина.

Ручей, который съ горъ стремится,
Крутится, пѣнится, реветъ,
Сквозь дебри роется, мутится
И камни быстриной несетъ, —
Не столько въ ярости опасенъ,
Какъ токъ, который тихъ, безгласенъ,
Подмывши брегъ, притворно спитъ;
Онъ бездну тишиной скрываетъ:
Тотъ ревенье чувствъ изображаетъ,
А сей отчаянія видъ.

Еще не свершены печали,
И лучъ надежды не исчезъ,
Пока стенанья не престали,
И токъ не осушился слезъ;
Но коль и сихъ отрадъ лишенно,
Несчастьемъ сердце удрученно,

Таитъ въ себѣ жестокость бѣдъ —
Се часъ ужасный наступаетъ:
Унынье душу омрачаетъ,
А въ слѣдъ отчаянье течетъ.

Но, внемля истины уставамъ,
Въ печаляхъ должно ль унывать,
И должно ль счастія отравамъ
Свое спокойствіе ввѣрять?
Надежды должно ль намъ лишаться,
Томить себя, стенать, терзаться,
Когда преходитъ все какъ прахъ;
Когда для насъ и горесть люта,
И часъ и каждая минута
Къ блаженству будущему шагъ?

Почто жъ, коль въ свѣтѣ все премѣнно,
Почто печальми духъ тягчить?
Мнѣ, можетъ быть, опредѣленно
Еще и въ благоденствѣ жить;
И можетъ быть, что придетъ время,
Когда напастей тяжко бремя
Судьба, отторгнувъ отъ меня,
На мѣсто ихъ, щедротъ рукою
Устроитъ дни мои къ покою,
Въ блаженство горесть премѣня.

Надежда, смертныхъ утѣшитель!
Ты будь моихъ подпорой силъ:
Въ тебѣ единой Вседержитель
Спокойство наше утвердилъ.

Твой гласъ несчастныхъ увѣряетъ,
Что рокъ тѣ бѣдствія скончаетъ,
Которыхъ бремя ихъ тягчитъ;
А въ счастіи ты въ томъ порука,
Что никогда ужъ съ нимъ разлука
Къ напастямъ насъ не возвратитъ.

А вы, лѣса! гдѣ грусть я крою,
Простите мнѣ, что я посмѣлъ
Тѣснящею меня тоскою
Встревожить тихій вашъ предѣлъ:
Несчастье вы мое внимали.
Когда же рокъ, прогнавъ печали,
Въ которыхъ духъ мятется мой,
Пошлетъ мнѣ прежне благоденство,
Тогда приду къ вамъ пѣть блаженство,
И тѣмъ вашъ усладить покой.

II.

НА СМЕРТЬ СЫНА.

Доколѣ рокъ свирѣпый станетъ
Меня бичемъ напастей гнать
И по частямъ когда престанетъ
Мое онъ сердце раздирать? —
Съ любезнымъ братомъ разлученье
И друга вѣрнаго лишенье

Едва оплакать я успѣлъ,
Се вновь жестокая судьбина
Велитъ мнѣ смерть оплакать сына,
Что̀ въ гробъ мою надежду свелъ.

Отцы и матери несчастны!
Моею тронуты тоской,
Придите, ваши души страстны
Да сострадаютъ днесь со мной.
Слезами стихъ сей оросите
И горести моей простите,
Коль ваши раны обновитъ.
Лишенный силъ средь волнъ ревущихъ,
За ближнихъ ухватясь плывущихъ
Спастися гиблющій спѣшитъ.

А вы, родители счастливы!
Внемлите скорбну пѣснь сію.
Коль души въ васъ чадолюбивы,
Восчувствуйте печаль мою.
Взглянувъ на вашихъ чадъ любезныхъ. . .
Не пожалѣйте токовъ слезныхъ
Съ рыдающимъ отцомъ пролить.
Да Богъ васъ не лишитъ отрады
И да возмогутъ ваши чады
До гроба вамъ весельемъ быть!

Мое веселіе прервалось,
И сына моего ужъ нѣтъ.
О, сердце! кое имъ прельщалось,
Претерпѣвай всю лютость бѣдъ.

А вы, утѣхъ лишенны очи!
Покройтеся завѣсой ночи;
Или въ источникъ горькихъ слезъ
Неизсякающъ превратитесь;
Надеждою отрадъ не льститесь:
Лучъ радости моей исчезъ.

Исчезъ; — и навсегда сокрылся
Во гробѣ сына моего.
Увы! навѣки я лишился,
Вовѣкъ не узрю ужъ его.
О, сынъ мой! — ты, какъ нѣжна роза
Свирѣпствомъ ранняго мороза
Сраженная, поблекъ, увялъ;
Какъ цвѣтъ, листовъ нераспустившій,
Одну зарю лишь только жившій,
Изсохъ, и полдня не видалъ.

Уже ты на меня не взглянешь,
Улыбкой нѣжной осклабясь,
И рукъ умильно не протянешь,
Въ объятья матери просясь;
Не будешь, насъ ко всѣмъ ревнуя,
Играя съ нею и цѣлуя,
Мое ты имя затвержать;
Не будешь, сидя между нами,
Твоими нѣжными руками
Ты наши выи сопрягать

И мнѣ, покрыту сѣдиною,
Подпорою не будешь ты.

Согбенный старости рукою,
Несносны жизни тяготы
Одинъ я понесу, стоная;
Къ землѣ главу мою склоняя,
Преткнусь безъ помощи жезла.
Тогда, печалью изнуренный,
Паду, бѣдами удрученный,
Подъ игомъ лѣтъ, болѣзней, зла!

Паду, какъ ветхая обитель,
На столбъ опершая чело,
На кой природы разрушитель
Съ косою время налегло
И сильной мышцею сломало.
Палъ столбъ — и зданье затрещало;
Потрясши дряхлою главой,
Обрушилося, развалилось,
Съ лицемъ земли уже сравнилось
И скоро порастетъ травой.

Безуменъ, кто себя на бренный
Надежды якорь обопретъ!
Какъ жезлъ сей, сверху изощренный,
На немъ возлегшу длань пробьетъ:
Такъ намъ надежда измѣняетъ.
О, сынъ мой! надъ тобой рыдаетъ
Отецъ твой, льстившійся лишь тѣмъ,
Что ты сомкнешь его зѣницу,
Что хладную его гробницу
Омоешь теплыхъ слезъ ручьемъ.

Но я твои закрылъ днесь очи,
Я твой послѣдній вздохъ пріялъ;
Подъ кровъ сходяща вѣчной ночи
Потокомъ слезнымъ омывалъ.
Я, заступъ движущей насилу
Рукой, изрылъ тебѣ могилу
И хладный прахъ твой въ ней покрылъ
Землею, смѣшанной съ слезами;
Усыпалъ я ее цвѣтами
И дубъ трилѣтній посадилъ.

Какъ древо то, такъ я, несчастной,
Къ гробницѣ приклонюсь твоей.
Заря и дня свѣтило ясно
И звѣзды, спутницы ночей,
Меня найдутъ у сей могилы:
Тамъ вопль мой горестный, унылый,
Мой сынъ! тебя ко мнѣ зоветъ;
Но ты молчишь, о тѣнь драгая!
Лишь эхо, стонъ мой повторяя,
Со мною томно вопіетъ.

Не узрю я тебя, доколѣ
Прядется паркой жизнь моя.
Увы! не возвращаетъ болѣ
Намъ гробъ добычи своея
И гласу горести не внемлетъ.
О, сынъ мой! смерть тебя отъемлетъ
Отъ томныя груди моей,
Не давъ тебѣ познать утѣхи,

И чрезъ забавы, игры, смѣхи,
Вкусить пріятства жизни сей.

Пріятства! — нѣтъ; о, сынъ любезной!
Я обольстить тебя хотѣлъ,
Въ судьбинѣ смертныхъ скорбной, слезной,
Никто прямыхъ пріятствъ не зрѣлъ.
Всякъ долженъ дань платить печали.
Гдѣ смертны счастія искали,
Тамъ встрѣтило ихъ ждуще зло.
Блаженство твердое, прямое,
Въ младенчествѣ земли, златое
Съ собою время унесло.

Такъ ты, мой сынъ! счастливъ неложно,
Что жилъ временъ одинъ лишь мигъ;
Что, жизнью не томясь тревожной,
До тихой пристани достигъ,
Поспѣшнымъ принесенъ Зефиромъ. —
Покойся днесь, покойся съ миромъ,
Любезная, дражайша тѣнь!
Завидую твоей я долѣ,
Жалѣя, что не въ смертныхъ волѣ
Нашъ ускорить послѣдній день.

Но о твоей, мой сынъ! разлукѣ
Уже я болѣ не грущу;
Не предаюся горькой скукѣ
И на судьбину не ропщу.
Съ отрадой жду я тѣхъ мгновеній,
Когда рокъ цѣпь моихъ мученій,

Въ источникъ благъ перемѣня,
Изъ бѣдствій жизнь мою искупитъ,
Когда съ тобою совокупитъ
На лонѣ вѣчности меня.

Теперь ужъ я твою гробницу
Не возмущу моей тоской
И, сѣвъ на ней, мою зѣницу
Потщусь не омочить слезой.
Но солнцу, ставшу надъ горами,
Я поспѣшу твой гробъ цвѣтами
Устлать и мvромъ оросить.
Творцу, на мѣстѣ семъ священномъ,
Я буду въ сердцѣ восхищенномъ
Хваленій жертву приносить.

Тутъ часто ночь меня застанетъ:
При свѣтѣ блѣдныя луны
Мой духъ тамъ воскрыляться станетъ
Къ предѣламъ вѣчной тишины
И въ мысляхъ созерцать вселенну,
Душей всесильной оживленну.
Тамъ, можетъ статься, тѣнь твоя
Мнѣ будетъ межъ деревъ мечтаться —
И тамъ я буду научаться
О цѣли жизни моея.

III.

НА СЧАСТІЕ.

Весна пріятна возвратилась;
Блестящу росу пьютъ поля,
Зеленымъ бархатомъ покрылась
И тысячьми цвѣтовъ земля;
Одѣлись листіемъ дубравы;
Кусты и благовонны травы
Намъ испаряютъ ароматъ;
Съ горъ зеркальны струи катятся
И въ рощахъ хоры птицъ гнѣздятся,
Поющи новы дни отрадъ

Взойду на холмъ — мой взоръ веселый
Вездѣ довольство, нѣгу зритъ:
Въ долу спокойно быкъ дебелый
Близъ стада тучнаго лежитъ;
Тамъ бодрый конь, поднявши гриву
И хвостъ и выю горделиву,
Играетъ вкругъ своихъ подругъ;
Тутъ козы брань ведутъ, рѣзвяся;
Тамъ паствой овцы насладяся,
Блеяньемъ наполняютъ лугъ.

Вездѣ, и въ воздухѣ семъ чистомъ,
По всей поверхности земли,
Въ поляхъ, въ лугахъ, въ лѣсу тѣнистомъ,
Зефиры радость разнесли.

Весны влiянiя отрадны
И звѣри ощутя зложадны,
Питаютъ нѣжный жаръ въ крови,
Прiятнымъ чувствомъ умягченной;
И все, что въ мiрѣ оживленно,
Дань платитъ счастью и любви.

Все дань любви и счастью платитъ! —
Лишь человѣкъ изъ тварей всѣхъ
Часы въ заботахъ, въ скукѣ тратитъ,
Отъ общихъ уклонясь утѣхъ.
Несытыхъ вѣчно полнъ желанiй,
Въ кругу пустыхъ надеждъ, мечтанiй
Проводитъ онъ и ночь и день;
Простыхъ, природныхъ благъ чуждаясь,
Суетъ въ Дедалѣ заблуждаясь,
Хватаетъ счастья токмо тѣнь.

Одинъ, посѣвы оставляетъ
И плугъ наслѣдный отъ отцовъ;
Въ мечъ острый рало превращаетъ
И въ буйствѣ ищетъ лишь — враговъ.
Обманутъ гласомъ ложной славы
Собратiй токъ лiетъ кровавый,
И старцевъ и сиротъ разитъ;
И льстится, обагряя длани,
Что кровь пiюще поле брани
Ему лавръ вѣчный возраститъ!

Другой, стада продавши тучны
И домъ рожденья своего,

Гдѣ съ дѣтствомъ игры неразлучны
Всю жизнь лелѣяли его;
Жену оставя безотрадну,
Чтобы корысть насытить жадну,
Измѣннымъ ввѣрился зыбямъ;
Онъ плачъ родныхъ сухимъ зритъ окомъ,
И водъ въ волненіи жестокомъ
Лишь злато льститъ его очамъ.

Иной, во пиршествахъ, забавахъ
Все счастье свѣта заключивъ,
И нѣги въ сладостныхъ отравахъ
Здоровье, душу истощивъ,
Въ вихрь роскоши себя ввергаетъ;
Онъ средства лишь изобрѣтаетъ
Отъ самого себя бѣжать;
Летяще невозвратно время
Онъ силится, какъ тяжко бремя,
Тщетою праздной погублять.

Но на различныхъ сихъ дорогахъ,
Страстьми влекомый, человѣкъ,
По кратковременныхъ тревогахъ
Златый обрѣсть мечтая вѣкъ,
Въ отрадномъ, истинномъ покоѣ,
Возможетъ ли сыскать прямое
Блаженство жизни своея? —
Ахъ, нѣтъ! — чѣмъ къ цѣли онъ скорѣе
Течетъ, тѣмъ отъ него быстрѣе
Цѣль удаляется сія.

Съ какими бѣдствами, трудами,
Стяжаній ищетъ онъ драгихъ!
Скопляются они вѣками:
Единый мигъ уноситъ ихъ.
Честей и знатности степени
Какъ легки исчезаютъ тѣни;
Кто ихъ раститъ, тщету пожнетъ.
Прельщенна видами пустыми
Душа не насладится ими:
Прямаго счастія въ нихъ нѣтъ.

О, счастье! всѣхъ страстей пружина!
Всѣхъ мыслей, чаяній, трудовъ,
Желаній всѣхъ, о, цѣль едина!
Приди, повѣдай, гдѣ твой кровъ?
Скажи намъ, гдѣ ты обитаешь?
На тронѣ ли въ вѣнцѣ сіяешь,
Иль поселилось въ шалашахъ;
Или, оставя человѣка,
На крыльяхъ ты златаго вѣка
Взлетѣвъ, живешь на небесахъ?

Обремененный нищетою,
Презрѣньемъ общимъ посрамленъ,
Рабъ ропщетъ: для чего судьбою
Рабомъ онъ въ свѣтъ произведенъ?
Онъ, пышностью вельможъ прельщаясь,
«Блаженъ, гласитъ, кто, наслаждаясь
«Богатствомъ, дней число своихъ
«Числомъ забавъ, пировъ счисляетъ!

«Онъ вѣкъ моихъ утѣхъ вмѣщаетъ
«Въ одинъ своихъ веселій мигъ!»

«Я властью вознесенъ и славой,
«Речетъ монархъ: я смертныхъ богъ.
«Я сильною моей державой
«Моихъ враговъ стеръ гордый рогъ.
«Въ забавахъ, въ нѣгѣ утопаю;
«Но счастія не обрѣтаю
«Ни средь побѣдъ, ни средь пировъ.
«Спокойство отъ меня уходитъ;
«Спокойство въ хижинѣ находитъ
«Послѣдній рабъ моихъ рабовъ.»

Когда жъ своею въ свѣтѣ частью
Никто не удовлетворенъ,
Такъ не ужель намъ путь ко счастью
Стѣною вѣчной прегражденъ?
На то ль отъ Бога жизнь пріяли,
Чтобъ, жертвой будучи печали,
Кляли мы жизни каждый часъ? —
Никакъ: — источникъ совершенства,
Онъ сотворилъ насъ для блаженства,
Блаженство сотворилъ для насъ.

Виновны мы, что, льстясь мечтами
И блескомъ призраковъ пустыхъ,
Живущее блаженство съ нами
Стяжать желаемъ чрезъ другихъ;
Что вѣчно токмо въ чуждой долѣ,
То въ хижинѣ, то на престолѣ,
Обрѣсть надѣемся покой;
И, ослѣпленные пристрастьемъ,

Весь вѣкъ свой гонимся за счастьемъ,
Нося его всегда съ собой.

Познай, о человѣкъ! сколь смежно
Съ тобою благъ струя течетъ,
И какъ сама десницей нѣжной
Своихъ питомцевъ къ ней ведетъ
Премудра, щедрая природа: —
Что совѣсть чистая, свобода,
Здоровье и насущный хлѣбъ
Довлѣютъ къ твоему покою. —
Будь съ ними счастливъ самъ собою,
И даръ благослови судебъ.

А если Богъ, чтобъ безмятежну
Украсить жизнь вѣнцемъ отрадъ,
Пошлетъ тебѣ супругу нѣжну,
Правдива друга, добрыхъ чадъ,
О, счастливъ, счастливъ ты не лестно! —
Для чувствъ любови сердце тѣсно
Ты въ нѣдра дружества пролей,
И, чуждъ мірскихъ суетъ, навѣтовъ,
Блаженствомъ сихъ драгихъ предметовъ
Удвой твоихъ блаженство дней.

Удвой; — но, ахъ! съ пріумноженьемъ
Сихъ счастія узловъ драгихъ,
Стократъ мучительнымъ язвленьемъ
Коварно жало скорбей злыхъ
Грозитъ, о смертный! намъ всечасно: —
Какое сердце толь безстрастно,

Толь твердо, жестко можетъ быть,
Чтобъ близкихъ такъ души залоговъ
Болѣзнь, печаль и смерть безъ вздоховъ,
Безъ ропота могло сносить?

Увы! возможно ль капель слезныхъ
Не уронить съ унылыхъ вѣждъ,
Воззрѣвъ на прахъ дѣтей любезныхъ,
На гробъ пріятнѣйшихъ надеждъ?
Слезами не омывъ зѣницу,
Возсѣсть на хладную гробницу,
Иль друга, иль драгой жены,
И не терзаться надъ могилой,
Гдѣ жизни, ужъ навѣкъ постылой,
Всѣ радости погребены? —

Несчастный! — въ скорби сей сердечной,
Приди; — дай руку мнѣ; — пойдемъ; —
Предъ трономъ благъ, любви предвѣчной,
Съ повиновеніемъ падемъ;
И изъ-подъ праха гласъ умильной
Возвысимъ: — да рукой всесильной
Стѣсненно сердце укрѣпитъ,
Печалей да смягчитъ грызенья
Противу горестей стремленья
Да ниспошлетъ намъ Вѣры щитъ!

О Вѣра! гласъ Творца вселенной,
Святѣйшій лучъ его лучей,
Отрада жизни угнетенной,
Душевна здравія елей!

Оставь небесную обитель:
Сниди; — будь вождь намъ, просвѣтитель;
Наставь насъ, что, доколѣ мы
Веригъ не сбросимъ тѣла страстна,
Не можемъ свѣта, намъ причастна,
Отъ сродной намъ отторгнуть тмы.

Что жизни въ дебри сей терновой
Мы странствовать во мглѣ должны;
Что тамъ, — за ней, — день свѣтитъ новой;
Что смертные преселены
Въ то обиталище святое,
Вкушаютъ счастіе прямое
И радость полной чашей пьютъ;
Отъ смерти къ вѣчности избранны,
Вѣнцемъ нетлѣннымъ увѣнчанны,
Небесной жизнію живутъ.

Но здѣсь одна лишь добродѣтель
Источникъ неисчерпныхъ благъ;
Отрадъ чистѣйшихъ намъ содѣтель.
Въ болѣзняхъ, въ нищетѣ, въ бѣдахъ
Она печали услаждаетъ
И равномѣрно сочетаетъ
Себя съ владыкой и съ рабомъ.
Ни тать, ни врагъ, стихіи злобны,
Ее похитить не удобны:
Въ сердцахъ она свой зиждетъ домъ.

Воззримъ на мужа благотворна:
Что сладостнѣй его отрадъ? —

Улыбка нѣжна, непритворна,
Имъ воскормленныхъ чуждыхъ чадъ,
Признательна слеза вдовицы,
Исторгнутыхъ изъ рукъ убійцы
Благословеніе сиротъ,
И вздохъ отрадный старца нища, —
Какая сердцу сладка пища!
Какой утѣхъ безсмертный плодъ!

Возмогутъ ли болѣзнь, гоненья,
Печаль и сонмъ напастей злыхъ,
Средь толь пріятна восхищенья,
Не притупить всѣхъ жалъ своихъ, —
И на стезяхъ колючихъ, тѣсныхъ,
Лишишь его утѣхъ небесныхъ,
Восторга нѣжнаго сердецъ, —
Когда за жизнью скоротечной
Ему священна Вѣра вѣчной
Готовитъ радости вѣнецъ?

О, Вѣра! устъ твоихъ уроки
Ослабшій духъ мой подкрѣпятъ
Съ тобой и горести жестоки
Меня теперь ужъ не сразятъ.
Напасть, болѣзнь и скорбь и бѣдство,
Какъ человѣчества наслѣдство,
Съ терпѣньемъ буду принимать;
И въ тишинѣ, средь мала круга
Любезныхъ чадъ, жены и друга,
Блаженство временно вкушать.

А если бъ хоть на мигъ судьбину
Несчастныхъ могъ я усладить,
Хоть вздохъ, хотя слезу едину
Скорбящаго остановить,
Иль мокру осушить зѣницу:
О, сколь всещедрую десницу
Творца благословилъ бы я!
Съ какой отрадою сердечной
У прага жизни безконечной
Предѣлъ бы жизни зрѣлъ сея!

Приди жъ, Весна! какъ ты цвѣтами
Пестришь поверхности полей,
Такъ дружества, любви вѣнками
Я путь моихъ усыплю дней.
Въ тѣнистыхъ рощахъ заблуждаясь,
Природы красотой плѣняясь,
Невидимыхъ небесъ красу
Въ ней, какъ въ зерцалѣ, зрѣть я стану,
И льститься, что хоть здѣсь увяну,
Но плодъ безсмертный принесу.

IV.

НА СМЕРТЬ ПЛѢНИРЫ.

Гдѣ отъ горести унылой,
Гдѣ спастись отъ лютыхъ бѣдъ?
Нѣтъ въ живыхъ Плѣниры милой!
Милый другъ! тебя ужъ нѣтъ!

Но гдѣ въ скорби ни скрываюсь,
Все съ тобою я встрѣчаюсь:
Въ смертну погруженный сѣнь,
Зрю твой гробъ, вопль слышу слезный.
Все въ глазахъ твой видъ любезный
Носится, дражайша тѣнь!

Тѣнь дражайшая! смягчися;
Возвратись хотя на часъ;
Хоть на мигъ остановися,
И подай въ послѣдній разъ
Бѣлизной блестящу снѣжной
Руку, что съ улыбкой нѣжной
Простирала къ другу ты. —
Но, увы! ты отлетаешь,
Духъ мой въ горесть погружаешь,
Въ мракъ унылой пустоты.

Тщетно слезъ струя катится,
Не смягчаетъ скорби злой.
Въ сердцѣ кровь остановится,
Какъ лишь гробъ представлю твой
Въ душу мнѣ онъ ужасъ сѣетъ.
Все въ глазахъ моихъ мертвѣетъ.
Каждый милый мнѣ предметъ
Въ видѣ кажется увяломъ.
Смерть надгробнымъ покрываломъ
Отъ меня скрываетъ свѣтъ.

Въ рощу ль скроюся густую—
Осень ужъ ее мертвитъ.

На жену ль взгляну драгую —
Смертный одръ предъ ней стоитъ.
На дѣтей воззрю ли милыхъ, —
Вижу въ нихъ сиротъ унылыхъ.
Самъ, скитаясь межъ гробовъ,
Мрачной, кажется, стезею,
Тѣнью предводимъ твоею,
Опускаюсь въ смертный ровъ.

Въ слѣдъ за скорбной сей мечтою
Скорбная летитъ мечта:
Вижу духомъ предъ собою
Тѣ печальныя мѣста,
Гдѣ теперь супругъ твой страстной,
Удрученъ судьбой злосчастной,
Горькіе часы влачитъ;
Гдѣ, отъ всѣхъ уединенный,
Мрачной мыслью отягченный,
Съ горестью одинъ сидитъ.

Тамъ онъ зритъ передъ собою
Скорбный видъ мгновеній тѣхъ,
Какъ, взмахнувши, смерть косою
Вкругъ твоей постели всѣхъ
Ближнихъ и друзей стѣснила;
Какъ, прощаясь, ты вперила
На него померкшій зракъ;
Къ небу взоръ возведъ вздохнула
И глаза навѣкъ сомкнула
На драгихъ тебѣ рукахъ.

О! почто же всѣмъ любезный,
Всѣхъ любящій человѣкъ,
Ближнимъ, обществу полезный,
Кончитъ быстротечный вѣкъ?
А злодѣй, какъ ястребъ гладный,
Только крови ближнихъ жадный,
Въ нечестивый путь течетъ
Средь утѣхъ, увеселеній;
Безъ заботъ и огорченій
Сладкій, долгій вѣкъ живетъ?

Но что жизнь? — въ родахъ — мученье;
Въ дѣтствѣ, — раболѣпства гнетъ:
Въ юности, — страстей волненье;
Въ мужествѣ, — труды суетъ.
Старость, — возвращаетъ въ дѣтство:
Смерть, — рожденія наслѣдство.
Вотъ что жизнь! — се нива золъ!
Сѣетъ смерть и пожинаетъ,
Землю въ гробъ преобращаетъ,
Гробъ — во мрачный свой престолъ.

Что жъ скорбимъ, что въ свѣтъ отселѣ
Спѣшно перешелъ нашъ другъ? —
Здѣсь въ ея прекрасномъ тѣлѣ
Обиталъ небесный духъ,
Сердце вѣрою дышало.
Каждо чуждой скорби жало
И ея пронзало грудь.
Дружество съ любовью нѣжной
Въ дебри жизни сей мятежной
Ей прокрадывали путь.

Вѣрь, мой другъ! и скорбь отрини;
Вѣрь, что слезъ твоихъ предметъ
Изъ сей мрачныя пустыни
Въ вѣчный преселилась свѣтъ;
Что теперь твоя супруга
Верхъ земнаго темна круга,
На ліющихъ свѣтъ кругахъ,
Въ радость облачась, играетъ
И съ отрадою взираетъ
На лежащій въ гробѣ прахъ.

Вѣрь, что мигъ тотъ намъ плачевный,
Какъ померкъ въ ней свѣтъ очесъ,
Очи ей открылъ душевны
Зрѣть незримый свѣтъ небесъ;
Въ ровъ какъ гробъ ея спускали,
На воздушныхъ поднимали
Ангелы ее крылахъ;
Персть какъ съ заступа ссыпалась,
Благодать преизливалась
На нее въ златыхъ лучахъ.

Вѣрь, и не скорби душею
О потерѣ дорогой.
Радуйся: — небесъ стезею
Ужъ она вошла въ покой,
Въ радужномъ вѣнцѣ побѣды.
Но отъ горнія бесѣды,
Какъ взойдетъ на холмъ луна,
Въ ризы скрывшися нетлѣнны,
Придетъ въ часъ уединенный
Утѣшать тебя она.

О, сниди, мой другъ небесной!
Влей отраду въ томну грудь.
Къ хижинѣ моей безвѣстной
Ты легко примѣтишь путь:
Изваянный ликъ твой милой
Я поставлю надъ могилой,
Скрывшей прахъ отца, дѣтей.
Тамъ, симъ видомъ привлеченна,
Снидешь друга зрѣть смущенна
И мелькнешь въ душѣ моей.

Гробъ, гдѣ прежде взоръ мой бренный
Лишь пустыню находилъ,
Днесь мнѣ зрится населенный
Сонмами небесныхъ силъ.
Въ нихъ мнѣ будешь ты мечтаться
И предъ всѣми отличаться
Лунно-видной бѣлизной,
Какъ сіяла между нами
Нѣжныхъ прелестей чертами
И душевной красотой.

V.

НА ТВЕРДОСТЬ ДУХА.

Какъ въ устьи пристани глубокой
Вознесшись къ облакамъ скала
Стоитъ, и бури ревъ жестокой
Сверканье молній вкругъ чела,

И волны презираетъ яры
Перуна пламенны удары
Изрыли весь ея хребетъ;
На опаленну грудь громами
Она, уперши въ понтъ, волнами
Тревожить пристань не даетъ.

Такъ мужъ, судьбой опредѣленный
Отечества оградой быть,
Враждою ковы соплетенны
Какъ слабу разрываетъ нить.
Душей неколебимъ въ гоненьи,
О злобѣ, зависти, о мщеньи,
О самой смерти небрежетъ.
Грудь тверду злобѣ представляя
И жизнь всѣмъ бѣдствамъ подвергая,
Хранитъ отечество отъ бѣдъ.

Безплодно подлость, лесть, измѣны,
Сокрытны спутницы вельможъ,
Какъ смертоносныя Сирены
Сплетаютъ ядовиту ложь;
Враги открыты тщетно злятся,
На пагубу его стремятся
И всуе рокъ его разитъ:
Какъ черви тѣхъ ногой онъ давитъ,
Симъ крѣпость мышцъ противоставитъ,
Судьбѣ — терпѣнья твердый щитъ.

Кому отечество вручило
Вѣсы суда, защиты мечъ.

Или правленія кормило,
Тотъ долженъ путь опасный течь,
О личной пользѣ не радѣя;
Въ врагѣ лишь общества злодѣя
Онъ долженъ видѣть своего.
Въ душѣ того, кто долгу жертва,
Какъ собственность, такъ личность мертва;
Народно благо—жизнь его.

Онъ щитъ судьбою утѣсненнымъ,
Покровъ безгласныхъ вдовъ, сиротъ;
Рукой неправды угнетеннымъ
Подпора тверда и оплотъ.
Противъ враговъ, идущихъ боемъ,
Отечеству съ драгимъ покоемъ
Имѣнье, жизнь свою даритъ.
Падетъ ли средь кровавой рати,
И мертвъ, въ сердцахъ твоихъ собратій —
Любовь къ отечеству живитъ.

Такіе въ сонмѣ Россовъ были
Пожарскій, *Мининъ*, *Филаретъ*:
Яремъ сарматскій сокрушили
Они подъ лаврамм побѣдъ.
Но тѣ, что за отчизну пали,
Не больше ль благо назидали? —
Хоть *Курцій* *) жертвой Риму былъ,

---

*) *Курцій*. — Въ Римѣ на площади разсѣлась земля и открылась пропасть. Устрашенному народу прорицатели отвѣчали, что она не закроется, пока не будетъ брошено въ нее то, что всего драгоцѣннѣе въ Римѣ. М. *Кур-*

Но *Регула* *) неколебима,
Такой примѣръ къ спасенью Рима,
На остры гвозди положилъ.

Теки жъ; — и коль поставленъ рокомъ
Въ столбы отечества, крѣпись.
Орелъ! въ пареніи высокомъ
Спуститься долу берегись.
Продерзкій рогъ сломи строптивыхъ,
И знай, что на путяхъ правдивыхъ
Коль мужъ великій и падетъ,
Въ потомствѣ славенъ онъ возстанетъ.
Вѣнокъ лавровый не увянетъ,
Но въ вѣкъ на гробѣ процвѣтетъ.

Мужъ доблестьми превознесенной
Изъ пепла вновь себя родитъ;

цій, заключа, что прорицаніе означало тѣмъ римскаго гражданина, бросился въ пропасть, которая, какъ преданіе удостовѣряетъ, тотъ же часъ и закрылась.

*) *М. Атилій Регулъ*, — консулъ римскій, въ первую Пуническую войну взятый Карѳагенцами въ плѣнъ, былъ отъ нихъ посланъ въ Римъ, для увѣщанія соотечественниковъ своихъ къ размѣну плѣнныхъ, съ угрозеніемъ, что преданъ будетъ мучительнѣйшей смерти, ежели въ таковомъ препорученіи не успѣетъ. По прибытіи въ Римъ, убѣдилъ онъ сенатъ къ отверженію предлагаемаго размѣна и, не взирая на просьбу его, на моленіе народа и слезы жены и дѣтей, возвратился въ Карѳагенъ; по повелѣнію разгнѣваннаго сената и народа, мученъ былъ долговременно въ ящикѣ, желѣзными гвоздями набитомъ, а наконецъ, распятъ на крестѣ и преданъ смерти.

Какъ злато въ горнѣ искушенно,
Лучемъ сугубымъ возблеститъ.
И ни вражда, что міръ тревожитъ,
Ни ржа временъ затмить не можетъ
Нетлѣющихъ его добротъ.
Въ сердцахъ онъ памятникъ воздвигнетъ,
Что храма вѣчности достигнетъ,
Священъ потомству въ родъ и родъ.

VI.

НА ВОСПОМИНАНІЕ ПЛѢНИРИНОЙ КОНЧИНЫ.

Уже златыми полосами
Лишь солнце изъ-за горъ взошло,
Разсѣкло тучи, и лучами
Багряны ихъ бока зажгло.
Умытая росой природа,
Ликуетъ часъ его восхода
И имъ любуется въ струяхъ;
Цвѣты ему благоухаютъ
И хоры птицъ его встрѣчаютъ
Парящаго на небесахъ.

Благословлю тебя, священный
И купно безотрадный день!
Гони печали мракъ сгущенный,
Какъ ночи разогналъ ты тѣнь.

Ужъ солнце года кругъ свершило,
Съ часа, какъ горестью унылой
Томитъ меня Плѣниры смерть.
Но ни летяще быстро время,
Ни злоключеній новыхъ бремя
Не могутъ лютой скорби стерть.

Вотще весна, прогнавши хлады,
Природѣ нову жизнь даетъ;
Для новыхъ ей красотъ, отрады,
Изъ нѣдръ земли цвѣты зоветъ;
Вотще — и ей не внемлютъ гробы! —
Вовѣкъ изъ нѣдръ земной утробы,
Для новой жизни здѣсь, твой прахъ
Не встанетъ, милая Плѣнира!
Твой духъ на крыліяхъ эѳира
Паритъ во свѣтлыхъ облакахъ.

Ликуй же средь безмрачна круга,
Въ небесномъ сонмѣ веселись;
Но иногда на вѣрна друга
Съ пріятнымъ чувствомъ оглянись.
Воззри, какъ съ ревностью сердечной
Твою любезну память вѣчно,
Твой образъ онъ въ душѣ хранитъ.
Воззри, какъ день твоей разлуки —
Источникъ горькій слезъ и муки —
Съ благоговѣньемъ онъ святитъ.

Надъ милыми дѣтей гробами,
Надъ симъ убѣжищемъ святымъ,

Изъ незабудковъ съ васильками
Сплетеннымъ именемъ твоимъ
Простой тебѣ алтарь украшу.
Тамъ горсть пшеницы, меду чашу
Въ даръ памяти твоей драгой
Поставлю; ѳиміанъ возжется
И теплыхъ слезъ потокъ прольется
Съ усердной къ небесамъ мольбой.

Прими сей даръ, о тѣнь драгая!
Прими; съ превыспреннихъ спустись
И, въ легкомъ вѣтеркѣ летая,
Горячей сей груди коснись:
Пролей въ нее покой, отраду;
И вѣрна дружества въ награду,
Когда у алтаря сего
Склонюсь почить въ уединеньи,
Приди хотя во сновидѣньи
Утѣшить друга твоего.

VII.

НА ДРУЖЕСТВО *).

Въ полнощи, въ темнотѣ ненастной,
Въ пустынѣ дикой и глухой,
Свратясь съ пути, пришлецъ несчастной

*) Посвящена любезному брату.

Ступаетъ съ трепетной ногой.
Преслѣдуемъ, ведомый страхомъ,
Встрѣчаетъ онъ предъ каждымъ шагомъ
Потоки, тернъ, стремнины, рвы;
Вокругъ звѣрей вой слышитъ гладный:
Власы подъемлетъ ужасъ хладный,
Катится хладный потъ съ главы.

Въ толикомъ бѣдствѣ изнуренный,
Отверзтый видя смерти зѣвъ,
Какой отрадой восхищенный
Зритъ нѣкій свѣтъ онъ межъ деревъ!
Летитъ къ нему чрезъ страхъ, чрезъ бездны,
И льетъ въ восторгѣ токи слезны,
Къ любезну Фаросу достигъ.
Селенья знаки тутъ находитъ —
Отъ томна сердца страхъ отводитъ
И бѣдства забываетъ въ мигъ.

Лучемъ огня, лучемъ надежды
И духъ и чувства онъ живитъ:
Дождемъ проникнуты одежды,
Развѣся на древахъ, сушитъ,
Увядши вѣтви собираетъ,
Отрадно огнище питаетъ
И, въ страхъ звѣрямъ, кладетъ кругомъ
Изъ хвороста костры зажженны;
При нихъ возлегши, томны члены
Живительнымъ покоитъ сномъ.

Такой отрадою сердечной,
Такимъ восторгомъ оживетъ,

Кто въ жизни скорбной, скоротечной,
Прямого друга обрѣтетъ.
Сей вѣрный другъ, душей избранный,
Въ Дедалѣ жизни сей, желанный
Покажетъ намъ ко счастью путь,
Поддержитъ въ горестяхъ падущихъ,
Противу бѣдъ на насъ текущихъ
Незыблему поставитъ грудь.

О, дружество! союзъ священный
Вліянно Небомъ чувство намъ!
И рокъ не страшенъ разъяренный
Тобою связаннымъ сердцамъ.
Они равно дѣля напасти,
Утѣхи, страхъ, надежду, страсти,
И мысль, и даже бытіе —
Въ едину двѣ души сливаютъ;
Взаимнымъ счастьемъ удвояютъ
И жизнь и счастіе свое.

Но гдѣ, въ какомъ краю забвенномъ,
О, дружество! твой взоръ блеститъ?
Въ семъ мірѣ, злобой развращенномъ,
Лишь имя намъ твое звучитъ;
И имя ужъ сіе святое
Въ орудіе коварство злое
Пороками обращено:
Личиной, взору смертныхъ милой,
Оно корысти видъ постылой
И лесть скрывать принуждено.

Куда, Оресты, вы сокрылись?
Пиладовъ гдѣ теперь найти?
И васъ, друзья, *) что жизнь стремились
Другъ другу въ жертву принести?
Вы злость Мучителя плѣнили;
Безсильны страхи смерти были
Вашъ узелъ дружества сотреть;
Васъ дверь не разлучила бъ ада;
Вамъ счастье все и вся отрада —
Для друга жить и умереть.

Но не ужель во всей вселенной
Хоть искры дружбы нѣтъ прямой? —
Никакъ; — отъ пышныхъ удаленно
Палатъ, темницы сей златой,
Скитаясь во изгнаньи строгомъ,
Въ пастушьемъ шалашѣ убогомъ
Склонилось дружество почить;
Тамъ вѣрностью и простотою
Пріятно съ сей драгой четою
Въ безмолвіи осталось жить.

Сколь милъ мнѣ край уединенный,
Гдѣ въ юности, о, нѣжный другъ!
Взаимнымъ чувствомъ привлеченный,
Плѣнился дружествомъ нашъ духъ!
Гдѣ вешними сей жизни днями
Расло оно, мужало съ нами,

*) *И васъ, друзья*: — *Пиѳій и Дамонъ*, великодушнымъ другъ за друга пожертвованіемъ смягчили свирѣпство Діонисія, тирана сиракузскаго.

Пока, до зрѣлости дошедъ,
Явилось, искушенно рокомъ
Въ превратѣ случаевъ жестокомъ,
Превыше счастія и бѣдъ.

Сколь кратъ ты смерти предавался,
Жизнь друга твоего храня!
Послѣднихъ хлѣба крохъ лишался,
Чтобъ въ нищетѣ не зрѣть меня.
Презрѣвъ спокойствіе, забавы,
Моихъ лишь алчешь выгодъ, славы;
Моей надежды ждешь плодовъ;
Моими горестьми томишься;
На страхъ, на смерть со мной стремишся,
Вознесть меня, иль пасть готовъ.

Что жъ въ томъ? — здоровье, даръ безцѣнный,
И жизни утонченну нить,
На жертву дружбѣ принесенны,
Ты можешь токмо подкрѣпить
Подъ чуждымъ, кроткимъ небосклономъ.
Судьба, не сыта смертныхъ стономъ,
Спѣшитъ уединить меня.
Покоренъ будь ей, другъ любезной!
Столь горькой, но тебѣ полезной
Разлукѣ не противлюсь я.

Оставь; — но на кого въ разлукѣ,
Мой другъ! меня оставишь ты?
Въ несносной погруженный скукѣ,
Вездѣ зря горести, бѣды,

Нигдѣ и во вселенной цѣлой,
Въ глазахъ моихъ ужъ опустѣлой,
Отрадъ, спокойства не найду;
Драгою окруженъ семьею,
Какъ странникъ, я осиротѣю
И, скорбью удрученъ, паду.

Кто бальзамъ мнѣ подастъ сердечной,
Стенящему наединѣ?
Кто въ мракъ сходящу ночи вѣчной
Закроетъ томны вѣжди мнѣ?
Кто безъ тебя, супруги страстной,
Тогда вдовы моей несчастной,
Отчаянныхъ сиротъ моихъ,
Останется отцемъ, подпорой?
Кто помощи рукою скорой
Осушитъ слезны токи ихъ?

А ты, мой другъ! средь шумна круга
Не будешь ли уединенъ?
Гдѣ вѣрнаго ты сыщешь друга? —
Предѣлъ дней нашихъ сокровенъ;
Но жизнь сколь ни кратка, ни бренна,
Пріятность дружества священна
Ее умножитъ во сто разъ.
Чувствительное сердце знаетъ,
Что жизнь должайшу замѣняетъ
Одинъ веселый съ другомъ часъ.

И такъ, да не разлучитъ вѣчно
Черта насъ жизни ни одна.

Пожнемъ плоды любви сердечной.
Пускай отеческа страна,
Котора насъ на свѣтъ пріяла,
Взлелѣяла и воспитала,
Восприметъ въ нѣдро насъ свое.
Лежавшія въ одной утробѣ,
Спряжемъ, въ одномъ возлегши гробѣ,
И въ смерти наше бытіе.

Предѣлъ, гдѣ общій прахъ нашъ тлѣнной
Отъ смертныхъ будетъ сокровенъ,
Четѣ любовью воспаленной,
Навѣкъ останется священъ.
А скрытый врагъ, другъ лицемѣрной,
Коснутися рукой невѣрной
Гробницѣ нашей не дерзнутъ:
Жестоки совѣсти укоры,
Призраковъ нашихъ грозны взоры,
Оттоль ихъ съ страхомъ отженутъ

Но если, вѣрностью плѣненны,
На гробъ нашъ притекутъ друзья,
Обѣты подтвердить священны
Нелестной дружбы своея, —
Сей дружбы ихъ взаимный пламень,
Проникши хладный гроба камень,
Мгновенно оживитъ нашъ прахъ;
И наши тѣни вознесутся,
Надъ ихъ главами обоймутся
И возыграютъ въ облакахъ.

VIII.

НА СМЕРТЬ ДРУГА МОЕГО.

—

Томны отголоски! пѣснь пою печальну
Холмамъ отнесите;
Внизъ потока быстра, сквозь дубраву дальну,
Въ рощахъ повторите.

Ахъ! почто любезна друга, рокъ постылой!
Ты меня лишаешь?
Съ кѣмъ дѣлилось сердце, хладной съ тѣмъ могилой
Вѣчно раздѣляешь.

Все, въ чемъ смертный, сладку полюбя отраву,
Верхъ утѣхъ поставилъ,
Все—богатство, роскошь, знатность, громку славу,
Я тебѣ оставилъ.

Не гонясь за тѣньми скользкою дорогой,
Въ лестной счастья службѣ,
Уголокъ берегъ я въ хижинѣ убогой
Лишь любви и дружбѣ.

Ты просторнымъ сдѣлалъ уголокъ сей тѣсной:
И любви подруга
Сослана тобою въ край намъ безъизвѣстной
Изъ семейна круга.

Къ чьей груди осталось приложить мнѣ нынѣ
Грудь осиротѣлу? —

Среди людства буду, какъ въ глухой пустынѣ,
Жизнь влачить я цѣлу.

Томны отголоски! пѣснь мою печальну
Холмамъ отнесите;
«Нѣтъ ужъ друга мила!» сквозь дубраву дальну
Въ рощахъ повторите.

Ахъ! почтожъ, другъ милый! жертвой жизни краткой
Быть тебѣ сужденно? —
Дерево, носяще плодъ надежды сладкой,
Съ корнемъ исторженно!

Ежедневно новы съ вѣрными друзьями
Ты дѣлилъ утѣхи;
Вслѣдъ тебѣ гонялись рѣзвыми толпами
Радость, игры, смѣхи.

Вслѣдъ тебя отнынѣ лишь любовь уныла
Гробъ твой посѣщаетъ:
Тамъ твой прахъ пожравша, хладная могила
Слезы пожираетъ.

Гдѣ жъ ты? другъ мой милой! хоть въ мечтѣ мгновенной
Къ другу возвратися;
Съ сердцемъ, что̀ съ тобою было съединенно,
Ты еще простися.

Но мой вопль напрасно повторенъ сторицей
Къ другу въ гробъ стремится:

Все въ природѣ нѣмо: травка надъ гробницей
Не пошевелится.

Томны отголоски! вы хоть отвѣчайте
На мой вопль унылой.
Сквозь дубраву дальну, въ рощахъ повторяйте:
«Ахъ! прости другъ милой!»

IX.

НА УНЫНІЕ.

Дни отрадны! гдѣ сокрылись
Ваша свѣтлость и красы?
Мракомъ горести затмились
Прежни ясные часы.
Все въ глазахъ моихъ постылой,
Томный принимаетъ видъ:
Скорбь въ душѣ моей унылой
Чувство радости мертвитъ.

Какъ пріятно расцвѣтало
Утро юныхъ свѣтлыхъ дней! —
Въ полдень облако застлало
Жизни горизонтъ моей.
Мракъ вокругъ меня сгустился,
Туча двигнулась съ грозой,
Вихрь столбомъ до облакъ взвился,
Громъ раздался надъ главой.

Смертныхъ жизнь! о, сколь ужасенъ
Золъ приливъ твой и отливъ! —
Въ счастьи вздремлешь безопасенъ,
А проснешся несчастливъ.
Такъ, средь нѣгъ, среди покою,
Бездна мнѣ открылась бѣдъ.
Горесть острою косою
Дней моихъ посѣкла цвѣтъ.

Лугъ весенній украшая,
На зарѣ цвѣтокъ расцвѣлъ;
Ароматами дыхая,
Лакомыхъ манитъ онъ пчелъ.
Мотылекъ на немъ садится,
Съ бабочкой рѣзвясь драгой;
И прохожій веселится
Раннею его красой.

Но внезапно червь презрѣнный
Подъѣдаетъ корешокъ:
Вянетъ стебль и листъ зеленый,
Клонитъ голову цвѣтокъ,
Блекнетъ, сохнетъ и мертвѣетъ.
Странникъ изумленный сталъ:
Удивляется, жалѣетъ,
«Что толь рано онъ увялъ?»

Такъ и я въ тоскѣ томлюся;
Душу тяжка скорбь гнететъ;
Но куда ни оглянуся,
Сострадающаго нѣтъ;

И любови сердце жадно
Къ чьей груди на приложу,
Всюду токмо чувство хладно,
Иль измѣну нахожу.

О! когда бъ я могъ мгновенно
Въ дикій пренестись предѣлъ,
Гдѣ бы лѣсъ дремучій, темной,
Въ вѣкъ людскихъ слѣдовъ не зрѣлъ,
Гдѣ бъ не стлался дымъ жилищный,
Ловчихъ кликъ не слышенъ былъ,
Гдѣ бъ лишь звѣрь скитался хищный
И въ пещерахъ съ бурей вылъ, —

Тамо, на скалѣ кремнистой,
Подмываемой волной,
Сѣвъ, подъ сосной мрачной, мшистой,
Я бы гласъ унылой мой,
Вопль, стенанье безотрадно,
Съ стономъ бури съединялъ
И безчувственностью хладной
Никого не упрекалъ.

Но куда бъ ни тщился скрыться,
Скорбь вездѣ пойдетъ во слѣдъ.
Гдѣ жъ возможно защититься
Отъ гнетенья лютыхъ бѣдъ?
Гдѣ, какъ не въ земной утробѣ? —
Міръ есть трудный, скорбный путь;
Въ тѣсномъ токмо, въ мрачномъ гробѣ
Мы возможемъ отдохнуть.

Поспѣши жъ, о смерть отрадна!
Тронься горестью моей;
Пусть твоя десница хладна
Очи мнѣ смежитъ скорѣй.
Ты, сыра земля! смягчися,
Попусти мнѣ въ вѣчность шагъ.
Лоно мрака! разступися
И отъ скорби скрой мой прахъ.

X.

НА СМЕРТЬ ДЕРЖАВИНА.

Вовѣки лирой будетъ славенъ
Анакреонъ и Флаккъ и Пиндаръ — нашъ *Державинъ.*

«Ужъ нѣтъ его! —» въ уныломъ стонѣ
Печальныхъ музъ мнѣ слышенъ гласъ: —
«Ужъ нѣтъ его на Геликонѣ,
«Россійской свѣтлый фаръ *) погасъ! —
«Пѣвецъ Любви, Побѣды, Бога
«Чрезъ прагъ Плутонова чертога
«Въ подземный Элизей **) грядетъ. —

*) Фаръ — Фаросъ — небольшой островъ, близъ Александріи; на немъ Птоломей построилъ высокую башню, служившую маякомъ для руководства плавателей. — Таковыя построенныя въ другихъ мѣстахъ приняли названіе фара.

**) Элизей — жилище, опредѣляемое древними для умершихъ добродѣтельныхъ людей.

«На кругѣ звѣзднаго эѳира
«Затмилася небесна Лира: — *)
«И, ахъ! Державина ужъ нѣтъ!»

Что слышу я? — о, вѣсть жестока!
Ударъ сей душу мнѣ пронзилъ; —
И гнѣвъ непримирима рока
Вновь чашу золъ надъ мной излилъ:
Вновь вѣрнаго лишаетъ друга.
Тамъ плачетъ нѣжная супруга,
Толпа тутъ бѣдныхъ и сиротъ.
Неумолимая судьбина
Отъемлетъ у Россіи сына,
У міра — образецъ добротъ.

О, скорбь! — и скорби безотрадной
Мы въ горькихъ не смягчимъ слезахъ:
Рыдаемъ, — а въ могилѣ хладной
Безсмертнаго ужъ тлѣетъ прахъ:
Уста, что̀ гимнами гремѣли,
И сердце, въ коемъ пламенѣли
Любовь къ добру, — ко злобѣ гнѣвъ,
Уже холодный червь снѣдаетъ.
Увы! все въ мірѣ поглощаетъ
Ненасытимый смерти зѣвъ.

О, смерть! и царь и рабъ презрѣнный —
Подданство всѣ равно твое;
И всѣ, какъ жертвы обреченны,

---

*) Небесная Лира. — На звѣздной сферѣ, въ сѣверномъ отдѣленіи, находится созвѣздіе, Лирою именуемое.

Падутъ на остро лезвее.
Равно сражая скорбь и радость,
И ветхость и красу и младость
Непритупленною косой,
Трофей ты пепломъ посыпаешь
И славны царства поращаешь
Пустыннымъ терномъ и травой.

Какъ быстрая рѣка въ долинѣ,
Черезъ кремнистый рѣя прагъ,
Коснувшися морской пучины,
Теряется въ ея зыбяхъ;
Древа, взращенныя вѣками,
И зданья, сринуты волнами,
Мелькнувъ мгновенно, тонутъ въ ней;
Такъ вся мірская скоротечность,
Черезъ тебя вливаясь въ вѣчность,
Въ глубокой гибнетъ безднѣ сей. —

Но нѣтъ; — мужъ, Фебомъ увѣнчанный,
Подъ общій не идетъ законъ:
Какъ островъ близнеца Діаны *),
Изъ безднъ морскихъ возникнетъ онъ;
На корнѣ лавра утвердяся,
Угрюмой бури не страшася,
Священное чело взнесетъ

---

*) Островъ близнеца Діаны. — Миѳологи повѣствуютъ, что Нептунъ воздвигъ изъ моря островъ Делосъ, для убѣжища Латонѣ, гонимой супругою Юпитера, при рожденіи Аполлона и Діаны. — По сей-то причинѣ островъ Делосъ посвященъ былъ богу стихотворства.

Поверхъ пучины разъяренной;
И Аполлоновъ лѣсъ зеленой
Тамъ для вѣнковъ его взрастетъ.

Или, подобно водопаду,
Что̀ съ горъ высокихъ въ даль стремитъ
Хрустальну быстрыхъ водъ громаду
И громомъ грома звукъ глушитъ,
Въ алмазахъ солнца лучъ играетъ
И радугу изображаетъ
Въ поднявшейся отъ брызговъ мглѣ; —
Жемчугъ клубами въ пѣнѣ льется,
И мрачный боръ сырой трясется,
Низвѣсясь на его челѣ. —

Но вдругъ зима, дохнувши мразомъ,
Падущи леденитъ ручьи:
Блестящи яхонтомъ, алмазомъ,
Оцѣпенѣвъ, висятъ струи;
По нихъ сверкаетъ лучъ игривый;
И разноцвѣтные отливы
Еще ярчѣе взоръ разятъ:
Ловецъ приблизиться страшится
И въ изумленьи лишь дивится,
Что не гремитъ ужъ водопадъ!

Но ты подъ гробовой доскою,
Державинъ! гимнами гремишь;
И поздній родъ твоей трубою,
Цѣвницей, лютнею плѣнишь.
Гдѣ сыщется въ пространномъ мірѣ,

Кто бъ такъ, какъ ты, на звонкой лирѣ
Воспѣлъ величество Творца,
Побѣды Росса знамениты,
Волшебны прелести Хариты
И блескъ Фелицына вѣнца?

Поборникъ правды, ты святую
Всѣмъ гласно истину вѣщалъ;
Разилъ коварство, хищность злую,
Гордыни буйство унижалъ.
Въ картинахъ рѣзкихъ, иль игривыхъ,
Представилъ страсти душъ строптивыхъ,
И счастья льстиваго мечты:
Вождей и грозныхъ память боевъ,
Монарховъ мудрыхъ и героевъ,
И славу обезсмертилъ ты.

Пока сіять Россія будетъ
Въ торжественныхъ вѣнкахъ побѣдъ,
Тебя потомство не забудетъ
И имя Барда вознесетъ.
Злый Хронъ *), все въ мірѣ истребляя,
Твой памятникъ истнить желая,
Преткнется о ступень его;
И, вѣчною покрытый тмою,
Плутонъ, забвенія рѣкою **)
Не смоетъ лавра твоего.

---

*) Злый Хронъ — Сатурнъ означаетъ время.

**) Забвенія рѣкою. — Леѳе извѣстная адская рѣка, которой имя значитъ забвеніе.

Пергамъ *) трава ужъ зарастила;
Ограды снесъ морской разливъ;
Но славу сохраня Ахилла,
Омиръ средь насъ донынѣ живъ.
Такъ ты, хотя бъ лѣса, пустыни,
Покрыли россія твердыни,
Какъ лавръ священный процвѣтешь
Надъ падшею во прахъ державой: —
Державинъ! ты своею славой
И славу Росса переживешь.

Почто же слабыми стихами
Дерзнулъ безсмертнаго я пѣть? —
Омывши памятникъ слезами,
Въ молчаньи должно бъ мнѣ скорбѣть.
Увы! — прости мнѣ, другъ любезный!
Что съ томной жалобою слезный
Изъ сердца проливаю токъ:
Прости; — и пѣснь сію унылу
Прими, о другъ мой! на могилу,
Какъ скорбью брошенный цвѣтокъ.

XI.

НА СМЕРТЬ ВАСИЛІЯ СТЕПАНОВИЧА ТОМАРЫ.

Еще ударъ! — еще разлука!
Разлука съ другомъ, — и навѣкъ!

*) Пергамъ — то же, что Иліонъ и Троя.

Увы! нужна ль мнѣ вновь наука,
Что скорби жертва человѣкъ?
Вся жизнь — лишь опытъ претерпѣній;
Въ ней счастье — метеоръ во мглѣ;
Предъ мною — призракъ утѣшеній,
А радости — въ сырой землѣ.

Сырой землей и ты покрылся,
Томара, доблестный мой другъ!
И съ кругомъ вѣчности ужъ слился
Твоей здѣсь срочной жизни кругъ.
Ужъ гроба мрачная пещера
Тебя пріяла, міра гость!
И дружба, добродѣтель, Вѣра
Оставили — лишь персти горсть.

Но нѣтъ; — хоть персть осталась тлѣнна,
Эѳирныхъ быстротою крылъ
Ты, выше всесозданья бренна,
Въ чертогъ нетлѣнный воспарилъ,
Гдѣ Царь міровъ, возсѣвъ на звѣздный
Престолъ, какъ судія — Отецъ,
Взложилъ ужъ на тебя возмездный
Безсмертныхъ радостей вѣнецъ.

Ликуй же средь блаженна круга
Усыновленныхъ чадъ небесъ;
А я, на гробъ любезна друга
Приду, — не токъ лить горькихъ слезъ,
Приду въ безмолвьи поучаться,
Какъ путь мой въ вѣчность пролагать;

Твоимъ примѣромъ наставляться
Какъ жить, — терпѣть и — умирать.

XII.

КЪ НЕСЧАСТНОМУ.

—

О ты, кто бъ ни былъ ты, — несчастный!
Въ страданіяхъ сподвижникъ мой;
Чьи дни всѣ пасмурны, ненастны,
Мрачатся скукой и тоской,
Внуши мой голосъ незнакомый! —
Судьбой по терніямъ влекомый,
Какъ ты, я токи слезны лью;
Какъ ты, подъ гнетомъ бѣдъ стенаю,
Внемли жъ мнѣ: — я развлечь желаю
Моею скорбью скорбь твою.

Пускай счастливцы веселятся,
Отрадъ сладчайши чаши пьютъ,
Блаженствомъ жизни пресытятся
И на возглавьи нѣгъ уснутъ:
Коль съ завистью на радость взглянемъ,
Сравненьемъ — лишь несчастнѣй станемъ!
Такъ лучше дружно съединимъ
Взаимныя печали наши,
И горьки раздѣляя чаши,
Слезой участья усладимъ.

Мы страждемъ часто неповинно;
Но Богъ нашъ, но Творецъ нашъ благъ:
Рачитъ о тваряхъ благостынно,
И мзда ихъ — на Его вѣсахъ.
Коль милость вѣчно съ Нимъ пребудетъ,
Отецъ ли чадъ своихъ забудетъ,
Съ рожденья ихъ — Его сиротъ?...
Нѣтъ, нѣтъ; — но въ мигъ, какъ жизнь прервется
И духъ въ безсмертность облечется,
Ущедритъ чадъ Отецъ щедротъ.

Мы страждемъ; но се жребій тлѣни;
Въ огнѣ такъ чистится крутецъ.
Страданья — къ радости степени:
Начало тѣ — сія вѣнецъ.
Чѣмъ съ большей трудностью, стараньемъ,
Чѣмъ съ тягостнѣйшимъ ожиданьемъ
Желанныхъ достигаемъ благъ,
Тѣмъ чувствуемъ мы ихъ живѣе: —
Межъ тучъ звѣзда блеститъ ярчѣе
И свѣточъ сквозь сгущенный мракъ.

Какимъ напастямъ подвергался
Коломбъ, обрѣтшій Новый Свѣтъ!
Съ пучиной, съ бурями сражался,
Дерзалъ на встрѣчу явныхъ бѣдъ:
Не могъ ни гнѣвъ стихій ужасныхъ,
Ни страхъ Харибдъ и Скиллъ опасныхъ
Остановить героя бѣгъ;
Но что съ восторгомъ тѣмъ въ сравненьи,
Когда узрѣлъ онъ въ отдаленьи
Желаній цѣль — безвѣстный брегъ!

Такъ цѣлью вамъ да будетъ вѣчность!
Вся наша жизнь — къ ней трудный путь;
Но мѣра жизни — скоротечность;
И въ кругѣ времени мелькнуть
Едва должайшій вѣкъ успѣетъ, —
Земля, какъ злакъ ея, истлѣетъ,
Сонмъ звѣздъ, и солнце, и луна
Затмятся, слѣдъ ихъ истребится:
Но вѣчность — въ Богѣ утвердится;
Безмѣрный вѣкъ Его — она.

И дверь къ ней — гробъ! — Въ пыли презрѣнный
Влачится червь не весь свой вѣкъ:
Уснетъ; — во снѣ преображенный,
Ужъ златокрылый мотылекъ
Съ цвѣточка на цвѣтокъ порхаетъ.
Такой насъ жребій ожидаетъ
За бренной гробовой доской.
Житейско преплывая море,
Встрѣчаемъ лишь труды и горе,
За гробомъ — нову жизнь, покой.

Счастливцы смерти пусть страшатся;
Имъ дорогъ жизни быстрой мигъ:
При двери гроба разлучатся
Они съ стяжаньемъ всѣхъ благихъ;
Оставятъ роскоши пріятство,
Оставятъ почести, богатство
И беззаботный кругъ утѣхъ;
И томны вѣжди закрывая,
Скорбятъ, надежды лучъ теряя
Найти пріятнѣйшій имъ брегъ.

А мы, что̀ въ жизни сей теряемъ?
Убожество, печаль, труды;
Въ могилѣ съ нами погребаемъ
Заботы, горести, бѣды;
Когда ихъ съ тлѣнью въ гробѣ сбросимъ,
Съ собою все свое уносимъ:
Надежду лестну вѣчныхъ благъ. —
Подъ гробовой мы зримъ доскою
Отверзтыя врата къ покою:
Намъ шагъ въ могилу — въ вѣчность шагъ.

Несчастный! жизни сей мятежной
Преплывши трудный, краткій путь,
Достигнешь пристани надежной,
Гдѣ ты возможешь отдохнуть.
Дерзай же! — съ бѣдствами сражайся,
Противу горестей мужайся
И, гроба близкій зря порогъ,
Теки чрезъ легкія преграды
Въ храмъ вѣчности, — съ вѣнкомъ отрады
Тамъ ждетъ Тебя Отецъ твой — Богъ.

XIII.

БРЕННОСТЬ КРАСОТЫ.

Увы! что въ мірѣ красота? —
Воздушный огнь, въ ночи свѣтящій;
Пріятна сердцу сна мечта,
Лучъ солнечный, въ росѣ блестящій.

Мгновенье — нѣтъ Авроры слезъ;
Мгновенье — льстить мечта престала;
Мгновенье — метеоръ исчезъ;
Мгновенье — и краса увяла!

Эльвира! въ легкихъ сихъ чертахъ
Твою я повѣсть представляю:
Давно ли прелесть? — нынѣ прахъ;
И видъ твой — лишь въ душѣ встрѣчаю.

Но гдѣ ты днесь? о, сердца другъ!
Останокъ твой здѣсь персть покрыла;
Но персти не причастенъ духъ
И не пожретъ его могила.

Ты тамъ — гдѣ вѣченъ цвѣтъ красы,
Которая въ тебѣ мелькнула;
Отрадой мѣря гдѣ часы,
Отъ золъ — доброта отдохнула.

Небесную отверзла дверь
Тебѣ — надъ смертiю побѣда;
И радость Ангеловъ теперь
Твоя сладчайшая бесѣда.

Моя жъ бесѣда — грусть; и нѣтъ,
Нѣтъ силъ прогнать тоску унылу;
Она всякъ день меня ведетъ
На хладную твою могилу.

Сойди жъ и ты, о, другъ мой! къ ней;
Зри скорбью грудь мою раздранну;
Проливъ въ нее отрадъ елей,
Ты облегчи сердечну рану.

Дай силъ ждать смертнаго часа,
Что съединитъ меня съ тобою;
А здѣсь пусть дряхлость и краса
Покроются одной доскою.

XIV.

УБІЙСТВО.

Убійство! кто твой первый чтитель?
Кто жизнь свою тебѣ обрекъ? —
Не дебри кровожадный житель,
Не левъ, не тигръ, — но человѣкъ.
О чудо! о превратъ ужасной!
Въ десницѣ твари сей прекрасной,
Сего подобія Творца
Орудье смерти свирѣпѣло,
И первую убійство зрѣло
Свою въ немъ жертву и жреца.

Такъ, такъ, — съ первоначальна вѣка
Отъ смертныхъ буйство возрасло;
И вдругъ съ паденьемъ человѣка
Ниспало на вселенну зло: —
Всѣ звѣри лютость ощутили;
Но гладны челюсти багрили
Лишь кровью разнородной имъ;
Союзы братства уважали,
И сей завѣтъ передавали
Поднесь исчадіямъ своимъ.

Но Каинъ, первый сынъ разврата,
Свирѣпой завистью возженъ,
Убійства длань подъялъ на брата;
Увы! и Авель палъ сраженъ;
Онъ палъ у алтаря священна,
Въ знакъ благодарности взнесенна
Творцу, Подателю всѣхъ благъ.
Съ тѣхъ поръ сіе убійствъ начало
Примѣромъ всѣмъ потомкамъ стало;
И зло свершилъ — къ злу первый шагъ

Съ тѣхъ поръ, чтобъ чрево прихотливо
Не овощми лишь пресыщать,
Отродье Еввино строптиво
Животныхъ устремилось жрать;
И все, что въ воздухѣ летаетъ,
Что въ полѣ, въ дебряхъ обитаетъ,
Что, кроясь, плаваетъ въ водахъ,
И даже трупъ ему подобныхъ,
Лишенный почестей надгробныхъ,
Обрѣлъ свой гробъ въ его устахъ.

Съ вѣками гибло самоѣдство,
И зла ужъ корень изсыхалъ;
Но въ злѣйшее ему наслѣдство
Явился пагубный металлъ. —
О, злато! въ день и часъ проклятой
Изъ мрачныхъ ада нѣдръ изъято,
Колико принесло ты бѣдъ!
Ты вновь неистовства родило
И кровью смертныхъ обагрило
И древній весь и новый свѣтъ.

Чрезъ дальни, безъизвѣстны воды,
Плывутъ враждебны корабли
Къ брегамъ, гдѣ мирные народы
Селятъ златый хребетъ земли;
Вдругъ гости златомъ обуяли,
У слабыхъ съ жизнью похищали
Свѣтящагося горсть песка;
Пылаютъ кущи, веси, грады,
И труповъ и костей громады
Возноситъ буйственна рука.

Какъ Нилъ ревущими волнами
Стремится изъ своихъ вершинъ
И потопляетъ межъ горами
Пространство низменныхъ равнинъ:
Такъ кровь невинныхъ жертвъ струилась,
Страна вся ею напоилась;
Куда ни обращался взоръ,
Встрѣчалъ лишь казни, убіенья:
Столь наглаго опустошенья
Не произвелъ бы гладъ и моръ.

Но можно ли исчислить бѣдства,
На сей низвергшіясь предѣлъ,
Представить всѣ мученій средства,
Которы смертный изобрѣлъ
Для хладнокровнаго терзанья
Себѣ подобнаго созданья?
Нѣтъ, нѣтъ; да замолчатъ уста,
Да умъ и вѣра постыдятся,
Что въ лютыхъ кровопійцахъ зрятся
Слуга и ученикъ Христа!

Правдивы прекратя укоры,
Для золъ толь слабыя бразды,
Смущенны обратимъ днесь взоры
На новые убійствъ слѣды: —
Ужъ копья, и мечи, и стрѣлы,
Которыми земли предѣлы
Опустошались долгій вѣкъ,
Льютъ, мнилось, слабо крови токи;
И вновь орудія жестоки
Обрѣлъ для смерти человѣкъ.

Онъ страшны грома зритъ удары;
И се, губительства клевретъ,
Изъ мѣдныхъ жерлъ перуны яры
Сквозь дымъ и пламень въ браняхъ шлетъ:
Ужъ трупы тмами упадаютъ,
Твердыни къ облакамъ взлетаютъ
И свергшись, кроются землей;
И на пространствѣ всей вселенной
Убійство дланью разъяренной
Ужасный ставитъ свой трофей.

И буйство славы возрастало;
И лавромъ тотъ себя вѣнчалъ,
Чье сердце лишь побѣдъ алкало,
Отъ коихъ міръ весь трепеталъ;
Причисленъ къ первенцамъ героевъ,
Кто посреди свирѣпыхъ боевъ
Несчетно смертныхъ умертвилъ;
Отцемъ отечества назвался,
Сыновъ кто кровью обагрялся
И тяжкимъ игомъ ихъ гнетилъ.

Возстани, Боже силъ! — высоку
Простри длань мщенья на убійцъ!
И жажду утоли жестоку
Остервенѣнныхъ кровопійцъ;
Сверши надъ злобой судъ Твой правый;
Низринь алтарь кичливой славы
И златолюбія кумиръ;
Порывы укрощая бранны,
Смягчи въ насъ души обуянны
И миромъ умири весь міръ.

XV.

ВЪ ПАМЯТЬ БЕРЕСТА.

Здѣсь Берестъ древній, величавый,
Тягча береговый утесъ,
Стоялъ, какъ патріархъ древесъ;
Краса онъ былъ и честь дубравы,
Надъ коею чело вознесъ.

Перуномъ, бурей пощаженный,
Вѣками онъ свой вѣкъ счислялъ,
Но бодрость важную казалъ;
И вѣтви распростря зелены,
Весь берегъ тѣнью устилалъ.

Ахъ! сколько кратъ въ дни лѣтня зноя,
Гнетомый скукой, иль тоской,
Пришедъ подъ сводъ его густой,

Я сладкаго искалъ покоя
И сладкій находилъ покой.

Отъ бури, отъ дождя, отъ града
Онъ былъ надежный мой покровъ;
И мягче шелковыхъ ковровъ,
Въ тѣни, гдѣ стлалася прохлада,
Подъ нимъ коверъ мнѣ былъ готовъ.

Тамъ, въ часъ священныхъ вдохновеній,
Внимать я гласу Музы мнилъ;
Мечтой себя тамъ часто льстилъ,
Что Флакка добродушный Геній
Надъ головой моей парилъ.

Мечты то были; — но мечтами
Не всѣ ль златятся наши дни?
Въ гостепріимной тамъ тѣни,
Подъ кровомъ Береста, часами
Мнѣ представлялися они.

Казалось, дряхлостью сляченна
Меня онъ, старца, переживетъ;
И въ кругѣ многихъ, многихъ лѣтъ,
Отъ своего чела взнесенна
Надъ правнуками тѣнь прострелъ.

Но Псёлъ, скопленными струями,
Когда весенній таялъ снѣгъ,
Усиля свой упорный бѣгъ,
Межъ преплетенными корнями
Подъ Берестомъ смываетъ брегъ.

«Ужъ Берестъ клонится на воду,
«Подрывшу брега крутизну;

«Ужъ смотритъ въ мрачну глубину;
«И скоро, въ бурну непогоду,
«Вверхъ корнемъ ринулся бъ ко дну.

«Главой въ рѣку бъ онъ погрузился,
«И съ иломъ тамъ сгустя песокъ,
«Свободный воспятилъ бы токъ;
«Объ вѣтви бъ легкій челнъ разбился:»
Пришелъ и твой, о Берестъ! рокъ.

У корня ужъ лежитъ сѣкира! —
О, скорбь! — Но чѣмъ перемѣнить? —
Злой рокъ рѣшилъ тебя истнить,
Тебя, невинный житель міра,
И мнѣ твоимъ убійцей быть! —

Прости жъ, прямый мой покровитель,
Теперь — лишь жалости предметъ!
Прости; — и мой ужъ часъ грядетъ:
Твой гость, невольный твой губитель,
Тебя не долго преживетъ.

Но рокъ насъ не разлучитъ вѣчно:
Ты часто мнѣ дарилъ покой, —
Въ тебѣ жъ — и прахъ почіетъ мой:
Скончавъ путь жизни скоротечной,
Покроюся — твоей доской.

XVI.

ГИМНЪ КЪ СОЛНЦУ

СЛѢПАГО СТАРЦА ОССІАНА.

О ты, катящееся надъ нами
Какъ круглый щитъ отцевъ моихъ!

Отколѣ вѣчными струями,
О солнце! блескъ лучей твоихъ
Чрезъ прагъ востока истекаетъ?
Гдѣ дремлешь ты во тмѣ нощной
И утро гдѣ воспламеняетъ
Свѣтильникъ несгарающъ твой?

Ты шествуешь въ твоей прелестной
И величавой красотѣ;
Усѣявшія сводъ небесной
Сокрылись звѣзды въ высотѣ:
Холодная луна блѣднѣетъ
И тонетъ въ западныхъ волнахъ;
Ты шествуешь одно: кто смѣетъ
Съ тобою течь на облакахъ?

Нагорны дубы упадаютъ
И горъ слякается хребетъ;
Моря подъемлются, стекаютъ;
Луна теряетъ срочный свѣтъ:
Красотъ твоихъ не измѣняешь,
Свѣтильникъ дня! лишь ты единъ;
Ликуя, путь свой протекаешь,
Небесъ могущій исполинъ!

Когда полдневный свѣтъ мрачится
И тучи молнія сѣчетъ,
Когда за громомъ громъ катится
И тверду ось земли трясетъ,
Изъ грозныхъ облакъ возникаешь
Ты, миръ даруя небесамъ:
Дыханью вѣтровъ запрещаешь,
Смѣешся бурѣ и громамъ.

Но, ахъ! вотще для Оссіана
Сіяешь ты, небесъ краса! —
Всходя изъ синя океана,
Златые стелешь ли власа
По свѣтлымъ облакамъ летящимъ,
Коснешься ль западныхъ зыбей,
Ложася въ понтъ лучемъ дрожащимъ —
Не видитъ онъ красы твоей!

Но, можетъ быть, временъ влеченью,
Какъ насъ, тебя подвергнувъ рокъ,
На небѣ быстрому теченью
Лучей твоихъ назначилъ срокъ,
И, можетъ статься, въ тучахъ бурныхъ
Почивши сномъ въ послѣдній разъ,
Забудешь путь небесъ лазурныхъ
И утра не услышишь гласъ.

Ликуй же, пламенно свѣтило,
Ликуй днесь въ юности твоей!
Дни старости текутъ уныло,
Лунѣ они подобны сей,
Смотрящей сквозь раздранны тучи,
Когда надъ холмомъ мгла лежитъ,
И странникъ, вшедши въ лѣсъ дремучій,
Отъ стужи на пути дрожитъ.

О Д Ы

ГОРАЦІЯНСКІЯ и АНАКРЕОНТИЧЕСКІЯ.

I.

ГРАФУ АЛЕКСАНДРУ СЕРГѢЕВИЧУ СТРОГОНОВУ.

—

Пріятно утро расцвѣтаетъ;
Заря златитъ лазурный сводъ;
Вздремалъ Зефиръ и не лобзаетъ
Поверхность зеркальную водъ;
Спокойна роща въ ней глядится;
Хоръ птичекъ слышенъ лишь въ глуши:
Вездѣ въ мѣстахъ сихъ образъ зрится
Спокойствія твоей души.

Оно добротъ твоихъ награда;
Вкушай ея должайши дни.
Какъ въ знойный день сладка прохлада
Прохожимъ здѣсь въ твоей тѣни,
Такъ жизни сей въ Дедалахъ тѣсныхъ
Пріятно да течетъ твой вѣкъ! —
Вотъ дань тебѣ отъ устъ нелестныхъ,
Любезный, добрый человѣкъ!

II.

ВЕСНА.

Ужъ юный Май въ весенней нѣгѣ
Спѣшитъ, прогнавши зимній хладъ;
Суда, осохшія на брегѣ,
На волны съ крутизны скользятъ.
Къ загону стадо не тѣснится,
Не жмется къ огоньку пастухъ
И инеемъ не серебрится
Покрывшійся травою лугъ.

При лунномъ въ рощицѣ сіяньи
Сзываетъ *Ладо* *) юныхъ дѣвъ. —
Въ льняномъ, прозрачномъ одѣяньи,
Онѣ, подъ плясовый напѣвъ,
Сплетяся бѣлыми руками,
Летаютъ, чуть клоня траву,
И мѣрно легкими стопами
Атласятъ мягку мураву.

Вотъ время первые цвѣточки
Съ блестящею росой срывать
И, свивъ душистые вѣночки,
Чело красавицъ увѣнчать.
Вотъ время влюбчивому *Лелю* **),
На мѣсто жертвенника, въ честь

---

*) *Ладо.* — Славянская богиня любви.
**) *Лель.* — Славянскій богъ любви.

Изъ мягкихъ розъ постлать постелю,
А въ жертву — горлицу принесть.

Мой другъ! тебя днесь рокъ ласкаетъ;
Но блѣдно-тоща смерть ногой
Равно въ златую дверь толкаетъ,
Какъ въ двери хижины простой.
Превратна жизнь и скоротечна
Претитъ достичь намъ дальнихъ мѣтъ:
За нею ночь насъ встрѣтитъ вѣчна
И хлябь земная всѣхъ пожретъ.

Тамъ злато, знатность напыщенна,
Не развлекутъ твоихъ очей.
Пріятство дружества священна
Души не упоитъ твоей.
Не будешь виночерпной чашей
Въ пирахъ любовь ты воспалять;
Въ объятьяхъ нѣги съ милой *Дашей*
Сладчайшій всѣхъ нектаръ вкушать.

Спѣши жъ — въ кругу отрадъ, веселій,
Крылатый мигъ останови:
Брегись, чтобъ съ нимъ не улетѣли
Восторги первыя любви.
Лишь разъ ея очарованье
Насъ можетъ въ жизни усладить:
Увы! прелестно сна мечтанье
Проснувшись, льзя ли возвратить?

III.

ВОРОЖБА.

Хлоя! не желай безплодно
Любопытствуя открыть,
Долго ли богамъ угодно
Нашу жизнь еще продлить?

Ворожбой не занимайся
О предбудущей судьбѣ;
Принимать равно старайся
Все, что суждено тебѣ.

Хоть еще на свѣтѣ много
Лѣтъ намъ рокъ прожить велѣлъ;
Хоть съ зимою сею строгой
Жизни положенъ предѣлъ;

Хлоя! жить спѣши украдкой;
Смѣйся, пой, люби, играй;
И по мѣрѣ жизни краткой,
Цѣль надежды приближай.

Мигъ, въ который молвимъ слово,
Улетѣлъ уже отъ насъ:
Не считай на утро ново,
А лови летящій часъ.

IV.

КАМЕЛЕКЪ.

—

Вчера я въ теремѣ Эльвиры
Одинъ у камелька сидѣлъ,
И на струнахъ ей милой лиры
Гораціевы пѣсни пѣлъ.

Давалъ совѣтъ онъ Левконоѣ
О будущемъ не ворожить;
Въ веселости, въ любви, въ покоѣ
Лишь настоящимъ часомъ жить.

Но между тѣмъ какъ я распѣлся
И позабылъ летящій часъ,
Безъ дровъ, покуда осмотрѣлся,
Тихохонько огонь погасъ.

Эльвира! скрывъ на сердцѣ рану,
Давно горю любовью я:
Когда одинъ горѣть я стану,
Погаснетъ скоро жизнь моя.

V.

СУЕТНОСТЬ ЖИЗНИ.

Растаялъ снѣгъ, земля открылась,
Позеленѣла мурава;
Струя кристальна съ горъ скатилась;
Одѣлись листьями древа.

Возобновился видъ природы,
Впадаютъ рѣки въ берега;
И дѣвъ веселы хороводы
Ужъ топчутъ мягкіе луга.

«Не льстись ни чѣмъ ты вѣчнымъ въ свѣтѣ»
Твердитъ тебѣ то годъ и часъ
И мигъ, что въ молненномъ полетѣ
Крыло временъ несетъ отъ насъ.

Весна морозы прогоняетъ,
Спѣшитъ за нею лѣто въ слѣдъ;
Съ плодами осень поспѣшаетъ
И зиму строгую ведетъ.

Но года кругъ непостоянный
Стократъ возобновитъ луна;
А ты, въ подземный домъ изгнанный,
Ввѣкъ будешь прахъ и тѣнь одна.

Кто вѣсть, угодно ли судьбинѣ
Прибавить къ нашей жизни мигъ?
Что дашь себѣ, то вырвешь нынѣ
Изъ рукъ наслѣдниковъ скупыхъ.

Когда умрешь, и по неволѣ
Тебя къ кладбищу отнесутъ;
Ни знатный родъ, ни честь оттолѣ,
Ни умъ тебя не изведутъ.

Никто не выходилъ изъ гроба,
Хоть всякъ въ него отсель идетъ.
Бездонна, знать, земли утроба:
Повсюду входъ, исхода нѣтъ.

VI.

УТѢШЕНІЕ ВЪ ГОРЕСТИ.

Не вѣчно ливнемъ дождь стремится
На пестрое лице полей;
Не вѣчно бурями мутится
Поверхность зеркальна морей.
Не ежедневно въ кругу года
Тягчитъ верхи рифейски ледъ;
Въ дубравахъ воетъ непогода,
И вихрь съ деревьевъ листья рветъ.

А томный вопль твой мила друга
Не престаетъ изъ гроба звать! — —
Свѣтило дня съ сапфирна круга
Спѣшитъ ли въ морѣ бѣгъ скончать;
Во слѣдъ ли золотой денницы
Течетъ оно на сводъ небесъ;
Ступень безчувственной гробницы
Ты токомъ орошаешь слезъ.

Но старецъ, вѣкъ тройной прожившій,
По Антилохѣ дорогомъ
Не вѣкъ стеналъ, токъ слезъ проливши,
Не вѣчно сѣтовалъ о нёмъ.
Не вѣчно юнаго Троила,
Какъ палъ онъ въ мрачный ада зѣвъ,
Кропилась хладная могила
Росою слезъ троянскихъ дѣвъ.

Прерви жъ стенанья малодушны,
Прерви, и вмѣстѣ воспоёмъ
Съ десницей Росса неразлучны
Побѣды, новой славы громъ:
Какъ быстрый *Падъ* предъ нимъ смирился,
И алчна гидра вспять бѣжитъ;
Хребетъ Алпійскій преклонился,
И Галлъ въ ущельяхъ горъ дрожитъ.

VII.

НА СМЕРТЬ ЮЛИИ.

Уже со тмою нощи
Простерлась тишина.
Выходитъ изъ-за роши
Печальная луна.
Я лиру томно строю
Пѣть скорбь, объявшу духъ. —

Приди грустить со мною,
Луна, печальныхъ другъ!

У хладной сей могилы,
Подъ тѣнью древъ густыхъ,
Услышь мой вопль унылый
И вздоховъ стонъ моихъ.
Здѣсь Юліи любезной
Прахъ милый погребенъ.
Я лить надъ нимъ токъ слезной
Навѣки осужденъ.

Подобно розѣ нѣжной,
Ты, Юлія! цвѣла;
Ты въ жизни сей мятежной
Мнѣ другъ, мнѣ все была.
Теперь, тебя теряя,
Осталось жизнь скончать,
Иль, скорбью грудь терзая,
Всечасно умирать.

Но пѣсни сей плачевной
Прервать я долженъ стонъ:
Слезами омоченной
Нѣмѣетъ лиры звонъ.
Безмолвною тоскою
Сильнѣй тѣснится духъ:
Приди жъ грустить со мною
Луна, печальныхъ другъ!

VIII.

СОВѢТЪ.

Въ напастяхъ, горести, старайся
Съ великодушіемъ терпѣть;
А въ счастіи не забывайся:
Мой другъ! ты долженъ умереть.

Умрешь, хотя печалься вѣчно;
Хоть въ праздные, веселы дни,
Вино ты придешь пить безпечно,
Въ гостепріимной древъ тѣни;

Сребриста тополь, ель высока,
Гдѣ дружны вѣтви въ сводъ плетутъ,
Съ журчаньемъ гдѣ струи потока,
Извившись, торопко текутъ.

Вели жъ тамъ вина, ароматы
И кратковѣчныхъ розъ принесть;
Пока намъ счастье, дни крылаты,
И младость позволяютъ цвѣсть.

Домы, сады распространенны
Покинешь ты, оставя свѣтъ;
И кладъ, годами накопленный,
Наслѣдникъ алчный твой возьметъ.

Хотя богатъ, породы знатной,
Хоть рабъ и въ хижинѣ живешь,
Хоть царь, но смерти безпощадной
Равно ты жертвою падешь.

Назначенъ всѣмъ предѣлъ намъ равной;
Всякъ жребій вынутъ наугадъ;
И въ вѣчну ссылку поздно ль, рано,
Намъ Парки всѣмъ спѣшить велятъ.

IX.

ЖЕЛАНІЯ СТИХОТВОРЦА.

Чего Піитъ отъ неба проситъ,
Когда въ путь новый годъ течетъ;
Или когда во храмъ приноситъ
Онъ въ день рожденья свой обѣтъ? —
Не жатва льститъ его богата,
Не мягка волна тучныхъ стадъ,
Не кучи серебра и злата,
Не пышность мраморныхъ палатъ.

Пусть пьетъ нектаръ кокосовъ сочныхъ
Тотъ, кто нашелъ златое дно;
Пускай изъ кристалей восточныхъ
Вкушаетъ капское вино.
Наперстникъ счастья онъ любимый,
Проснувшись, руку лишь прострeтъ,

Земля, моря неукротимы,
И міръ весь дань ему несетъ.

Но я, я сытъ укругомъ хлѣба,
Доволенъ кружкой кислыхъ щей,
И больше не прошу отъ Неба,
Какъ чтобы въ малой доли сей
Хранило мнѣ здоровье цѣло,
Умъ свѣжій и душевный миръ,
И вѣкъ пресѣкло бъ престарѣлой,
Безчувственный ко звуку лиръ.

X.

ЧИЖИКЪ.

Милой чижикъ желтобокой!
Кверху, другъ мой, не взлетай,
Не клади гнѣзда высоко,
Но въ густой травѣ свивай.
Ты взгляни, какъ ястребъ гладный
Надъ тобой уже паритъ,
Какъ, твоей онъ крови жадный,
Кохти на тебя остритъ.

Выросъ илемъ надъ горою;
Но тамъ, зной ли дышетъ, — жжетъ;
Буря ль налетитъ съ грозою, —
Ломитъ вѣтви, листья рветъ.

А въ долинѣ ива минста,
Бури не боясь, стоитъ.
Тамъ струя, катяся чиста,
Въ жарки дни ее поитъ.

Такъ зачѣмъ и мнѣ крушиться
Что вельможей не рожденъ?
Тотъ пусть ищетъ вѣкъ томиться,
Кто тщеславіемъ вскруженъ.
Я же низменной стезею
Отъ мірскихъ суетъ уйду.
Трудъ дѣля съ драгой семьею,
Счастье въ бѣдности найду.

XI.

ВРЕМЯ.

Непримѣтно утекаютъ
Воскрыленныя лѣта. —
Старости не удаляютъ
Умъ, ни сердца правота;
И прогнать не могутъ мимо
Смерти ввѣкъ неумолимой.

Хоть молебны кто всякъ день
Пѣть о многолѣтствѣ станетъ:
Смерть, привязчива какъ тѣнь,
На минуту не отстанетъ.

Всѣ, и рабъ и царь съ вѣнцомъ,
Спустимся въ подземный домъ.

Тщетно кровью обагренныхъ
Будемъ убѣгать полей;
Волнъ беречься разъяренныхъ
И заразъ осеннихъ дней:
Къ предкамъ должно преселиться,
Праху съ прахомъ съединиться.

Должно все оставить здѣсь:
Домъ, роскошную услугу,
Нѣжную съ дѣтьми супругу;
И изъ саженныхъ древесъ,
Ельникъ лишь одинъ постылый
Насъ проводитъ до могилы.

Всѣ мы такъ, какъ тѣнь, пройдёмъ;
А наслѣдникъ нашъ богатый,
Цѣльнымъ капскимъ тороватый,
Вѣкъ нетронутымъ виномъ,
Закутя пиры и балы,
Черезъ край нальетъ бокалы.

XII.

БЕЗЗАБОТНОСТЬ.

На что намъ галльска исполина
Рѣшить затѣи наугадъ;

Иль ковъ Британца, съ кѣмъ пучина,
И чужды царства насъ дѣлятъ?
На что, покой тревожа сладкой,
Въ пустыхъ заботахъ вѣкъ кружить;
Льняную нитку жизни краткой
Съ кострицей жесткою сучить?

Ужъ пылкость, молодость отстали,
Ушли давно отъ насъ бѣгомъ,
И наши сѣдины прогнали
Любовь игриву съ сладкимъ сномъ. —
Не долго свѣжими цвѣтами
Любезна красится весна;
Не вѣчно полными лучами
Блеститъ премѣнчива луна.

Почто жъ на замыслы надмѣрны,
Которыхъ вѣкомъ не свершить,
Въ заботахъ тратить часъ невѣрный,
Готовый всѣхъ насъ пережить?
Не лучше ль на полянкѣ чистой,
Подъ тополью роскошной сей,
Или подъ липою тѣнистой,
Намъ пить за здравіе друзей?

Подайте жъ винъ; — изъ древня вѣка
Всегда въ чести было вино:
Твердятъ, что сердце человѣка
Невинно веселитъ оно. —
Скоряй шампанское несите,
Покуда пробокъ вверхъ не бьетъ;

И въ ручейкѣ прохолодите,
Что съ шумомъ возлѣ насъ течетъ.

XIII.

СТАРОСТЬ И МЛАДОСТЬ.

Хвалятъ старое вино; —
Правда, веселитъ оно.
Выхваляютъ стара друга; —
Правда, сердце онъ дѣлитъ;
Но млада, мила подруга
Мнѣ обоихъ замѣнитъ.

Можетъ быть, за правду эту
Свѣтъ и насмѣется мнѣ:
Да вольно жъ смѣяться свѣту.
Что пріятно въ старинѣ,
Тѣмъ отнюдь я не гнушаюсь: —
Скуку и печаль стараюсь
Въ старомъ утопить винѣ;
Съ старымъ другомъ вѣчно буду
Душу отводить душой,
А съ подругой молодой
Свѣтъ весь и себя забуду.

Хвалятъ старое вино; —
Правда, веселитъ оно.
Выхваляютъ стара друга; —

Правда, сердце онъ дѣлитъ.
Но млада, мила подруга
Мнѣ обоихъ замѣнитъ.

XIV.

НАБОЖНОСТЬ.

Если утромъ ежеденно,
Какъ отъ сна ты возстаешь,
Руки къ небесамъ смиренно
Съ теплою мольбой взнесешь;
Если въ праздники ко храму,
Съ свѣтлой, какъ душа, свѣчой
Ты хоть горстку ѳиміаму
Скромной принесешь рукой, —

Жертвы сей довольно Богу;
Не страшись ни въ чемъ вреда:
Вѣтръ заразный въ осень строгу
Пощадитъ твои стада,
Нивы саранча не тронетъ,
Ульи напитаетъ мёдъ;
Вѣтви садъ къ землѣ преклонитъ:
Каждый цвѣтъ въ немъ будетъ плодъ.

Съ дна морскаго похищенны
Бисеры, кораллъ, янтарь,
Пышною рукой взнесенный

Украшаютъ пусть алтарь;
Златомъ пусть онъ обольется,
Блескомъ звѣздъ бразильскихъ странъ;
Пусть на немъ всякъ день возжется
Смирна и драгій ливанъ.

Но въ дому алтарь твой скромный
Утварью простой одѣтъ;
И зачѣмъ ты въ храмъ огромный
Пышный понесешь обѣтъ:
Коль невинна, хоть убога,
Длань коснется алтаря,
Легче умоляетъ Бога,
Чѣмъ драгій обѣтъ царя.

XV.

ДРУГУ СЕРДЦА.

—

Я знаю, другъ мой! что за мною
На край бы свѣта ты летѣлъ;
Со мной безтрепетной ногою
Гиркански дебри ты бъ прошелъ;
И ссылочной Сибири холодъ,
И средь песковъ ливійскихъ зной,
Межъ лютыхъ Кафровъ жажду, голодъ,
Охотно бъ претерпѣлъ со мной.

Но дай Богъ, чтобъ на брегѣ Псёла, *)
Гдѣ липы мнѣ шалашъ плетутъ,
Въ тѣни зеленаго раздола,
Былъ старости моей пріютъ!
Дай Богъ, чтобъ счастье тамъ прильнуло
Къ груди, усталой отъ заботъ,
И томно сердце отдохнуло
Отъ бурныхъ жизни непогодъ!

Но ежели свирѣпствомъ рока
Удѣла милаго лишусь,
На берегъ тучный альмска тока,
Въ Тавриду древню преселюсь,
Гдѣ овцы, пеленой обвиты,
Красу сребристыхъ нѣжатъ рунъ;
Отколь въ кумирахъ знаменитый
Владиміромъ сраженъ Перунъ.

Земли тотъ уголокъ счастливый
Всѣхъ болѣ мѣстъ манитъ мой взоръ:
Средь лѣса зрѣютъ тамъ оливы,
Медъ каплетъ изъ ущелья горъ.
Тамъ долго вѣтръ весенній вѣетъ,
Гнететъ не долго зимній хладъ;
На холмахъ, какъ янтарь, желтѣетъ
Токайскій сладкій виноградъ.

Вотъ тамъ-то, въ рощицѣ тѣнистой,
Устланной мягкой муравой,

---

*) *На брегѣ Псёла.* — *Псёлъ*, рѣка въ Малороссіи.

Близъ тока, изъ скалы кремнистой
Жемчужной льющагось струёй,
Мы сядемъ отдохнуть съ тобою
И дружны съединимъ сердца. —
Тамъ теплой оросишь слезою
Прахъ милаго тебѣ пѣвца.

XVI.

БОГАТСТВО УБОГАГО.

Кто счастья ищетъ въ свѣтѣ,
Тщеславіе любя,
Тотъ въ вѣкъ имѣй въ предметѣ
Лишь одного себя.
Но я ищу покою,
Гордынѣ не служу;
Въ сей хижинѣ съ тобою
Я счастье нахожу.

Купцы въ моря глубоки
За златомъ пусть плывутъ;
Герои крови токи
За шагъ владѣній льютъ;
Но я, не алча кровью
Купить вселенной всей,
Твоей одной любовью
Богаче всѣхъ царей.

Хоть хижина убога,
Съ тобой она мнѣ храмъ;
Я въ ней прошу отъ Бога
Спокойства только намъ.
Но вѣка чтобъ прибавить,
О томъ я не молюсь;
Тебя, мой другъ! оставить
И пережить боюсь.

XVII.

УМѢРЕННОСТЬ.

Коль хочешь вѣкъ прожить счастливо,
Не все въ открыто море мчись;
Ни слишкомъ къ берегу трусливо
Межъ камней съ лодочкою жмись.

Кто счастья шумнаго тревогѣ
Средину скромну предпочтетъ,
Не въ златоглавомъ тотъ чертогѣ,
Но и не въ хижинѣ живетъ.

На ель высоку вихрь стремится;
И башня гордая челомъ
Съ крутыхъ высотъ скорѣй валится;
Вершины горъ бьетъ чаще громъ.

Надежду мудрый зритъ въ напасти,
На случай злой вооруженъ;

Но въ льстивомъ бережется счастьи
Судьбы коварныхъ перемѣнъ.

Не все зима насъ удручаетъ,
Весна за нею въ слѣдъ спѣшитъ.
Сегодня горесть убиваетъ,
А завтра радость оживитъ.

Не каждый разъ перунъ горящій
Грозитъ пожарами странамъ,
Но часто тучи, градъ носящи,
Прогнавъ, даруетъ ведро намъ.

Будь твердъ въ злосчастныя минуты;
Но счастью то жъ не довѣряй;
И вѣтромъ парусы надуты
Заблаговремя опущай.

XVIII.

ПѢВЦУ ФЕЛИЦЫ.

Доколѣ музами любимъ,
Тревоги всѣ, заботы, горе,
За вѣтрами пущу я въ море,
Счастливый путь! — примолвя имъ.

Пусть Галлъ Европой потрясаетъ,
Британецъ всѣхъ на морѣ бьетъ,

Отъ рая Пій ключи теряетъ; —
Да мнѣ до нихъ и нужды нѣтъ.

Честей я не служу кумиру,
Ползкомъ я злата не ищу;
Доволенъ малымъ, — жизнь и лиру
Любви и дружбѣ посвящу.

О Муза! другъ холмовъ тѣнистыхъ,
Любящая Кастальскій токъ!
Пѣвцу Фелицы свей вѣнокъ
Изъ лавровъ, изъ цвѣтовъ душистыхъ.

Я слабъ ему хвалу гремѣть: —
Тебѣ, сестрамъ твоимъ пристойно,
Возвысить звонку лиру стройно,
И Фебова любимца пѣть.

XIX.

ДРУЗЬЯМЪ МОИМЪ.

Тринадцать лѣтъ уже прошло,
Какъ чувство дружбы васъ связало.
Хоть быстро время и текло,
Но счастіе при васъ стояло;
И, легки крылышки прижавъ,
Любовь при васъ же оставалась;
Цѣпями васъ она сковавъ,
Сама къ вамъ ими приковалась.

Останься жъ тутъ навѣкъ любовь! —
Ты гдѣ бъ и сколько бъ ни летала,
Толь милаго прiюту вновь
Себѣ нигдѣ бы не сыскала.
А время! ты лети быстрѣй:
Хоть все ты, унося, ничтожишь,
Но счастiя моихъ друзей
Съ собою унести не можешь.

XX.

КРАСОТА.

Еще до сей поры плѣняешь,
Влечешь къ себѣ всѣхъ взоры ты
И гордо сердце подкрѣпляешь
Цвѣтущимъ блескомъ красоты.

Но скоро ужъ, когда съ лѣтами
Увянетъ нѣжная краса,
Спадетъ, волнистыми шелками
Плеча покрывшая, коса.

Когда черты, гдѣ свѣжи розы
Слились съ лилейной бѣлизной,
Свирѣпы ощутя морозы,
Въ морщинахъ блескъ сокроютъ свой, —

Тогда, съ нѣмой упрекой, грозно
Въ невинно зеркало взглянувъ,

Тогда-то, Хлоя! но ужъ поздно,
Ты скажешь, горестно вздохнувъ:

Зачѣмъ въ пріятной я судьбинѣ,
Какъ нынѣ, мыслить не могла;
Или зачѣмъ не та я нынѣ,
Не та, — что̀ въ младости была!

XXI.

ДРУГУ МОЕМУ.

Взгляни какъ, снѣгомъ покровенны,
Высокихъ горъ верхи блестятъ;
Какъ сосны инеемъ нагбенны,
И рѣки, льдомъ отягощенны,
Въ брегахъ оцѣпенѣвъ стоятъ.

Теперь-то, сидя у камина,
Морозъ забыть ты насъ заставь;
По старшинству ихъ лѣтъ и чина,
Вели подать венгерски вина,
А прочее богамъ оставь.

Метели, бури и морозы,
Когда они хотятъ смирить,
Тогда ни липы, ни берёзы,
Ни гибки однолѣтни лозы,
Не смѣютъ вѣткой шевелить.

Что завтра встрѣтится съ тобою,
Не безпокойся узнавать;
Минутной пользуйся чертою;
И день, отсроченный судьбою,
Учись подаркомъ почитать.

Во младости несуетливой
Безъ пляски, игръ, не трать часа;
И плодъ вкушай любви счастливой,
Покуда старостью брюзгливой
Не посребрятся волоса.

Теперь тебя зовутъ гулянья,
Театръ, концерты, маскерадъ,
И тѣ условленны свиданья,
Гдѣ нѣжны вечеркомъ шептанья
Украдкой о любви твердятъ;

Гдѣ смѣхъ невольный открываетъ
Красотку въ темномъ уголкѣ,
Что̀ въ фанты перстенекъ теряетъ
И слабо лишь обороняетъ
На сжатой съ нѣжностью рукѣ.

XXII.

ОСЕНЬ.

Въ дубравѣ грозна буря воетъ,
Крутится вихремъ дождь и градъ.

Съ горы стремясь, долину роетъ
Ревущій, быстрый водопадъ.
Во мракѣ молнія лишь блещетъ;
Не видно въ тучѣ свѣтлыхъ звѣздъ. —
Вдругъ грянулъ громъ—и боръ трепещетъ;
Не сыщутъ робки звѣри мѣстъ.

Почто жъ такъ осень свирѣпѣетъ,
И градомъ томну землю бьетъ? —
Природа безъ того мертвѣетъ:
Давно увялъ ужъ розы цвѣтъ;
Давно деревья обнаженны
Склонивши вѣтвія стоятъ,
И птицы, гнѣздъ своихъ лишенны,
Безъ крова сносятъ лютый хладъ.

Приди жъ, зима! и скорбь природы
Въ одно мгновеніе прерви:
Оцѣпени растенья, воды
И всю природу умертви.
Какъ ледъ, твоя десница хладна
Отъ бурь ей сладкій отдыхъ дастъ: —
Увы! безчувственность отрадна,
Гдѣ тяжка насъ томитъ напасть.

Когда въ печаляхъ сердце ноетъ,
А рокъ еще его гнететъ
И глубже ровъ несчастнымъ роетъ
Несносныхъ, неизбѣжныхъ бѣдъ:
Тогда спокойство намъ доставитъ
Одна лишь можетъ хладна смерть,

От чувства горести избавить
И скорби остро жало стерть.

XXIII.

ЗИМА.

Лютая зима! доколѣ
Землю будешь ты томить,
Рѣки быстрыя въ неволѣ
Льдистымъ гнетомъ бременить?
Долго ль быть твоей намъ жертвой
И сносить жестокій хладъ? —
Все уныло, пусто, мертво,
Все, куда ни кинемъ взглядъ.

Ахъ! когда жъ весна природу
Оживить опять придетъ;
Милую ручьямъ свободу,
Жизнь древамъ, цвѣтамъ вдохнетъ?
Скоро ль въ рощахъ безмятежныхъ
Птичекъ поселяя вновь,
Къ нимъ на крыльяхъ горлицъ нѣжныхъ
Принесетъ она любовь?

Подождемъ; — не все стремится
Буря изъ полнощныхъ нѣдръ;
Время колесомъ вертится:
Скоро дунетъ южный вѣтръ —

Животворной теплотою
Льды распуститъ и снѣга
И роскошною рукою
Облечетъ въ цвѣты луга.

Скоро ласточки на волѣ
Будутъ къ облакамъ взлетать;
Скоро станемъ въ чистомъ полѣ
Чистымъ воздухомъ дышать.
Подождемъ; — какъ послѣ тѣни
Солнца лучъ яснѣй блеститъ,
Послѣ скорбныхъ угнетеній
Такъ насъ радость оживитъ.

XXIV.

ПРИЗЫВАНІЕ ВЕНЕРЫ.

Царица Пафоса и Книда, о Венера!
Оставь любимый Кипръ, приди въ смиренный храмъ,
Куда, возжегшая обильный ѳиміамъ,
Зоветъ тебя Глицера.

Да поспѣшитъ съ тобой твой пламенный Эротъ
И съ распущенными Хариты поясами,
Меркурій съ Нимфами, и Молодость съ цвѣтами,
Лишенна безъ тебя красотъ.

XXV.

ЛОМОНОСОВЪ.

—

Кто росску Пиндару желаетъ
Въ восторгахъ пылкихъ подражать, —
Во слѣдъ Икара тотъ дерзаетъ
На крыльяхъ восковыхъ летать:
Взнесется къ облакамъ, но вскорѣ,
Лишь солнца силу ощутитъ,
Низринется стремглавъ, — и море
Безумца имя возвѣститъ.

Какъ быстрый токъ струи скопленны
Стремитъ съ крутой вершины горъ;
Кристаллы льетъ на брегъ зеленый,
Дремучій будитъ шумомъ боръ;
Такъ звучной лирой Ломоносовъ,
Сопровождая громкій стихъ,
Плѣняетъ слухъ и души Россовъ,
И усладитъ потомство ихъ.

Творца глаголы повторяя,
На судъ ли смертнаго съ нимъ звалъ? —
«Онъ, гласомъ громы прерывая,
«Словами небо колебалъ.
«Съ покрытыя пучины мглою,
«Хаосный, лѣностный туманъ
«Разгналъ всесильною рукою
«И съ суши сдвинулъ Океанъ.

Поетъ ли, какъ восходъ денницы,
Минервы шествіе на тронъ,—
Коль важно подвигъ сей царицы,
Коль громко возглашаетъ онъ!
«Самъ Богъ ведетъ; и кто противу?
«Кто ходъ его остановитъ?
«И океанскихъ водъ разливу
«На встрѣчу кто поставитъ щитъ?

Любви ль предѣлъ изображаетъ,—
Какъ кисть его оживлена!
Какою прелестью плѣняетъ
Волшебна, райская страна! —
«Тамъ миръ въ поляхъ и надъ водами;
«Тамъ вихрей нѣтъ, ни шумныхъ бурь;
«Межъ бисерными облаками
«Сіяетъ злато и лазурь.

«Древа листами помаваютъ
«И, нѣжну ощущая власть,
«Другъ друга вѣтвми обнимаютъ;
«Въ бездушныхъ тамъ любовна страсть,
«Ручьи во слѣдъ ручьямъ крутятся,
«То гонятъ, то себя манятъ,
«То прямо другъ-къ-другу стремятся
«И, слившись, межъ собой журчатъ.

За Марсомъ ли во слѣдъ дерзая,
Сраженій представляетъ видъ, —
«Съ трофея на трофей ступая,
«Россійско воинство спѣшитъ.

«Орламъ симъ воды, лѣсъ, стремнины,
«Глухія степи, равенъ путь:
«Нося перунъ полки орлины
«Парятъ, гдѣ вѣтръ лишь можетъ дуть.

Съ такою дерзостью чудесной,
Извѣдавъ неусталость крылъ,
Верхъ облакъ въ синевѣ небесной
Россійскій сей орелъ парилъ.
Но я, какъ пчелка надъ землею,
Съ трудомъ съ цвѣтовъ сосуща медъ,
Я тиху пѣснь жужжать ли смѣю:
Высокій страшенъ мнѣ полетъ.

Державинъ! ты на лирѣ звонкой
Воспой великія дѣла,
Царицы, что̀ побѣдой громкой
Моря и суши потрясла.
Воспой боговъ сей даръ безцѣнной,
Дороже коего они
Не могутъ ниспослать вселенной,
Хоть возвратятъ златые дни.

Воспой тотъ день трикратъ счастливой,
Когда на жертвенникъ побѣдъ
Зеленый лавръ, обвитъ оливой,
Она въ знакъ мира вознесетъ.
Тогда и я, въ толпѣ народа
Участникъ общаго добра,
Во время пышна къ храму хода
Съ восторгомъ возглашу, ура!

Съ тобой мы вмѣстѣ радость нашу
Явимъ усерднымъ торжествомъ:
Безцѣнныхъ ты мастиковъ чашу
Возжешь предъ мирнымъ божествомъ.
Чертогъ твой яркими звѣздами,
Украшенъ, ночью возблеститъ,
И радостными голосами
Въ немъ гимнъ Астреѣ возгремитъ.

А я, помостъ усыпавъ храма
Взращенными цвѣтами мной,
Возжгу въ немъ горстку ѳиміама
Съ бѣлѣйшею лилей свѣчой
Изъ воска, что съ полянки смежной
Трудолюбивая пчела,
За мой о ней надзоръ прилежной,
Съ избыткомъ въ даръ мнѣ принесла.

XXVI.

БОГАТОМУ СОСѢДУ.

Парчи и рѣзьбы позлащенны
Не красятъ дома моего;
Столбы, въ Карарѣ изсѣченны,
Преддверій не хранятъ его.
Алмазами въ немъ чашъ блестящихъ
Не притекаетъ зрѣть народъ;

И до зари толпа просящихъ
Меня въ сѣняхъ моихъ не ждётъ.

Но честность — лиры даръ небесный,
Въ удѣлъ сей жизни рокъ мнѣ далъ.
Не знатенъ, знатнымъ я извѣстный,
И нищъ, богатымъ нуженъ сталъ.
Отъ Неба больше не желаю;
Рожденъ не алчнымъ, не скупымъ,
Друзьямъ могущимъ не скучаю:
Доволенъ малымъ я своимъ.

Тѣснятся въ вѣчность дни за днями,
Какъ въ море за волной волна;
То свѣтитъ полными лучами,
То умаляетъ кругъ луна.
А ты, какъ блѣдна стѣнь слоняясь,
Гранитъ распиливать велишь;
Гробницею не занимаясь,
Палаты къ небу громоздишь.

Владѣя цѣлымъ брегомъ моря,
Расширить поле чтобъ свое,
Съ несытою пучиной споря,
Тѣснишь плотинами ее.
Столбы сдвигая порубежны,
Сосѣдовъ гонишь ты твоихъ,
И каждый день, чрезъ нивы смежны
Шагнувъ, захватываешь ихъ.

Изгнанный старецъ, мужъ съ женою,
Бѣжа изъ родины своей,
Уносятъ бѣдность за спиною,
А у груди нагихъ дѣтей. —
Богачъ! на что жъ ты грабишь нища?
И подлѣ груды золотой
Тебѣ вѣрнѣе нѣтъ жилища,
Какъ подъ могилою сырой.

Земля всѣмъ смертнымъ безъ разбора
Готова лоно растворить;
И ненасытной смерти взора
Но можно златомъ обольстить.
Богатыхъ и счастливцевъ племя
Сѣчетъ она какъ лѣтній цвѣтъ,
И снять придетъ съ несчастныхъ бремя,
Хоть ими призвана, хоть нѣтъ.

XXVII.

МОТЫЛЕКЪ.

Къ верху жаворонокъ вьется;
Надъ горой летитъ соколъ;
Выше облаковъ несется
Къ солнцу дерзостный орёлъ,
Не летаетъ надъ землёю
Съ мягкой травки на цвѣтокъ,
Нѣжной пылью золотою
Отягченный, мотылёкъ.

Такъ и мнѣ судьбою вѣчно
Низкій положенъ предѣлъ. —
Въ урнѣ роковой, конечно,
Жребій мой отяжелѣлъ.
Случай какъ ни потрясаетъ
Урну, все успѣха нѣтъ;
Какъ жезломъ въ ней ни мѣшаетъ,
Жребій мой на низъ падетъ.

Такъ и быть; пусть на вершинѣ
Гордые дубы стоятъ:
Вѣтры бурные въ долинѣ
Низкимъ лозамъ не вредятъ.
Если жъ рокъ и тутъ озлится;
Что осталося? — терпѣть!
Болѣ счастливый боится,
Чѣмъ несчастный умереть.

XXVIII.

НЕВѢРНОСТЬ.

Поля, лѣса густые!
Спокойствія предѣлъ!
Гдѣ дни мои златые,
Гдѣ я Лизету пѣлъ, —
Судьбы моей премѣну
Теперь я вамъ пою:
Лизетину измѣну
И вѣрность къ ней мою.

Въ глазахъ ея всечасно
Любви огонь блисталъ;
Казазось, такъ же страстно
И духъ ея пылалъ.
Но взоръ младой Лизеты
Стремился лишь плѣнять. —
Ахъ! какъ въ такія лѣты
Умѣть ужъ измѣнять!

Пріятны разговоры,
Улыбка, страстный видъ
И самы нѣжны взоры
Все въ ней притворно льститъ, —
Но все въ ней прелесть нова! —
Ахъ! пусть она бъ была
Или не такъ сурова,
Или не такъ мила.

Лѣсокъ! гдѣ я тоскую,
Гдѣ счастье зрѣлъ мое,
Напомни мнѣ драгую —
Я все люблю ее.
Ея невѣрность знаю,
Тму горестей терплю,
Всечасно ей пѣняю —
А все ее люблю.

XXIX.

НЕОСТОРОЖНЫЙ МОТЫЛЕКЪ.

—

Въ прохладный лѣтній вечеръ темной,
Озябши, легкій мотылекъ,
Въ покой Темиринъ освѣщенной
Летѣлъ на ясный огонекъ.
Тамъ роза на окнѣ стояла,
Съ зарею чуть лишь расцвѣла,
Румянцомъ, свѣжестью плѣняла,
И мотылька къ себѣ звала.

Влекомый запахомъ пріятнымъ,
На розу мотылекъ взлетѣлъ;
Питаясь сокомъ ароматнымъ,
Въ забвеньи сладостномъ сидѣлъ.
Но вдругъ, прельщенный яркимъ свѣтомъ,
Помчался съ розы мотылёкъ;
Безпечнымъ вкругъ огня полетомъ
Порхалъ и крылышко прижогъ.

Еще есть время, мотылёчекъ! —
Пока совсѣмъ ты не сгоришь,
Душистый ждетъ тебя цвѣточекъ;
Лети; — но ты въ огонь летишь!
О, сердце! равной съ нимъ напасти
Чтобъ и тебѣ не потерпѣть,
Бѣги отъ милой, пылкой страсти,
Не то, — придетъ и намъ сгорѣть.

XXX.

ПОТЕРЯ ДНЯ.

—

Солнце за горою сѣло;
Лѣсъ зеленый потемнѣлъ.
Съ Лизой день не видясь цѣлой,
Въ горести Милонъ сидѣлъ.
Стадо, вкругъ его стѣсненно,
На густой травѣ легло;
Онъ, печалью отягченной,
Гнать его забылъ въ село.

Шорохъ каждаго листочка
Радостно тревожитъ духъ,
И дыханье вѣтерочка
Въ трепетъ приводило духъ.
Но ужъ тѣнь кругомъ сгустилась;
Вѣтръ листка не шевельнетъ;
Въ мракѣ и надежда скрылась:
«Нѣтъ, ужъ Лиза не придетъ!»

Солнце! ты зачѣмъ свѣтило? —
Воздохнувъ Милонъ сказалъ:
Я не видѣлъ Лизы милой;
Этотъ въ жизни день пропалъ. —
Рощица! моя отрада,
Какъ въ тѣни гулялъ я съ ней;
Безъ нее, твоя прохлада
Хладъ несетъ душѣ моей.

Рощица! пора проститься,
Стадо милое! пойдёмъ;
Поспѣшай ты насладиться
Отъ тебя бегущимъ сномъ.
Окропился ужъ росою
Лугъ, гдѣ съ Лизой я гулялъ,
А горючею слезою
Мѣсто, гдѣ напрасно ждалъ.

XXXI.

НЕВОЛЬНАЯ РАЗЛУКА.

Что вы, милые цвѣтки!
Такъ поблекли, пріуныли;
Ваши темные листки
Внизъ печально опустили?
Ахъ! что вижу, ручеёкъ,
Кѣмъ вашъ корень освѣжался,
Кинувъ васъ, другой лужокъ
Напоять вдали помчался.

Лиза, другъ мой! что же ты
Такъ печальна, пріуныла;
Блескъ прелестной красоты
Токомъ слезнымъ помрачила?
Неужель пастухъ драгой,

Кѣмъ твой духъ воспламенялся,
Новою плѣнясь красой,
Навсегда съ тобой разстался?

Но, цвѣтки! на ручеёкъ
Не ропщите вы напрасно:
Камень съ горъ катясь, потокъ
Отвратилъ отъ васъ прекрасной.
Посмотрите жъ, какъ ревет ъ,
Какъ онъ, пѣнясь, землю роетъ:
Скоро камень унесетъ,
И вашъ берегъ вновь омоетъ,

Лиза! въ горести стеня,
И терпя несносну муку,
Не ропщи ты на меня
За невольную разлуку:
Скоро, брошенны судьбой,
Тяжки цѣпи я разрушу,
Скоро обоймусь съ тобой
И солью съ душою душу.

XXXII.

НАПРАСНЫЯ СЛЕЗЫ.

Когда па розу взглянешь,
Себя къ ней примѣни;
Пчелу на ней застанешь,
О мнѣ воспомяни: —

Она не жалитъ розы,
Лишь сладкій медъ сосетъ:
Къ чему жъ твой стонъ и слёзы? —
И я бъ сосалъ лишь медъ.

XXXIII.

КРАСАВИЦѢ.

Зачѣмъ, какъ мотылёкъ,
Съ цвѣточка на цвѣтокъ
Анакреонъ безпечно
Вѣсь вѣкъ свой пролеталъ? —
«Такой, какъ ты, конечно,
«Онъ розы не сыскалъ.»

XXXIV.

СИЛУЭТЪ.

Твой образъ въ сердцѣ врѣзанъ ясно;
Но что жъ мнѣ тѣнь его даришь?
На толь, что жаръ любови страстной
Ты дружбой замѣнить велишь? —

Но льзя ль велѣнью покориться:
Изъ сердца рвать стрѣлу любви?
Лишь смертью можетъ потушиться
Текущій съ жизнью огнь въ крови.

Возьми жъ обратно даръ напрасной; —
Ахъ! нѣтъ, оставь его, оставь. —
Въ судьбинѣ горестной, злосчастной,
Еще быть счастливымъ заставь:
Позволь надеждой сладкой льститься,
Смотря на милыя черты,
Что какъ твоя въ нихъ тѣнь хранится,
Хоть тѣнь любви хранишь и ты.

XXXV.

РУЧЕЙ.

—

Ручей, что по долинѣ вьешся!
Во многомъ сходенъ я съ тобой:
Ты все однимъ склоненьемъ льешся,
Я склонностью влекусь одной.

Въ теченьи камешки встрѣчая,
Журчишь ты жалобно чуть-чуть!
Въ любви преграды ощущая,
Насилу смѣю я вздохнуть.

Какъ ясный твой потокъ сребристой,
Стеклянна, зеркальна струя,
Такъ страстно Ниной сердце чисто,
Такъ искренна душа моя.

Отъ грозъ, отъ бурнаго ненастья,
Ты кроешься въ тѣни вѣтвей;
Отъ гибельныхъ превратовъ счастья
Я скрылся въ хижинѣ моей.

Къ долинѣ милой постоянно
Стремясь, твоя струя течетъ;
Такъ плѣнно сердце безпрестанно
Къ моей любезной Нинѣ льнетъ.

Когда она въ тебѣ глядится —
Прелестный видъ пріемлешь ты;
Въ моемъ такъ сердцѣ онъ хранится —
Въ немъ врѣзаны ея черты.

Не знаю льстить я клятвой ложной,
Пучинъ не можешь ты скрывать;
На днѣ твоемъ все видѣть можно,
И все въ душѣ моей читать.

Влеченью слѣдуя природы,
Стремишь ты къ устью свой покатъ,
Доколь твои кристальны воды
Не заморозитъ лютый хладъ.

Безъ Нины будетъ жизнь страданьемъ,
И не погаснетъ къ ней любовь,
Пока съ послѣднимъ трепетаньемъ
Въ семъ сердцѣ не застынетъ кровь.

XXXVI.

РАЗЛУКА.

Ясна ночь: небесъ свѣтила
Ярко въ синевѣ блестятъ;
Лишь одна луна уныла
Полсокрытый кажетъ взглядъ.
Что жъ, Луна! зачѣмъ закрыла
Полкрасы ты своея? —
«Ненавистна тѣнь затмила
«Солнце, кѣмъ сіяю я.»

Игръ веселость оживила
Дѣвъ прекрасныхъ хороводъ;
Сашенька одна уныла
Горькихъ слезъ потоки льетъ.
Сашенька! зачѣмъ же скукой
Ты томишь свой нѣжный духъ? —
«Скорбной удаленъ разлукой,
«Кѣмъ живу, мой милой другъ.»

Не навѣки заграждаетъ
Тѣнь сіянью солнца путь:
И луна ужъ поспѣшаетъ
Полнымъ къ намъ лицемъ взглянуть.
Сашенька! не будь уныла,
Не томи твой нѣжный духъ;
Вѣдь не смерть васъ разлучила;
Возвратится милой другъ.

XXXVII.

ВЗДОХЪ.

—

Съ Миленой позднею порою,
Подъ тѣнью скромнаго лѣска,
Мы видѣли какъ межъ собою
Два разыгрались голубка. —
Любовь моя воспламенилась;
Душа на языкѣ была;
Но, полна страстью, грудь стѣснилась,
И рѣчь со вздохомъ умерла.

Увы! почтожъ уста нѣмѣли
И тайны я открыть не могъ? —
Но если бъ разумѣть хотѣли,
Не все ль сказалъ ужъ этотъ вздохъ?
И нужно ль клятвы, часто ложны,
Всегда любви въ поруки брать?
Глаза въ душѣ все видѣть должны,
И сердце сердцу вѣсть давать.

XXXVIII.

ПРІЮТЪ СЕРДЦА.

—

Тяжко сердцу безъ пріюту
Въ сиротствѣ печальномъ жить;
Не имѣть съ кѣмъ горесть люту,
Съ кѣмъ веселый часъ дѣлить.

Въ одиночествѣ постыломъ,
Въ кругу людства тяжко мнѣ;
Въ сердцѣ сжатомъ и унылом
Скорби лишь носить однѣ.

Помню время золотое,
Пролетѣвше какъ Зефиръ,
Съ милою когда насъ двое
Составляли весь нашъ міръ. —
Какъ молчанье было внятно!
Рѣчь стремилась къ сердцу льнуть!
Вмѣстѣ было какъ пріятно
Улыбнуться, иль вздохнуть!

Но Мечты, что духъ плѣняли
Ахъ: на что мнѣ помнить васъ? —
Рокъ послалъ мнѣ вѣкъ печали
За короткій счастья часъ. —
Стану жъ смертную минуту
Я съ отрадой ожидать;
Въ хладномъ гробѣ лишь пріюту
Сердцу страстному искать.

XXXIX.

ЗАКАТЪ СОЛНЦА.

Ужъ солнышко садится
За дальній неба кругъ,
И тѣнь съ горы ложится

На пестровидный лугъ —
Свѣтильникъ дня прекрасный.
Ложись и ты; — почій:
Съ зарею новой ясны
Ты вновь прострешь лучи.

Не тотъ удѣлъ свѣтилу
Дней смертнаго сужденъ:
Погасъ ли; — въ тму унылу
Навѣкъ онъ погруженъ. —
Такъ должно ль о безпрочной
Свѣтильнѣ намъ жалѣть,
Когда лишь краткосрочно
Назначено ей тлѣть?

Пускай, кто счастье, радость,
Мнитъ въ жизни сей обрѣсть,
Кто льстится тѣмъ, что младость
Не можетъ вдругъ отцвѣсть; —
Пускай, плѣнясь мечтами,
Тотъ алчетъ долго жить
И обвивать цвѣтами
Лишь паутинну нить;

А мнѣ, кого печалью
Свирѣпый рокъ гнететъ,
Почто плѣняться далью,
Гдѣ тернъ одинъ растетъ? —
Свѣтильникъ дня прекрасный,
Ложися, опочій,
Но отъ страдальца ясны
Сокрой навѣкъ лучи.

XL.

СКРОМНОЕ ПРИЗНАНІЕ ВЪ ЛЮБВИ.

—

Ахъ! пойду, разсѣю скуку
По лѣсочкамъ, по лугамъ;
Тайную, сердечну муку
Эхамъ томнымъ передамъ.

Томны эхи! повторите
Скромну жалобу мою:
Другу милому скажите,
Что по немъ здѣсь слезы лью.

Пусть хотя чрезъ васъ узнаетъ
То, чего сказать нѣтъ силъ:
Что по немъ душа страдаетъ;
Безъ него и свѣтъ не милъ.

Эхи! пристально внимайте:
Если милой мой вздохнетъ,
Вздохъ скорѣй мнѣ передайте! —
Сердце лишь отвѣта ждетъ.

XLI.

КЪ ЛИРѢ.

—

Poscimus, si quid vacui....

О, лира, милая подруга!
Коль древъ въ тѣни, подъ часъ досуга,
Рѣзвясь, я пѣсни пѣлъ съ тобой

Прожить достойны годъ, другой;
Внуши мнѣ новый стихъ латинскій! —
Герой и гражданинъ лезвійскій
Всѣхъ прежде на тебѣ бряцалъ:
Во станѣ ль ратномъ изощрялъ
Оружье, бранна духа полный,
Иль, бурны одолѣвши волны,
Корабль свой въ тиху пристань велъ,
Онъ Вакха, Музъ, Венеру пѣлъ,
Дитя съ палящими стрѣлами,
И Хлою съ черными очами,
И черны Хлои волоса. —
О, Фебовыхъ раменъ краса,
Трапезы Дія услажденье,
Въ трудахъ пріятна облегченье,
О, Лира! коль зову съ мольбой,
На голосъ откликайся мой!...

XLII.

ГОРЕСТЬ.

Сокрой, о солнце! лучъ постылой,
Тони скорѣй въ морскихъ волнахъ;
Съ душей сообразясь унылой,
Да тма возляжетъ въ сихъ мѣстахъ.
Печалью отягченны, очи
Устали ужъ взирать на свѣтъ:
Пускай завѣса мрачной ночи
Вездѣ пустынну тѣнь простретъ.

Все скрылось, — все недвижно, — мертво.
Одинъ я во вселенной всей, —
Одинъ остался скорби жертвой
Въ бесѣдѣ съ горестью моей! —
И ночь съ подругой сей жестокой
Меня не можетъ разлучить!
Она со мной, — чтобъ гробъ глубокой
Рукою медленной мнѣ рыть.

Но стонъ мой по лѣсамъ раздался
И тишину поколебалъ;
Съ возставшимъ шумомъ волнъ смѣшался
И съ дна морскаго смерть воззвалъ. —
Пойдемъ; — почто влачить мученье? —
Къ покою мнѣ остался шагъ:
Утесистъ брегъ .... одно мгновенье ....
И съ скорбью разлучусь въ волнахъ.

XLIII.

ГОРЕСТЬ РАЗЛУКИ.

Удаленъ отъ Лизы милой
Въ роковой разлукѣ сей,
Безъ нея въ странѣ постылой
Съ горестъю живу моей
И влеку въ тоскѣ унылой
Тяжко бремя скорбныхъ дней.

Лиза! другъ твой нѣжный, страстной,
Ахъ! почто забытъ тобой?
Въ мрачныхъ чувствахъ повсечасно

Сердце онъ крушитъ тоской.
Возвратись; — иль другъ несчастной
Будетъ жертвой скорби злой.

Поздно Лизу состраданье
Къ милу другу приведетъ;
На вопросъ о немъ, — молчанье
Дастъ унылый ей отвѣтъ;
Лишь надгробно надписанье
Скажетъ: «мила друга нѣтъ!»

XLIV.

СТАРИКЪ, ОЖИДАЮЩЕЙ ВЕСНЫ.

Весна коснитъ, а дни бѣгутъ
　　И нашу жизнь уносятъ;
Безпечно Парки, знать, прядутъ,
　　Но и зимою косятъ! —
Охъ! сколько старецъ, я, друзей,
　　Друзей младыхъ, любезныхъ,
Покрылъ уже сырой землей,
　　И пролилъ токовъ слезныхъ!

Имъ жить было — а мнѣ зачѣмъ
　　Влачить вѣкъ мрачный, скучный? —
Хариты съ ними ночью, днемъ,
　　Бывали неразлучны . . .
Ко мнѣ жъ — болѣзнь, забота, скорбь,
　　Приходятъ на бесѣду;

И все еще грузнѣе горбъ
Сѣдому вьючатъ дѣду!

Въ дому ли — съ скукою часы, —
Домъ пахнетъ ужъ пустыней:
Вотъ садъ — какъ старость мнѣ власы,
Его такъ пудритъ иней;
Тамъ гнется вязъ на утломъ пнѣ,
Какъ старца гнутъ ужъ годы;
И, какъ подъ шубой кровь во мнѣ,
Подъ льдомъ такъ стынутъ воды.

Но вотъ: онѣ опять съ весной,
Какъ изъ пеленъ прорвутся;
Деревья, съ прежней красотой,
Вновь въ зелень облекутся;
А мнѣ — весна хоть придетъ вновь,
Не усладитъ печали:
Мнѣ младость, рѣзвость и любовь
Навѣкъ «прости» сказали!...

Но нѣтъ — приди весна! — цвѣты
На травку брось зелену;
Хотя спрямить не можешь ты
Мнѣ спину въ крюкъ согбенну,
Хоть въ свѣтѣ счастьемъ мнѣ своимъ
Нельзя ужъ наслаждаться, —
Такъ вспомня прежнее — чужимъ
Я стану утѣшаться.

XLV.

ПАМЯТНИКЪ ГОРАЦІЯ.

—

Я памятникъ себѣ воздвигнулъ долговѣчной;
Превыше пирамидъ и крѣпче мѣди онъ.
Ни ѣдкіе дожди, ни бурный Аквилонъ,
Ни цѣпь несмѣтныхъ лѣтъ, ни время быстро-
течно
Не сокрушатъ его. — Не весь умру я; нѣтъ: —
Большая часть меня отъ строгихъ Паркъ уйдетъ;
Въ потомствѣ возрасту я славой справедливой
И въ гордый Капитолъ съ Весталкой молчаливой,
Доколѣ будетъ жрецъ торжественно всходить,
Не перестанетъ всѣмъ молва о мнѣ твердить,
Что тамо, гдѣ Авфидъ *) стремитъ ревущи воды,
И въ дебряхъ гдѣ простымъ народомъ Давнъ **)
владѣлъ,

*) *Авфидъ.* — Рѣка въ Италіи въ Пульской провинціи, отечествѣ Горація, нынѣ называемая *Офанто.*

**) *Давнъ*, сынъ Филумна и Данаи, въ вышепомянутой странѣ царствовалъ. Въ оригиналѣ сказано: *простымъ народомъ гдѣ безводный Давнъ владѣлъ.* Но какъ слово *безводный* противорѣчитъ нѣкоторымъ образомъ предъидущему стиху, гдѣ упоминается быстрая рѣка Авфидъ, то я осмѣлился сказать: и въ дебряхъ гдѣ простымъ народомъ Давнъ владѣлъ. Къ сему поводъ дало мнѣ то, что *Давнія*, нынѣшняя Пульская провинція, весьма лѣсиста, и что даже названіе *Давнія* производится отъ греческаго слова *Δαυνος*, значущаго *густый, лѣсистый.*

Я первый, вознесясь отъ низкія породы,
Въ латинскіе стихи эольску мѣру ввелъ *).
Гордись блистательнымъ отличьемъ Мельпомена!
Гордись: права тебѣ достоинство дало.
Изъ лавра дельоскаго, въ честь Фебу посвященна,
Вѣнокъ безсмертный свивъ, укрась мое чело.

XLVI.

ПОДРАЖАНІЕ ГОРАЦІЮ.

КНИГА 1-я ОДА XXXIV.

Parcus deorum cultor.

Пока въ слѣдъ буйнаго ученья
Я въ мракѣ слѣпо заблуждалъ,
Богамъ не часто долгъ почтенья
И не усердно воздавалъ.

Теперь я принужденъ кормою
Назадъ мой челнъ поворотить,
И въ путь, давно забытый мною,
Невольно, со стыдомъ вступить.

Зевесъ на небесахъ пространныхъ
Обыкшій облака сгущать,
Чтобъ молніей изъ тучъ раздранныхъ
Вселенной гнѣвъ свой возвѣщать,

---

*) ***Въ латинскіе стихи эольску мѣру ввелъ.*** Оную употребляли ***Сафо*** и ***Алкей***, уроженцы города Митилены, населеннаго ***Эолійцами.***

Нерѣдко взявъ перунъ въ десницу,
Взнесясь въ безоблачный зенитъ,
Съ высотъ гремящу колесницу
Съ летящими коньми стремитъ.

Земля трепещетъ, быстры рѣки
И Стиксъ, клонящій къ аду бѣгъ,
Атлантскіе хребты далеки,
Трепещетъ и Тенара брегъ.

Долину можетъ богъ смиренну
Въ скалу подзвѣздную вознесть;
И сринувъ дерзость напыщенну
Въ величье, въ славу кротость ввесть.

Фортуна колесомъ вращаетъ
Ей свыше подчиненный свѣтъ,
Корону съ буйнаго срываетъ
И мнимый исполинъ падетъ.

XLVII.

КЪ ПИРРѢ.

ОДА ГОРАЦІЯ.

(*Quis multa gracilis.*)

Какой прелестникъ ловкой, статной,
Вь вертепѣ нѣги и прохладъ,
Опрысканъ влагой ароматной,
О Пирра! средь любви отрадъ
Въ восторгѣ прижимаетъ нѣжномъ
Тебя на мягкомъ ложѣ розъ,

И для кого плетешь въ небрежномъ
Убранствѣ злато льнистыхъ косъ?

Увы! колькратъ любви обманы,
И лесть Сирениныхъ рѣчей,
И клятвы, предъ богами данны,
Оплачетъ несчастливецъ сей!
Колькратно моря треволненье
И вспѣненный его хребетъ
Неопытнаго въ изумленье,
Въ тревогу, въ горесть приведетъ!

Теперь, плѣненъ тобой, безпечно
Онъ ослѣпляется мечтой,
Что будешь ты любезна вѣчно
И вѣчно искренна душой;
Теперь твой взоръ его прельщаетъ,
Какъ видъ кристальныхъ, тихихъ водъ;
Но, ахъ! мечтатель сей не знаетъ
Премѣнныхъ моря непогодъ.

Несчастны, что тобой плѣненны,
Тебя узнали лишь слегка;
О мнѣ жъ, — вселенна въ храмъ священный
Обѣтна на стѣнѣ доска
Свидѣтель, что, отъ злостраданья
Средь бурныхъ избѣжавъ зыбей,
Одежды мокры, въ даръ признанья,
Я посвятилъ царю морей.

XLVIII.

ОДА ГОРАЦІЯ.

КН. II. ОДА XX.

Non usitata, non tenui ferar.

На крыльяхъ дивныхъ и могучихъ
Пѣвецъ двувидный, я помчусь
Въ эѳиръ, верхъ облаковъ плывучихъ,
Съ земною перстью разлучусь;
Надъ завистью взнесенный злою,
Оставлю грады подъ пятою!...
Нѣтъ, нѣтъ! — хоть родъ мой не богатъ,
Но если ты твоимъ любезнымъ
Зовешь меня, о Меценатъ!
То не умру; — багромъ желѣзнымъ
Харонъ въ ладью не повлечетъ,
За Стиксомъ не убережетъ!...
Ужъ голени мои покрылись
Шаршавой, жесткой кожей вдругъ;
Власы сѣдые превратились
Въ волнистый, бѣлоснѣжный пухъ;
Изъ перстовъ перья показались,
И крылья по плечамъ разстлались! —
Надежнѣй, чѣмъ Дедала сынъ,
Какъ лебедь, сладку пѣснь гласящій,
Съ зенитныхъ я узрю вершинъ
Босфоръ, въ крутыхъ брегахъ стенящій,
Пески сыпучи Гетулянъ,
И степи Гипербореянъ; —
Моею пѣснью Колхъ плѣнится,

И Дакъ, что въ близкій брани часъ,
Притворно Марзовъ не страшится,
Гелонъ, столь удаленъ отъ насъ,
Иберы, мудрыми слывущи,
И Галлъ, струи Родана пьющій! . . .
Прочь Неніи слезливый ликъ,
Унылы пѣсни и цѣвницы,
Постыдный сѣтующихъ кликъ
Вкругъ праздныя моей гробницы! —
Прочь вопли, погребальный стонъ
И лишня почесть похоронъ! . . .

XLIX.

КЪ МЕЦЕНАТУ.

ОДА ГОРАЦІЯ.

(*Maecenas, atavis edite regibus.*)

О Меценатъ, царей потомокъ тирренійскихъ,
Моя и слава и покровъ! —
Иной въ ристаньяхъ олимпійскихъ,
Отъ колесницы пыль клубя до облаковъ,
Коль быстро колесомъ горящимъ
Мету опасну облетитъ,
Вѣнчанный пальмою, къ богамъ, землѣ судящимъ,
Уже себя взнесеннымъ чтитъ.

Сего, коль рвеніе толпы непостоянной
На вышни почести взведетъ;
Того, коль съ Ливіи пространной
Всѣ жатвы въ житницу онъ собственну сберетъ;

Любящаго сохой своею
Наслѣдственны поля пахать,
За жребій Аттала не подстрекнешь ладьею
Эгей свирѣпый разсѣкать.

Купецъ, со трепетомъ зря бурный Афръ пол-
дневной
Въ борбѣ съ икарскою волной,
При ужасахъ пучины гвѣвной,
Спокойство хвалитъ селъ, пріютъ укромный свой;
Но вдругъ, лишь буря утихаетъ,
И зыбь скалу престанетъ бить,
Онъ утлую ладью поспѣшно исправляетъ,
Безсиленъ нищету сносить.

Съ покаломъ стараго мессійскя гроздна сока,
Тотъ, легши подъ древесну тѣнь,
Иль близъ священнаго потока,
Проводитъ лѣностно отъ утра цѣлый день;
Другіе любятъ ратны станы,
Смѣшенный трубъ съ пищальми звукъ,
И Марса грознаго потѣху, подвигъ бранный,
Для матерей источникъ мукъ.

Подъ кровомъ свѣтлыхъ звѣздъ ловецъ зимой
ночуетъ,
Хотя жена младая ждетъ,
Коль серну вѣрный песъ почуетъ,
Иль дерзкій вепрь въ лѣсу тенета разорветъ. —
Меня жъ священный плющъ равняетъ
Съ богами, вводитъ въ ихъ соборъ,
Меня въ прохладѣ рощъ отъ черни отдѣляетъ
Сатиръ и Нимфъ прелестныхъ хоръ. —

Свирѣли коль своей игривой, сладкогласной,
Эвтерпа мнѣ не возбранитъ,
И Полимнія коль согласно
Лезвійску громкую мнѣ лютню отструнитъ;
Когда, о Меценатъ! тобою
Причтусь къ лирическимъ пѣвцамъ:
Надъ злобной завистью взнесенною главою
Коснусь я звѣзднымъ небесамъ!

L.

ИЗЪ ГОРАЦІЯ.

КН. I. ОДА III.

Sic te diva, potens Cipri.

Да путь къ тебѣ благословенный
Пошлетъ богиня красоты,
И братья страстныя Елены,
Свѣтящи съ звѣздной высоты!
Да царь Эолъ всѣ вѣтры свяжетъ,
И лишь попутному прикажетъ
Лелѣять паруса твои! —
Корабль! внуши мольбы мои:
Къ брегамъ аѳинскимъ, чрезъ пучину
Съ Виргиліемъ безвредно рѣй
И ввѣренну тебѣ храни мнѣ половину
Души моей.

Тотъ тверду грудь, какъ брусъ дубовый,
И сердце мѣдное имѣлъ,

Кто первый чрезъ моря суровы
На легкомъ плыть челнѣ посмѣлъ:
Кто бурна Афра не страшился,
Когда съ Бореемъ онъ стремился
Въ борьбу, смѣсивши дождь и градъ;
Кто пасмурныхъ презрѣлъ Гіадъ;
Кому и Нотъ грозилъ напрасно, —
Сей, Адріи владыка злый,
Что взноситъ къ облакамъ, иль низитъ самовластно
Ея валы.

Какой видъ смерти, лютымъ рокомъ
Представленной, того страшитъ,
Кто на моряхъ холоднымъ сномъ
Чудовища плывущи зритъ; —
Кто всхолмленны презрѣлъ пучины,
И на керавнскія вершины
Безстрашно взоры возводилъ? —
Вотще Всемощный раздѣлилъ
Страны безмѣрнымъ Океаномъ,
Когда продерзкій, утлый челнъ
Преплылъ, на поприще морскихъ зыбей пространномъ,
Разливы волнъ.

На все, что только запрещенно,
Отважно смертный руку взнесъ! —
Отважно, скрытый огнь священной
Похитилъ Промеѳей съ небесъ,
И ввѣрилъ племенамъ развратнымъ:
Но въ слѣдъ за буйствомъ святотатнымъ

Болѣзни, гладъ, толпа заботъ
Снизшли тягчить строптивый родъ,
И скорбь лице земли покрыла,
Какъ моря шумнаго струи,
И медленна дотоль, смерть грозна ускорила,
Шаги свои.

Въ пустыняхъ воздуха пространныхъ
Дедалъ взносился на крылахъ;
Природой мудрой намъ неданныхъ;
Ираклій, сперши ада прагъ,
Шагнулъ чрезъ Ахеронъ глубокой: —
Ничто для смертныхъ не высоко!
Мы даже небесамъ самимъ,
Въ кичливой буйности, грозимъ! —
И наши дерзки преступленья
Претятъ, чтобъ Хрона грозный сынъ,
Смягчася, выпустилъ изъ рукъ перуны мщенья
На мигъ одинъ.

LII.

КЪ МЕЛЬПОМЕНѢ.

ОДА ГОРАЦІЯ КН. IV. ОДА III.

Quem, tu, Melpomene. . . .

—

О, Мельпомена! кто пріятный,
Рождаясь, взглядъ твой привлечетъ,
Того истмійскій подвигъ знатный,
Какъ славнаго бойца, хвалой не вознесетъ;

Не мчатъ тамъ кони, легче птицы,
Его побѣдной колесницы:
Народамъ Капитоль вождя не кажетъ въ немъ,
Смирившаго царей надменныхъ,
И, средь трофеевъ вознесенныхъ,
Вѣнчанна Фебовымъ вѣнцемъ; — —

Но шумъ тибурска водопада,
Поящаго роскошный лугъ,
Тѣнистой рощицы прохлада
Въ плѣнительный восторгъ его приводятъ духъ;
Но эолійскими стихами
Онъ будетъ славенъ межъ пѣвцами!...
Ужъ гордый Римъ меня достойнымъ признаетъ,
Вступить въ соборъ ихъ знаменитый,
И меньше злобно ядовитый
Зубъ зависти меня грызетъ.

О ты, что плавно размѣряешь
Звукъ лиры золотой моей,
Могуща, если пожелаешь,
И рыбамъ дать нѣмымъ гласъ нѣжный лебедей, —
О, Муза! я тебѣ обязанъ,
Что всѣми здѣсь перстомъ указанъ,
Какъ первый Римлянинъ, познавшій лиры строй:
Что живъ, что пѣснями плѣняю,
Коль симъ ласкать себя дерзаю,
Тебѣ обязанъ тѣмъ одной.

LII.

О ДОСТОИНСТВѢ СТИХОТВОРСТВА.

ПЕРЕВОДЪ ГОРАЦІЕВОЙ ОДЫ.

КН. IV. ОДА VIII.

Donarem pateras....

—

Охотно бъ чаши, бронзы рѣдки
Я въ даръ принесъ моимъ друзьямъ;
Треноги, что Ахеянъ предки [1])
Дарили храбрымъ ихъ вождямъ;
И еслибъ былъ богатъ искусствомъ,
Которымъ Скопасъ и Фарразъ, [2])
Съ толь дивнымъ, превосходнымъ чувствомъ,
Отдѣлывали напоказъ,
Тотъ въ камнѣ, кистью сей живою,
То смертныхъ видъ, то ликъ боговъ,
Тебѣ бъ признательной рукою
Принесъ я лучшій изъ даровъ.

---

[1]) Во многихъ мѣстахъ у древнихъ видимъ, что чаши, треноги и лохани были весьма лестные для героевъ подарки. Въ XIX пѣснѣ Илліады, Ахиллесъ получаетъ отъ Агамемнона 20 лоханей и 7 треногъ. Плавтъ упоминаетъ о чашѣ, подаренной Амфитріону.

[2]) Тотъ былъ искусный ваятель, а сей славный эфесскій живописецъ, современникъ Кзейкса: оба жили въ началѣ V столѣтія, до Р. Х.

Но симъ искусствомъ, — самъ ты знаешь,
О, Цензоринъ! [3]) я не богатъ:
И отъ убогихъ не желаешь
Толь драгоцѣнныхъ ты заплатъ;
Притомъ ты мыслишь, что не нужно
Пріумножать диковинъ сборъ,
Чтобъ ими только въ часъ досужной
Развлечь, или забавить взоръ.
Стихи ты любишь: — такъ стихами
Тебя мы можемъ подарить,
И сдревле чтимое вѣками,
Достоинство ихъ объяснить.

Черты, на мраморѣ блестящи,
Изъ темныхъ гробовыхъ дверей
Вновь къ жизни, къ славѣ возводящи
Героевъ, доблестныхъ вождей;
Угрозы изступленны, яры, [4])
Бѣгуща Ганнибала вспять,
И буйной Пуніи пожары,
Такъ громко не могли вѣщать
О томъ, кому, имъ покоренна,
Прозванье Африка даритъ, — [4])

---

[3]) Кай Марцій Цензоринъ былъ консуломъ; онъ служилъ при Кайѣ Кесарѣ, внукѣ Августа, сопутствовалъ ему въ Сирію, гдѣ и умеръ. Веллей Патеркулъ свидѣтельствуетъ, что Римъ весьма сожалѣлъ о его кончинѣ.

[4]) Г-нъ Дасье справедливо упрекаетъ Горація, что онъ смѣшиваетъ здѣсь не одновременныя событія и разныя лица: бѣгство Ганнибала относится ко второй, а сожженіе Карѳагена къ третьей Пунической войнѣ, въ которыхъ

Какъ лира, Фебомъ оструненна,
Калабрскихъ вѣщихъ Піеридъ, [5])

Коль лиры замолчатъ златыя, [6])
Лишится добродѣтель мзды:
Что былъ бы намъ твой сынъ, Иллія [7])!
Когда бы Ромула труды
Завистливо молчанье скрыло? —
Священнаго восторга полнъ,
Піитъ исторгъ, витійства силой,

предводительствовали, въ оной великій Сципіонъ, а въ сей 50 лѣтъ спустя, Эмиліянъ Сципіонъ, по усыновленію, внукъ его; но какъ оба Сципіоны сіи проименованы были Африканскими, то и выраженія Горація могутъ, какъ вообще, такъ и особенно къ обоимъ относиться. Не безполезнымъ нахожу замѣтить, что стихотворческія здѣсь картины Горацій, безъ сомнѣнія, списалъ не съ надписей, какъ Г. Дасье заключаетъ, но съ изваяній на памятникахъ, воздвигнутыхъ въ честь обоихъ побѣдителей.

[5]) Горацій означаетъ здѣсь піита Эннія, уроженца Рудіи, небольшаго города въ Калабріи; въ числѣ многихъ сочиненій его, написалъ онъ 18 книгъ лѣтописей, содержащихъ повѣсть о Римѣ, по 577-й годъ отъ основанія онаго. Горацій имѣетъ въ виду сіи лѣтописи: ибо въ оныхъ Энній воспѣлъ похвалы Сципіону, а наипаче побѣду, одержанную имъ надъ Ганнибаломъ въ Африкѣ.

[6]) Прошу извиненія, что здѣсь предпочелъ я лиры свиткамъ Горація, chartae, которыя дѣлались изъ растенія, называемаго папирусъ, и служили древнимъ вмѣсто книгъ.

[7]) Сожалѣю сердечно, что мѣра стиха не позволила мнѣ сочетать Марса съ Илліею; — она была мать Ромула

Эака изъ стигійскихъ волнъ. [8])
Піиты, ихъ хвалы правдивы,
Ихъ благосклонная молва,
Для алтарей его счастливы [9])
Опредѣлили острова.

Отъ смерти Муза избавляетъ,
И небо доблестямъ даритъ: —

дочь Нумитора, потомка Энеева; — братъ его Амулъ, не токмо отнялъ у него царство, но, дабы не имѣлъ онъ наслѣдниковъ, принудилъ дочь его, Иллію, быть жрицею Весты, а потомъ повелѣлъ утопить ее въ рѣкѣ Аніѣ, по инымъ же преданіямъ, въ Тибрѣ. Сію несчастную жертву властолюбія одни называютъ Илліею, а другіе Реею Сильвіею.

[8]) Эакъ былъ сынъ Юпитера и Эгины, отецъ Пелея и Теламона; одинъ изъ адскихъ судей, завѣдовалъ европейскіе народы. Стиксомъ назывался одинъ источникъ въ Аркадіи; вода онаго была смертоносна, и для того-то піиты почитали его адскою рѣкою. Не во гнѣвъ баснословамъ-Грекамъ, рѣка Стиксъ никогда не протекала въ Аркадіи, но на краю сѣвера. Чтобъ удостовѣриться въ истинѣ сей, стоитъ только со вниманіемъ прочитать описаніе рѣки оной въ Гезіодѣ — см. богорожденіе, отъ 713 по 819 стихъ, а въ переводѣ г. Жина, отъ 157 до 165 страницы.

[9]) Богатые острова, divites insulae, Laetas sedes; именемъ симъ означались Поля Елисейскія, полагаемыя иными въ Андалузіи, области испанской; но поелику она не островъ, то нѣкоторые признавали райскими, богатыми островами, лежащіе въ Атлантическомъ морѣ, Канарскіе и другіе сосѣдственные имъ острова.

Ираклій съ ней въ Олимпъ вступаетъ [10])
И съ Діемъ трапезу дѣлитъ;
На вознесенны круги звѣздны
Касторъ и Поллуксъ такъ взошли, [11])
И въ бурю, изъ морскія бездны
Крушимы взносятъ корабли;
Такъ, гроздным листвіемъ вѣнчанный,
И Вакхъ, пріемля нашъ обѣтъ, [12])
Предначинаніямъ желанный
Конецъ благоуспѣшно шлетъ. [13])

---

[10]) Многочисленные подвиги его всѣмъ извѣстны; они доставили ему исключительное преимущество участвовать въ пиршествѣ боговъ: поелику и живаго его не могъ удержать тартаръ, сія вѣчною ночью покрытая страна.

[11]) Они были дѣти Тиндара и Леды, братья Елены. Древніе принимали за нихъ летучіе огни, и вѣрили, что буря утихнетъ, когда они оба вдругъ показывались.

[12]) Горацій называетъ его здѣсь Либеромъ: такъ именовался онъ потому, что освобождаетъ людей отъ горестей; или же для того, что восточные князья и цари назывались по-латини liberi, свободные.

[13]) Таковое мнѣніе заставило одного греческаго витію сказать о Бахусѣ, что онъ другъ всякаго времени и Фортуны. Я думаю, что женолюбивый весельчакъ Горацій имѣлъ другія причины сказать о богѣ вина, что онъ приводитъ мольбы къ благому концу.

LIII.

ЗАВИСТЬ ПІИТА

ПРИ ВЗГЛЯДѢ НА ИЗОБРАЖЕНІЕ ОКРЕСТНОСТЕЙ И РАЗВАЛИНЪ ДОМА ГОРАЦІЕВА.

Tibur, Argeo positum colono,
Sit meae sedes utinam senectae!
Sit modus lasso maris et viarum militiaque!

ГОРАЦІЙ, КН. II, ОДА VI.

Что пальма, что вѣнецъ лавровый,
И обелискъ, и мавзолей?
Дробитъ ихъ въ прахѣ Хронъ суровый
Подъ сильною пятой своей.
Какъ метеоръ въ зыбяхъ эѳира,
Такъ слава исчезаетъ міра
Въ туманной дальности временъ!
И что сіять въ ней можетъ вѣчно?
Кто свяжетъ время быстротечно
И воскрылитъ къ безсмертью тлѣнъ?

Лишь Феба даръ и лирны струны
Съ потомствомъ насъ соединятъ:
Какъ рѣзки эхи, какъ перуны,
Немолчно звуки ихъ гремятъ.
Давно безвѣстная могила
Гнететъ въ пустынѣ прахъ Ахилла,

Но въ пѣсняхъ онъ Омира живъ.
Безъ лиры скрылся бъ слѣдъ героевъ
И память знаменитыхъ боевъ
Въ развалинахъ стовратныхъ Ѳивъ.

Сомнительну Энея славу
Виргилій лирой обновилъ,
И вѣчный памятникъ Октаву
На почвѣ лести утвердилъ;
Какъ онъ, любимецъ Музъ и Грацій,
Веселый любомудръ, Горацій
Поднесь насъ учитъ скромно жить,
Страшиться роскоши, разврата,
И друга Флакка, Мецената,
Какъ друга нашего любить.

Давно пѣвцовъ сихъ нѣтъ на свѣтѣ,
Но слава ихъ въ вѣкахъ живетъ;
И время въ молнійномъ полетѣ
Съ собой ее не унесетъ:
Ихъ нѣтъ; — но пѣснью ихъ плѣненны,
Спѣшимъ въ тотъ край опустошенный,
Гдѣ раздавался гласъ ихъ лиръ,
Гдѣ лугъ былъ топтанъ ихъ стопою,
И восхищенною мечтою
Переселяемся въ ихъ міръ.

Но, ахъ! почто воспоминаю
О счастливыхъ любимцахъ Музъ?
Лишь въ сердцѣ зависть возраждаю:
Я тяжкихъ не расторгну узъ,

Которыми судьба строптива,
Къ нимъ щедра мать, чадолюбива,
Мой скудный оковала даръ.
Все долженъ въ тинѣ я влачиться,
И даже тѣмъ не смѣю льститься,
Чтобъ пасть, — какъ дерзкій палъ Икаръ.

Вотще звучу на томной лирѣ. —
Когда окончу жизни путь,
Изъ всѣхъ оставленныхъ мной въ мірѣ,
Никто не придетъ и взглянуть
На ветхій тотъ шалашъ, убогій,
Гдѣ, скрытъ отъ шумныя тревоги,
На безъизвѣстныхъ Псла брегахъ,
Протекъ мой вѣкъ уединенный,
Какъ скромной рощей осѣненный,
Ручей извившійся въ лугахъ.

LIV.

НИЧТОЖЕСТВО БОГАТСТВЪ.

ПЕРЕВОДЪ ГОРАЦІЕВОЙ ОДЫ.

Odi profanum vulgus, et arceo...

Непросвѣщенну чернь съ презрѣньемъ изгоняю.
А вы! безмолвствуйте *): парнасскихъ жрецъ богинь,
Для юношей и дѣвъ стихи я воспѣваю
Еще неслыханны донынь.

---

[1]) favete linguis, значитъ точно: благопріятствуйте языкомъ. Древніе суевѣры, думая, что при жертвоприноше-

Цари — подвластнымъ страхъ; царей — Зевесъ властитель,
Титеи дерзостныхъ низвергшій въ прахъ дѣтей [2]),
Колеблющій весь міръ и звѣздную обитель
Единымъ маніемъ бровей.
Пусть тотъ садовъ себя пространствомъ величаетъ;
Сей, знатенъ, въ Марсовъ кругъ [3]) за почестьми течетъ;
Того пусть слухъ добротъ повсюду прославляетъ,
Сего — толпящійся причетъ [4]);

ніяхъ услышанныя рѣчи могли имѣть дурныя, или хорошія предзнаменованія, извѣщали присутствующихъ, чтобы произносили они токмо благозначительныя слова. Опасеніе проговориться заставляло народъ безмолвствовать; и такимъ образомъ слова: благопріятствуйте языкомъ, favete linguis, въ послѣдствіи времени приняты были въ значеніи: безмолвствуйте; равно такъ какъ и слова миръ вамъ, принимаются не въ первоначальномъ смыслѣ.

[2]) Титановъ, порожденныхъ отъ неба. — Они, подобно Гигантамъ, вели брань противу боговъ и были побѣждены Юпитеромъ.

[3]) Campus, была въ Римѣ пространная площадь, гдѣ собирался народъ для избранія чиновниковъ.

[4]) Ромулъ позволилъ каждому частному человѣку избрать себѣ покровителемъ кого-либо изъ сенаторовъ. Первые назывались кліентами, cliens, а послѣдніе патронами, patronus. — Первые обязаны были почитать патрона своего какъ отца; помогать ему во всѣхъ дѣлахъ его, выкупать изъ плѣна, участвовать въ составленіи приданаго дочерямъ, въ платежѣ его долговъ и пени, съ него присуж-

Равняетъ всѣхъ ихъ смерть: вельможа напыщенный
Иль нищій, — всѣмъ ея быть жертвой суждено:
И въ урнѣ роковой [5]) всѣ имена вмѣщенны,
Судьбой мѣшаются равно.

Злодѣй, зря мечъ нагій [6]), надъ головой висящій,
Не можетъ яствъ вкушать сицильскихъ [7]) и вина;
Ни пѣнье птицъ, ни лиръ пріятно гласъ звенящій
Ему не возвращаютъ сна.

Въ убогой хижинѣ, пріосѣненной миромъ,
Не презираетъ сонъ пріятна уголка,
И на брегу рѣки, колеблема зефиромъ,
Покрова темнаго лѣска.

Умѣреннаго кто довольства лишь желаетъ,
Того ни бурное морскихъ волненье водъ,

даемыя; патроны долженствовали защищать кліентовъ своихъ на судѣ и вспомоществовать имъ во всемъ, какъ роднымъ дѣтямъ.

[5]) Древніе присвояли судьбѣ чашу, въ которой всѣ жребіи, или участи людей, находились.

[6]) Горацій имѣлъ здѣсь въ виду философа Дамокла. Превознося богатство и великолѣпіе Діонисія, тирана сиракузскаго, признавалъ онъ его счастливѣйшимъ изъ смертныхъ. Діонисій, устроивъ для него богатѣйшій пиръ, подчивалъ вкуснѣйшими яствами и напитками. Дамоклъ былъ въ восхищеніи, какъ вдругъ увидѣлъ надъ головою своею висящій на конскомъ волосѣ обнаженный мечъ; опасность смерти воспрепятствовала ему наслаждаться пиршествомъ и признавать счастливымъ тирана.

[7]) Въ Сициліи любили хорошо поѣсть и попить: симъ они такъ отличались, что изобильный столъ обыкновенно называли столомъ сиракузскимъ.

Ни западъ лютаго Арктура [8]) не смущаетъ,
Ни звѣзднаго Козла [9]) восходъ,
Ни градъ, цвѣтъ гроздія, иль плодъ его разящій,
Ни жатва, льстившая надеждою златой,
Ни садъ, то дождь ливный, то лютость зимъ виняіцій,
То землю изсушившій зной.

Ужъ рыбы зрятъ моря оплотами стѣсненны [10]):
Богачъ предъ богачемъ тамъ съ челядью своей
И съ зодчими въ волнахъ спѣшатъ возвысить стѣны,
Наскуча твердою землей.

Но страхъ, но скорбь за симъ вельможей вслѣдъ стремится,
Забота тощая съ нахмуреннымъ челомъ,

---

[8]) Сѣвернаго созвѣздія, близъ Медвѣдицы. — Имя его происходитъ отъ греческихъ словъ arktos, Медвѣдица, и ura, хвостъ; ибо въ небесномъ знакѣ тамъ находится весьма ясная звѣзда возлѣ хвоста Медвѣдицы. — Созвѣздіе сіе называлось также Арктофилаксомъ, arktofilax, стражемъ Медвѣдя. — Но почему именовалось оно волопасомъ, boote догадаться трудно, развѣ потому, что иногда созвѣздіе Медвѣдицы называли телѣгою, и заключали, что онъ долженъ пасть воловъ, въ нее запрягаемыхъ. — Древніе полагали восхожденіе небеснаго знака сего въ половинѣ Сентября, а захожденіе въ началѣ слѣдующаго мѣсяца.

[9]) Созвѣздіе Козлятъ, находящееся по лѣвую сторону Арктура, восходитъ въ концѣ Сентября, и предвѣщаетъ бурную, ненастливую погоду.

[10]) Богачи римскіе любили строить загородные дома на взморіяхъ, поступая оными сколько возможно далѣе въ воду.

Въ трирему [11]), мѣдью вкругъ обиту, съ нимъ садится,
И задъ сѣдла его верхомъ.

Почто жъ, коль мраморы драгіе синадійски [12]),
Ни благовоннѣйшій персидскій ароматъ [13]),
Ни багряницы блескъ, ни вина кампанійски [14]),
Печали гнета не легчатъ?

Почто желать, столпы воздвигнувъ приворотны,
Чтобъ новый вкусъ мой домъ, на зависть всѣмъ, одѣлъ,
И на сокровища промѣнивать заботны
Сабинскій малый мой удѣлъ [15])?

---

[11]) Такъ назывались галеры, три яруса веселъ имѣющія.

[12]) Ломка мрамора сего производилась въ Фригіи, близъ города Синады; почему называли его синадійскимъ камнемъ. Онъ былъ цвѣта бѣлаго съ красными разводами.

[13]) Сей ароматъ собирали большею частію на островѣ Патанѣ, при устьѣ рѣки Инда, близъ Персіи; для сего-то Горацій называетъ ароматъ сей ахеменейскимъ, по имени Ахеменея, персидскаго царя, котораго потомки даже до Дарія, сына Гистаспова, назывались Ахаменидами.

[14]) Фалернскія. — Гора Фалернъ находится въ Италіи, близъ Кампанійскаго города Синопа. — Оттуда получали самое лучшее вино.

[15]) Сабинцы были древнѣйшій народъ въ Италіи. — Страна ихъ была въ сосѣдствѣ Рима между Наромъ и Аніо, примыкала къ Апеннинскимъ горамъ и къ Омбріи, съ полдня граничила съ Латіею, къ востоку съ предѣлами Эковъ, а къ западу съ Этруріею. — Горацій имѣлъ тамъ небольшую дачу, на берегахъ Тибура.

LV.

ОБУХОВКА.

Non ebur, neque aureum
Mea renidet in domo lacunar.

ГОРАЦІЙ, КН. II. ОДА XVIII.

—

Въ миру съ сосѣдами, съ родными,
Въ согласьи съ совѣстью моей,
Въ любви съ любезною семьей
Я здѣсь отрадами одними
Теченье мѣрю тихихъ дней.

Пріютный домъ мой подъ соломой,
По мнѣ, — ни низокъ, ни высокъ;
Для дружбы есть въ немъ уголокъ;
А къ двери, знатнымъ не знакомой,
Забыла лѣнь прибить замокъ.

Горой отъ сѣвера закрытый,
На злачномъ холмѣ онъ стоитъ,
И въ рощи, въ дальній лугъ глядитъ;
А Псёлъ, предъ нимъ змѣей извитый,
Стремясь на мельницы, шумитъ.

Вблизи, любимый сынъ природы,
Обширный многосѣнный лѣсъ
Различныхъ купами древесъ,
Пріятной не тѣсня свободы,
Со всѣхъ сторонъ его обнесъ.

Предъ нимъ, въ прогалинѣ укромной,
Искусство, чтобъ польстить очамъ,
Пологость давъ крутымъ буграмъ,
Воздвигнуло на горкѣ скромной
Умѣренности скромный храмъ.

Умѣренность, о другъ небесный!
Будь вѣчно спутницей моей:
Ты къ счастію ведешь людей;
Но твой алтарь, не всѣмъ извѣстный,
Сокрытъ отъ черни богачей.

Ты съ юныхъ дней меня учила
Честей и злата не искать;
Безъ крыльевъ — кверху не летать,
И въ свѣтломъ червячкѣ — свѣтила
На диво міру не казать.

Съ тобой, милѣйшимъ мнѣ на свѣтѣ,
Моимъ удѣломъ дорожу;
Съ тобой, куда ни погляжу,
Вездѣ и въ каждомъ здѣсь предметѣ
Я нову прелесть нахожу.

Сойду ль съ горы, — древесъ густою
Покрытый тѣнью теремокъ,
Сквозь наклоненный въ сводъ лѣсокъ,
Усталаго зоветъ къ покою
И смотрится въ кристальный токъ.

Тутъ вѣчно царствуетъ прохлада
И освѣжаетъ чувства, умъ;
А тихій, безумолкный шумъ

Стремительнаго водопада
Наводитъ сонъ средь сладкихъ думъ.

Тамъ двадцать вдругъ колесъ вертятся;
За кругомъ поспѣшаетъ кругъ;
Алмазы отъ блестящихъ дугъ,
Опалы, яхонты дождятся;
Подъ ними клубомъ бьетъ жемчугъ.

Такъ призракъ счастья движетъ страсти;
Кружится ими цѣлый свѣтъ.
Догадливъ, кто отъ нихъ уйдетъ:
Онѣ все давятъ, рвутъ на части,
Что имъ подъ жорновъ попадетъ.

Пойдемъ, пока не вечерѣетъ,
На ближній островъ отдохнуть;
Къ нему ведетъ покрытый путь,
Куда и солнца лучъ не смѣетъ
Сквозь темны листья проскользнуть.

Тамъ сяду я подъ берестъ мшистый,
Опершись на дебелой пень.
Увы! не долго, въ жаркій день,
Здѣсь будетъ верхъ его вѣтвистый
Мнѣ стлать гостепріимну тѣнь.

Ужъ онъ склонилъ чело на воду,
Подмывши брега крутизну;
Ужъ смотритъ въ мрачну глубину,
И скоро, въ бурну непогоду,
Вверхъ корнемъ ринется ко дну.

Такъ въ мірѣ времени струями
Все рушится, средь вѣчной при;
Такъ пали древни алтари;
Такъ, съ ихъ престольными столпами,
И царства пали и цари.

Но скорбну чтобъ разсѣять думу,
Отлогою стезей пойдемъ
На окруженный лѣсомъ холмъ,
Гдѣ отражаетъ тѣнь угрюму
Съ зенита яркимъ Фебъ лучомъ.

Я вижу скромную равнину
Съ оградой пурпурныхъ кустовъ:
Тамъ Флора, нѣжна мать цвѣтовъ,
Разсыпала свою корзину,
Душистыхъ полную цвѣтовъ.

Тамъ далѣ, въ области Помоны,
Плоды деревья тяготятъ;
За ними Вакховъ вертоградъ,
Гдѣ, сока нектарнаго полны,
Янтарны гроздія блестятъ.

Но можно ль всѣ красы картины,
Всю прелесть ихъ изобразить?
Тамъ дальность съ небокругомъ слить,
Стадами тутъ уставъ долины,
Златою жатвой опушить?

Нѣтъ, нѣтъ; оставимъ трудъ напрасный,
Ужъ солнце скрылось за горой;
Ужъ надъ эѳирной синевой,

Межъ тучъ сверкаютъ звѣзды ясны
И зыблются въ рѣкѣ волной.

Пора къ семейству возвратиться,
Подъ мой бесѣдочный наметъ,
Гдѣ, зря оно померкшій свѣтъ,
Ужъ скукой начало томиться
И моего возврата ждетъ.

Всхожу на холмъ; — луна златая
На легкомъ облакѣ всплыла,
И, верхъ текущаго стекла,
По голубымъ зыбямъ мелькая,
Блестящій столпъ свой провела.

О! какъ сіе мнѣ мѣсто мило,
Когда, во всей красѣ своей,
Приходитъ спутница ночей
Сливать съ мечтой души унылой
Воспоминанье свѣтлыхъ дней!

Вдали зрю смѣсь полянокъ чистыхъ
И рощъ, покрывшихъ горъ хребты,
Предъ мною нѣжныхъ розъ кусты,
А подъ навѣсомъ древъ вѣтвистыхъ,
Какъ мраморъ, бѣлые кресты.

Благоговѣнье! — молчалива,
Витійственна предметовъ рѣчь
Гласитъ: — «ты зришь своихъ предтечъ;
«Священна се Господня нива:
«Ты долженъ самъ на ней возлечь. —

«Такъ; здѣсь и прахъ отца почтенный
«И прахъ семи моихъ дѣтей
«Сырою я покрылъ землей;
«Близъ нихъ дерновый кругъ зеленый —
«Знакъ вѣчной храмины моей.

«Миръ вамъ, друзья! — вашъ другъ унылый
«Свиданья съ вами скоро ждетъ;
«Ужъ скоро!... Кто сюда придетъ,
«Надъ свѣжей, скромною могилой,
«Въ чертахъ сихъ жизнь мою прочтетъ:

«Капнистъ сей глыбою покрылся;
«Другъ Музъ, другъ родины онъ былъ;
«Отраду въ томъ лишь находилъ,
«Что ей, какъ могъ, служа, трудился,
«И только здѣсь онъ опочилъ.» —

LVI.

КЪ МЕЦЕНАТУ.

ПЕРЕВОДЪ ОДЫ ГОРАЦІЕВОЙ.

КН. III. ОДА XVI.

Inclusam Donaen....

Когда боясь невинной дщери,
Ахризъ Данаю заточилъ
Въ темницу, гдѣ железны двери
Затворомъ мѣднымъ укрѣпилъ.

Когда стрегущихъ денно-ночно
Къ вратамъ приставилъ чуткихъ псовъ;

Казалось, что ее онъ прочно
Отъ влюбчивыхъ берегъ воровъ:
Но Дій съ Венерою украдкой
Смѣялся, тщетность зря тревогъ;
И что вездѣ путь сыщетъ гладкой
Преобращенный въ злато Богъ.

Межъ воевъ злато протекаетъ;
Межъ стражей окружившихъ домъ;
Сквозь тверды камни проникаетъ,
Быстрѣе чѣмъ крылатый громъ.

Весь славный родъ Амфіарея
Алчбой корысти истребленъ.
Филиппъ, ключемъ златымъ владѣя,
Отверзъ врата твердѣйшихъ стѣнъ.

Дары подъ власть его попрали
Царей стязующихся съ нимъ;
Дары сердца людей смягчали,
Разбоямъ вдавшихся морскимъ.

Съ богатствами растетъ къ нимъ жадность;
Заботы вновь онѣ родятъ.
Копить ихъ, возвышаться въ знатность,
Страшился я, о Меценатъ!

Чѣмъ больше мы себѣ откажемъ,
Тѣмъ больше боги намъ дадутъ;
Но быть своихъ сокровищъ стражемъ,
Безумнымъ лишь приличенъ трудъ.

И такъ богатыхъ оставляю,
И нагъ, изъ табора сего
Ко стану тѣхъ перебѣгаю,
Что не желаютъ ничего.

Имѣньемъ малымъ я владѣя,
Скупца богаче, что возмогъ
Собрать всѣ жатвы Апулея:
При всемъ избыткѣ онъ убогъ.

Лѣсокъ тѣнистый, токъ прелестный,
И нива, наградивша трудъ,
Царю Ливіи неизвѣстный
Мнѣ жребій счастія даютъ.

Хотя съ полей Калабрскихъ пчелы
Сотовъ мнѣ не приносятъ въ даръ;
Въ Сицильскихъ вазахъ застарѣлый
Не крѣпнетъ Бахусовъ Нектаръ;

Хотя на Галлскихъ паствахъ тучны
Стада мнѣ волны не растятъ;
Однако съ нищетой докучны
Меня и нужды не тягчатъ.

Когда бъ не стало мнѣ стяжанья,
Ты бъ щедрою помогъ рукой:
Но сократя мои желанья,
Доходъ я увеличилъ мой;

И малымъ болѣ богатѣю,
Чѣмъ, если бъ мѣръ алчбѣ не знавъ,
Съ Мигдоніей стяжалъ я всею
Пространство Крезовыхъ державъ.

Кто много требуетъ строптиво,
Тотъ въ многомъ недостатокъ зритъ.
Блаженъ, рукою бережливой
Кому довольство Богъ даритъ!

ПОСЛАНІЯ.

I.

БАТЮШКОВУ.

Скажи мнѣ, Батюшковъ любезный!
Дай дружбѣ искренній отвѣтъ:
Зачѣмъ нельстивый и полезный
Ты пренебрегъ ея совѣтъ?

Зачѣмъ великолѣпно Тасса
Рѣшился вновь похоронить,
Когда, средь Русскаго Парнасса,
Его ты могъ бы воскресить?

На то ль онъ краски безподобны
И кисть свою тебѣ вручилъ,
Чтобъ въ память ты его надробный
Лишь кипарисъ изобразилъ?

Нѣтъ, нѣтъ; — признательнѣйшей дани
Онъ ждалъ за даръ свой: — онъ хотѣлъ,
Чтобъ прелести, любовь и брани,
На лирѣ ты его воспѣлъ.

Ты пѣлъ ужъ ихъ; и восхищенный,
Съ вершинъ Парнасса Тассъ внималъ,
Когда, самимъ имъ вдохновенный,
Его ты пѣсни повторялъ;

Когда на славномъ нѣвскомъ брегѣ
Гремѣлъ его струнами ты,
И въ хладномъ сѣверѣ на снѣгѣ
Растилъ сорентскіе цвѣты.

Но ты замолкъ; и тщетно гласа
Знакомаго безсмертный ждетъ;
И тщетно ждемъ мы: лира Тасса
И звука ужъ не издаетъ.

Почто жъ замолкъ ты? — Дружбы пени
Прими безъ ропота, мой другъ! —
Почто, предавшись томной лѣни,
Парившій усыпилъ ты духъ?

Проснись; ударь по сладкогласнымъ
Струнамъ; — и славныхъ дѣлъ пѣвецъ
Съ Торкватовымъ вѣнцемъ прекраснымъ
Прекрасный свой сплетешь вѣнецъ.

II.

ОЗЕРОВУ ВЛАДИСЛАВУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ.

—

Эпида видѣлъ я; — и чувство состраданья
Поднесь въ растроганной душѣ моей хранитъ
Гонимаго слѣпца прискорбный, томный видъ.
Еще мнѣ слышатся несчастнаго стенанья,
И жалобы его, и грозный клятвы гласъ,
Что ужасомъ мой духъ встревоженный потрясъ,
Еще въ ушахъ моихъ печальной Антигоны
Унылый длится вопль и раздаются стоны.
Трикраты солнца лучъ скрывала мрачна ночь,
А я все зрю еще, какъ нѣжну, скорбну дочь
Дрожащею рукой отецъ благословляетъ,
И небо, кажется, надъ нею преклоняетъ.
Благодарю тебя, чувствительный пѣвецъ!
Въ душѣ твоей сыскавъ волшебный ключъ сердецъ
И жалость возбудя къ четѣ, гонимой рокомъ,
Ты далъ почувствовать отраднымъ слезъ потокомъ,
Который изъ очей всѣхъ зрителей извлекъ,
Что къ сердцу близокъ намъ несчастный человѣкъ.
О! какъ искусно ты умѣлъ страстей движенье
Въ изгибахъ душъ открыть и взору показать:

Тамъ горестна отца въ невольномъ преступленьи,
Тутъ сына злобнаго раскаяньемъ терзать;
Велику душу здѣсь, тамъ мщенья духъ кичливый;
Отъ гнѣва къ жалости стремительны порывы
Нѣжнѣйшей дочери уныніе явить
И въ души наши всѣ ихъ чувства перелить.
Теки жъ, любимецъ музъ! — во храмѣ Мельпомены,
Къ которому взошелъ по скользкой ты горѣ,
Неувядаемый, рукой ея сплетенный,
Лавровый ждетъ тебя вѣнокъ на алтарѣ. —
Теки, и презря ядъ зоиловъ злоязычныхъ,
Въ опасномъ поприщѣ ты бѣгъ свой простирай;
Внемли плесканью рукъ, и ввѣкъ не забывай,
Что зависть спутница однихъ даровъ отличныхъ;
Что яркимъ озаренъ сіяніемъ предметъ
Мрачнѣйшу за собой на землю тѣнь кладетъ.

III.

КЪ ПРЕКРАСНОЙ.

Возможно ли? средь шумна круга,
Гдѣ Музы, Граціи, Эротъ,
Гдѣ рой потѣшныхъ лишь заботъ
И вся веселости прислуга,
Вокругъ красавицъ, въ хороводъ

Тѣсняся торопко, другъ друга
Толкаютъ, упреждаютъ, жмутъ,
И объ отлучныхъ (и досуга)
Минутно вспомнить не даютъ;
Возможно ль, повторю я, статься,
Чтобъ въ край пустой издалека
Успѣли мыслью вы промчаться
Для стихотворца-старика?
Нѣтъ, этому нельзя повѣрить.
Чтобъ хоть мечтой меня польстить,
Рѣшилась дружба лицемѣрить
И скорбну истину прикрыть
Обмана милою личиной....
Загнаннымъ строгою судьбиной
Въ страну далеку отъ драгихъ,
Чтобъ въ памяти воскреснуть ихъ
Одна надежда остается:
Что сердцу сердце отзовется!...
Но кстати ль мнѣ о томъ мечтать,
И сей взаимностью отрадной,
Сколь сердце оною ни жадно,
Старикъ — могу ль себя ласкать?
Что жъ дѣлать, чтобы въ пень не стать?
Къ старинному со мной союзу
Рѣшился бъ пригласить опять
Сговорчивую прежде Музу;
Но Муза не придетъ на зовъ
Ужъ посѣдѣлаго піита, —
Піитъ хоть тотъ же волокита —
И пламенный изъ стариковъ,
Со всѣмъ тѣмъ, средства нѣтъ другова;

И такъ, собравшись въ трудный путь
По топтанной тропинкѣ, снова
Отважусь стариной тряхнуть,
У Музы попрошу покрова,
Чтобъ въ вашей памяти — мелькнуть.

1816 г., Января 23 дня,
Обуховка.

САТИРА

ПЕРВАЯ и ПОСЛѢДНЯЯ *).

*) Она напечатана была въ Вѣстникѣ въ Іюнѣ мѣсяцѣ, подъ заглавіемъ *Сатира первая.* — Но какъ сочинитель примѣтилъ, что злословіе относило къ лицамъ изображаемые въ ней пороки вообще, то пересталъ писать сатиры и напечаталъ сію въ Собесѣдникѣ Любителей Россійскаго Слова подъ нынѣшнимъ ея заглавіемъ. Смотри Соб. Люб. Рос. Слова, Часть V.

Кто сколько ни сердись, а я начну браниться;
Съ бездѣльствомъ, съ глупостью людской мнѣ не ужиться:
Вездѣ предерзостный безпутство кажетъ видъ;
Безчестіе въ чести, изъ моды вышелъ стыдъ.
Почти съ кѣмъ ни сойдусь, съ кѣмъ рѣчь ни начинаю —
Или невѣжество, или порокъ встрѣчаю.
Куда ни кинь, такъ клинъ: тотъ честенъ, такъ глупецъ;
Другой уменъ, такъ плутъ, ханжа, обманщикъ, льстецъ;
И словомъ, въ свѣтѣ семъ такъ рѣдки Аристиды,
Какъ гладкіе стихи въ творцѣ Телемахиды.
Въ приказѣ нѣкогда расправы я искалъ,
Въ которомъ *Безтолковъ* судьею засѣдалъ.
Безспорно, *Безтолковъ* былъ честенъ, благороденъ,
Ни правыхъ обвинить, ни взятки брать не сроденъ,
Былъ добрый человѣкъ и мнѣ служить хотѣлъ,
Но сдѣлать мнѣ добра, къ несчастью, не умѣлъ.
Жена его умна и мнѣ бъ помочь умѣла,
Но я былъ не по ней, могла, да не хотѣла.

Что жъ дѣлать? искони таковъ уже сей свѣтъ:
Не глупость, такъ порокъ въ немъ первенство беретъ.
Надутовъ въ знать вошелъ, — такъ всѣхъ пренебрегаетъ.
Завистовъ чином малъ, — такъ знатныхъ презираетъ
И хочетъ предпріявъ ни чьихъ заслугъ не чтить,
Иль всѣмъ равнять себя, иль всѣхъ съ собой сравнить.
Казну обворовавъ, обворовавъ сосѣдовъ,
И воромъ на судѣ изобличенный *Вредовъ*,
По милости людей, которыхъ обокралъ,
Избавился столба и ссылки миновалъ;
Теперь боярамъ братъ, деревни покупаетъ
И тѣхъ каретою своею въ грязь толкаетъ,
Которыхъ по-міру таскаться онъ пустилъ.
А я, чтобъ я такихъ уродовъ не журилъ?
Чтобъ, видя глупости однихъ, другихъ пороки,
Я сталъ молчать? нѣтъ, нѣтъ; скорѣй отсроча сроки,
Не станетъ ростовщикъ на росты росты драть,
Скорѣй подъячіе не станутъ взятки брать,
Скорѣй по-людски жить и мыслить *Чудновъ* станетъ,
Чѣмъ правдой мой языкъ ихъ уличать устанетъ.

Послушай каждаго: увѣритъ и *Ролетъ*,
Что совѣсти своей въ наемъ не отдаетъ,
И правосудіемъ онъ торговать не смѣетъ
Вредить, обманывать, лукавить не умѣетъ;

Хоть доброй славой нищь, да честностью богатъ,
И словомъ, вѣрь ему, онъ нашихъ дней Сократъ.
Но сколько тягостно быть честнымъ, каждой
знаетъ:
Долгъ добродѣтели насъ часто принуждаетъ,
Корысть свою забывъ, пожертвовать другимъ
Покоемъ, временемъ, имѣніемъ своимъ,
Что часто намъ самимъ напасть или вредъ наводитъ;
Такъ вѣрныхъ въ томъ иной расчетовъ не находитъ;
Но чтобъ другимъ своихъ пороковъ не казать,
За добродѣтель ихъ умѣетъ выдавать.
И всѣ на свѣтѣ семъ, какъ въ вольномъ Маскерадѣ,
Не въ обычайномъ имъ, не въ свойственномъ
нарядѣ,
Закрывшись масками, подложный кажутъ видъ,
Пока еще не весь въ нихъ истребился стыдъ.

«Ахъ! здравствуй душенька! ну! какъ ты
поживаешь?
«Я такъ тебя люблю; а ты насъ покидаешь!
«Да что-то грустенъ ты? скажи любезной другъ,
«Скажи мнѣ, что могу я для твоихъ услугъ?
«Я всѣмъ готовъ . . . . Постой, твой кошелекъ въ
кончинѣ,
«Я ѣду выиграть, такъ если въ половинѣ
«Ты хочешь быть со мной, то я тебѣ божусь,
«Что сотнею, другой, съ тобою подѣлюсь.»
Вотъ такъ *Щечиловъ* мнѣ усердно предлагаетъ,
Обворовать меня онъ дружески желаетъ,

Затѣмъ меня игрой продать другимъ плутамъ,
Чтобъ съ ними раздѣлить мой вексель пополамъ.

Учености надѣвъ личину дерзновенно,
Самхваловъ хочетъ всѣхъ насильно, неотмѣнно
Увѣрить о своемъ и знаньи и цѣнѣ;
Онъ качества свои хваля наединѣ,
Упорно въ томъ себя нерѣдко увѣряетъ,
Что онъ и то, о чемъ въ свой вѣкъ не слышалъ, знаетъ;
Но пухлымъ слогомъ вздоръ стараясь заглушить,
Принудилъ дураковъ себя премудрымъ чтить.

Піитомъ *Чудновъ* быть взявъ на себя обузу,
Неволею свою летать заставя Музу,
Свой мелкомысленный славенско-русской бредъ
За образецъ ума и вкуса выдаетъ;
Но онъ бы съ *Мевіемъ* современемъ сравнялся,
За пышной мыслію когда бы не гонялся
И не старался бы, желая вверхъ парить,
Въ стихахъ своихъ луну зубами ухватить.

Ну что жъ? пускай его никто не понимаетъ;
Читатель ничего, иль мало въ томъ теряетъ;
Его несносный бредъ, прельщающій глупца,
Не столько пагубенъ, какъ сладка рѣчь льстеца.

Злохватъ бѣжитъ ко мнѣ, прижавъ къ груди, цѣлуетъ
И благодѣтелемъ и другомъ именуетъ;
Клянется, что онъ всѣмъ пожертвовать мнѣ радъ,
И клятвами остритъ коварной злобы ядъ;
Онъ рвется, мучится, отчаяньемъ мятется,
По ка конца моей напасти не дождется.

Драчъ совѣсть выдаетъ свою за образецъ;
А *Драчъ* такъ истцовъ дралъ, какъ алчный волкъ овецъ;
Онъ былъ моимъ судьей и другомъ быть мнѣ клялся,
Я взятки дать ему, не знавъ его, боялся;
Соперникъ мой, его и зналъ и самъ былъ плутъ,
Разграбя весь мой домъ, позвалъ меня на судъ.
Напрасно бралъ себѣ законъ я въ оборону:
Драчъ правдой покривить умѣлъ и по закону;
Тогда пословица со мной сбылася та,
Что хуже воровства честная простота;
Меня жъ разграбили, меня жъ и обвинили
И вору заплатить безчестье осудили.
Я не окончилъ бы, когда бъ хотѣлъ я счесть
Пути, которыми людей проводитъ лесть.
Сей труситъ предо мной, а за глаза поноситъ;
Тотъ друга моего затѣмъ лишь имя носитъ,
Чтобъ какъ при случаѣ меня обворовать;
Другой затѣмъ, что я могу ему достать
Тотъ чинъ, котораго добиться онъ желаетъ;
Иной министръ меня лишь для того ласкаетъ,
Что въ немъ дѣла мои и разумъ почтены;
Другой не для того, но для моей жены.
Тотъ отъ меня занять, тотъ поживиться хочетъ,
И всякъ на счетъ чужой лишь про себя хлопочетъ.
Теперь не такъ ужъ глупъ, какъ въ старину былъ свѣтъ;
Предубѣжденія и нравы древнихъ лѣтъ
Изъ моды вывелись, равно какъ ихъ наряды;
Другъ другу услужить, помочь другъ другу рады.

Бывало праотцы теперешнихъ отцовъ,
(Съ свѣчою поискать теперь такихъ глупцовъ.)
Во всѣ сердца уже проникло просвѣщенье;
Въ томъ славу полагать, въ чемъ было поношенье,
Безчестье и порокъ согнать съ лица земли,
Быть правыми во всемъ, два средства мы нашли:
Одно — людской молвы себя превыше ставить;
Другое — всяко зло въ хороши толки плавить.

Тотъ всѣми по дѣламъ бездѣльникомъ почтенъ,
Напрасно, говоритъ, я свѣтомъ осужденъ;
Молву людскую я и толки презираю;
Довольно, что я самъ себя честнымъ считаю.

Отъ общепринятыхъ тотъ правилъ отступивъ
И философіи свой разумъ посвятивъ,
Отечествомъ своимъ вселенну всю считаетъ,
А порознь каждаго щетитъ и обираетъ.

Хотя уже теперь рачительной рукой
Возстановя въ Своемъ владѣніи покой,
Екатерина путь къ нестройствамъ заградила,
Злодѣямъ судъ творя, злу жало притупила,
Даетъ намъ способы другъ другу помогать
И цѣну каждаго достоинствъ отличать:
Со всѣмъ тѣмъ, сколь Она о благѣ ни печется,
Злодѣйство рушится, а глупость остается.
Монархиня легко могла попрать Луну,
Монарховъ примирить, искоренить войну,
И легче бъ силою вселенну покорила,
Чѣмъ изъ числа людей глупцовъ искоренила.

Она науками Россіи жизнь даетъ
И, воспитаніемъ распространяя свѣтъ,
Подъ сѣнію Своей художества покоитъ;
Искусству, разуму, покровы, храмы строитъ,
И мракъ невѣжества, и хищность — корень зла,
Изъ всѣхъ подвластныхъ Ей предѣловъ прогнала;
Счастливитъ насъ, хранитъ, покоитъ, просвѣщаетъ;
Но глупости ничто никакъ не истребляетъ:
Науки возрасли, художества цвѣтутъ,
Родятся авторы, а глупость тутъ-какъ-тутъ.
Какъ въ нивѣ, многими удобренный трудами,
Проникнувъ, плевелы промежду колосами,
Неспѣлой повредя, глушатъ созрѣлый плодъ:
Такъ вольной въ свѣтъ себѣ глупцы позволя входъ,
Не бывъ посѣяны, растутъ и созрѣваютъ,
Даютъ худой примѣръ и знанья затмѣваютъ.
Иные, чтобъ себя предъ свѣтомъ отличить,
Усердіемъ своимъ стремятся помрачить
Дѣла Монархини, воспѣвъ ихъ недостойно
Нелѣпымъ голосомъ и низко и нестройно.
Я самъ моложе бывъ, ихъ смѣлостью польщенъ,
И дерзкимъ сдѣлаться примѣромъ поощренъ,
Желая помѣстить себя въ ихъ вздорномъ ликѣ,
Стихами слабыми и на чужомъ языкѣ
Екатерinины пѣлъ славныя дѣла; *)

---

*) Подъ сими словами сочинитель разумѣетъ преглупую свою французскую оду, на случай мира между Россіею и Оттоманскою Портою сочиненную. Она была сперва осо-

Тогда какъ ихъ уже давно перевела
Не на одинъ, на всѣ земныхъ племенъ языки
Молва, гласящая царей дѣла велики.
И такъ, безъ воли Музъ я славить то желалъ,
О чемъ весь свѣтъ гремѣть насилу успѣвалъ.
    О! если бы тогда какой наставникъ строгій,
Внушилъ мнѣ, сколько духъ и разумъ мой убогій
Къ прославленію великихъ дѣлъ Ея;
Что всуе гласъ крѣпить усердьемъ тщился я;
Что мнѣ Ея дѣла и Имя въ свѣтѣ славить
Такъ кстати, какъ бы горсть воды въ Неву
                                        прибавить:
О, сколько бъ я его теперь благодарилъ!
Онъ изъ числа глупцовъ меня бы искупилъ.
    Но если бъ вздумало правленіе уставомъ
Глупцовъ принудить быть всегда въ разсудкѣ
                                        здравомъ,
То, вѣрно бъ, я и весь ослиной ихъ соборъ
Совсѣмъ сошли съ ума, ему на перекоръ.
    Законъ преграда злымъ, спокойство утвер-
                                        ждаетъ,
Отъ сильнаго руки, безсильныхъ защищаетъ;
Злодѣйство можетъ онъ карать, искоренить,
Но глупостей людскихъ не въ силахъ истребить.

бенно напечатана 1775 года, потомъ въ 1780 г. въ Августѣ мѣсяцѣ Санктпетербургскаго Вѣстника,—а писана сочинителемъ на 17 году его возраста, чего однако жъ онъ ни себѣ, ни глупому своему произведенію въ извиненіе не ставитъ Сія послѣдняя оговорка простирается и на прочія сочинителевы французскія оды.

Такъ что жъ? не должно ли изыскивать
стараться,
Чѣмъ съ глупостью глупцовъ принудить бы раз-
статься,
Піитовъ научить безъ смысла не гремѣть,
И вѣру теплую къ разсудку возымѣть?

Но можно ли какимъ спасительнымъ за-
кономъ
Принудить *Мевія* мириться съ Аполлономъ,
Не ставить на подрядъ за деньги гнусныхъ одъ,
И рыломъ не мутить кастальскихъ чистыхъ водъ.

Толпа несмысленныхъ и мерзкихъ риѳмо-
творцовъ,
Слагателей вранья и сущихъ умоборцовъ, *)
Со всѣмъ семействомъ ихъ, не убоясь судовъ,
Напутавъ кое-какъ и прозы и стиховъ,
Въ свѣтъ могутъ ихъ пустить безъ пошлинъ,
безъ окладу,
Уму, читателямъ и Музамъ на досаду.

Злодѣямъ казнь грозитъ и строгости суда;
Презрѣніе и стыдъ бездѣльникамъ — узда;
А дѣлать глупости всякъ можетъ безъ препоны.

Когда жъ духовные и свѣтскіе законы,
Не могутъ правами власть глупости унять,
Такъ что жъ осталося? — ей зеркало казать,
Въ которое взглянувъ, себя бы устыдилась.
Сатира, кажется, на то лишь и родилась,

---

*) Въ Первой Сатирѣ на мѣсто сихъ стиховъ напеча-
таны были слѣдующіе.

Чтобъ въ лицахъ съ глупостью порокъ изображать
И корень ихъ и власть во нравахъ истреблять,
Колючей шуткой умъ и сердце исправляя.
И такъ, когда глупцы, стихи сіи читая,
Похожими себя въ иныхъ мѣстахъ найдутъ,
Да не винятъ меня за безпристрастный судъ:
Я правдою внушенъ, пишу ея уставы.
Глупцы, бездѣльники, свои испортя нравы,
Не должны на меня за то одно возстать,
Что я пороки ихъ старался исправлять;
Я имъ добра желалъ; а если и возстанутъ
И, разсердясь, меня ругать за правду станутъ,
То, презря съ твердостью неправедный ихъ гнѣвъ
И снисхожденіемъ ихъ буйство одолѣвъ,
За наглую ихъ брань не стану я сердиться;
Я не съ людьми хочу, съ пороками браниться.

ПИСЬМО КЪ ГОСПОДИНУ К....., СОЧИНИТЕЛЮ САТИРЫ ПЕРВОЙ.

Государь мой!

Различные толки объ вашей сатирѣ и ропотъ, который она произвела во многихъ домахъ, принудили меня прочесть ее. Я увидѣлъ, что она по справедливости вооружила противъ себя всеобщую хулу; ибо поносить людей, отмѣнившихся, какъ достоинствами, знаніями, такъ и заслугами своими, вамъ и всякому предосудительно. *Весевкинъ*, *Никошевъ* и прочіе, *) сочиненіями своими прославившіеся въ публикѣ, заслуживаютъ преимущество предъ тѣми, которые, злословя почтенія достойныхъ людей, ни чѣмъ себя въ свѣтѣ отличить не умѣли. Вы сами признаетесь, что никто изъ вашихъ согражданъ не можетъ самовольно дѣлаться судьею, а кольми паче ругателемъ вашимъ. Признайтеся же и въ томъ, Государь мой, что вы непростительно погрѣшили противъ правилъ благоразумія, помѣстя въ число

*) *Весевкинъ*, *Никошевъ* и прочіе смотри послѣднее примѣчаніе мое на Сатиру.

глупцовъ равныхъ вамъ, или достойнѣе васъ сочленовъ общества, и противъ правилъ честности, когда, обезобразивъ ихъ имена, вы отдали на поруганіе всего свѣта, или, справедливѣе сказать, всего свѣта невѣждъ; ибо умные люди всегда будутъ умѣть сдѣлать различіе между дерзкимъ ругателемъ и ругаемыми достоинствами.

О слогѣ вашей сатиры, не упоминая о многихъ слабыхъ и низкихъ мѣстахъ, скажу я только то, что и въ самомъ началѣ оныя, гдѣ, кажется, вы старались, собравъ всѣ силы вашего разума, ополчиться на пороки, нѣтъ ни одного стиха, которой бы не былъ повтореніемъ того, что другіе писатели прежде васъ написали. Напримѣръ вы говорите:

Кто сколько ни сердись а я начну браниться.
См. Сатира 1, ст. 1.

То же, что и господинъ *Боало*:

«Dut ma muse par la choquer tout l' univers
«Riche, gueux, triste ou gai je veux faire de vers.
Sat. VII, vers. 67.

Вы прибавляете:

Съ бездѣльствомъ, съ глупостью людской мнѣ не ужиться.
Сатира 1, ст. 2.

Въ этомъ мѣстѣ, кажется, не *Боало* вамъ подражалъ, сказавъ:

«Mais moi vivre a Paris eh! qu'y voudrois je faire?
Sat. 1, vers. 41.

Вашъ стихъ:

Вездѣ продерзостный безпутство кажетъ видъ.

Сатира 1, ст. 3.

Не такъ богатъ, какъ *Баоловъ*:

«Où le vice orgueilleux s'erige en souverain
«Et va la mitre en tete et la crosse a la main

Sat. 1, vers 131 et 132.

За то слѣдующій:

Безчестіе въ чести, изъ моды вышелъ стыдъ.

Богатѣе, нежели его этотъ:

«Le merite et l'esprit ne sont plus à la mode.»

Вы сказали:

Гдѣ съ кѣмъ я ни сойдусь, съ кѣмъ рѣчь ни начинаю,
Или невѣжество, или порокъ встрѣчаю.

Сатира 1, ст. 5, 6.

Повидимому, наслышались отъ *Ваньки*, который говоритъ:

Куда ни обернусь, вездѣ я вижу глупость.
И всякой, чтобъ набить потуже свой карманъ,
За благо разсудилъ приняться за обманъ.

Смотри посланіе къ слугамъ моимъ Шумилову, Ванькѣ и Петрушкѣ, ст. 50, 58, 60.

Ибо г. *Боало* нѣсколько иначе изъясняется въ этомъ случаѣ:

«Je n'apperçois par tout que folle ambition
«Foiblesse, iniquité, ioubre, corruption.

Sat. XI, vers 15, 16.

Что касается до вашего:

Куда ни кинь, такъ клинъ.

Сатира 1, ст. 7,

то я не знаю сочинителя, который бы это написалъ; но, за неимѣніемъ онаго, вы могли отъ вашего портного заимствовать сію пословицу.

Наконецъ, утверждая, что

Тотъ честенъ, такъ глупецъ.

А тотъ уменъ, такъ плутъ, ханжа, обманщикъ, льстецъ.

Сатира 1, ст. 7 и 8,

вы утверждаете мнѣніе г. Сумарокова, когда онъ говоритъ:

То глупо, то безчестно.

Или:

Тотъ тѣмъ, а тотъ другимъ худенекъ, или худъ.

См. Г. Сумар. Сат. VIII, ст. 31, 33.

Словомъ, я сожалѣю только, для чего ко всѣмъ симъ стихамъ вы не присовокупили образомъ подражанія жъ и сію истину:

«Ridentur mala qui componunt carmina.»

Ибо ежели Горацій подъ словомъ carmina разумѣетъ и Сатиру, то вы не сыщете стиха, который бы больше пристоенъ былъ къ вашему сочиненію.

Теперь, открывъ вамъ мои мысли объ васъ и о вашей Сатирѣ, я предоставляю вамъ мыслить, съ какимъ я къ вамъ почтеніемъ пребываю.

Государь мой

Вашъ покорный слуга Д. —

Сіе письмо сочинителемъ напечатано было въ С. Петербургскомъ Вѣстникѣ, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, 1780 года.

Въ первой части Собесѣдника Любителей Россiйскаго Слова на стран. 37, напечатано ко мнѣ письмо, въ заглавiи котораго поставленъ сей стихъ:

«Reveille toi mortel deviens utile au monde,
«Sors de l'indifference ou languissent tes jours.
«Thomas devoirs de la societé.»

На сей Диктонъ г. Любословъ во второй части онаго жъ Собесѣдника написалъ: Reveille toi mortel etc. *для г. Капниста толь важныхъ выраженiй очень много; они приличны Патрiоту, Герою и Министру. Желательно, чтобъ всѣ умы отдавали справедливость достоинствамъ не по предубѣжденiю, но по существу заслуги.*

ПИСЬМО КЪ ГОСПОДИНУ ЛЮБОСЛОВУ.

Милостивый Государь мой!

Я бы не торопился къ вамъ писать, ежели бы вы въ критикѣ вашей, въ разсужденiи стиха Reveille toi mortel и проч., сказали только, что для меня толь важныхъ выраженiй очень много; я бы согласенъ былъ съ вами, зная, что слово mortel, употребляемое въ возвышенномъ слогѣ, можетъ по чину принадлежать знатнымъ людямъ; а съ меня довольно было бы, когда бы обо мнѣ ска-

зали и просто, homme reveille toi, и проч. Но когда вы прибавили, что помянутыя выраженія не мнѣ, а *Патріоту* приличны, и тѣмъ, кажется, исключили меня изъ числа сыновъ отечества; то я, встревоженъ будучи такою для меня новостію, прошу васъ покорно сказать мнѣ, что жъ я, когда я не сынъ отечества? Не уже ли пасынокъ его? Сдѣлайте милость, разрѣшите неключимое недоумѣніе, въ которое вы меня ввергли, и не укосните отвѣтомъ вашимъ объяснить судьбину мою, увѣдомивъ меня, чѣмъ я долженъ оставаться; а между тѣмъ позвольте мнѣ быть хоть

Вашимъ покорнымъ слугою.

P. S. По окончаніи моего письма пришло мнѣ на мысль, что, можетъ быть, подъ словомъ *Патріотъ* вы разумѣли человѣка, любящаго свое отечество; въ такомъ случаѣ можно сказать, что любовь ваша къ Россійскому краснословію, побудившая васъ начертать вашу критику, заставила васъ погрѣшить противъ девятой заповѣди и противъ Христіанской любви къ ближнему; ибо ежели любовь къ отечеству есть пріобрѣтаемое воспитаніемъ свойство души, безъ котораго въ общежитіи прямо честнымъ и благороднымъ человѣкомъ быть не можно, то нельзя, кажется, ни о комъ сказать, что онъ не *Патріотъ*, не дѣлая ему личной и явной обиды. Причиненную вами мнѣ, я вамъ чистосердечно прощаю, и про-

шу васъ вѣрить, что я сіе дѣлаю безъ всякаго великодушнаго себѣ насилія. Есть люди, отъ которыхъ весьма сносно быть обидимымъ.

Я бы не прибавилъ сихъ строкъ, ежели бы не долженъ былъ на ваше обо мнѣ заключеніе сказать моихъ мыслей, опасаясь, чтобъ иные по пословицѣ: кто молчитъ, соглашается (qui tacet, consentire videtur), не почли молчанія моего за согласіе на то, что вы относительно ко мнѣ сказать благоволили.

ЭПИГРАММЫ и НАДПИСИ.

ЭПИГРАММЫ.

I.

НА ПЕРЕВОДЪ МОЙ КОМЕДІИ МОЛІЕРОВОЙ СГАНАРЕВА, ИЛИ МНИМАГО РОГОНОСЦА.

—

Никто не могъ узнать изъ цѣлаго партера,
Кто въ *Сганаревѣ* смѣлъ такъ осрамить *Мольера*;
Но общій и согласный свистъ
Всѣмъ показалъ, что то *Капнистъ*.

═

II.

СКАЗАВШЕМУ ОБО МНѢ, ВЪ СЕМЬѢ НЕ БЕЗЪ УРОДА.

—

Не грубостью твоей меня ты огорчаешь,
Но ласки, *Стиховраль*, несносны мнѣ твои:
За что меня въ твое семейство ты вмѣщаешь!
Ну, пусть я и уродъ, да не твоей семьи.

Недавно вздумалось *Героду*
Въ двѣ строфы сдѣлать оду,
И только лишь о томъ
Героdъ нашъ суетится,
Чтобы своимъ ее наполнить всю умомъ;
Посѣтуйте о немъ:
Бѣдняжка разорится!

Напрасно *Стихобрѣдъ* сказалъ,
Что братомъ ужъ давно осла я почиталъ:
Я право побожуся,
Что въ жизнь осла и не видалъ,
А въ правдѣ сей пошлюся
На *Стихобрѣда* самого:
Пускай онъ скажетъ самъ, гдѣ видѣлъ я его?

═

III.

НА ПРЕДСТАВЛЕНІЕ ТРАГЕДІИ «АНТИГОНА.»

—

Любезну Антигону,
Которой прелестьми насъ Озеровъ плѣнилъ,
Капнистъ, чтобъ угодить Креону,
Въ трагедіи своей — убилъ!

═

IV.

НА ПРЕДСТАВЛЕНІЕ ТОЙ ЖЕ ТРАГЕДІИ, ВЪ КОТОРОЙ СОЧИНИТЕЛЬ СЛИШКОМЪ ЧАСТО УПОМИНАЕТЪ О ПРИВРАТНЫХЪ ПСАХЪ И ВРАНАХЪ.

—

Сколь горька участь Антигоны!
Давно убилъ ее Креонъ;

А къ похоронамъ вновь Капнистъ со всѣхъ сторонъ
Накликалъ милліоны
И псовъ привратныхъ и воронъ.

═

V.

ПРИМѢНЕНІЕ КЪ ТРАГЕДІИ АНТИГОНѢ ИЗВѢСТНОЙ ЭПИГРАММЫ НА ПЕРЕВОДЪ МОЛЬЕРОВОЙ КОМЕДІИ СГАНАРЕВА.

—

Хотя бъ никто не зналъ изъ цѣлаго партера,
Кѣмъ въ Антигонѣ намъ
Представлена въ урокъ лирическимъ пѣвцамъ
Одна холодная, трагическа химера,
То бъ общій и согласный свистъ
Всѣмъ доказалъ, что то Капнистъ.

═

Клитъ все печатаетъ — и все, какъ мыслитъ, кстати;
А не увидитъ ввѣкъ того,
Что лишь невѣжества его
Печать выходитъ изъ печати.

═

Капниста я прочелъ, и сердцемъ сокрушился
Зачѣмъ читать учился.

НАДПИСИ.

Седмь знатныхъ городовъ Европы и Ассіи
Стязались; кто изъ нихъ Омира въ свѣтъ родилъ?
Кастровъ ихъ споръ рѣшилъ:
Въ стихахъ своихъ Россіи
Отца стиховъ усыновилъ.

НА ПЕРЕВОДЪ АНАКРЕОНТА, ПРИПИСАННЫЙ МАРІѢ АЛЕКСѢЕВНЫ ЛЬВОВОЙ.

Зачѣмъ, какъ мотылёкъ,
Съ цвѣточка на цвѣтокъ,
Анакреонтъ безпечно
Весь вѣкъ свой пролеталъ?

Такой, какъ ты, конечно
Онъ розы не сыскалъ.

Отецъ мой здѣсь лежитъ: пришлецъ! остановися
И помолися,
Что бъ Богомъ такъ любимъ онъ былъ,
Какъ ближнихъ онъ любилъ!

Титовой прахъ лежитъ въ могилѣ хладной сей,
Чувствительну красу, пріятность съ добротою
Посѣкла смерть косою,
Прервавши нѣжну нить ея цвѣтущихъ дней.
Любовь! вздохни о ней.

═

НА НОВЫЙ БЮСТЪ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, ПОСТАВЛЕННЫЙ ВЪ ЗАЛѢ БЛАГОРОДНАГО СОБРАНІЯ, ВЪ МОСКВѢ *).

—

Кого изъ Кесарей, дворянство, въ древней
тогѣ
Ты образъ вознесло забавъ твоихъ въ чертогѣ?
«Се Августъ счастіемъ, побѣдами Траянъ,
А сердцемъ Титъ!» — отвѣтъ раздался Россіянъ.

═

Державинъ умеръ, слухъ идетъ,
И всѣ молвѣ сей довѣряютъ,
Но тутъ и тѣни правды нѣтъ:
Безсмертные не умираютъ!

---

*) Въ семъ бюстѣ Государь Императоръ представленъ, по образу древнихъ, съ обнаженною шеею и въ тогѣ. Первый взглядъ издали приводитъ въ заблужденіе, преселяя въ древность—не смотря на чрезвычайное сходство, которымъ уже вблизи разрѣшается недоумѣніе.

СМѢСЬ.

СТИХИ

НА СЛУЧАЙ МИМОХОДНАГО ДОЖДЯ ВЪ САМОЕ ВРЕМЯ ОСВЯЩЕНІЯ ЗНАМЕНЪ ДЛЯ ЛЕЙБЪ-ГВАРДІИ, ВЪ ДЕНЬ ВОСПОМИНАНІЯ ЗНАМЕНИТОЙ ПОБѢДЫ ПОДЪ КУЛЬМОМЪ.

—

Когда для Кульмскихъ храбрыхъ воевъ,
Полтавы и Петра наслѣдственныхъ героевъ,
Хоругви Александръ святилъ, —
Съ высотъ небесныхъ Самъ Богъ силъ
Святой водой ихъ окропилъ.

═

НА НОВЫЙ 1797 ГОДЪ.

—

Какъ дождевая капля въ море,
Такъ въ вѣчность канулъ прошлый годъ;
Умчалъ и радости и горе;
Но, улетѣвъ, отверзтый входъ
Оставилъ въ міръ имъ за собою. —
Почто жъ могущею рукою
Не затворилъ онъ тѣхъ дверей,
Чрезъ кои горесть къ намъ втекаетъ?
Никакъ: — онъ входъ имъ заграждаетъ,
Оставя Павла у дверей.

СТИХИ

НА ИЗОБРАЖЕНІЕ САФЫ

НА АНТИКѢ ВЪ ПЕРСТНѢ, НАЙДЕННОМЪ ВЪ ГЕРКУЛАНѢ, НА КОТОРОМЪ ХУДОЖНИКЪ ВЫРѢЗАЛЪ ВНИЗУ ЛИРУ И ПЧЕЛКУ, ВЪ УПОДОБЛЕНІЕ СЛАДОСТИ ПѢНІЯ САФЫ НА ЛИРѢ СЪ СЛАДОСТЬЮ МЕДА, СОБИРАЕМАГО ПЧЕЛОЮ.

—

Съ розы собранный, съ тимьяна,
Сладокъ, пчелка! намъ твой медъ:
Сафо, миртой увѣнчанна,
Слаще, о любви поетъ!

Мило намъ твое жужжанье,
Какъ съ весной летишь ты въ лугъ:
Лирныхъ струнъ ея бряцанье
Нѣжитъ болѣе нашъ слухъ.

Граціи ужалить руку
Въ гнѣвѣ свойственно тебѣ:
Сафо стрѣлъ любовныхъ муку
Ощущала лишь въ себѣ.

Часто лакомствомъ манима,
Въ сладкихъ тонешь ты сотахъ.
Сафо, ревностью гонима,
Въ ярыхъ погреблась волнахъ.

═

ХОРЫ, ПѢТЫЕ ПРИ ОТКРЫТІИ ВЪ ПОЛТАВѢ ИНСТИТУТА ДЛЯ БЛАГОРОДНЫХЪ ДѢВИЦЪ, 12 ДЕКАБРЯ 1818 ГОДА.

—

Благослови, Творецъ!
Монарховъ образецъ:
Онъ нашъ Отецъ;
Онъ нашъ Отецъ и Царь;
На вѣрности алтарь
Ему несемъ мы въ даръ
Любовь сердецъ.

Народныхъ благъ творецъ,
Обрекъ имъ свой вѣнецъ
Нашъ Царь-Отецъ;
Воздвигнувъ правдѣ тронъ,
Сіянью всѣхъ коронъ
Предпочитаетъ Онъ
Любовь сердецъ.

Съ конца земли въ конецъ
Оливный свилъ вѣнецъ
Нашъ Царь-Отецъ;
Гордыню Онъ попралъ,
Безъ мести побѣждалъ
И отъ враговъ стяжалъ
Любовь сердецъ.

Любовью всѣхъ сердецъ
Украсилъ свой вѣнецъ
Нашъ Царь-Отецъ;

И въ счастьи вѣрныхъ чадъ
Вкушая тму отрадъ,
Чтитъ выше всѣхъ наградъ
Любовь сердецъ.

Благослови, Творецъ!
Монарховъ образецъ,
Онъ нашъ Отецъ
Онъ нашъ Отецъ и Царь.
На вѣрности алтарь
Ему несемъ мы въ даръ
Любовь сердецъ.

═

Святый восторгъ благотворенья!
Что въ мірѣ сладостнѣй тебя?
Благаго образъ Провидѣнья:
Въ другихъ зрѣть счастливымъ себя,
Добру всѣ посвятить мгновенья,
Несчастныхъ какъ родныхъ любя.
Кто благо обще назидаетъ,
Достоинъ тотъ любви сердецъ;
Но онъ признанья не алкаетъ,
Не льститъ его наградъ вѣнецъ:
Награду въ сердцѣ обрѣтаетъ
Сердечно чувствіе не льстецъ.
Героевъ славила вселенна;
Но славы гласъ замолкъ въ вѣкахъ;
Хвала, на камняхъ ченизъесна,

И обелиски — пали въ прахъ:
Благотворенья мзда нетлѣнна,
Она насъ ждетъ на небесахъ. —
Святый восторгъ благотворенья!

═

Орелъ!
Презрѣвъ долину,
Взлетѣлъ
Ты на вершину;
Смотри! — глядятъ со всѣхъ сторонъ;
Далеко видимымъ для всѣхъ ты сталъ предметомъ;
Пари же; — но твоимъ полетомъ
Не насмѣши воронъ.

═

Я благодѣтелей на свѣтѣ зналъ довольно,
Но благодарныхъ имъ не могъ я много счесть.
Подумаешь, — такъ сердцу больно! —
И тутъ, знать, легче класть, чѣмъ несть.

═

Отъ женщинъ, какъ на свѣтѣ жить,
Старайся научиться:
Никто, могу въ томъ поручиться,
Не можетъ лучше проучить.

═

Всѣ хвалятъ искренность, всякъ говоритъ: будь
прямъ;
А скажешь правду, — по зубамъ. —
Что жъ дѣлать? — возносить моленье:
«О Боже! положи устамъ моимъ храненье!»

ПРОЗА.

О ВОЗСТАНОВЛЕНІИ
ПЕРВЫХЪ ШЕСТИ ПѢСНЕЙ
ОДИССЕИ
ВЪ ПЕРВОБЫТНЫЙ ИХЪ ПОРЯДОКЪ.

Вступая въ преткновенное поприще, Ликургами, Пизистратами и Аристархами, съ преодолѣніемъ величайшихъ затрудненій протеченное, увѣренъ я, что большая часть и самыхъ снисходительныхъ читателей признаетъ подвигъ мой буйственнымъ. Дерзость — исправлять чертежъ Одиссеи, просвѣщеннѣйшими людьми, въ теченіе толькихъ вѣковъ одобренный, должна и въ самомъ дѣлѣ показаться необдуманною отвагою высокомѣрія; наипаче въ человѣкѣ, познаніями въ словесности весьма ограниченномъ и въ ученомъ кругѣ никакимъ значительнымъ произведеніемъ ума не отличившемся. — Устрашенный мыслію сею, долго колебался я въ нерѣшимости; наконецъ, любовь къ истинѣ и уваженіе къ безсмерт-

ному творцу прекраснѣйшей поэмы, превозмогли страхъ мой, и побуждаютъ нынѣ, предъ судилищемъ всѣхъ безпристрастныхъ почитателей отца стихотворства, обнаружить нѣкоторыя ошибки исправителей превосходнаго творенія его. — Не обинуясь, предлагаю мнѣніе мое, въ твердой надеждѣ, что просвѣщенные любители словесности будутъ судить оное не по какому-либо предубѣжденію, но по существу доказательствъ.

При чтеніи Одиссеи, нѣкоторые предметы всегда казались мнѣ неприличными извѣстной осмотрительности Омира и даже нелѣпостями; изъ числа оныхъ суть: — *двадцати-девяти-дневное*, безъ всякаго дѣла, гощеніе Телемака у Менелая; почти толь же долговременное коснѣніе Нептуна на празднествахъ Эѳіоповъ; *семнадцати-дневное* безсонное Улисса мореплаваніе; *тридцати-дневная* засада на морѣ жениховъ Пенелопы; а наипаче вторичное собраніе боговъ и сужденіе вновь о томъ, о чемъ уже за нѣсколько дней прежде того рѣшено ими было. — Весьма странно казалось мнѣ также, что поэма сія занимаетъ насъ первоначально не подвигами самаго героя оной, но эпизодою о второстепенномъ лицѣ. — Долговременныя, прилежныя о предметахъ сихъ размышленія, удостовѣреніе о обдуманіи Омиромъ всѣхъ соотношеній, приличій и связей повѣсти его, заставили меня усумниться, не раздробленіе ли Рапсодами пѣсней Одиссеи причиною обнаруживающихся въ оной несообразностей? — Я читалъ многія о семъ разсужденія, и всѣ они под-

крѣпляли догадку мою; рѣшительно же утвердило меня въ оной изложеніе господиномъ Бартелеми первоначальнаго образа составленія и приведенія въ порядокъ Омировыхъ поэмъ. — Да позволено будетъ мнѣ, для собственнаго оправданія моего, выписать здѣсь точныя слова сего искуснѣйшаго въ греческихъ древностяхъ писателя; — онъ говоритъ:

«Иліада и Одиссея чуть были извѣстны въ «Греціи, когда Ликургъ приплылъ въ Іонію. «Духъ стихотворца отозвался къ духу законода«теля: Ликургъ открылъ уроки мудрости тамъ, «гдѣ обыкновенные люди видѣли токмо пріятные «вымыслы. Онъ списалъ обѣ поэмы и обогатилъ «оными отечество свое; оттуда распространились «онѣ по всей Греціи. — Явилися пѣвцы, извѣ«стные подъ названіемъ Рапсодовъ, которые, въ «странствованіяхъ своихъ изъ одного города въ «другой, отдѣляя отрывки отъ сихъ поэмъ, вос«пѣвали оныя восхищенной Греціи: одни пѣли «храбрость Діомида, другіе, прощаніе Андромахи; «иные, смерть Патрокла или Гектора, и такъ «далѣе.

«Знаменитость Омира, казалось, возрастала «чрезъ размноженіе пѣсней сихъ, но связь по«эмъ его тѣмъ самымъ нечувствительно разстрои«валась; а поелику опасалися, что частей ихъ, «слишкомъ раздробленныхъ, не возможно будетъ «совокупить въ прежнее единство, то Солонъ за«претилъ Рапсодамъ, когда ихъ нѣсколько въ «собраніи будетъ, брать наудачу изъ твореній

«Омира отдѣленныя происшествія; а предписалъ «имъ въ пѣніяхъ своихъ слѣдовать порядку, со-«чинителемъ наблюденному, такъ, чтобъ одинъ «начиналъ тамъ, гдѣ другой кончилъ.

«Уставъ сей, предохраняя отъ одной опасно-«сти, подвергалъ другой, еще несравненно важ-«нѣйшей: поэмы Омировы, ввѣренныя слѣпому «предпочтенію и невѣжеству каждаго пѣвца, или «толкователей оныхъ въ народныхъ собраніяхъ, «ежедневно въ устахъ ихъ измѣнялися, претер-«пѣвали значительныя потери и обременялися «стихами, чуждыми сочинителю *).»

Вотъ свидѣтельство почтеннаго господина Бартелеми, подкрѣпляющее мысль мою; но этого мало. Около 400 лѣтъ послѣ Омира, явственныя Рапсодами искаженія твореній его принудили Пизистрата и сына его, Ипарха, къ исправленію оныхъ; а спустя болѣе трехъ столѣтій потомъ, Аристархъ учинилъ еще новыя поправки.

Каждый безпристрастный изслѣдователь истины видитъ, сколь многими, разнохудожными руками и неоднократными пріемами, въ протеченіи седми столѣтій, великолѣпный, Омиромъ сооруженный памятникъ, возобновлялся на чужой почвѣ, изъ перевезенныхъ туда, частію уже подправленныхъ и отдѣльныхъ развалинъ онаго. — Можно, кажется, не подвергаясь нареканію, усумниться, не помѣщенъ ли какой-либо отломокъ въ неприличномъ оному мѣстѣ?

---

*) См. Анахарсисъ, томъ I, стран. 80.

Но предубѣжденный читатель возразитъ мнѣ, что толь многіе, превосходнымъ искусствомъ ознаменованные художники, трудившіеся при возобновленіи зданія сего, не могли упустить изъ виду таковой неприличности и оставить оную безъ замѣчанія, по неосторожности, или пренебреженію, столь несвойственному доказанной смѣтливости ихъ и изящности знаній и вкуса.

На сіе осмѣливаюсь отвѣтствовать, что знаменитость перваго соорудителя, чаятельно, ввела въ заблужденіе возобновлявшихъ зданіе его. — Иззѣстно всѣмъ, что Омиръ былъ отецъ стихотворства, что уваженіе къ нему простиралось до обожанія, и что поэмы его вмѣнялися въ величайшую драгоцѣнность. — Онѣ были раздроблены Рапсодами, и въ такой отдѣленности перешли къ Ликургу, Пизистрату и Аристарху: — принявшіе на себя трудъ совокупить пѣсни ихъ и составить цѣлость, не смѣли перемѣщать оныхъ, выбрасывая частности, довольно искусно, для связи, Рапсодами поддѣланныя: сохраня же ихъ подобострастно, принуждены были они сообразоваться иногда принятому расположенію поэмы. — уваженіе къ частнымъ красотамъ заставляло ихъ скользить по замѣчаніямъ нѣкоторыхъ малыхъ, въ толь обширной цѣлости, несообразностей, и воспрещало, для соглашенія оныхъ, раздѣлять и пересплочивать пѣсни, изъ коихъ каждая составляла собственное, по долговременности общепринятое единство.

Объяснивъ такимъ образомъ причины, кото-

рыя могли скрыть отъ древнихъ издателей Одиссеи вкравшуюся въ чертежъ оной погрѣшность, осмѣливаюсь предложить мнѣніе мое къ возстановленію связи пѣсней въ первобытномъ оныхъ порядкѣ.

Мнѣ кажется, что дѣйствіе поэмы сей начиналося не приходомъ Минервы въ Иѳаку, для побужденія Телемака отправиться въ Пилосъ къ Нестору,—не описаніемъ путешествія его къ царю сему и къ Менелаю въ Лакедемонъ, — но что послѣ перваго Юпитерова отвѣта Минервѣ на мольбу ея объ Улиссѣ, непосредственно слѣдовало препорученіе бога сего Меркурію повелѣть Калипсѣ, чтобъ отпустила она Иѳакскаго царя.— Тутъ повѣсть продолжалась до того мѣста, гдѣ объ Улиссѣ говоритъ Омиръ, что послѣ семнадцати-дневнаго мореплаванія приближался онъ уже къ берегамъ Ѳеакійскимъ, и Нептунъ, возвращающійся изъ Эѳіопіи, увидя его, воздвигъ бурю, усмиренную Минервою, по удаленіи раздраженнаго бога сего. Здѣсь-то Омиръ, оставя Улисса, описывалъ первый приходъ Минервы въ Иѳаку и путешествіе Телемака къ Менелаю; потомъ возвращался повѣстью къ обуреваемому на морѣ Улиссу; и поэма продолжалась до конца въ общепринятомъ видѣ и порядкѣ. — Такимъ образомъ, по мнѣнію моему, въ первой пѣснѣ находилось все почти дѣйствіе нынѣшней пятой, а конецъ сея соединялся съ шестою.

Для оправданія сего заключенія моего, долженъ я первоначально доказать нѣкоторыя несообраз-

ности, обнаруживающіяся при нынѣшнемъ расположеніи Одиссеи.

1) Если оная, начинаясь приходомъ Минервы въ Иѳаку и путешествіемъ Телемака въ Пилосъ и Лакедемонъ, продолжается вторымъ собраніемъ боговъ, то до того прошло уже 6 *дней* *); присовокупя къ онымъ 5 *сутокъ*, протекшихъ до отплытія Улисса изъ острова Огигійскаго, *семнадцати-дневное* мореходство до встрѣчи съ Нептуномъ и кораблекрушенія, — *три дни* плаванія къ острову Ѳеакеанъ, — *тридневное* у нихъ пребываніе, до дня возвращенія его въ Иѳаку, и до отъѣзда Телемака отъ Менелая, поэма продолжает-

---

*) Второе собраніе боговъ положено послѣ пріѣзда Телемака къ Менелаю и отправленіе жениховъ Пенелопы въ засаду; какъ явствуетъ изъ рѣчи Минервы. — См. пѣснь *V. trad. de Bitaubé Tome I. p.* 208.

Для яснѣйшаго соображенія нужнымъ почитаю означить здѣсь число всѣхъ дней дѣйствія Одиссеи по нынѣшнему ея расположенію: 1 день — собраніе боговъ; Минерва въ Иѳакѣ. — 2 день — собраніе народное; въ вечеру Телемакъ отъѣзжаетъ съ Минервою въ Пилосъ. — 3 — день — онъ гоститъ у Нестора. — 4 день — Отправясь въ Лакедемонъ, ночуетъ въ Ферсѣ. — 5 день — въ вечеру пріѣзжаетъ къ Менелаю. — 6 день — бесѣдуетъ съ царемъ симъ объ Улиссѣ, а женихи отправляются въ засаду. — 7 день — второе собраніе боговъ; Меркурій повелѣваетъ Калипсѣ отпустить Улисса. — 8, 9, 10, 11 день — Улиссъ строитъ ладью. — 12 день — отправляется въ море. — Отъ 12 по 29 день продолжаетъ плаваніе и наконецъ встрѣчаетъ Нептуна, который воздвигаетъ бурю для погубленія его. — 29 и 30 день — Улиссъ, по разрушеніи ладьи, носится бурею. — 31 день —

ся уже 34 *сутки;* а какъ въ *пятый день* отъ начала оной Телемакъ пріѣзжаетъ къ Менелаю, то по расчету сему прожилъ онъ у него почти цѣлый мѣсяцъ *). — Толь долговременное, безъ всякой необходимости медленіе Телемака въ гостяхъ вовсе невѣроятно: еще невѣроятнѣе покажется оное, когда сообразимъ, что Телемакъ, при отъѣздѣ изъ Иѳаки, почти ограничилъ время отсутствія своего 11 или 12-ю днями, прося кормилицу Эвриклею, до истеченія оныхъ, не объявлять Пенелопѣ объ отъѣздѣ его; что Несторъ, отпущая его къ Менелаю, не совѣтовалъ ему коснѣть въ отлучкѣ изъ отеческаго дома; — что притомъ и самъ Телемакъ не согласился на приглашеніе Менелая — пробыть у него 11 или

къ вечеру выходитъ на Ѳеакійскій берегъ и ночуетъ въ лѣсу. — 32 день — приходитъ къ Алкиною. — 33 день — угощается царемъ симъ и въ ночь повѣствуетъ свои приключенія. — 34 день — отправляется на Ѳеакійскомъ кораблѣ въ Иѳаку. — 35 день — тамъ рано поутру совѣщается съ Минервою и проводитъ весь день у Эвмея; а Телемакъ отъѣзжаетъ отъ Менелая и ночуетъ въ Ферсѣ. — 36 день — Телемакъ вечеромъ пріѣзжаетъ къ Пилосу, и ночью отправляется въ Иѳаку; Улиссъ же и сей день проводитъ у Эвмея. — 37 день — Телемакъ въ Иѳакѣ, и весь день остается съ Улиссомъ у Эвмея. — 38 день — возвращается въ домъ свой; послѣ его Улиссъ съ Эвмеемъ; и участвуютъ въ буйственномъ пиршествѣ жениховъ. — 39 день — побіеніе ихъ. — 40 день — уходъ Улисса съ Телемакомъ къ Лаерту; смятеніе въ Иѳакѣ, сраженіе, миръ и конецъ поэмы.

*) Это неоспоримо. — См. пѣснь *VI. Trad. de Bitaubé, Remarque, p.* 381.

12 дней, представляя во уваженіе, что товарищи, привезшіе его на кораблѣ въ Пилосъ, съ нетерпѣніемъ ожидаютъ возвращенія его. — Какъ же, послѣ всего изложеннаго здѣсь, можно заключить, что Телемакъ прогостилъ у Менелая *двадцать девять* дней?

2) Къ дополненію доказательства о таковой невѣроподобности послужитъ еще слѣдующее соображеніе. — Если, какъ изъ нынѣшняго расположенія поэмы сей явствуетъ, женихи Пенелопы, въ четвертый день по отъѣздѣ Телемака въ Пилосъ, узнавъ о томъ, отправились для погубленія его на возвратномъ пути, то прибывши въ Иѳаку почти днемъ послѣ его, просидѣли они въ засадѣ на морѣ 30 *сутокъ*. — Толь долговременная отлучка ихъ изъ Иѳаки вовсе невѣроподобна. Притомъ и Эвмонъ, ссудившій Телемака кораблемъ своимъ, освѣдомляющійся въ четвертый день послѣ его отъѣзда о срокѣ отсутствія его, даетъ поводъ заключать, что онъ увѣренъ былъ Телемакомъ въ скоромъ его возвращеніи. — Наконецъ, Минерва сама, явившись ему въ Лакедемонѣ, повелѣваетъ не продолжать отсутствія своего. — Какъ же можно, повторяю, находить и самомалѣйшую вѣроподобность *въ двадцати-девяти-дневномъ* коснѣніи его у Менелая; и льзя ли представить себѣ, чтобы благоразумный и явно богинею премудрости руководствуемый Телемакъ оставилъ въ теченіе толь долгаго времени свою мать, домъ и имущество на произволъ буйственныхъ и развратныхъ людей? —

3) — По свидѣтельству самого Омира извѣстно что боги праздновали у Эѳіопіянъ только 12 *дней* *): по нынѣшнему же расположенію поэмы, гоститъ у нихъ Нептунъ по крайней мѣрѣ 28 *сутокъ*; — ибо если предположимъ, что онъ отправился къ нимъ по-утру, въ день перваго собранія боговъ, то до втораго протекло 6 *дней*, 5 до отъѣзда Улисса отъ Калипсы, да 17 до встрѣчи его съ Нептуномъ, что и составляетъ ровно 28 *сутокъ*, которые праздновалъ богъ моря у Эѳіопіянъ, въ противность собственному Омира, о срокѣ для сего назначенномъ, преданію. —

4) — Наконецъ, вторичное собраніе боговъ для сужденія о томъ, что въ первомъ рѣшено ими было, кажется вовсе ненужнымъ и признано таковымъ многими благоразсудительными критиками **). Болѣе же всего странна въ ономъ рѣчь Минервы, сущее повтореніе произнесенной Менторомъ въ народномъ собраніи Иѳакскихъ гражданъ ***). Хотя весьма часто Омиръ позволяетъ себѣ повторенія, но они всегда состоятъ или въ пересказѣ кѣмъ-либо даннаго ему повелѣнія, или же въ описаніи празднествъ и жертвопри-

*) См. Иліада, пѣснь 1 стихъ 425; trad. de Bitaubé tome 1, page 29.

**) Odissée, trad. de Bitaubé, Tome I. p. 256.—Оно происходитъ послѣ отъѣзда жениховъ въ засаду, какъ изъ рѣчи Минервы явствуетъ.

***) Odissée, trad. de Bitaubé, Tome I. Chant II. p. 246. — et Tome I. Chant V. p. 207. — Одиссея пѣснь II, отъ 231 по 236 стихъ; — пѣснь V, отъ 8 по 13 стихъ.

ношеній. — Ни однажды Омиръ не заставилъ одно лице, и при разнствующемъ обстоятельствѣ, переговаривать рѣчь другаго: въ семъ единственно случаѣ Минерва, богиня наукъ, ничего лучшаго не придумала, какъ пересказать рѣчь одного старика Иѳакскаго, которую, повидимому, подслушала она во время пребыванія своего на семъ островѣ. —

Краткія изложенія сіи представляютъ Омира, при теперешнемъ чертежѣ поэмы его, ненаблюдающимъ приличностей, точности дѣйствія, и даже противорѣчущимъ самому себѣ. — Таковыхъ укоризнъ не заслуживаетъ отецъ стихотворства. — Расположеніе Одиссеи вообще обдуманнѣе, искуснѣе и связнѣе расположенія Иліады: въ послѣднемъ наблюденъ просто историческій, а въ первомъ, такъ сказать, драматическій ходъ, предпочтенный Виргиліемъ и всѣми другими позднѣйшими эпическими піитами; — а потому слѣдуетъ заключить, что примѣченныя въ Одиссеѣ невѣроподобности, противорѣчіе, несообразности и безпорядокъ, приписаны быть должны отнюдь не Омиру, но единственно легкомысленной небрежности Рапсодовъ, раздробившихъ сочиненіе его и неумѣвшихъ благовидно прервать повѣсти объ Улиссѣ эпизодою Телемака, путешествующаго для развѣдыванія объ отцѣ своемъ.

Для большаго убѣжденія безпристрастныхъ читателей моихъ, въ искаженіи поэмы сей разными несообразностями, и для возвращенія оной

первобытнаго расположенія, необходимымъ нахожу подробнѣе объяснить доводы мои.

Въ Одиссеѣ находится одно мѣсто, гдѣ, такъ сказать, сроки происшествій соединяются: оно долженствуетъ служить указателемъ на предъидущіе и послѣдующіе: — Телемакъ изъ путешествія своего возвращается въ Иѳаку и приходитъ къ Эвмею въ третій день послѣ Улисса — Всѣ дни странствованій и дѣяній ихъ означены опредѣлительно, исключая времени пребыванія Телемака у Менелая, — которое, по нынѣшнему расположенію поэмы, неимовѣрно долго показано. — Для извлеченія истины изъ запутанности сей, осмѣливаюсь предложить опредѣленный мною ходъ Одиссеи.

Въ самый день отбытія Нептуна къ Эѳіопамъ, долженствующаго продожаться *двѣнадцать дней*, Минерва въ собраніи боговъ умоляетъ Юпитера о возвращеніи Улисса въ отечество. — Во уваженіе просьбы ея, отецъ боговъ повелѣваетъ Меркурію сообщить о семъ Калипсѣ волю его. — Посолъ небесный исполняетъ порученіе сіе, и Калипса повинуется. — Потомъ *четыре* дни употребляетъ Улиссъ на постройку ладьи, въ *шестый* пускается въ путь; продолжаетъ оный только *семь* дней, до встрѣчи Нептуна, возвращающагося изъ Эѳіопіи въ *тринадцатый* день. — Раздраженный богъ воздвигаетъ бурю на погубленіе Улисса и продолжаетъ путь въ храмъ свой; а пекущаясь о несчастномъ царѣ Минерва укрощаетъ оную, и предвидя спасеніе любимца сво-

его, поспѣшаетъ къ Иѳаку, даетъ сыну его совѣтъ отправиться въ Лакедемонъ, пребываетъ съ нимъ *три* дни и оставляетъ его въ Пилосѣ, спѣша подать необходимую помощь Улиссу, вышедшему тогда на Ѳеакійскій берегъ, какъ въ послѣдствіи поэмы обнаруживается по точному дней исчисленію. — Телемакъ продолжаетъ *два* дни путешествіе свое, посѣщаетъ Менелая и остается у него *полторы сутки*. — Тогда Пенелопа и женихи ея узнаютъ объ отсутствіи Телемака; послѣдніе отправляются въ засаду, съ намѣреніемъ погубить его на возвратномъ пути; Минерва же, прилетѣвшая изъ Ѳеакіи, видя отчаяніе Пенелопы, приходитъ утѣшить ее въ сновидѣніи. — Тутъ Гомеръ обращается повѣстью къ Улиссу. — Въ теченіе двухъ сутокъ по разбитіи ладьи его и послѣ перваго отшествія Минервы въ Иѳаку, былъ онъ носимъ волнами; наконецъ вышелъ на берегъ Ѳеакійскій. — Минерва, оставившая Телемака въ Пилосѣ, подоспѣла на помощь къ отцу его, возбудила въ царевнѣ Навзикаѣ охоту мыть платье, покровительствовать его, предводить въ городъ и прочая. — Съ сихъ поръ поэма продолжается до самаго конца въ нынѣшнемъ видѣ ея.

Наблюдательный читатель замѣтитъ, конечно, что предлагаемою мною перемѣною въ теченіе поэмы сей исправятся всѣ вышеизъясненныя невѣроподобности и возстановится совершенная точность какъ въ исчисленіи дней, такъ и въ соотвѣтствованіи оному всѣхъ вообще происше-

ствій: продолженіе дѣйствія поэмы, по нынѣшнему расположенію оной, занимающее 40 дней, сократится въ 24 сутки, Нептунъ гоститъ у Эѳіопіанъ не 28, но только опредѣленные Омиромъ 12 дней; женихи Пенелопы проводятъ въ засадѣ *три дни*, а не *цѣлый мѣсяцъ;* Телемакъ, прежде 11 имъ назначенныхъ дней, въ *осмый день* возвращается въ домъ; остается у Менелая *полторы сутокъ*, вмѣсто неимовѣрнаго *двадцатидевятидневнаго* гощенія; а что всего важнѣе, поэма, при самомъ началѣ, не второстепеннымъ, но главнымъ лицемъ занимая читателей, заставляетъ ихъ брать въ немъ живѣйшее участіе.

Дабы не оставить ни малѣйшаго сомнѣнія въ точности опредѣляемаго мною числа дней продолженія поэмы, представляю краткое сличеніе происшествій и времени, въ порядкѣ мною опредѣленномъ.

ДНИ.			
Мѣсяцы.	Луны.	Продолжен. поэмы.	
Сентяб. 24*	8	1	По отбытіи Нептуна въ Эѳіопію, Юпитеръ отправляетъ Меркурія къ Калипсѣ съ повелѣніемъ отпустить Улисса въ отечество.

*) Можно заключить, что Омиръ предположительно началъ дѣйствіе поэмы сей въ 8 день послѣ новолунія, 24

Д Н И.			
Мѣсяцы.	Луны.	Продолжен. поэмы.	
		2. 3. 4.	
28	12	5	Улиссъ строитъ ладью.
29	13	6	Отправляется въ путь.
		7. 8. 9.	
Октяб.		10. 11. 12.	
6	20	13.	Улиссъ встрѣчаетъ Нептуна, возвращающагося, по истеченіи 12 дней изъ Эѳіопіи. — Богъ сей, воздвигнувъ для погубленія его бурю, удаляется, а Минерва усмиряетъ оную и поспѣшаетъ въ Иѳаку, къ сыну несчастнаго сего царя, для отправленія его въ Лакедемонъ.
7	21	14	Улиссъ носится по морю бурею. — Собраніе народное въ Иѳакѣ и въ ночь отъѣздъ Телемака съ Минервою въ Пилосъ.
8	22	15	Поутру пріѣзжаютъ они въ Пилосъ; благосклонно пріемлются Несторомъ и участвуютъ въ праздмествѣ Нептуна. Въ вечеру Минерва оставляетъ Телемака. — Въ то самое время Улиссъ, по претерпѣніи въ теченіе трехъ дней бѣд-

Греческаго Сентября, въ самый день осенняго равноденствія. — См. *Court de Gébelin Hist. du Calend page* 33. — Мнѣніе мое основываю на нижеслѣдующихъ соображеніяхъ:

Дни.			
Мѣсяцы.	Луны.	Продолжен. поэмы.	
			ственнаго плаванія, выходитъ на берегъ Ѳеакійскій и проводитъ ночь въ лѣсу.
9	23	16	Минерва весьма рано поутру является въ Ѳеакіи Навзикаѣ и внушаетъ ей охоту мыть платье въ рѣкѣ. — Тутъ царевна встрѣчаетъ Улисса, который, покровительствуемый ею и Минервою, приходитъ въ домъ царя Алкиноя и благосклонно принимается. — Телемакъ, того же дня отправясь по утру изъ Пилоса, пріѣзжаетъ на ночь въ Фересъ.
10	24	17	Улиссъ угощается великолѣпно Ѳеакеанами, и въ ночь повѣствуетъ имъ странствованія свои; а Телемакъ пріѣзжаетъ на ночь въ Лакедемонъ.
11	25	18	Менелай сообщаетъ Телемаку нѣкоторыя свѣдѣнія объ Улиссѣ, ко-

[1]) Значительный день осенняго равноденствія, небесному знаку Вѣсовъ присвоенный, весьма приличенъ для собранія боговъ; и дѣйствительно, правосудный Юпитеръ напоминаетъ въ оный казнь преступнаго Эгиста и рѣшаетъ судьбу невиннаго долготерпца Улисса. — Притомъ 24 день каждаго мѣсяца Гезіодъ почитаетъ священнымъ. См. *trad. de Gin, le trav. et les jours, page* 78.

Дни.			
Мѣсяцы.	Луны.	Продолжен. поэмы.	
			торый подъ вечеръ отправляется на Ѳеакійскомъ кораблѣ въ Иѳаку. — Женихи Пенелопы отъѣзжають въ засаду, для погубленія Телемака на возвратномъ пути. — Пенелопа, узнавъ объ отсутствіи Телемака и о угрожающей ему опасности, приходитъ въ отчаяніе. — Минерва утѣшаетъ ее въ сновидѣніи.
12	26	19	Улиссъ въ Иѳакѣ весьма рано совѣщается съ Минервою, которая тогда же перелетаетъ въ Лакедемонъ и повелѣваетъ Телемаку возвратиться въ отечество; онъ прощается съ Менелаемъ и къ ночи пріѣзжаетъ въ Фересъ, а Уллисъ приходитъ къ Эвмею и остается у него.
13	27	20	Телемакъ вечеромъ пріѣзжаетъ къ Пилосу и въ ту же ночь от-

[2]) 28 числа Улиссъ спускаетъ ладью на волны; а по преданію Гезіода, для сего выгодно 29 число. — См. тамъ же стр. 79. — Несчастное мореплаваніе было послѣдствіемъ излишней торопливости.

[3]) Гомеръ заставляетъ Улисса во время мореплаванія замѣчать созвѣздіе Воота, или Арктура, которое восходило

ДНИ.			
Мѣсяцы.	Луны.	Продолжен. поэмы.	
			правляется въ Иѳаку. — Улиссъ провождаетъ весь день у Эвмея.
14	28	21	Телемакъ, поутру возвратясь въ Иѳаку, идетъ къ Эвмею, гдѣ съ Улиссомъ проводятъ день въ совѣщаніяхъ. — Женихи въ вечеру возвращаются изъ засады.
15	29	22	Телемакъ приходитъ въ домъ свой, послѣ его Улиссъ съ Эвмеемъ, и участвуютъ въ буйственномъ пиршествѣ жениховъ.
16	1	23	Побіеніе ихъ.
17	2	24	Уходъ Улисса и Телемака къ Лаерту; смятеніе въ Иѳакѣ; сраженіе, миръ и конецъ поэмы.

въ половинѣ Сентября, а заходило въ концѣ Октября мѣсяца. См. *Court de Gébelin, Hist. du Calend. page* 33., 35. — Да и вообще изъ многихъ мѣстъ поэмы видно, что тогда Улиссъ странствовалъ осенью.

[4]) Октября 8 числа Минерва съ Телемакомъ присутствуетъ въ Пилосѣ, при жертвоприношеніи Нептуну: — въ Аѳинахъ 8 число каждаго мѣсяца посвящено было Нептуну. См. *Alex. ab Alex. III. c.* 18. — *Court de Gébelin Hist. du Calendrier page* 16. Тутъ празднество ему въ сей день кстати; ибо онъ только-что возвратился изъ Эѳіопіи; а Минерва особенно желала смягчить гнѣвъ его противъ Улисса, который, по разбитіи бурею ладьи своей, носился еще волнами.

Ласкаясь себя надеждою, что истина, столь явственно обнаруженная, благоуважена будетъ просвѣщенными читателями, осмѣливаюсь означить мѣста поэмы сей, по предложенной мною перемѣнѣ къ исключенію подлежащія, и нѣкоторыя малыя связи оной прибавки.

---

[5]) — 10 числа пиршество въ Ѳеакіи для Улисса весьма прилично же: тогда праздновали Оскофоріи, относящіяся къ счастливому возвращенію. — См. *Court de Gébeln, Hist. du Calend. page* 35. — На другой день ночью Улиссъ возвратится въ Иѳаку.

[6]) По моему исчисленію двадцатичетыредневнаго продолженія поэмы, побіеніе жениховъ случилось 16 Октября. — Достойно примѣчанія, что въ самый день сей въ Греціи празднованы были Элевферіи, въ честь умершихъ родственниковъ. См. тамъ же стр. 451. — Платейцы отправляли въ оный поминовенія по убитыхъ соотечественникахъ своихъ въ знаменитомъ сраженіи противу Персовъ; и чаятельно избрали день сей по соотношенію и сообразуясь общепринятому обыкновенію: ибо сраженіе сіе происходило весьма ранѣе. — См. примѣч. на IX книгу Геродота *trad. de Larcher*. томъ VI, стр. 95.

[7]) Наконецъ, по моему жъ исчисленію, самый день сей 16 Октября приходитъ въ первый день новолунія, Аполлону посвященный (См. *Court de Gébelin Hist. du Calend. page* 282.), что совершенно соотвѣтствуетъ празднеству его, въ день побіенія жениховъ, Гомеромъ назначенному. — См. *Odyssée trad. de Bitaubé T. III. p.* 192.

Таковыя, различныхъ преданій съ заключеніемъ сообразности, должны придать оному вѣсъ основательнаго вѣроподобія.

Въ первой пѣсни отъ 80 го до 103-го, а въ пятой отъ 1-го до 28-го стиха, слѣдуетъ выбросить; — 79-й же стихъ первой пѣсни съ 28-ми пятой соединенъ быть долженъ; и такимъ образомъ первая пѣснь, продолжаясь нынѣшнею пятою, кончится 387-мъ стихомъ оной [1]). Что же касается до прибавокъ, то въ началѣ второй пѣсни, вмѣсто вышеупомянутыхъ, въ первой исключенныхъ стиховъ, должно помѣстить сокращенное изъ оныхъ повѣствованіе о первомъ приходѣ Минервы въ Иѳаку [2]); послѣ сего продолжается въ постепенномъ порядкѣ пѣсней описаніе путешествій Телемака до конца нынѣшней четвертой пѣсни. — Потомъ, для связи, по моему расположенію, шестой, должно, прибавя маленькое введеніе предъ 388 стихомъ пятой пѣсни [3]), соединить оную съ шестою; чѣмъ самымъ ограничится вся предлагаемая мною перемѣна, и поэма въ нынѣшнемъ видѣ ея продолжится до самаго окончанія оной [4].

Возстановя первобытный чертежъ Одиссеи, долгомъ поставляю, для доказательства глубочайшаго моего къ безсмертному Омиру уваженія, сказать нѣсколько словъ о нравственномъ предметѣ поэ-

[1]) Само по себѣ разумѣется, что въ 278 стихѣ V пѣсни и въ другихъ мѣстахъ, время мореходства Улиссова изъ Огигіи, вмѣсто 17 дней, должно ограничить только 10 днями.

[2]) См. въ концѣ книги прим. подъ буквою А.

[3]) См. . . . . В.

[4]) См. . . . . С.

мы сей — Кажется, что ни одинъ писатель не представилъ, во всемъ достоинствѣ ея, важной цѣли, отцемъ стихотворства предположенной.

Я увѣренъ, что каждый безпристрастный читатель Иліады пораженъ былъ развратностію дѣйствующихъ въ оной боговъ. — Супруга владыки небесъ и богиня премудрости, оскорбленныя предпочтеніемъ, которымъ удостоилъ Парисъ красоту богини любви, рѣшили и совершаютъ погибель всего невиннаго отечества его; — Зевесъ, улещаемый Юноною, участвуетъ въ несправедливомъ ея мщеніи — Мужественный и благочестивый Гекторъ поражается яростнымъ Ахилломъ, огражденнымъ непроницаемою бронею Вулканомъ уготованною, и притомъ торжествуетъ надъ доблъственнымъ героемъ симъ съ помощію злокозненнаго божества. — Я не хочу упоминать о непристойности междоусобныхъ сраженій боговъ и богинь, по подобію ослѣпленныхъ страстями смертныхъ; о соблазнительномъ средствѣ, Юноною употребленномъ, для улещенія Юпитера, усыпляемаго въ любострастныхъ объятіяхъ ея, предъ лицемъ ратоборствующихъ ополченій. Всѣ таковые примѣры развратовъ и обуянія страстей, равно какъ и зловредность оныхъ для нравственности, сами собою бросаются въ глаза внимательныхъ читателей. — Кажется, что въ Одиссеѣ Омиръ поставилъ себѣ главнымъ правиломъ излечить язву толь пагубныхъ впечатлѣній и возстановить въ общенародномъ мнѣніи достоинство боговъ. При самомъ началѣ поэмы, Зевесъ, вос-

поминаніемъ о преступномъ Эгистѣ отражаетъ отъ нихъ упрекъ въ слѣпомъ злоопредѣленіи, возвергая справедливыя казни на собственную порочныхъ смертныхъ заслугу.—Богиня премудрости предстательствуетъ о невинномъ долготерпцѣ, гонимомъ владыкою морей, за ослѣпленіе сына его, Циклопа Полиѳема.—Во все теченіе поэмы, одинъ бурливый богъ сей представленъ въ видѣ несоотвѣтствующемъ достоинству божества; равно какъ и богиня любострастія, Венера, въ повѣсти, забавностію своею способствовавшей къ прекращенію распри, возникшей между Улиссомъ и Эвріаломъ. Вотъ единственныя пожертвованія тогдашнему общественному въ богопознаніи ослѣпленію, которыя позволилъ себѣ Омиръ. — Вся поэма его, впрочемъ, доказываетъ смертнымъ правосудіе боговъ и побуждаетъ къ достодолжному на оное упованію. — Безъ всякой посторонней помощи, одною богинею премудрости покровительствуемый, Улиссъ торжествуетъ надъ многочисленными злодѣями своими, наказанными по мѣрѣ преступленій. — Эпизода странствованій Телемака очевидно ту же самую цѣль представляетъ: отъ посѣщаемыхъ имъ друзей отца его, столь много наипаче для Менелая пожертвовавшаго, не получаетъ Телемакъ никакой, кромѣ ласкъ, въ бѣдственномъ положеніи своемъ, помощи. Кажется, что Омиръ желалъ подкрѣпить разительными примѣрами истину, согласную съ симъ богомудрымъ поученіемъ: — *не надѣйтеся на князи, на сыны человѣческіе, въ нихъ же нѣсть спасенія;* — *ополчится Ан-*

гелъ Господенъ окрестъ боящихся его, и избавитъ ихъ.— Кажется, что отношеніе токмо къ сей важнѣйшей цѣли вѣры и нравственности можетъ извинить безполезное, и къ главному предмету поэмы сей почти неспособствующее, путешествіе Телемака въ Пилосъ и Лакедемонъ.

Благосклонные читатели изъ краткаго изложенія сего увидятъ, что, почитая въ нравственномъ отношеніи, Одиссею палинодіею Иліады, отдаю я первой совершенное преимущество; въ чемъ, по однимъ трогательнымъ красотамъ и занимательности ея, многіе знаменитые писатели давно меня предупредили *). Я увѣренъ, что стараніе мое представить еще въ блистательнѣйшемъ величественнѣйшемъ и общеполезнѣйшемъ видѣ поэму сію, порукою будетъ по мнѣ предъ каждымъ безпристрастнымъ читателемъ въ томъ, что замѣчаніе нѣкоторыхъ ошибокъ въ нынѣшнемъ ея расположеніи не происходитъ отъ суетнаго высокомѣрія: — напротивъ того, обнаруживаетъ оно истинно ревностное желаніе очистить изящное твореніе сіе отъ чуждыхъ, вкравшихся неосмотрительностей, и доказать тѣмъ глубочайшее уваженіе мое не токмо къ превосходнымъ красотамъ онаго, но преимущественно къ мудрому отца стихотворства назиданію нравственности и богопочитанія.

---

*) См. Odyssée, trad. de Bitaubé, Suite des reflexions sur Homère, p. 47 et 51.

ПРИМѢЧАНІЯ.

A.

Прибавку сію, по мнѣнію моему, можно учинить слѣдующимъ образомъ.

Пѣснь II.

«Минерва, сохраня жизнь Улисса и обезпеча «прибытіе его на островъ Ѳеакійскій, отлетаетъ «въ Иѳаку, дабы подкрѣпить мужество младаго «Телемака и преподать ему полезные совѣты. — «Уже богиня, принявъ образъ Ментеса, владыки «Тафіянъ, вооруженная дебелымъ копіемъ, оста«новилась у вратъ Улиссова чертога. Тамъ ви«дитъ она буйственныхъ жениховъ Пенелопы» *и прочая.*

B.

Осмѣливаюсь предложить мысль мою къ составленію и сего начала.

Пѣснь VI.

«Межъ тѣмъ, какъ враги Телемака стремятся «на пагубу его, не приходитъ имъ и на мысль, «что Улиссъ приближается уже къ родинѣ своей «и скоро уготовитъ имъ заслуженную казнь. — «Царь сей, котораго Минерва, по укрощеніи воз«двигнутой противу его Нептуномъ бури, оста«вила посреди морскихъ зыбей, избѣгнулъ отъ «ярости ихъ. — Два дни и двѣ ночи носился онъ «по волнамъ» *и прочая.*

Сверхъ прибавокъ сихъ, можно еще, для предварительнаго объясненія поэмы, помѣстить по-

слѣ полустишія 59 стиха первой пѣсни слѣдующія слова, заимствованныя изъ окончанія втораго, исключеннаго мною, отвѣта Минервы Юпитеру, въ началѣ нынѣшней *пятой пѣсни* находящагося.

«Еще къ большому несчастію, толпа буйствен-
«ныхъ жениховъ, удостовѣренныхъ о смерти его,
«дерзаютъ требовать въ супружество цѣломудрен-
«ную Пенелопу, гостятъ вседневно въ чертогѣ
«ея и въ безпрерывныхъ пиршествахъ истоща-
«ютъ имущество отсутствующаго царя.»

C.

Я долженъ извинить здѣсь смѣлость мою въ исключеніи въ поэмѣ сей 52 стиховъ, тѣмъ, что не токмо многіе критики выбрасывали нѣкоторые стихи изъ оной, но, по удостовѣренію Дидима, Аристархъ и Аристофанъ отвергли въ Одиссеѣ половину почти 23 и 24 пѣснь.

II.

МНѢНІЕ,

ЧТО УЛИССЪ СТРАНСТВОВАЛЪ НЕ ВЪ СРЕДИЗЕМНОМЪ, НО ВЪ ЧЕРНОМЪ И ВЪ АЗОВСКОМЪ МОРЯХЪ.

—

Я опасаюсь, чтобы многіе, даже и просвѣщенные люди, по прочтеніи заглавія сего не сдѣлали предварительно обо мнѣ весьма невыгоднаго заключенія.—И въ самомъ дѣлѣ, не успѣвъ узнать сужденія ихъ о новоизданномъ мною предложеніи перемѣстить пятую пѣснь Одиссеи въ первую [1]), какъ можно мнѣ осмѣливаться, вопреки всѣмъ древнимъ и общепринятымъ преданіямъ, переносить даже и театръ странствованій Героя Поэмы сей, отъ запада Италіи къ южнымъ берегамъ любезнаго отечества нашего. — Признательно скажу, что такая дерзость устрашаетъ и

[1]) См. ***О возстановленіи первыхъ шести пѣсней Одиссеи въ первобытный ихъ порядокъ.***

самого меня: ибо предвижу, что нѣкоторые предубѣжденные читатели мои поторопятся, изъ сострадания, учинить приговоръ объ отданіи перьевъ моихъ, бумаги и чернилъ въ опеку, до совершеннаго выздоровленія моего. — Что же дѣлать? — Замолчать? — Но искреннее уваженіе мое къ отцу Стихотворства воспрещаетъ мнѣ принять малодушную мѣру сію; — оно шепчетъ мнѣ на ухо: «Если рѣшился ты оправдать его въ «одномъ поклепѣ, то постарайся оправдать и въ «другомъ, несравненно важнѣйшемъ перваго. — «Докажи, что движущихся Кіанейскихъ скалъ не «передвинулъ онъ отъ Чернаго моря въ Мессин-«скій проливъ; не перенесъ Цирцеи, дочери солн-«ца, отъ чертога Авроры, отъ Востока, и отъ «Колхидскихъ окрестностей, на западный берегъ «Италіи; не перевелъ туда Киммерійскаго, всег-«дашнею тмою покрытаго народа, и наконецъ «не поселилъ отдаленныхъ и прежде неизвѣст-«ныхъ Улиссу Ѳеакеанъ на островѣ Корфу, от-«стоящемъ токмо во стѣ верстахъ отъ любез-«ной его Иѳаки. — Совѣсть убьетъ тебя, ежели, «изъ трусости, не рѣшишься ты сдѣлать еще «одного шага для защиты безсмертнаго Гомера «отъ нападенія людей, ослѣпленныхъ предубѣж-«деніемъ.» — Что же мнѣ на все сіе отвѣтствовать? — Повиноваться убѣдительному внушенію и представить изысканія мои на судъ просвѣщенныхъ и базпристрастныхъ читателей. — Исполняю сіе и, удостовѣренный въ проницательности ума ихъ вкратцѣ сообщаю имъ мысль мою.

Главное обстоятельство, доказывающее, что Одиссей странствовалъ въ Черномъ морѣ, обнаруживается тѣмъ, что Гомеръ заставляетъ его, на возвратномъ пути отъ обитавшей на востокѣ Цирцеи [1]) двукратно проплывать межъ движущихся Кіанейскихъ скалъ [2]).—Всѣмъ извѣстно, что онѣ, подъ названіемъ *Симплигатъ* и *Планетъ* [3]), находилися при входѣ въ Черное море изъ Ѳракійскаго Босфора; тамъ же были Скилла и Харибда; ибо Гомеръ заставляетъ Цирцею предувѣдомлять объ нихъ Улисса сими словами: [4])

«Тамъ представятся тебѣ нависшія скалы, подъ «коими реветъ страшная волна синеокой Ам«фитриты: блуждающими [5]) называютъ ихъ бла«женные боги. Чрезъ нихъ ни птица не переле«таетъ, ни сизые голуби, отцу боговъ, Зевесу, «амврозію приносящіе: всегда даже изъ нихъ нѣ«которые убиваются объ скользкую скалу, и «лишняго одного въ замѣну Зевесъ посылаетъ.

---

[1]) См. Одиссеи пѣснь XII. стихъ 3, 4.—Trad. de Bittaubé tome II. page 193.

[2]) См. Геродотъ, книга IV. § 85. *Κυανεος* синій, Одиссеи пѣснь XII. ст. 61, 234, 428, 430. Trad. de Bittaubé, Tome II. pages 198, 211, 225 — 230.

[3]) См. Плиній, книга VI. глава XII. *Συμπληγαδες ударяющіеся другъ объ друга, сталкивающіеся. — Πλανητης, блуждающіе.*

[4]) См. Одиссеи пѣснь XII. отъ 59 до 110 стиха. trad. de Bittaubé tome II. page 198 . . . . 201.

[5]) См. Одиссеи пѣснь XXIII. стихъ 326. — trad. de Bittaubé, Tome III, page 300.

«Никогда корабль не спасался, приближаяся ко «скаламъ симъ, но всегда купно съ досками его, «и тѣла человѣческія, морская кипящая волна и «пагубная бури уносила. Одинъ только миновалъ «ихъ мореходный, повсюду славимый корабль «Арго, плывущій къ Аэту; но и оный конечно «былъ бы брошенъ къ высокой скалѣ, если бы «Юнона не провела его: ибо любезенъ ей былъ «Язонъ. Таковы обѣ скалы сіи: одна острою «главою своею до высокаго неба досягаетъ; «синее облако облежитъ ее и никогда не отхо-«дитъ; никогда, ни лѣтомъ, ни осенью, свѣт-«лое небо не объемлетъ вершины ея; не взой-«детъ на нее и не спустится никто изъ смерт-«ныхъ, хотя бы двадцать рукъ и столько же «ногъ имѣлъ: ибо гора скользка, улощенной по-«добна Посреди скалы находится мрачная пе-«щера, лежащая на западъ, къ Эреву обращен-«ная. Къ ней, знаменитый Одиссей, направляй «твой пространный корабль. Никто изъ юныхъ «мужей корабля, стрѣляя изъ лука, не докинетъ «стрѣлы въ глубокую пещеру. Въ ней обитаетъ «страшнолающая Скилла; голосъ ея подобенъ «визгу новорожденныхъ псовъ: сама же она чу-«довище свирѣпое, и никто не порадуется уви-«дѣвъ ее, хотя бъ то былъ и богъ, повстрѣ-«чавшійся съ нею: двѣнадцать у нее безобраз-«ныхъ ногъ; шесть вый предлинныхъ; на каждой «изъ оныхъ по ужасной головѣ, и въ челюстяхъ «по три ряда плотныхъ, частыхъ и смертонос-«ныхъ зубовъ. Полтуловище ея въ глубокой пе-

«щерѣ скрывается; головы же свои держитъ внѣ «страшной пропасти. Тутъ, озирая скалу во«кругъ, ловитъ она рыбу, дельфиновъ, псовъ «морскихъ, а иногда хватаетъ великихъ китовъ, «каковыхъ тысячами питаетъ многошумная Ам«фитрита. Никогда мимоплывущіе не похвалятся, «что безбѣдственно здѣсь прошли съ кораблемъ; «ибо Скилла, каждымъ зѣвомъ своимъ схвативъ «по одному человѣку, уноситъ изъ синяго ко«рабля. Другую скалу близъ первой, увидишь «ты, низшую, и чрезъ оную можно переки«нуть стрѣлу. На ней стоитъ высокая, густо«лиственная, дикая смоковница; подъ нею боже«ственная Харибда поглощаетъ черную воду; «трикраты каждый день изрыгаетъ она ее и три«краты поглощаетъ. Страшися къ поглощающей «приближиться: тогда тебя отъ бѣдствія не из«бавитъ и самъ землепотрясатель Посидонъ; но «сколь можно ближе ко Скиллиной скалѣ под«ходи, и быстро мимо ее устремляй корабль «твой: ибо лучше тебѣ шестерыхъ изъ корабля «товарищей, чѣмъ всѣхъ лишиться.»

Изъ повѣствованія сего несомнѣнно явствуетъ, что движущіяся скалы, то есть: *Симплигады* или *Планеты*, находилися въ одномъ съ Скиллою и Харибдою урочищѣ, если даже не были однѣ и тѣ же, а потому не удивительно ли покажется, что позднѣйшіе писатели, оставя тѣхъ при входѣ въ Черное море изъ Ѳракійскаго Босфора, [1]) пере-

---

[1]) См. Геродотъ кн. IV. § 85. Аполлонія Родійскаго,

мѣстили сіи послѣднія въ Мессинскій проливъ? [1])

Но предубѣжденные читатели возразятъ мнѣ, что всеобщее древнихъ землеописателей преданіе, полагающее въ проливѣ ономъ Скиллу и Харибду, должно быть уважаемо и требуетъ по крайней мѣрѣ основательнѣйшаго опроверженія. Согласенъ: — и съ помощію безсмертнаго Гомера, оно отнюдь не затруднительно; ибо нѣтъ почти сомнѣнія, что самъ онъ, или, лучше сказать, всеобщее къ нему благоговѣніе подало причину къ перемѣщенію знаменитыхъ урочищъ сихъ: — по возвращеніи Язона изъ Колхиды, Ѳракійскій проливъ сдѣлался Грекамъ болѣе извѣстнымъ; сталкивающіеся камни онаго утвердилися на ихъ мѣстахъ; хищная Скилла удалилась изъ пещеры своей, а Харибдскій омутъ не представлялъ уже никакого ужаса опытнымъ мореходцамъ; и наконецъ память ихъ осталася только въ пѣсняхъ Одиссеи. По истеченіи долгаго времени, Греки, начавшіе распространять поселенія свои и на западныхъ берегахъ Италіи, въ мореплаваніи къ онымъ принуждены были проходить Мессинскій проливъ, гдѣ встрѣчали не токмо трудности, но даже и опасности, существующія для мелкихъ судовъ и понынѣ: [2]) первые стран-

---

Аргонавтика кн. 1, ст. 20, 59, 786. Валерія Флакка, Аргонавтика пѣснь IV. стихъ 561.

[1]) См. Энеида, пѣснь III, ст. 420.

[2]) См. Géographie physique de la Mer Noire et de la Mediterranée, par Durreau de la Maille, fils; pages 322, 323, 336, 338.

ствователи, претерпѣвшіе тамъ кораблекрушеніе, приняли нѣкоторыя страшнѣйшія урочища за Гомеровы Скиллу и Харибду; молва о нихъ распространилась, и мало по малу обратилася въ быль для легковѣрныхъ Грековъ, обрадовавшихся отысканію баснословныхъ Босфорскихъ страшилищъ; а время и пѣсни Гомера утвердили урочищамъ симъ древнѣйшія, по поверхностнымъ отношеніямъ, приличныя имъ названія, и передали оныя въ позднѣйшее потомство.

Вотъ, по мнѣнію моему, единственная причина, побудившая перенесть Скиллу и Харибду въ Мессинскій проливъ; но ширина онаго, непредставляющая оптическому обману средства отыскать тамъ сближающихся и отражающихся Симплигадъ, или Планетъ, принудила легкомысленныхъ и баснолюбивыхъ Грековъ оставить оныя на прежнемъ мѣстѣ, при входѣ въ Черное море изъ Ѳракійскаго, излучистаго и весьма узкаго пролива; а тѣмъ самымъ дала поводъ къ раздѣленію сихъ урочищъ, отцемъ Стихотворства, какъ выше явствуетъ, соединенныхъ. [1])

Доказавъ толь разительную позднѣйшихъ писателей съ преданіемъ Гомера несообразность, и опредѣля Скиллѣ и Харибдѣ прежнее, истинное ихъ мѣстоположеніе, почитаю себя въ правѣ заключить, что Улиссъ, возвращающійся отъ Цир-

---

[1]) См. Одиссеи, пѣснь XII. стихъ 61,73—85, 10—04, 235. Пѣснь XXIII. стихъ 326, 327. — Trad. de Bittaubé. Tome II. pages 198, 199, 201, 211. Tome III. page 300.

цеи въ Иѳаку, проплывши движущіяся скалы Босфорскія, и послѣ кораблекрушенія обратно понесенный бурею мимо оныхъ, долженъ непремѣнно очутиться опять въ Черномъ морѣ; и конечно тамъ гдѣ либо выброшенъ былъ на берегъ Огигійскаго острова, обитаемаго нимфою Калипсою.

Второе, ту же самую истину подтверждающее обстоятельство, есть пребываніе Улисса у Цирцеи, сестры Аэта, Колхидскаго царя;—родные, по тогдашнимъ, весьма затруднительнымъ странствованіямъ, долженствовали жить въ сосѣдствѣ; притомъ и Гомеръ опредѣляетъ мѣстоположеніе острова ея тамъ, гдѣ находится чертогъ Авроры и солнца восходъ, [1]) Одно указаніе сіе не позволяетъ опредѣлять жительства Цирцеи на западномъ берегу Италіи, а равномѣрно Циклоповъ Эолійскаго острова и Лестригоновъ, отъ которыхъ прибылъ Улиссъ къ Цирцеѣ.

Третіе, къ той же цѣли относящееся обстоятельство, обнаруживается описаніемъ извѣстнаго Киммерійскаго, [2]) всегдашнею тмою покрытаго народа, къ предѣламъ коего отправился Улиссъ отъ Цирцеи, для воззванія тѣней изъ царства Плутонова и для бесѣдованія съ оными.—Основательнѣйшіе критики видѣли, что картина края сего, хотя усиленными красками изображенная,

---

[1]) См. Одиссеи пѣснь XII. стихъ 3, 4.—Trad. de Bittaubé Tome II. page 193.

[2]) См. Геродотъ кн. IV. § 12.

представляетъ какую-либо сѣверную страну, выше Чернаго моря лежащую; но не можетъ ни малѣйше соотвѣтствовать западнымъ берегамъ Италіи. [1]) Гомеръ описываетъ оную слѣдующимъ образомъ: [2])

«Чрезъ цѣлый день надувалися вѣтрила быстро-«летящаго корабля; наконецъ закатилося солнце «и стези всѣ покрылися темнотою; тогда при-«плылъ корабль нашъ къ предѣламъ глубокоте-«кущаго Океана, гдѣ находится Киммерійскій на-«родъ и градъ его, мракомъ и тучами покровен-«ные: никогда сіяющее солнце не освѣщаетъ ихъ «лучами своими, ни тогда, когда восходитъ къ «нему звѣздному, ни даже, когда обратно къ «землѣ ниспускается, но всегда пагубная ночь «покрываетъ несчастныхъ смертныхъ сихъ.»

Разсудительный изслѣдователь истины съ перваго взгляда увидитъ, сколь описаніе сіе несообразно съ западнымъ берегомъ Италіи, и съ Кампанійскою страною, гдѣ находится Авернское, отъ мыса Цирцелло не болѣе ста верстъ отстоящее, озеро. Неосновательность писателей, полагающихъ близъ онаго врата обители тѣней, съ Улиссомъ собесѣдовавшихъ, должна конечно удивить каждаго непредубѣжденнаго человѣка: наипаче ежели соображено будетъ, что Гомеру даже Сицилія подъ собственнымъ именемъ ея, из-

---

[1]) См. Odyssée, trad. de Bittaubé Tome II. page 123, 124.

[2]) См. Одиссеи пѣснь XI. стихъ 11 . . . . 19. — trad. de Bittaubé Tome II. page 127.

вѣстна была, [1]) и что слѣдовательно не могъ онъ на восточныхъ, противоположныхъ оной берегахъ Италіи, означать жительство народа, всегдашнею тмою покрытаго.

Наконецъ четвертое, и самое важнѣйшее обстоятельство, доказывающее вѣроподобность многоразличныхъ странствованій Улисса около предѣловъ Чернаго моря, явствуетъ изъ мѣстнаго положенія Ѳеакіи, куда, не проплывая мимо Скиллы и Харибды, принесенъ онъ былъ бурею. Изъ многихъ мѣстъ Одиссеи видно, что страна сія весьма удалена отъ Иѳаки [2]) и отъ Греціи, и отнюдь не можетъ быть принята за островъ Корсиру, нынѣшнюю Корфу, какъ всѣ объяснители Поэмы сей почти единогласно утверждаютъ.

Для опроверженія мнѣнія ихъ, я приведу слова Навзикаи, дочери Алкиноя Ѳеокійскаго царя — При первомъ появленіи Улисса, она говоритъ устрашеннымъ прислужницамъ своимъ: [3])

«Остановитесь! куда бѣжите вы, увидѣвъ че«ловѣка сего? — Конечно, принимаете его за ка«кого либо врага; но не бывало человѣка на «свѣтѣ и не будетъ вѣчно, который бы, неся

---

[1]) См. Одиссеи, пѣснь XX. ст. 383. Пѣснь XXIV. ст. 211, 366, 389. Trad. de Bittaubé. Tome III. page 185, 328, 338. 340.

[2]) См. Одиссеи пѣснь IX. ст. 18. Trad. de Bittaubé Tome II. page 3,

[3]) См. Одиссеи, пѣснь VI. стихъ 199 . . . 205. Trad. de Bittaubé, Tome I. page 281.

«съ собою брань, пришелъ въ Ѳеакійскую стра-«ну; ибо мы любезны безсмертнымъ, обитаемъ «особо отъ всѣхъ, посреди обуреваемаго волна-«ми моря, на краю земли, и никто изъ смертныхъ «насъ не навѣщаетъ.»

Могутъ ли выраженія сіи относиться и саномалѣйше къ острову Корфу, отдѣленному отъ твердой земли и отъ весьма извѣстной Улиссу Ѳеспротіи [1]) только самымъ узкимъ проливомъ?

Но, возразятъ мнѣ критики мои, Улиссъ въ одну ночь переплылъ изъ Ѳеакіи въ Иѳаку.—На сіе отвѣтствую, что на такихъ быстротечныхъ корабляхъ, каковыми Алкиной изображаетъ Ѳеакійскіе, ни чуть не трудно въ одинъ часъ переплыть чрезмѣрное пространство. — «Повѣдай «мнѣ, говоритъ онъ Улиссу: [2]) землю свою, на-«родъ и градъ отеческій, дабы отвезли тебя ту-«да смысломъ одаренные корабли мои: ибо Ѳеа-«кеане не имѣютъ ни кормчихъ, ни рулей, упо-«требляемыхъ прочими кораблями; но сіи сами со-«бою постигаютъ намѣренія и мысли человѣковъ; «имъ вѣдомы города и тучныя поля всѣхъ на-«родовъ; мракомъ и облакомъ покровенные, про-«текаютъ они быстро пространство морей и «нѣтъ имъ никогда опасности ни повредиться,

---

[1]) См. Одиссеи, пѣснь XIV. ст. 315. Пѣснь XIX. стихъ 271, 287, 29 . Trad. de Bittaubé, Tome II. page 308. Tome III. page 118, 119, 120.

[2]) См. Одиссеи пѣснь VIII. ст. 555 . . . 563. Trad. de Bittaubé Tome I. page 383.

«ни погибнуть. [1]) Отправленіе твое полагаю я «устроить тебѣ на утро, какъ ты самъ то увидишь; — между тѣмъ, отягченный сномъ, почій; гребцы же воспользуются ведромъ, дабы «доставить тебя въ отечество, въ домъ твой, «или куда тебѣ угодно будетъ; хотя бы то было «гораздо далѣе, чѣмъ до Эвбеи, которую отда-«леннѣйшею почитаютъ тѣ, видѣвшіе ее изъ на-«шихъ, кои свѣтловласаго Радаманта возили на «свиданіе съ Титіемъ, сыномъ земли. Они туда «ѣздили. безъ труда совершили путь, и въ тотъ «же самый день назадъ въ домы свои возврати-«лися. — »

На толь чудесныхъ корабляхъ могъ Улиссъ безопасно миновать Скиллу и Харибду и въ одну ночь приплыть въ отечество. — Выдумка сія необходима даже была творцу Поэму, дабы избѣжать повторительнаго описанія однихъ и тѣхъ же предметовъ, и скорѣе достигнуть къ цѣли, предположенной для развязки повѣсти его.

Убѣжденіе въ истинѣ сей и соображеніе всѣхъ приведенныхъ здѣсь мною преданій Гомера изъ Одиссеи, утвердили меня въ мнѣніи, что странствованія Улисса должно полагать въ окрестностяхъ Чернаго моря.—Въ слѣдствіе того, при входѣ въ оное изъ Ѳракійскаго Босфора, близъ Кіанейскихъ. Планетныхъ или Симплигадскихъ камней, отыскалъ я Скиллу и Харибду въ Кон-

---

[1]) См. Одиссеи пѣснь VII. ст. 317. . . . 326. Trad. de Bittaubé, Tome I. page 327.

стантинопольскомъ проливѣ. — Обиталище Цирцеи находилось, по мнѣнію моему, на берегу Меотическаго, нынѣшняго Азовскаго моря, при устьѣ рѣки Эи, которой наименованіе, повидимому, перенесла Цирцея изъ родины своей, по выходѣ замужъ за Сарматскаго царя. — Киммерійскому, отчасти баснословному народу, назначилъ я жительство на сѣверныхъ окрестностяхъ Чернаго моря, близъ залива, носившаго въ древности названіе Некропила, или врата смерти; столицу же Ѳеакеанъ, съ двойною пристанью ея и даже съ кораблемъ, въ камень обращеннымъ, нашелъ я на южномъ берегу Тавриды, близъ нынѣшней Отузской долины —Умалчивая теперь о другихъ маловажнѣйшихъ урочищахъ, Гомеромъ не столь опредѣлительно означаемыхъ, ожидать буду сужденія, которое просвѣщенные читатели благоволятъ учинить о сихъ главныхъ моихъ, по столь любопытному предмету, заключеніяхъ.—Знаю, сколь много возраженій могутъ критики представить мнѣ, основываясь не токмо на преданіи древнихъ знаменитыхъ писателей, но даже на свидѣтельствахъ, изъ самой Одиссеи почерпнутыхъ; и для того предварительно долженъ припомнить самомыслящимъ изслѣдователямъ истины, что въ превосходной поэмѣ сей находится множество мѣстъ поддѣланныхъ въ то время, когда Скилла и Харибда передвинулися въ Мессинскій проливъ. — Перемѣщеніе сіе подало поводъ ко многимъ другимъ: для соображенія преданій отца Стихотворства, догадливые люди на-

чали присвоивать сосѣдственнымъ новой Скиллѣ и Харибдѣ урочищамъ названія, соотвѣтственныя находящимся въ безсмертной Одиссеѣ, а всевластное время навѣки оныя утвердило.—Тогда-то Сицилія, извѣстная Гомеру подъ симъ собственнымъ названіемъ ея, [1]) превратилася въ Ѳринакію [2]) и въ отечество Циклоповъ, сообразныхъ сѣвернымъ Аримаспамъ; [3]) полуночные Киммеріяне переселилися въ западный предѣлъ Италіи, [4]) а чаятельно въ слѣдъ за ними и сестра Колхидскаго царя, Цирцея, на нынѣшній Цирцелскій мысъ — Вѣтры начали дуть откуда угодно было исправителямъ Одиссеи, и даже небесныя свѣтила передвигалися по ихъ всемогущему мановенію; словомъ, вся бѣда случилась отъ перемѣщенія знаменитыхъ урочищъ Скиллы и Харибды, — а потому убѣдительнѣйше прошу просвѣщенныхъ читателей и критиковъ моихъ обратить вниманіе свое на сей важнѣйшій предметъ, изслѣдовать оный въ точности, и тогда только изречь надо мною рѣшительно обвинительный приговоръ, когда доказано будетъ, что Гомеръ не соединилъ урочища Планетъ или

---

[1]) См. Одиссеи пѣснь XX ст. 383. Пѣснь XXIV. ст. 211, 366, 389. Trad. de Bittaubé, Tome III, page 185, 328, 338, 340.

[2]) См. Одиссеи пѣснь XI ст. 106. Пѣснь XII. ст. 127. Пѣснь XIX, ст. 275. Trad. de Bittaubé, Tome II. page 133—203 Tome III. page 119.

[3]) См. Геродотъ, кн, III. § 96. кн. IV. § 13, 27.

[4]) См. Геродотъ, кн. IV. § 12.

Симплигадъ съ пещерою хищныя Скиллы и съ пагубоноснымъ омутомъ Харибды.

Заключаю искреннимъ желаніемъ, чтобы смѣлыя изысканія мои были благосклонно приняты просвѣщенными читателями, и дабы новость предположеній моихъ не сочтена была, безъ изслѣдованія, за дерзкую строптивость человѣка, старающагося отличиться только своевольнымъ умничаньемъ. — Смѣю удостовѣрить, что единственно желаніе открыть истину внушало меня въ толь отважномъ предпріятіи, и что, чувствуя совершенно ограниченность знаній моихъ и возможность погрѣшить въ собственныхъ умозаключеніяхъ, съ признательностію и уваженіемъ приму всякое благонамѣренное возраженіе противу обнаруженнаго мнѣнія моего. — Любители Наукъ и Словесности должны составлять одно семейство, и братски вспомоществовать другъ другу въ изысканіи истины, или къ достиженію изящнаго. — Вотъ авторская исповѣдь моя, чистосердечность которой доказывать на дѣлѣ поставлялъ я себѣ всегда и буду поставлять вѣчно священнымъ и непреложнымъ правиломъ.

Чего Улиссъ не претерпѣлъ!
Въ скитаньи десять лѣтъ провелъ;
Гонимъ Нептуномъ отъ Исмара,
Едва ль не вплоть до Гибралтара
Впередъ и взадъ бѣдняжка плылъ;
А вотъ теперь Капнистъ взвалилъ
На многотерпца вновь обузу
И заставляетъ плыть — — въ Отузу!

Василій Капнистъ.

III.

КРАТКОЕ ИЗЫСКАНІЕ

о

ГИПЕРБОРЕАНАХЪ

О КОРЕННОМЪ РОССІЙСКОМЪ СТИХОСЛОЖЕНІИ.

—

Любовь къ отечественному Слову заставила меня попытаться о возвращеніи ему природной собственности, которой до сихъ поръ лишали его стихотворцы безъ всякой нужды и пользы. Богатство нашего языка въ словахъ, сила въ изображеніи мыслей и благогласіе въ произношеніи, довольно извѣстны вникающему въ существенныя свойства онаго.

Безсмертныя творенія Ломоносова, Пиндара и Демосѳена нашего служатъ тому разительнымъ доказательствомъ. Сей отецъ Россійскаго стихотворства и краснорѣчія восчувствовалъ все достоинство природнаго языка своего: онъ от-

вергъ введенный школьно-учеными людьми того времени размѣръ греческихъ и латинскихъ стиховъ, слову нашему столь несвойственный. По примѣру лучшихъ нѣмецкихъ піитовъ, старался онъ, изъ одн ихъ восходящихъ и падающихъ въ ямбахъ и хореяхъ гласоразмѣреній, слагать стихи и представить въ оныхъ всѣ высокія и витійственныя мысли, порожденныя чудесною силою его воображенія. Но для чего, вмѣсто заимствованія таковыхъ чужеязычныхъ мѣръ, не почерпнулъ онъ изъ природнаго источника? Для чего не возобновилъ онъ древняго Русскаго стихосложенія, предъ всѣми иностранными толико преимущественнаго? Зачѣмъ не перешагнулъ онъ сей послѣдней преграды и не рѣшился, совершивъ знаменитый подвигъ въ исполинскомъ теченіи по отечественному ристалищу, утвердить славу Русскаго языка, первенствующаго между народами, заимствовавшими отъ ея имя свое?

Какихъ не должно было бы ожидать нашему стихотворству красотъ, силы и благогласія отъ подвиговъ сего простонароднаго Россіянина, сего великимъ духомъ одареннаго, красоты отечественнаго языка живо чувствующаго, обширными знаніями и изящнымъ вкусомъ просвѣщеннаго человѣка!—Не осталось бы послѣдователямъ его инаго труда, какъ только идти стезею, твердыми стопами его проложенною.

Увѣренъ будучи, что сей великій мужъ зналъ истинную цѣну природнаго кореннаго Русскаго стихосложенія, думаю, что опасность вооружить

противъ себя толпу тогдашнихъ школьно-ученыхъ словесниковъ, помѣшала ему присвоить оное твореніямъ своимъ. Онъ опасался, повидимому, дабы завистники его не огласили невѣжествомъ сего смѣлаго заимствованія и не приписали бы онаго токмо пристрастію простолюдина къ природному своему навыку.—Уши, къ латинскому и греческому гласоразмѣренію пріобыкшія, не бывъ способны внимать новымъ, пріятнѣйшимъ звукамъ, встревожены были бы при слушаніи оныхъ. Парнасскій нашъ исполинъ довольно имѣлъ труда, отвергнувъ учеными общепревозносимый оныхъ древнихъ языковъ размѣръ стиховъ, ввесть въ употребленіе чистые ямбы и хореи, природному нашему слову болѣе свойственные: трудность сего преодолѣнія, можетъ статься, приводила въ отчаяніе превозмочь еще большія преграды.

Но, чтобы ни воспрепятствовало сему безсмертному мужу во столь нужномъ и весьма важномъ для отечественнаго слога подвигѣ, любители онаго должны скорбѣть о лишеніи руководства его. — Они должны вознегодовать, видя, что неискусный въ красотахъ Русскаго языка, и вообще въ словесныхъ знаніяхъ весьма ограниченный человѣкъ, вступаетъ дерзостною ногою въ ристалище, миннованное исполиномъ отечественнаго стихотворства. Чувствую дерзновеніе мое и признаюся въ ономъ.

Но всегда ли, для путешествія чрезъ дремучій лѣсъ, должно ожидать, пока вихрь бури, молніею возженный пожаръ, или сѣкира могущаго вла-

стелина, проложатъ чрезъ него дорогу? Не можно ли позволить благонамѣренному путнику прокладывать чрезъ оный тропинку? — Если и не достигнетъ онъ желаемаго предмета, другой, догадливѣе, или счастливѣе, употребя ошибки его въ пользу, можетъ быть, откроетъ къ оному путь и облегчитъ труды послѣдователей своихъ. Не всегда первые шаги доводили человѣка до совершенства: трудными, тѣсными и излучистыми стезями достигалъ онъ до познанія истины. Первые опыты часто оставались безуспѣшны, но не могли быть предосудительны. Я ожидаю отъ безпристрастія соотечественниковъ моихъ равномѣрнаго суда. Они еще охотнѣе извинятъ мою смѣлость, когда вспомнятъ причину, побудившую меня къ отважному моему предпріятію: я уже сказалъ ее: любовь отечественнаго Слова. Можетъ быть, ослѣпляетъ меня сродное отчизнолюбіе пристрастіе; но я твердо увѣренъ объ отличномъ, предъ прочими народами преимуществѣ Русскаго языка, музыки и стихосложенія; и смѣю заключить, послѣ рачительнаго изслѣдованія, что оно оставлено намъ въ наслѣдство отъ народа, въ отдаленнѣйшихъ временахъ знаменитаго, просвѣщеніемъ своимъ озарившаго предѣлы древнія Греціи, гордившейся знаніями своими Пусть, ежели угодно, предположеніе сіе и изысканія мои считаютъ мечтами; но думаю, что каждому любящему отечество свое человѣку и самыя мечты, ко славѣ онаго клонящіяся, должны быть пріятны Въ семъ лестномъ упова-

ніи, представляю соотечественникамъ трудъ мой, къ оправданію дерзостной попытки возвратить Слову нашему столь дорого цѣнимую мною принадлежность.

Для изслѣдованія оной въ самомъ ея источникѣ принужденъ я вопросить развалины древнѣйшаго сѣвернаго соотечественнаго намъ народа. Ѣдкость времени пощадила нѣкоторые драгоцѣнные отломки памятника, доказывающаго величіе, славу и мудрость соорудившихъ оный Я постараюся истолковать нѣмое ихъ свидѣтельство, согласить съ темнымъ преданіемъ отдаленнѣйшихъ вѣковъ и открыть слѣды именитаго народа сего, процвѣтавшаго въ младенчествѣ вселенныя и первыми познаніями просвѣтившаго оную.

Народъ сей, извѣстный подъ именемъ Гипербореанъ [1]), по преданію Діодора Сицилійскаго и многихъ другихъ, уважаемъ и славенъ былъ въ древности. Сосѣдами почитался онъ священнымъ [2]). Сіе наименованіе заслужилъ онъ набожностію и благонравіемъ своимъ. Ибо повѣствуютъ [3]), что подъ небомъ, гдѣ созрѣвала ежегодно двукратная жатва [4]), проводилъ онъ весьма долговременную жизнь въ ревностномъ богослуженіи, въ мирѣ, въ простосердечномъ исполне-

---

[1]) Diod. de Cicile Liv. IV.

[2]) Apollonius de Rodes Argon. Liv. IV.

[3]) Pomponius Mela. Liv. III. chap. V. Pline, Hist. Nat. liv. IV. chap. XII.

[4]) Diod. de Cic. Liv. II.

нія добродѣтелей, въ ежедневныхъ празднествахъ, пѣніи и пляскахъ. Преданіе полагало у него колыбель Латоны, увѣряя, что и самъ Аполлонъ, по изгнаніи съ неба за укоризны Юпитеру, сына его Эскулапія громомъ поразившему, уклонился къ народу сему и на берегахъ моря оплакивалъ смерть сына слезами, обратившимися въ янтарь [1]. Во время пребыванія въ странѣ сей наставлялъ онъ жителей въ разныхъ наукахъ и въ музыкѣ; а потомъ, чрезъ каждые 19 лѣтъ посѣщая ихъ, пребывалъ съ ними отъ весенняго равноденствія до восхожденія Плеядъ [2]) и всякую ночь услаждалъ ихъ своею лирою; почему и имя Гиперборейскаго Греками присвоено ему было.

Благоговѣніе къ Аполлону въ жителяхъ страны сея такъ сильно вкоренено было, что они ежегодно посылали въ даръ начатки жатвъ и плодовъ своихъ на островъ Делосъ [3]), въ которомъ сей богъ лиры рожденъ былъ соотечественною имъ Латоною. Для жертвоприношенія сего избираемы были дѣвы, и къ сопровожденію ихъ юноши испытаннаго цѣломудрія, добродѣтели и храбрости. Они предпринимали почти неимовѣрно дальній путь, посреди свирѣпыхъ и разноплеменныхъ народовъ, единымъ благоговѣніемъ къ свѣтоносному богу музыки и стихо-

---

[1]) Apollonius Argon. Liv. IV.

[2]) Diod. de Cicil. Liv. II. § 28.

[3]) Herodote. Liv. IV. chap. VI. Pline Hist. Natu. Liv. IV chap. XII.

творства предводимые. Сильнѣйшимъ же доказательствомъ уваженія къ нему Гипербореанъ служитъ повѣствованіе Павзанія о нѣкоемъ соотечественномъ имъ Аполлонѣ [1]), приходившемъ на помощь осажденному Галлами Дельфійскому храму, славившемуся прореченіями онаго знаменитаго божества.

Изъ сего рожденія и прихода Аполлонова можно заключить съ Геродотомъ, почитающимъ таковыя странствованія боговъ за введеніе ихъ богослуженія, что въ Дельѳы перенесено было оно отъ Гипербореанъ, еще до преселенія туда Египетскихъ и Финикійскихъ племенъ [2]). Ибо мнѣніе о пребываніи Аполлона между Гипербореанами и о преимуществѣ знаній ихъ такъ сильно въ Греціи впечатлѣно было, что, по свидѣтельству Аристотеля, Эліяномъ намъ преданному, Кротоніяты [3]), мудростію Пиѳагора удивленные, приняли его за Гиперборейскаго Аполлона. Сіе невынужденное самохвальныхъ Грековъ признаніе заставляетъ предполагать, что науки, стихотворство и музыка, коими Европа почитаетъ себя имъ одолженною, принесены туда были отъ сего священнаго для нихъ народа.

Но гдѣ же было отечество его, сіе любезное Аполлону виталище? Славнѣйшіе греческіе писатели укажутъ намъ къ оному путь.

---

1) Pavsanius Phoc. V. Ciceron de la nais. des dieux Liv. II chap. 23.

2) Bannier Expl. des fables. T. III. page 230.

3) Variations historiques. Liv. II. ch. XXIII.

Страбонъ удостовѣряетъ, что древнѣйшіе повѣствователи раздѣляли Скиѳовъ, выше Чернаго моря обитающихъ, на Гипербореанъ [1]) Аримасповъ и Сарматъ. Первыхъ одни полагали у Рифейскихъ горъ, близъ сѣверныя оси земли, гдѣ воздухъ всегда наполнялся перьями [2]), а солнце токмо шесть мѣсяцовъ въ году сіяло, и думаю, что поелику вѣтръ Борей исходилъ изъ хребтовъ Рифейскихъ, то и проименовали народъ сей Гипербореанами [3]), то есть: Заборейскими. Другіе опредѣляли жилище ихъ къ сѣверу Европы надъ вершинами рѣки Дона [4]) и противъ Кельтическаго нѣкоего мыса, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Рифейскія горы низятся и совсѣмъ исчезаютъ.

И такъ для отысканія жилища Гипербореанъ, во-первыхъ, нужно намъ узнать настоящее положеніе Рифейскихъ горъ, по древнимъ землеописателямъ, Европу отъ Азіи раздѣляющихъ. Россійскій Пиндаръ покажетъ намъ оныя перстомъ, сопровождающимъ на струнахъ громогласныя лиры безсмертную пѣснь [5]):

«Свою Полтавску вспомни рану,
«Что знать еще въ груди твоей;
«И гордость при Днѣпрѣ попранну,
«И многій плѣнъ твоихъ людей,

---

1) Strabon. Liv. XI.

2) *Πτερόφορος* Solin chap. XXXII. Pline. Liv. IV.

3) Apollonius. Liv. IV.

4) *Мапаиса.* Strabon. Liv. I. Pomp. Mela. Liv. III. chap. V. Prin. Hist. Nat. Liv IV. chap. XII. Liv. V. chap. XIII.

5) Ломоносова Ода II, строфа XIV.

«Заобскіе брега вселенный,
«Хребтомъ Рифейскимъ заключенный,
«За коимъ сильна Росска власть
«Велику держитъ встока часть:
«Гдѣ Орды Ей сбираютъ дани,
«По Ней всегда готовы къ брани.»

По слѣдамъ исполина сего съ пути совратиться не возможно: мы достигли съ нимъ Рифейскихъ горъ, отысканіе коихъ столь много озабочиваетъ европейскій ученый свѣтъ. Уральскія вершины [1]) суть истинные Рифейскіе хребты. Они называются у насъ великимъ поясомъ, что и самое слово Уралъ значитъ [2]), по свидѣтельству одного изъ достойнѣйшихъ нашихъ историковъ.

Сіе присвоеніе Уральскимъ хребтамъ имени Рифейскихъ горъ оправдываетъ Плиній [3]), когда, разгранича оными отъ Азіи Европу и продолжая описывать предѣлы послѣдней вдоль Сѣвернаго моря и лѣвой западной стороны сихъ горъ, полагаетъ онъ Гиппоподовъ, [4]) такъ сказать, Конноногихъ и Всеухихъ Панагіеновъ [5]); а за ними германскій народъ Ингевоновъ, живущихъ у подошвы горы *Сево*, простирающійся даже до Цимбрическаго мыса и до обширнаго Ка-

---

[1]) Исторія Татищева, глава 12, прим. 26.

[2]) Тамъ же, гл. 11, § X.

[3]) Pline. Liv. IV chap. XIII. et Liv VI. chap. XIII.

[4]) Можетъ быть, на конькахъ, или на лыжахъ ѣздящихъ.

[5]) *Всеухихъ*, такъ, что завертывались ушами, то есть: длинноухія шапки носящихъ.

данскаго, сиречь: Балтійскаго залива. Такимъ образомъ въ описаніи пространства между кряжами Рифейскихъ и Севскихъ въ Норвегіи лежащихъ горъ [1]), не показавъ никакихъ другихъ, заставляетъ непремѣнно признать Уральскій кряжъ за именитые Рифейные хребты.

Отыскавъ теперь начальное недвижное урочище, отечества Гипербореанъ и, по руководству Плинія, [2]) распространяя даже до вершины Дона, останавливаемся опять затрудненіемъ назначить крайній предѣлъ онаго; но Аполлонъ самъ разсѣетъ мракъ древности, покрывшій границы любезнаго ему народа. Слезы его, пролитыя на берегахъ моря, обратившіяся въ янтарь [3]), свидѣтельствуютъ намъ, что страна, въ которую уклонился онъ, по изгнаніи съ небесъ, оплакивать смерть сына своего, простиралась до восточныхъ береговъ Балтійскаго моря, сіе драгоцѣнное произведеніе природою извергающаго.

Инымъ покажется неимовѣрно, чтобы толикое разстояніе могло покрыто быть однимъ наро-

---

[1]) Cluvier antiquités Germ.

[2]) Pline. Liv. IV. chap. XII.

[3]) Apollonius Argon. Liv. IV. Другое преданіе приписываетъ произведеніе янтаря слезамъ Гелліадъ, сестръ Фаетонта, сына Аполлонова, громомъ Юпитера пораженнаго (Methamor. d'Ovide. Liv. 11). Это, по всѣмъ вѣроподобностямъ, та же самая басня, одѣтая другимъ иносказаніемъ. Г-нъ аббатъ Банніеръ относитъ происшествіе сіе къ брегамъ же Балтійскаго моря.

домъ; но нынѣшнее пространство нашего отечества, во временахъ, стѣснившихъ селеніе народовъ, уничтожаетъ неимовѣрность сію и настоящимъ событіемъ увольняетъ меня отъ доказательства, на преданіяхъ основаннаго.

Но сходно ли съ здравымъ разсудкомъ, возразятъ мнѣ иные, полагать въ холодной сѣверной странѣ отечество Гипербореянъ, въ которомъ, какъ выше сказано, ежегодно двѣ жатвы созрѣвали? На сіе отвѣтствую, что свойственная далеко странствующимъ склонность сплетать ложь, повидимому, породила басню сію: Греки, слыша отъ путешественниковъ своихъ, непроживавшихъ въ сторонѣ Гипербореянъ цѣлаго года, что въ оной засѣвались нивы въ Маѣ, а въ Августѣ оканчивалась жатва, заключили, по обыкновенному своему легковѣрію, что тамъ, гдѣ въ три мѣсяца засѣвались и созрѣвали жатвы, земля приносила въ годъ по крайней мѣрѣ два раза плоды свои трудно было придумать басню сію людямъ, которые преобратили падающій съ неба снѣгъ въ перья. а русскія шапки-ушатки — въ длинныя уши Панагіеновъ, обвивающихъ оными все тѣло свое.

Опредѣля такимъ образомъ настоящее мѣстоположеніе Гипербореи, сей любезной Аполлону страны, остается доказать, что Греки заимствовали отъ жителей ея науки свои, Музыку и Стихотворство.

Касательно первыхъ девятнадцатилѣтній срокъ, опредѣляемый Аполлоновымъ странѣ сей посѣ-

щеніемъ, составляя важный астрономическій періодъ, извѣстный подъ названіемъ золотаго числа, или круга Метонова, предполагаетъ уже у Гипербореанъ высокія звѣздочетныя свѣдѣнія, которыя, повидимому, сообщилися отъ нихъ Греціи; ибо предокъ Платона, посланный въ Делосъ для защищенія острова сего отъ нападенія полководцевъ Ксеркса, царя персидскаго, нашелъ тамъ мѣдныя скрижали, принесенныя изъ Гиперборейскія страны, на коихъ начертано было понятіе о мздовоздающемъ и мстительномъ Богѣ и о безсмертіи души [1]).

Сами греческіе повѣствователи признаются, что знанія переселилися къ нимъ отъ Сѣвера: первѣйшіе изъ числа великихъ мужей, во теракѣ невѣжества Грецію просвѣтившихъ, были сѣверные уроженцы.

Сатурнъ, отецъ боговъ, царствовавшій въ теченіе золотаго вѣка, назидавшій мудрыми законами свободу и блаженство смертныхъ, обиталъ, по преданію Діонисія географа [2]), на берегахъ Ледовитаго моря, по имени его Сатурновымъ прозваннаго [3]). Древнѣйшіе звѣздочеты, повидимому, удостовѣренные въ сей истинѣ, сообразуясь хладу Сатурнова отечества, присвоили имя его хладнѣйшей планетѣ и мягчайшему изъ всѣхъ металлу, почти какъ ледъ на огнѣ растаевающему.

---

[1]) Platon dans Axioch.

[2]) Denis, — Vers 35 Rudbek. Tom. I.

[3]) Orphée vers 1077. Pluve, IV. ch. XVI.

Атласъ, племянникъ его, сынъ Япетовъ [1]), изобрѣтатель небесныя сферы, царствовалъ на горѣ, прославившейся его именемъ, которую Гезіодъ полагаетъ [2]) въ жилищѣ ночи, въ странѣ, вѣчнымъ мракомъ покрытой. Соотвѣтственно сему, Гесперидскіе сады, въ которыхъ дочери, или племянницы его, сберегали золотыя яблоки, похищенныя Геркулесомъ, по свидѣтельству Аполлодора [3]), не въ Африкѣ, но въ Гиперборейской Атлантидѣ находились. И такъ гора Алтай, сосѣдняя Рифейскимъ вершинамъ, золотые рудники въ себѣ заключающая, можетъ быть, есть оная гора Атласъ, названіе свое чрезъ перемѣщеніе одной буквы [4]) перемѣнившая, и южный кряжъ ея, понынѣ подъ названіемъ Яблочнаго извѣстный, можетъ напомянуть намъ о яблокахъ гесперидскихъ.

Обитаніе Атласа на сѣверныхъ горахъ подтверждается тѣмъ, что Прометей, братъ его, даровавшій огонь смертнымъ, въ наказаніе за похищеніе онаго съ небесъ, прикованъ Юпитеромъ

---

[1]) Apollodore. Liv. I.

[2]) Hesiode Theog. vers 274 — 517.

[3]) Apollodore mithologie. Liv. II.

[4]) Въ оправданіе мнѣнія моего о перемѣщеніи въ семъ имени буквы *Л*, приведу примѣръ *Дона Пезарона* (см. Antiquit. de la langue des Celtes), производящаго названіе Атласа отъ слова *Altus*, перемѣненіемъ той же самой буквы *L*. *Atlas*, *Altus*, Алтай, имя сіе на Племеноскиѳскомъ, Татарскомъ языкѣ означая *златый*, могло породить баснь о золотыхъ яблокахъ, растущихъ на горахъ, Атласомъ обитаемыхъ.

на горѣ Кавказѣ [1]), сосѣдственной Рифейскому хребту. Нѣкоторые принимаютъ его за Могога, сына Яфетова, праотца сѣверныхъ народовъ [2]). Какъ бы то ни было, сквозь запутанную многими баснословными вымыслами Промеѳееву повѣсть, видно по крайней мѣрѣ, что знакомое Гипербореанамъ понятіе о душѣ, семъ огнѣ небесномъ, оживляющемъ тѣло человѣческое, принесъ онъ Грекамъ отъ сѣверной страны.

Девкаліонъ, сынъ его, по свидѣтельству Лукіана [3]), принесъ изъ Скиѳіи въ Финикію, съ повѣстью Адониса, богослуженіе солнцу.

Наконецъ древній Геркулесъ, если противу мнѣнія нѣкоторыхъ писателей [4]) и не былъ полунощный уроженецъ, по крайней мѣрѣ странствовалъ на Сѣверѣ, и былъ предокъ скиѳскаго племени: сожитіе его съ Сиреною, породившею Агафирса, Гелона и Скиѳа [5]), разбитіе Лигуровъ [6]) въ полунощной странѣ, покрытой мракомъ и снѣжными облаками, довольно сіе подтверждаютъ. Если же примемъ еще за истину обитаніе на Сѣверѣ Атласа и Гесперидъ, то исчезнетъ затрудненіе чрезвычайно дальнихъ и неимовѣрныхъ, отъ западной Африки на край Сѣ-

---

[1]) Pline, liv. XIII. Hesiode, liv. I. chap. I.

[2]) Bochart. phaleg. liv. I, chap. II. le Cler. hesper.

[3]) Lucian de dea Syr. loc. cit. Rudbek de Atlant, t. II. Bailly lettres sur l'Atlant. lettre XV.

[4]) Rudbek, tom. I.

[5]) Herodote. liv. IV. chap. X.

[6]) Strabon: Geogr, liv. IV.

вера путешествій его, для свиданія съ Атласомъ, похищенія гесперидскихъ яблокъ, освобожденія Промеѳея и другихъ, около полунощныхъ предѣловъ Азіи подвиговъ и странствованій его. Не одни въ письменахъ свидѣтельства руководствуютъ насъ къ заключенію о жительствѣ Атласа близъ Ледовитаго моря; въ небесахъ оставили они преданіе свое: начертаніе звѣздной сферы, представляя Геркулеса въ полночномъ отдѣленіи, явственно свидѣтельствуетъ о подвигахъ его въ странахъ, къ сѣверной оси Земнаго Шара прилежащихъ, гдѣ помогалъ онъ сыну Япета поддерживать сводъ небесный, на оной обращающійся.

Здѣсь почитаю пристойнымъ изложить причины, заставившія древнихъ перенесть отъ Сѣвера на Западъ всѣ достопамятнѣйшія въ ихъ преданіяхъ упоминаемыя урочища. Не подвержено никакому сомнѣнію, что въ древности имѣли всѣ къ Гомеру безпредѣльное уваженіе: онъ былъ первый историкъ, первый землеописатель; его свидѣтельство такъ уважаемо было, что часто одинъ стихъ его рѣшалъ тяжбу между городами и народами, спорящими о границахъ своихъ [1]). По истеченіи многихъ вѣковъ, ученые того времени люди, читая въ Одиссеи, что Гомеръ заставляетъ путешествовать Улисса въ странѣ, всегдашнимъ мракомъ покрытой и никогда солнцемъ неосвящаемой, хотя видѣли, что черты сіи какую-то полнощную страну означали; но поелику

[1]) Voyage d'Anacharsis. T. I. page 85.

отъ Сѣвера съ Греціею граничило Черное море, по причинѣ варварскихъ народовъ, на берегахъ онаго обитавшихъ, негостепріимнымъ (ἄξενοσ) названное [1]), то заключили они, что Улиссу тамъ проходить было невозможно, и что Гомеръ страну, вѣчною тмою покрытую, опредѣлялъ на Западѣ: ибо думали, что тамъ должна царствовать вѣчная ночь, гдѣ солнце на закатѣ своемъ перестаетъ освѣщать вселенную [2]). Сія неосновательная мысль часъ отъ часу болѣе утверждалась, а наконецъ, по примѣру вкорененія всѣхъ суевѣрныхъ преданій, сдѣлалась общепринятою, неоспоримою истиною. Въ послѣдствіи времени, любопытные люди старались отыскать на Западѣ мѣста, описанныя Гомеромъ. Никакое затрудненіе не удерживало догадокъ тамъ, гдѣ еще наука соображенія не озаряла свѣтильникомъ своимъ страны, населенной неисчетнымъ множествомъ наглыхъ вымысловъ и малымъ числомъ скромныхъ истинъ. Проливъ между Италіею и Сициліею получилъ названіе Скиллы и Харибды [3]); самая Сицилія почтена была страною Циклоповъ [4]) и Фринакиною [5]). Островъ Липари пре-

---

[1]) Pline, liv. IV, chap. XII.

[2]) Bannier, T. V. page 17.

[3]) Страбонъ удостовѣряетъ, что Гомеръ выдумалъ ихъ по поводу преданія *о Сіанейскихъ* скалахъ, у Константинопольскаго пролива находившихся. Odyssée trad. T. II. p. 230. Bannier T. V. p. 17.

[4]) Odyssée trad. T. II. page 50.

[5]) Всѣ вообще ученые люди признаютъ *Тринакрію*, то

вратился въ жилище Эола, бога вѣтровъ [1]); Кампанійскія поля въ пустыни Киммеріанъ [2]); въ Италіи мысъ Цирцелло — въ низкій и пологистый островъ волшебницы Цирцеи [3]). Греки часто перемѣняемымъ поселеніямъ своимъ ста-

---

есть: *треугольную*, за Сицилію, не смотря на то, что Гомеръ называетъ островъ сей не *Тринакріею*, но *Фринакиномъ* и островомъ Солнца. Odyssée пѣснь XII, ст... Trad. T. II. page 213. Никто не хотѣлъ изслѣдовать разницы между *Фринакиномъ* и *Тринакріею*. Сомнѣніе, что Гомеръ подъ симъ названіемъ не Сицилію, но какое нибудь другое мѣсто разумѣетъ, оправдается тѣмъ, что онъ Сицилію подъ собственнымъ ея именемъ зналъ и упомянулъ оное два раза въ Одиссеи: Одиссея.пѣснь XX. ст..... Trad. Tom, III. page 185. Пѣснь XXIV, ст.... trad. T. III. page 334 — 328.

[1]) Odyssée Trad. T. II. pag. 102. Lettres sur l'Attlantide age 251. Греки, говоритъ Г. Бальи, присвоивающіе ихъ отечеству всѣ преданія, перенесли островъ Эола въ Липару.

[2]) Г. Бальи въ письмахъ своихъ объ Атлантидѣ говоритъ: «И такъ были Киммеріане въ Азіи: когда они оттуда вышли, «то былъ народъ сего имени близъ Метеотическаго залива; «а когда сіи варвары перешли въ Италію, то равномѣрно сы-«скиваемъ Киммеріанъ близъ Бейи и Пузолы.» См. lett. sur l'Attlantide, pag. 344. Я, напротивъ, того думаю, что Киммеріанъ въ Италіи никогда не бывало, что имя ихъ перенесли туда тѣ, которые хотѣли опредѣлить въ Авернѣ врата адскія, и для того мысленно переселили туда народъ сей, чтобъ не поразнорѣчить съ Гомеромъ. См. Bannier T. V. page 19.

[3]) Почтенный переводчикъ Гомера Г. Битобе въ примѣчаніи своемъ объ островѣ Эейскомъ говоритъ: «Цирцея, гора «неподалеку отъ Форміи. Гомеръ называетъ его островомъ «для того, что окружающія болота и море дѣлаютъ ее полу-

рались давать извѣстныя по пѣснямъ Гомеровымъ названія мѣстъ. Такимъ образомъ вся землеописательная система измѣнилась; а съ прочими урочищами и гора Атласъ перенеслась изъ Сѣвера, вѣчнымъ мракомъ покрытаго, на край западной Африки, и живущій на ней сынъ Япета, сего предка Скиѳовъ, преображенный въ Арапа, принужденъ былъ, на весьма низкихъ горахъ, поддерживать небо, подъ знойнымъ поясомъ, въ странѣ ежедневно солнцемъ посѣщаемой!

Итакъ, когда отвергнувъ сіи ложныя понятія, видимъ, что отецъ боговъ, образователь небесной сферы, изобрѣтатель огня, установитель въ Финикіи богослуженія солнцу, — всѣ сіи знаменитые мужи суть сѣвернаго скиѳскаго происхожденія: то можно ли не положить въ общемъ отечествѣ ихъ источника всѣхъ познаній, пролив-

---

«островомъ. Онъ придаетъ оному названіе *Эеи*, затѣмъ, что «относитъ къ нему все то, что извѣстно было объ *Эеи* Колхидской.» Г. Битобе, кажется мнѣ, придаетъ тутъ Гомеру собственное свое мнѣніе. Онъ продолжаетъ: «Страбонъ думаетъ, что Гомеръ, зная все, что повѣствовалось о Колхидѣ, «какъ то: плаваніе туда Язона и всѣ басни о Медеѣ и Цирцеѣ, и объ ихъ волхвованіяхъ, произвелъ ихъ отъ одного «рода, хотя одна обитала на краю Чернаго моря, а другая на «берегахъ Италіи. Цирцея есть баснословная богиня: Стихотворцы имѣютъ право присвоивать одному лицу повѣствуемое о другомъ. *См. Odyssée Trad. T. II. page* 108.» Вотъ заключенія о Гомерѣ грамотныхъ людей! Несправедливость оныхъ по сему предмету подробнѣе доказана въ бредахъ моихъ на досугѣ, которые скоро сужденію ученаго свѣта представлены мною будутъ.

шагося въ полуденныя страны? особливо же когда, по свидѣтельству Грековъ, и самъ Аполлонъ, сей богъ вещественнаго и умственнаго свѣта родился отъ Сѣверянки, обиталъ въ полунощномъ краѣ и былъ наставникомъ жителей онаго, посвятившихъ себя служенію его; а наконецъ, когда знаемъ, что даже и высокомѣрные Индѣйцы признавали, что Брамы ихъ пришли отъ Сѣвера, что они изъявляютъ къ оному и понынѣ почтеніе свое многотрудными богомольными туда путешествіями [1]), и тѣмъ подтверждаютъ ясно, что не токмо Греція, но и всѣ южные предѣлы земли сѣвернымъ сіяніемъ озарилися.

Я доказалъ сіе историческими, непримѣтно подъ перо мое скопившимися свидѣтельствами; равномѣрно доказываютъ сіе иносказательныя древнихъ басни: извѣстное о Фениксѣ [2]), чрезъ триста лѣтъ изъ пепла своего возраждающемся, преданіе заимствовано южными народами отъ сѣвернаго края. Ибо въ Эддѣ [3]), богословской книгѣ Готѳовъ, о такой точно птицѣ упоминается. Сія басня, не полно изображающая возобновленіе года, пополняется тамъ повѣстью Офреи [4]), позволяющей супругу своему оставлять ее 65 дней съ тѣмъ, чтобы послѣдніе 300 дней пре-

---

[1]) Gentil, memoires de l'Academie pour l'an. 1713. Hist. gener. des Voyages. Tom. XXV.

[2]) Herodote dans Euterpe.

[3]) Olaus Rudbek. de Atlant. Tom. II.

[4]) Тамъ же.

бывалъ онъ ей вѣрнымъ. Удивительное сходство сего дней числораздѣленія съ изображеніемъ Януса [1]), державшаго въ одной рукѣ трехсотное, а въ другой шестьдесятъ пятое число, доказываетъ, что какъ басня о Фениксѣ, 300 лѣтъ живущемъ, такъ сіе Януса изображеніе, и вообще счисленіе дней года, заимствовано отъ сѣверной страны, имѣющей почти неудобопостижимое южнымъ народамъ свѣдѣніе о крайнемъ предѣлѣ земли, лежащемъ подъ 71 градусомъ, гдѣ солнце скрывается 65 дней въ году.

Скажутъ иные, что въ сосѣдствѣ страны сея, за чрезмѣрною стужею, не можно было обитать древнему, въ наукахъ столь много свѣдущему народу. На сіе, съ Пливіемъ минувшаго вѣка [2]), возражаю, что причинѣ первобытнаго знойнаго состоянія земли, повсемѣстныхъ волкановъ и пожаровъ, оставившихъ на ней неизгладимые слѣды, [3]) первое сродное человѣку обиталище долженствовало быть почти около самой сѣверной оси; что долговременная ночь была тогда отрадна, и нынѣшніе полуночные морозы весьма умѣренно прохлаждали воздухъ. Неоспоримымъ сему доказательствомъ служатъ отыскиваемыя въ Сибири слоновыя кости [4]) и находимыя въ ока-

---

[1]) Macrobe sat. Liv. I. chap. IX.

[2]) Buffon volum des époques de la nature.

[3]) Spielman chimie fournoy chimie tom. III. et Bergman, manuel mineral § XXII.

[4]) Pallas hist. des decouvertes tom. I. page 63, 309 — 317.

менѣлостяхъ виды растеній, нынѣ въ самой только горячей странѣ прозябающихъ. По истеченіи множества вѣковъ, прохлажденіе сѣвернаго края, склоненіемъ Еклиптики [1]), или уменьшеніемъ внутренняго огня земли причиненное, заставило полунощныхъ жителей непріятно ощущать прежде отрадное отсутствіе солнца, замѣчать времена отлучки его, оплакивать оное въ баснословной временной смерти Адониса, столь сходственной съ *Озирисовою смертію* [2]), и оставить о семъ свои замѣчанія въ басняхъ о Фениксѣ и Фреи; замѣчанія съ продолженія вѣковъ, родившія между ими звѣздочетную, древнѣйшую умозрительную науку. Съ большимъ прохлажденіемъ земли усилившіяся на Сѣверѣ непогоды породили тамо всѣ необходимыя человѣчеству открытія; какъ то: изобрѣтеніе огня, храненіе онаго въ храмахъ Весты, богини свѣта, хлѣбопашество и прочія знанія, нуждами порожденныя; а наконецъ нестерпимые морозы и умноженіе народа [3]) принудили сѣверныхъ жителей, убѣгая отечественнаго края, разнесть въ южные, умѣренно прохладившіеся предѣлы, съ знаніями своими, преданіе о золотомъ Сатурновомъ вѣкѣ и обожаніе солнца или огня.

---

tom. II page 54 185. Memrirs de l'Academie de Sciences pour l'an 1727.

[1]) Physique du monde, tom. I. et. tom. II. partie II.

[2]) Bailly lettres sur l'Attantide, lettr XV.

[3]) Journandis, hist. de Goth.

Всѣ сіи природы и преданій свидѣтельства, обнаруживающія столь естественное отъ Сѣвера къ Югу народовъ и наукъ переселеніе [1]), достаточны для доказательства, что въ позднѣйшія времена Греція заимствовала знанія свои отъ полунощныхъ народовъ, между которыми одни только Гипорбореане, предки наши, столь преимущественными знаніями отличались. Собственное самолюбивой Греціи признаніе подтверждаетъ истину сію: Пиѳагора [2]), за превосходство его мудрости, сочла она, какъ выше сказано, Аполлономъ Гиперборейскимъ; и божеству сему единоплеменнаго Абариса, принесшаго изъ Скиѳіи въ Лакедемонъ богослуженіе Прозерпины, порожденной богинею хлѣбопашества, пріобщила къ числу семи мудрецовъ своихъ.

Во оправданіе сихъ, знаніями своими гордящейся Греціи, столь уничижительныхъ мнѣній, скажу, что прежде меня, ученіемъ знаменитые въ Европѣ люди, какъ-то: Олаусъ-Рюдбекъ, Бальи и многіе другіе доказывали, что науки и просвѣщеніе возсіяли отъ Сѣверныхъ странъ, гдѣ они полагали славный въ древности островъ Атлантидскій.

Таковое чужеземными безпристрастными писателями древней отечественной странѣ нашей присвоеніе колыбели оныхъ знаменитыхъ Атлантовъ, первыхъ просвѣтителей вселенныя, подкрѣпитъ,

---

[1]) Bailly Astronom. Am. Liv. IV. § X.

[2]) Diod. de Cic. Pausan. Liv. III.

я чаю, мнѣніе мое о происхожденіи знаній отъ полунощнаго природнаго намъ края; оно, можетъ быть, остановитъ презрительную улыбку, съ которою иной греческой мудрости почитатель взиралъ на стараніе мое произвесть древнее наше родоначаліе отъ славныхъ оныхъ Гипербореанъ, ближайшихъ потомковъ Атлантиды [1]).

Что же касается до истинныхъ отечества любителей, то я ласкаю себя надеждою, что они извинятъ меня за сіе, нѣсколько пространное о сѣверномъ происхожденіи наукъ начертаніе, которымъ желалъ явозвратить принадлежащее предкамъ нашимъ достояніе и унизить гордость кичащихся предъ нами ученостію своею народовъ.

Теперь обращаюся къ менѣе важному, настоящему предмету моему, и постараюся показать сходство древней греческой музыки съ простонароднымъ русскимъ пѣніемъ.

Въ новѣйшія времена два знаменитые ученостію мужа, Кирхеръ и Бюретъ, по долговременномъ изслѣдованіи теоретической части древней музыки, успѣли перевесть, посредствомъ таблицъ Алипія, съ древнихъ музыкальныхъ знаковъ на нынѣшнія ноты, часть гимна Немезидѣ и одну оду Пиндарову, которая, какъ въ раздѣленіи своемъ, такъ въ выходкахъ и въ хорѣ, а наиболѣе въ общемъ вкусѣ пѣнія, похожа на одну древнюю русскую хорную пѣсню [2]). Всякъ мы-

---

[1]) Bailly lettres sur l'Atllantide, lettr. XXIV.

[2]) Предисловіе о народномъ Русскомъ пѣніи, писанное въ 1790 году, Н. А. Л.

слящій человѣкъ, испытывающій причины вещей, имѣетъ право вопросить: какимъ образомъ пѣніе славнаго греческато стихотворца, забытое въ отечествѣ его, перенеслося и удержалося однимъ преданіемъ слуха въ толь отдаленномъ простомъ народѣ? Не благоразумнѣе ли будетъ заключить, что оно, какъ слуху русскому свойственное и коренное, родилось и осталось здѣсь; а въ Грецію бывъ перенесено, имѣло участь всего не природою впечатлѣннаго, но заимствованнаго по произволу.

Наконецъ способность нашихъ неграмотныхъ простолюдиновъ, безъ руководства, безъ правилъ и одною токмо точностію слуха водимыхъ сочинять правильными, гладкими, размѣрными стихами сказки и пѣсни, сообщать послѣднимъ напѣвъ, располагать хоромъ, гдѣ всякой голосъ идетъ своею чертою, а вообще составляетъ ту ученую часть парафонической музыки, которой нигдѣ и въ европейскомъ народѣ не слышно; повторяю не обинуясь, что толико отличная способность къ пѣнію, обнаруживающая нѣкоторый чудный врожденный даръ и тонкую разборчивость уха, тѣмъ меньше заслуживаетъ презрѣніе просвѣщенныхъ и ученыхъ людей, что, можетъ быть, она есть драгоцѣнный наслѣдственный остатокъ древняго Аполлонова наставленія, сообщившагося отъ насъ дальнѣйшимъ странамъ и обогатившаго тѣ самые народы, отъ которыхъ мы нынѣ раболѣпно заимствуемся.

Но скажетъ иной: какъ возможно, чтобы народъ, просвѣтившій Грецію науками, музыкою

и стихотворствомъ, дошелъ до такого во всѣхъ сихъ частяхъ невѣжества, въ какомъ коснѣлъ онъ до начала минувшаго столѣтія?

Отвѣтъ на сіе весьма не затруднителенъ. Вопрошающій да воззритъ на отечество египетскихъ мудрецовъ; мохомъ поросшія пирамиды свидѣтельствуютъ токмо о суетности и гордости владычествовавшихъ надъ ними фараоновъ. Да вопроситъ наслѣдниковъ древнихъ халдейскихъ звѣздочетовъ о теченіи небесныхъ свѣтилъ. Они покажутъ ему, по дикой степи руками опустошителей разметанные своды храма наукъ. Пускай вопроситъ потомковъ Платона, Пиндара, Зевксиса и Праксителя о мудрости, стихотворствѣ и изящныхъ художествахъ, которыми предки ихъ отличались: они зазвенятъ оковами, отягощающими руки ихъ. Пусть взглянетъ на собственное отечество свое и скажетъ: куда дѣвались мудрые и миролюбивые Агрипеи [1]), берега рѣки Волги науками, художествами и торговлею у просвѣщенныхъ Грековъ прославившіе?

Время снѣдаетъ все; но иногда погибшее изъ праха выводитъ опять на позорище міра, величитъ и новымъ блескомъ и славою покрываетъ. Се нынѣшній жребій любезнаго отечества нашего; изъ мрака невѣжества рукою Великаго Петра оно выведено на свѣтъ; премудрою Преемницею престола его вознеслось на высокую степень величія новыми лучами наукъ, новымъ велелѣпіемъ и сла-

[1]) Herodote. Liv. IV. chap. XVI. Pline Liv. IV. chap. XII.

вою увѣнчалося; нынѣ, подъ кроткимъ скипетромъ Монарха, соименитаго завоевателю Азіи, возноситъ оно побѣдоносными лаврами обвитое чело надъ всѣми, отъ цѣпей Имъ освобожденными державами Европы. Мы видѣли, какъ сей новый сѣверный Геркулесъ поразилъ не оную Лернскую, малый предѣлъ Греціи устрашавшую, но неизбѣжною пагубою всей вселенной угрожавшую галльскую гидру; видимъ теперь съ восторгомъ, какъ, по примѣру знаменитаго своего предшественника, прародителя Скиѳовъ, приноситъ Онъ изъ полунощи благотворную оливу и мирными вѣтвями ея осѣняетъ спасенную Имъ Европу [1]).

Кто не удивится толико неимовѣрному возвеличенію любезнаго отечества нашего? Нельзя безъ изумленія видѣть, какъ въ толь короткое время отличилось оно въ полезныхъ знаніяхъ и художествахъ. Нельзя не ощутить въ такихъ успѣхахъ наслѣдственнаго россійскому племени дарованія, сообщеннаго ему отъ предковъ, ко всѣмъ познаніямъ способныхъ. Сколько потребно было вѣковъ сосѣдамъ нашимъ къ достиженію просвѣщенія, которое, по примѣру баснословнаго скораго созрѣванія жатвъ Гиперборейскихъ [2]) въ одинъ вѣкъ посѣяно, созрѣло и теперь уже богатую жатву представляетъ!

---

[1]) Удостовѣряютъ, что Геркулесъ изъ Скиѳіи принесъ въ Грецію оливное дерево.

[2]) Pline. Liv. IV. chap. XVIII.

Такъ по наружности темный и грубый кремень скрываетъ врожденныя сѣмена свѣта: коснется ль ему закаленное желѣзо, въ мгновеніе испускаетъ онъ горящія искры, которыхъ ни мраморъ снѣговидный, ни златомъ испещренный лазурь, породить не могутъ.

Въ глыбахъ отечественныхъ остается еще драгоцѣнное, до сего времени презираемое сѣмя. Пора, кажется, произрастить оное, и обогатя языкъ нашъ новымъ благогласіемъ стихотворства, доказать, что мы не уступаемъ ни въ какомъ совершенствѣ ни современнымъ, ни древнѣйшимъ во всей вселенной почитаемымъ народамъ; пора доказать, что въ большомъ и маломъ кругу мы оправдываемъ заимствованную отъ предковъ славу имени нашего.

Повторяю въ заключеніе, что не надѣюсь заслужить отъ соотечественниковъ моихъ упрека за сіе древности нашей изысканіе, которымъ, какъ слабымъ жезломъ, старался я поднять хотя уголокъ завѣсы вѣковъ, знаменитость рода нашего покрывающей, и купно желалъ представить любопытный отломокъ ветхаго памятника въ видѣ достойномъ вниманія тѣхъ, кои презираютъ все отечественное и не хотятъ вѣдать, что для мыслящаго человѣка не презрительно ни что, изъ чего полезное, или пріятное извлечь можно; а тѣмъ болѣе предпочтительны быть должны собственные богатствъ и красотъ источники, которыми никакому чуждому народу мы не одолжены.

Изъ числа сихъ представляется намъ коренное

россійское стихосложеніе. Не трудно каждому разборчивому слуху почувствовать преимущественную предъ иностранными пріятность онаго и красоту. Но въ недавнемъ времени обременя почтенныхъ слушателей моихъ скучнымъ сего предмета изложеніемъ, не смѣю теперь возобновить онаго: прошу только позволить мнѣ, для лучшаго и удобнѣйшаго убѣжденія въ истинѣ моихъ заключеній, представить нѣсколько краткихъ примѣровъ русскаго кореннаго стихосложенія, выбранныхъ изъ твореній знаменитыхъ нашихъ піитовъ, не возгнушавшихся украсить пѣсни свои отечественою собственностію.

Почтенный Михайло Матвѣевичъ Херасковъ, въ Бахаріанѣ, изображая бурю и появленіе волшебницы, говоритъ:

Заревѣли вѣтры буйные,
Небеса, какъ ночь, нахмурились;
Зашумѣлъ вдали дубовый лѣсъ;
Тихи воды взволновалися;
Солнце блѣдно, тускло кажется;
Пыль бѣжитъ столпомъ съ песчаныхъ горъ;
Отъ громовъ дрожитъ кругомъ земля;
Освѣщаютъ мрачность молніи.
Колесница вдругъ явилася.
Колесница въ сѣромъ облакѣ,
Парой страшныхъ змѣй везомая;
Искры сыплются у нихъ изъ глазъ,
Пышетъ пламень изъ кровавыхъ устъ.

Пріятный пѣвецъ Ильи Муромца такъ начинаетъ игривую русскую поэму свою:

Не хочу съ Поэтомъ Греціи
Звучнымъ гласомъ Калліопинымъ
Пѣть вражды Агамемновой
Съ храбрымъ правнукомъ Юпитера;
Или, слѣдуя Виргилію,
Плыть отъ Трои разоренныя
Съ хитрымъ сыномъ Афродитинымъ
Къ злачнымъ берегамъ Италіи.
Не желаю въ Миѳологіи
Черпать дивныхъ странныхъ вымысловъ.
Мы не Греки и не Римляне;
Мы не вѣримъ ихъ преданіямъ;
Мы не вѣримъ, чтобы богъ Сатурнъ
Могъ любезнаго родителя
Превратить въ урода жалкаго;
Чтобы Леды были курицы,
И несли весною яица;
Чтобы Поллуксы съ Эленами
Родились отъ бѣлыхъ лебедей.
Намъ другія сказки надобны;
Мы другія сказки слышали
Отъ своихъ покойныхъ мамушекъ.
Я намѣренъ слогомъ древности
Разсказать теперь одну изъ нихъ
Вамъ, любезные читатели,
Если вы въ часы свободные
Удовольствіе находите
Въ Русскихъ басняхъ, въ Русскихъ повѣстяхъ,
Въ смѣси былей съ небылицами,
Въ сихъ игрушкахъ мирной праздности,
Въ сихъ мечтахъ воображенія.

Послѣ сихъ пріятныхъ слуху краткомѣрныхъ русскихъ стиховъ, да позволено мнѣ будетъ представить въ примѣръ нѣсколько оныхъ длиннѣй-

шаго размѣра, не для сравненія въ красотѣ съ предъидущими, но для показанія, какимъ образомъ русскаго кореннаго состава стихи могутъ по произволу сливаться съ ямбическими, нынѣ общеупотребляемыми стихами. Я извлекаю примѣръ сей изъ Оссіяновой поэмы Картона.

Фингалъ, выслушавъ повѣсть Клессамора о плачевной кончинѣ супруги его, Моины, говоритъ:

Я видѣлъ самъ огромныя Балклутскія башни,
Но пусты ужъ, оставлены ихъ теремы были.
Пожралъ огонь съ оградою высокіе кровы.
Народа гласъ не слышался, и стремленье Клуты
Съ стези своей свратилося твердыхъ стѣнъ паденьемъ.
Сѣдый волчецъ сребристую тамъ главу возноситъ,
И мохъ густый колеблется дыханіемъ вѣтра.
Изъ оконъ лишь пустынны выглядываютъ звѣри
Сквозь темный листъ въ развалинахъ разросшагось терна.
Ужъ путы днесь прекрасные чертоги Моины;
Вселилося безмолвіе въ дому ея предковъ.
Возвысимъ пѣснь унынія; воздохнувъ оплачемъ
Страну иноплеменную опустѣвшу нынѣ:
Единымъ лишь мгновеніемъ она пала прежде;
И намъ уже старѣющимъ скоро пасть приходитъ.
Почто жъ, о сынъ крылатыхъ дней! почто зиждемъ башни?
Сегодни ты любуешся съ теремовъ высокихъ,
А завтра вдругъ налетѣвши, пустынные вѣтры
Въ разваленныхъ сѣняхъ твоихъ засвистятъ, завоютъ,
Вокругъ полуистлѣвшаго щита славныхъ предковъ.
Но бурный вѣтръ пускай реветъ,
Дней нашихъ славы не убудетъ:
Въ поляхъ сраженій вѣкъ пребудетъ
Десницъ побѣдоносныхъ слѣдъ,
А въ пѣсняхъ Бардовъ слава наша.

Возвысьте громкой арфы гласъ;
Да вкругъ обходитъ празднествъ чаша,
И радость да живетъ средь насъ.
Когда, о Царь златыхъ лучей!
И твой навѣки свѣтъ затмится;
Коль путь твой въ небѣ преградится,
Гордящеесь свѣтило дней!
Коль временно твое блистанье,
Какъ жизни преходящей цвѣтъ:
То славы нашея сіянье
Лучи твои переживетъ.

Ежели чтеніе краткихъ извлеченій сихъ непріятно показалось почтеннымъ слушателямъ, то въ заключеніе повторяю искреннее желаніе мое, чтобы нынѣ, когда отечество наше превознеслося славою надъ всѣми царствами земными, не презрѣли мы собственности его въ богатствахъ словесности и перестали подражать древнимъ, а наипаче современнымъ чужеземцамъ, которые теперь должны за честь себѣ поставить быть нашими подражателями.

ПИСЬМО В. В. КАПНИСТА КЪ С. С. УВАРОВУ.

О Эксаметрахъ.

Милостивый Государь мой Сергій Семеновичъ!

Съ чувствительнымъ, съ одной стороны, удовольстіемъ получилъ я письмо ваше, сопровождающее переводъ г. Гнѣдича эксаметрами шестой пѣсни Иліяды: оно удостовѣрило меня, что я вами еще не забытъ, а съ другой стороны, представьте непріятное мое положеніе: вмѣсто благодарности, я долженъ обратиться къ вамъ съ упреками, за убѣжденіе достойнаго преемника Кострова уклониться съ пути, благоуспѣшно имъ протекаемаго, на весьма преткновенное поприще, какъ я усмотрѣлъ сіе изъ вашей съ нимъ переписки, въ XIII Чтеніи Бесѣды любителей Русскаго слова помѣщенной — Весьма прискорбно мнѣ разниться въ мнѣніяхъ съ человѣкомъ просвѣщеннымъ и душевно мною почитаемымъ: еще же того непріятнѣе входить съ нимъ въ споръ о важномъ предметѣ отечествен-

ной Словесности, взаимно намъ любезной. — Но вы сами вызываете меня на сей, хотя не кровопролитный, но весьма щекотливый поединокъ.— Отказаться отъ онаго не позволяетъ мнѣ священный долгъ—защищать справедливость; сколь ни чувствительно видѣть друга въ состязателѣ моемъ. — Что же дѣлать? — По примѣру многихъ доблестныхъ древнихъ рыцарей, со взаимнымъ другъ къ другу уваженіемъ, мы сразимся за преимущество прелестей милыхъ намъ красавицъ.— Отягощенный старостію, хотя вижу я всѣ надо мною преимущества витязя, въ цвѣтѣ и силѣ мужества противу меня ополчающагося; но измѣны, данному разъ навсегда къ защитѣ правъ любезной обѣту, и сѣдины рыцаря извинить не могутъ. — И такъ, принявъ всеоружіе и щитъ, мы должны, предъ лицемъ безпристрастныхъ и просвѣщенныхъ обоего пола судей, собравшихся въ дружелюбную бесѣду, выступить на ратное поприще отечественной Словесности и рѣшить важную нашу прю убійственными силлогизмами. —

Во-первыхъ, для доказанія правости подвига моего, сообразуясь древнимъ добродушнымъ единоборцамъ, я обвиняю васъ въ томъ, что вы злоухищреннымъ витійствомъ предуспѣли отвлечь отъ союза моего почтеннаго г. Гнѣдича и преклонить его на совершенно противную мнѣ сторону; я долженъ возвергнуть на васъ единственно всю вину таковаго его непостоянства. — Свидѣтельствуюсь имъ самимъ, что я первый предложилъ ему продолженіе Кострова перевода Илія-

ды; по дружеской его ко мнѣ довѣренности, ободрялъ осмотрительную его скромность при начальныхъ опытахъ, въ семъ многотрудномъ, но блистательномъ поприщѣ; и даже предсказалъ ему ту лестную похвалу, которою безпристрастные любители Русской Словесности одобрятъ труды его. — Я не обманулъ юнаго подвижника въ предвѣщаніи семъ; и онъ протекъ уже двѣ мѣты, при всеобщемъ рукоплесканіи и увѣреніяхъ, что не уступитъ онъ преимущество предшественнику своему, столь благоискусному въ красотахъ отечественной Словесности. — Вдругъ обратили вы его хитросплетеннымъ суемудрствованіемъ на стезю утоптанную, вѣчной, тяжело-стихо-слагательной памяти, сочинителемъ Телемахиды! — Поступокъ сугубозлоумышленный, и для меня и для г. Гнѣдича; — а наипаче для читателей его. — Теперь, послѣ сего предварительнаго васъ обвиненія, устремляю съ дерзостію противу нападчика перо, омоченное въ чернило, и надѣюсь, что правость подвига подкрѣпитъ старостію отягощенную руку мою.

Вы желаете, чтобъ г. Гнѣдичь перевелъ Иліяду эксаметрами: — но что возразите мнѣ, если доказана вамъ будетъ совершенная въ томъ, по коренному свойству Русскаго языка, невозможность!

Извѣстно всѣмъ и каждому, занимающемуся стихослаганіемъ, что эксаметры, по примѣру Омировыхъ, непремѣнно составляются изъ шести дактилей и спондеевъ; что первыя четыре

мѣры могутъ, по произволу, перемѣшиваться тѣми и другими; но пятая и шестая должны неминуемо быть, та дактиль, а окончательная спондей. — Извѣстно также безъ наималѣйшаго сомнѣнія, что Русскій языкъ послѣдними весьма скуденъ. — Сіе замѣчено первоначально безсмертнымъ Ломоносовымъ. — Въ письмѣ своемъ о правилахъ Россійскаго Стихотворства, предполагая, что извѣстный ссылочный Піитъ Овидій, писалъ въ томахъ стихи на Славянскомъ языкѣ; онъ говоритъ: «слѣдовательно гексаметры, *употребляя вмѣсто спондеевъ, для ихъ малости,* хореи, «тѣмъ же образомъ писалъ, которымъ слѣдующія россійскія сочинены:

«Счастлива, красна была весна, все лѣто пріятно....
«Только мутился песокъ, лишь бѣлая пѣна кипѣла.» —

И въ сихъ, приведенныхъ имъ въ примѣръ, эксаметрахъ, великій нашъ Піитъ, зная истинное свойство Русскаго языка, вмѣсто окончательныхъ спондеевъ, поставилъ хореи. — Онъ чувствовалъ, сколько протяжныя ударенія первыхъ противны слуху нашему; и для того, во всѣхъ приведенныхъ имъ родахъ стиховъ, о употребленіи спондеевъ умолчалъ.—Соотвѣтственно тому впослѣдствіи, и неутомимый, школьно-преученый г. Тредіяковскій, испытавъ истину сію, написалъ тяжелую свою Телемахиду хорее-дактилями; да и самъ г. Гнѣдичь принужденъ былъ, въ размѣрѣ стихотворномъ, повиноваться сей необходимости.

Для доказательства на дѣлѣ, что нашему языку дактило-спондеическіе стихи вовсе несвойственны, принужденъ я, прося у васъ и у всѣхъ почтенныхъ слушателей моихъ прощенія за оскорбленіе чувствительнаго уха, представить примѣръ правильныхъ эксаметровъ; а дабы посредствомъ сравненія облегчить судъ о важномъ семъ предметѣ, рѣшился я подражать въ оныхъ началу перевода г. Гнѣдича шестой пѣсни Иліяды.

Страшную битву народовъ оставилъ безсмертныхъ Боговъ сонмъ:
Въ полѣ же, тамо и тамо, свирѣпыи сраженья шумѣлъ вихрь.
Часто стремили отважны бойцы изощренную ихъ мѣдь,
Между бреговъ Симоиса и Ксанѳа ревущихъ вдали струй.
Первый, Аяксъ Теламонидъ, Данаевъ, твердѣйшій скалы, щитъ,
Прорвалъ ряды Фригіянъ, и на Грековъ веселья простеръ лучъ,
Мужа низвергши, Эвсорова сына, и Ѳракскихъ вождя силъ,
Страшнаго крѣпостью мышцъ, Акаманта.— Вознесши копье вдругъ
Тяжко по шлему, у конскаго гребня, врага поразилъ онъ;
Шлемъ проломило насквозь, и проникло до кости чела вглубь
Мѣдное жало; и очи геройскія вѣчный покрылъ мракъ.

Вотъ истинные дактило-спондеическіе эксаметры, которые вы желаете вводить въ Русскую Словесность! — Ежели слогъ въ приведенномъ примѣрѣ покажется вамъ грубымъ, жесткимъ и принужденнымъ, то покорнѣйше прошу не поду-

мать, что сіе учинено мною съ умышленнымъ преднамѣреніемъ, нелѣпостію выраженій исказить благозвучіе стиховъ: — нѣтъ; клянусь вамъ совѣстію, что я желалъ дать слогу моему всевозможную плавность; необходимость оканчивать каждый стихъ несвойственными языку нашему, и тяжелыми въ произношеніи удареніями спондеевъ, единственною тому причиною;—и я осмѣливаюсь рѣшительно вызвать самаго лучшаго нашего витію на многотрудную попытку, преложить стихи сіи Омира, таковыми же правильными эксаметрами съ желательною чистотою и благозвучностію слога. — Удостовѣренный въ разборчивости слуха вашего и всей почтенной Бесѣды, равно какъ и въ изящности вкуса, относительно къ стихотворному благогласію, несомнѣнно надѣюсь я, что послѣ перваго, а чаятельно и послѣдняго выслушанія правильныхъ моихъ эксаметровъ, никто не одобритъ введенія оныхъ въ отечественную Словесность:—ибо для прочтенія безъ отдыха строки, весьма часто изъ семнадцати слоговъ составленной, надобно имѣть отлично сильную грудь; а слушать вѣчно каждый стихъ начинающійся долгимъ удареніемъ, таковыми же двумя, и неминуемо односложнымъ словомъ оканчивающійся, потребно быть снабжену отмѣнно дебелыми, и къ повторенію протяжныхъ звуковъ нечувствительными ушами, которыхъ никто въ согражданахъ своихъ предполагать конечно не согласится.

Но вы возразите мнѣ: — «что привычному къ

«чему либо уху все новое кажется странно, а «часто и нелѣпо; что размѣръ Омировыхъ сти-«ховъ, удивленіе просвѣщеннѣйшихъ мужей, въ «теченіе толикихъ столѣтій, привлекающій, не «можетъ быть грубъ; — что одна токмо новость «и закоренѣлая навычка къ другимъ размѣрамъ «заставляютъ почитать оный жесткимъ и тяже-«лымъ.»

На сіе отвѣтствую безпристрастно: 1-е) что, не зная Омирова языка, не могу судить съ точностію о степени пріятности на ономъ эксаметрическихъ стиховъ. 2-е) что разные языки имѣютъ различныя свойства: можетъ быть, на греческомъ, спондеи отличаются особою пріятностію; но Русскому они совершенно противны и не сродны: — естественнымъ тому доказательствомъ служитъ весьма малое оныхъ число, находящееся въ нашемъ языкѣ столь изобильномъ, напротивъ того, периxіями и трибрахіями.

Ежели истины сіи уважены будутъ, то дерзну подвинуться далѣе въ преткновенномъ и опасномъ моемъ пути: — дерзну усумниться и въ существенной пріятности эксаметровъ, на отечественной ихъ греческой почвѣ Омиромъ насажденныхъ.

Подражая извѣстному примѣру безсмертнаго Мольера, испытывать красоты комическихъ его твореній на оселкѣ непросвѣщеннаго вкуса простолюдиновъ, направляемаго попечительною природою прямѣе къ истинѣ, читалъ я правильные эксаметры мои не упражняющимся въ чтеніи сти-

ховъ соотечественникамъ нашимъ, и даже чужеземцамъ: всѣ вообще признавались, что отъ шаршавой прозы отличаютъ ихъ единственно по начальнымъ и окончательнымъ, протяжностію своею весьма чувствительнымъ, тяжелымъ и непріятнымъ удареніямъ: — не то ли самое дѣйствіе произвело бы надъ ними и чтеніе Греческихъ эксаметровъ! — Правда, что однозвучныя парныя риѳмы нашихъ Александрійскихъ стиховъ, въ продолжительномъ чтеніи, могутъ утомить слухъ; но не менѣе того, и безпремѣнные окончательные дактило-спондеи, должны показаться оному весьма утомительными.

Если прощено будетъ мнѣ сіе злопосягательное намѣреніе заставить соотечественниковъ моихъ усумниться въ благозвучности Омировыхъ эскаметровъ, то истина и любовь къ Русскому слову поведутъ меня еще къ большому буйству.— Омиръ былъ, есть и пребудетъ несравненнымъ Творцемъ.—Картины его величественны, естественны и разительны. — Въ прозѣ, или въ стихахъ, онѣ восхищаютъ души и умы: онѣ жъ большею частію, по мнѣнію моему, и сообщили тяжелому и однообразному размѣру стиховъ его столь многоуважаемую пріятность: — превосходныя красоты мыслей и изображеній присвоили оному свою превосходность. — Омиръ былъ единственный и плѣнительный образецъ для послѣдовавшихъ ему сочинителей. — Онъ былъ отецъ стиховъ; а извѣстно всѣмъ, съ какимъ древле подобострастіемъ потомки подражали священ-

ному знаменитыхъ предковъ своихъ примѣру. — Всякъ съ благоговѣніемъ созерцая красоты кисти неподражаемаго живописца, старался сообразоваться онымъ раболѣпно, и извергъ былъ бы тотъ, кто дерзнулъ бы замѣтить въ ономъ и самомалѣйшій недостатокъ. — Теперь Ноевы дѣти стали просвѣщеннѣе: казнь Хамова не устрашаетъ ихъ. — Зачѣмъ же и намъ, позднѣйшимъ преемникамъ наслѣдія отца стиховъ, не открыть наготу почтеннаго нашего предка и не вопросить: были ли прежде его пѣвцы, пріятнѣйшимъ размѣромъ стихи свои составлявшіе? — Не играли ль они токмо на одноструниой лирѣ, по подобію нѣкоторыхъ нынѣшнихъ африканскихъ дикарей? И Омиру, опятиструнившему оную, не поставили ль питомки алтарей, изъ благодарности за сіе важное усовершенствованіе? — Извѣстно, что весьма долго, послѣ его, Греція была погружена во мракѣ глубочайшаго невѣжества: спустя сто лѣтъ по смерти пѣвца Ахиллова, принесены въ оную безсмертныя его творенія Ликургомъ; знаемъ также, что премудрый Солонъ предписалъ законы, какъ должны быть они читаны въ общественныхъ собраніяхъ; что знаменитѣйшія празднества торжествовалися пѣніемъ стиховъ его, и что наконецъ во многихъ мѣстахъ самому ему воздвигнуты были храмы.

Таковое обожательное благоговѣніе заставило и потомственныхъ Грековъ почитать стихи Омировы святынею: размѣръ оныхъ привлекъ равное уваженіе, и до сихъ поръ подражательно восхи-

щаетъ людей, обыкшихъ съ юношества, по школьному назиданію, удивляться всему, что ни видялъ въ толь знаменитомъ Творцѣ. — Какъ? — Поелику игралъ онъ на пятиструнной лирѣ, то Давиду должно было бы разбить десятиструнную свою Псалтырь; — а нашимъ Сиренамъ, предать инквизиціонному *Аутодафе*, усовершенствованныя пятиоктавныя арфы? — Какъ? — поелику древле въ Греціи играли трагедіи въ двуличныхъ маскахъ, то надлежитъ и намъ изгнать изъ театра, естественнымъ на лицѣ изображеніемъ страстей плѣняющихъ насъ, Семеновыхъ? Нѣтъ; — я думаю, что на таковое пожертвованіе никто теперь не согласится. — Что же воспрещаетъ и любителямъ отечественной Словесности, вмѣсто слѣпаго во всемъ подражанія древнимъ, искать для усовершенствованія Русскихъ стиховъ, свойственнаго имъ, пріятнѣйшаго размѣра, ежели наскучили намъ риѳмы и смѣшеніе ямбовъ съ перихіями, спондеями и амфибрахами, а хореевъ съ перихіями, анапестами и амфимакрами, изъ которыхъ большею частію составлены нынѣшніе наши Александрійскіе и другихъ родовъ стихи. —

Вы сами къ тому подаете поводъ, любезной мой противоборникъ! — Въ письмѣ вашемъ къ г-ну Гнѣдичу объясня сухость непріятную одномѣрность Александрійскихъ съ риѳмами стиховъ, вы говорите: — «Прилично ли намъ, Рус-«скимъ, имѣющимъ, къ счастію, изобильной, ме-«трическою просодіею наполненный языкъ, слѣ-«довать столь слѣпо предразсудку? — Прилично

«ли намъ, имѣющимъ въ языкѣ сіи превосходныя «качества, заимствовать у иноземцевъ бѣднѣй-«шую часть языка ихъ, просодію, *совершенно намъ* «*несвойственную?*» — Тамъ же вы присовокупляете: «Если мы хотимъ возвысить достоинство нашего «языка; если мы хотимъ достигнуть до того, чтобъ «имѣть Словесность *народную,* намъ истинно свой-«ственную, то перестанемъ писать, или переводить «эпопеи Александрійскими стихами.—Если же мы «не возвратимся къ истинному характеру нашего «языка; если не сдѣлаемъ метрической системы, «на самомъ Геніи языка основанной; если мы не «будемъ имѣть способа воскресить *просодію* древ-«няго нашего стихотворства, то безъ сомнѣнія «опасаться должно, что въ весьма короткомъ вре-«мени наша поэзія будетъ походить на младенца, «носящаго всѣ признаки дряхлости, или на увяд-«шаго юношу.» — Вотъ слова ваши, истиннымъ чувствомъ преимуществъ отечественнаго нашего слова предъ прочими европейскими языками, вамъ внушенныя. — Все, до сихъ поръ сказанное вами было совершенно согласно съ моими мыслями;— но съ какимъ удивленіемъ увидѣлъ я, читая да-лѣе, что въ слѣдствіе вышеприведенныхъ истинъ, совѣтуете вы г-ну Гнѣдичу переводить Иліяду эксаметрами; удостовѣряя его: «что читающіе «Омира въ подлинникѣ, возрадуются, услышавъ «отголосокъ его безсмертныхъ пѣсней!» —

Я доказалъ уже, и безъ сомнѣнія, на счетъ чувствительнаго къ благозвучію слуха, приведен-нымъ мною въ примѣръ образчикомъ истинныхъ

дактило-спондеическихъ эксаметровъ, сколь несвойственны они нашему языку. — Г-нъ Гнѣдичь, удовлетворяя желанію вашему, перевелъ шестую пѣснь Иліяды дактило-хореическими стихами, видя конечно совершенную невозможность писать на Русскомъ языкѣ правильными эксаметрами: стало быть, онъ уже совратился съ пути, Омиромъ проложеннаго. — О избранномъ имъ родѣ стихосложенія, не позволяю себѣ обнаружить моихъ заключеній: они могутъ показаться пристрастными; скажу только, что и принятый имъ размѣръ представляется мнѣ несовершенно свойственнымъ Русскому языку, и что окончанія каждаго стиха дактило-хореемъ, по единообразности удареній, утомительны для слуха. — Впрочемъ, если г-нъ Гнѣдичь позволилъ себѣ отличный отъ Омирова размѣръ эксаметровъ, то повторяю вопросъ: — что запрещаетъ намъ, сообразно собственному вашему мнѣнію, постараться изобрѣсть, какъ для эпопеи, такъ и для другихъ родовъ стихотворства, размѣры, свойственные нашему языку? — Зачѣмъ не попытаться намъ сдѣлать метрическую систему, на самомъ геніи языка нашего основанную? —

Вы видите, что вырвавъ копье ваше, собственнымъ вашимъ оружіемъ поразить васъ желаю: и вы догадываетесь теперь конечно, къ чему клонится мысль моя. — Такъ; — признаюсь откровеннò, и не боясь, по любви къ отечественному слову, даже осмѣянія, которому новостью предложенія моего подвергнуть себя могу, — повто-

рительно признаюсь, что желалъ-бы побудить любителей Словесности нашей, болѣе меня въ оной искусившихся, къ изысканію въ размѣрѣ народныхъ нашихъ пѣсней, метрическаго, свойственнаго языку нашему, стихосложенія. — Весьма давно увѣрился уже я, что мы имѣемъ богатую онаго отечественную руду, въ презрѣніи несправедливо оставляемую, для разработки которой не сыскался только до сихъ поръ истинно ревностный и отъ предразсудковъ освобожденный ископатель. — Весьма давно — *ревнуя поревновахъ* — по славѣ природнаго слова и рѣшился сдѣлать помѣрный силамъ моимъ опытъ Русскихъ стиховъ, переложа отчасти размѣромъ простонародныхъ пѣсней, одну небольшую поэму Оссіяна. Я даже осмѣлился показать трудъ мой почтенному и всѣмъ любителямъ Словесности нашей незабвенному Творцу Россіяды; а также пріятному и плавностію слога отличному сочинителю Марѳы Посадницы и нѣкоторымъ друзьямъ моимъ. — Они благосклонно приняли попытку мою; но я все не отваживался передать плодъ оной книгопечатному тисненію, опасаясь, дабы лютые критики не взяли и самого меня въ ихъ мучительныя тиски. — Теперь, ободренный нѣсколько примѣромъ творцевъ Бахаріяны и Ильи Муромца, а наипаче видя опасность, введеніемъ иноземныхъ эксаметровъ Словесности нашей угрожающую, предпочелъ я, за усердіе къ отечественному слову, лучше претерпѣть посмѣяніе, чѣмъ не сдѣлать для защиты оной шага, могущаго искус-

нѣйшимъ писателямъ показать тропинку, ведущую къ богатой отечественнаго золота жилѣ, въ предосудительномъ для насъ самихъ пренебреженіи оставляемой.

Ласкаю себя надеждою, что если я, рожденный въ странѣ, гдѣ истинное Русское нарѣчіе не въ общемъ употребленіи, скупо отъ природы стихотворческимъ даромъ надѣленный, въ древнихъ языкахъ вовсе несвѣдущій, а и въ современныхъ весьма мало искусившійся, могъ пріобрѣсть, хотя слабое снисходительныхъ любителей отечественной словесности на новомъ поприщѣ оной, одобреніе, то безъ сомнѣнія достигнетъ она въ благомѣрности стиховъ до высочайшей степени совершенства, ежели природные Русскіе, отличныхъ способностей писатели, заохотятся образовать метрическую систему, столь изобильнаго, благозвучнаго и красотами всѣхъ родовъ слога преисполненнаго языка, предъ всѣми прочими отличающагося тѣмъ разительнымъ преимуществомъ, что находитъ въ себѣ великое число коренныхъ многоразличныхъ и особенныхъ стихоразмѣреній, оставшихся, повидимому, отъ глубокой древности, въ простонародныхъ нашихъ пѣсняхъ. Можетъ быть, мы слышимъ въ нихъ подражаніе отголоскамъ Бояна, сего позднаго потомка тѣхъ знаменитыхъ Иперборeанъ, о которыхъ даже до крайности самолюбивые Греки сами повѣствуютъ, что Аполлонъ, ежегодно посѣщая ихъ, гостилъ отъ весенняго равноденствія до восхожденія Плеядъ,

научалъ музыкѣ, а безъ сомнѣнія и стихотворству, въ древности неразлучнымъ. Мы открываемъ въ народныхъ пѣсняхъ нашихъ множество различныхъ, пріятныхъ и къ изображенію всякаго рода чувствъ и картинъ способныхъ стихослагательныхъ мѣръ. Между Греками, за изобрѣтеніе одной какой-либо изъ оныхъ, Алкеи Сафо, Гликоны, Асклепіи, удостоивались безсмертной похвалы: Гораціево сего рода тщеславіе извѣстно всѣмъ: введеніе алкейскихъ стиховъ въ Латинскій языкъ почитаетъ онъ подвигомъ, зданіе египетскихъ пирамидъ превосходящимъ! Намъ, напротивъ того, стоитъ только раскрыть презираемый поднесь ковчегъ отечественнаго сокровища, и мы найдемъ въ ономъ множество образцовъ, красотою Греческимъ не уступающихъ. Я надѣюсь, что наконецъ почувствуемъ мы достоинство собственности нашей, и ободренные отысканными въ хладной Сибири богатыми золотыми рудами и драгоцѣнными каменьями, постараемся искать стихослагательныхъ драгоцѣнностей въ отечественной словесности; и сравнивая оныя съ чужеземными, предпочтемъ тѣ, которыя нашему языку болѣе свойственны.— За долгъ поставляя подать къ тому соразмѣрный силамъ моимъ поводъ, рѣшаюсь я предложить здѣсь малый, сравнительный опытъ перевода стихами русскими начало той самой шестой пѣсни Иліяды, который предъ симъ сообщилъ я въ правильныхъ эксаметрахъ. — Выступая предъ толь просвѣщеннымъ собраніемъ на

позорище, въ смуромъ кафтанѣ, въ кумачной рубахѣ, и съ шапкою въ рукахъ, для возглашенія русскимъ размѣромъ Омировыхъ стиховъ, увѣренъ я, что явлюсь предъ людьми, которые *не по платью встрѣчаютъ:* и такъ поклоняся добрымъ людямъ, какъ водится, и разгладя бородку, начинаю размѣромъ простонародной пѣсни:

Какъ бывало у насъ, братцы, черезъ темный лѣсъ.

— Повѣсть о кровопролитномъ Грековъ и Троянъ сраженіи:

Удалились свѣтлы боги съ поля страшныхъ битвъ:
Но то тамъ, то тамъ шумѣла буря бранная.
Часто ратники стремили копья мѣдныя
Межъ потоковъ Симоиса и у Ксанфскихъ струй.
Первый, отрасль Теламона, Грековъ щитъ, Аяксъ,
Ободрилъ ихъ, разорвавъ ряды Фригійскіе
И низвергнувши Ѳракійскихъ сильныхъ войскъ вождя,
Акаманта, сына мощнаго Эвѳорова.
Въ шлемъ, у конскаго онъ гребня, поразилъ врага:
Копье, шлемъ съ челомъ пробивши, углубилось въ кость—
И тма вѣчная покрыла очи витязя.

Теперь, отвѣся нижайшій поклонъ, стою и ожидаю суда, какъ будетъ принято Русскими и русское стихосложеніе? — Ежели почтенные слушатели поуеумнятся въ рѣшеніи, то покорнѣйше прошу предложить имъ, для сравненія, повторительное чтеніе выше помѣщенныхъ моихъ эксаметровъ: и я увѣренъ, что они, не дождавшись онаго, предпочтутъ природный русскій складъ, хотя неискусною рукою обработанный, и не

захотятъ поругаться надъ соотечественникомъ своимъ.

Если надежда моя не обманетъ меня, и если малый опытъ сей удостоится несказанно лестнаго мнѣ почтенныхъ слушателей одобренія: то съ достовѣрностію скажу, что можно составить множество Русскихъ мѣръ, свойственныхъ стихамъ эпопеи и другимъ повѣствовательнымъ твореніямъ. — Для доказательства, осмѣливаюсь представить краткій отрывокъ въ простонародномъ сказочномъ слогѣ:

Жилъ Царь, и прижилъ онъ съ Царицей три сына и три дочери;
Двѣ старшія, красавицы, какихъ и подъ небесью нѣтъ:
Одна изъ нихъ, орлиной носъ, глаза какъ угль, и бровь дугой;
Другая розовъ цвѣтъ съ лилеей, и рядъ зубовъ, — какъ бисерки;
А третья дочь, мала, смугла, съ горбомъ, уродомъ родилась.
Два старши сыновья, красавцы, удалы, добры молодцы;
А послѣдній, карло ростомъ, ножки въ пядь, башка съ котелъ. —
Любовалася Царица красотою дочерей;
Сыновьями-молодцами величался доброй Царь.
Приходили съ сватовствомъ къ нимъ юные Царевичи,
Изъ дальнихъ странъ могучіе, славные богатыри:
Насмѣхалися надъ ними гордыя красой Царевны;
Ни кого себѣ достойнымъ не считали быть онѣ;
И какой нибудь противный въ каждомъ видѣли порокъ:
Тотъ уменъ и храбръ отлично, да невѣжливъ, неуклюжъ,
Другой, пригожъ и милъ и ловокъ, но за то головкой плохъ. —
Съ гнѣвомъ и стыдомъ съѣзжали всѣ съ двора широкаго;

Опустѣлъ онъ многи лѣта безъ ожиданныхъ гостей. —
Царь съ Царицей все ласкались видѣть лучшихъ жениховъ:
Ждать пождать они Царевнамъ суженыхъ; — но ахъ! — уже
Протекаетъ годъ за годомъ, а сватовъ какъ нѣтъ, такъ нѣтъ.
Въ одиночествѣ скучаютъ гордыя красавицы;
А добрый Царь съ Царицею то видячи, грустятъ, скорбятъ;
И кличемъ жениховъ скликаютъ уже изъ отдаленныхъ странъ;
Безсчетно серебра и злата сулятъ въ придано дочерямъ:
Драгова жемчуга, каменій и всякихъ узорочій тму;
Но ни одинъ женихъ не ѣдетъ на широкій царскій дворъ.
Часто Царь грустятъ съ Царицей; часто думу думаютъ,
Какъ бы имъ къ мужьямъ пристроить постарѣлыхъ дочерей?
Наконецъ зовутъ на теремъ старшихъ двухъ своихъ сыновъ;
Посылать хотятъ ихъ въ царства, во страны далекія,
Чтобъ Царевнамъ обыскали тамъ достойныхъ жениховъ.

Но я слишкомъ заболтался и опасаюсь, не вывела ли меня любовь къ отечественному слову изъ осмотрительной осторожности, не употреблять во зло долготерпѣнія снисходительныхъ господъ членовъ и посѣтителей именитыя бесѣды сей.

Позволяется проповѣднику наскучать прихожанамъ своимъ продолговатымъ казаньемъ; ибо, по крайней мѣрѣ, три двери отворены для выхода: но въ собраніи, откуда благопристойная вѣжливость, изъ уваженія къ хозяевамъ и къ почтеннѣйшимъ гостямъ, возбраняетъ преждевременно отлучаться. Витія долженъ внимательно наблюдать на лицахъ слушателей своихъ движеніе зѣвательныхъ мускуловъ, и умѣть заградить

уста свои прежде, чѣмъ оныя у нихъ чаще и шире обыкновеннаго растворяться станутъ. — Повинуясь правилу сему, изъ осторожности останавливаю чернило-точивое перо мое. — За отличное счастіе почту, если предположенія мои удостоятся лестнаго почтеннѣйшей бесѣды любителей Русскаго слова одобренія: таковый успѣхъ побудитъ меня къ новымъ, для пользы нашей словесности подвигамъ. — Но также весьма пріятно будетъ мнѣ узнать, что истинно почитаемый мною покровитель эксаметровъ, перемѣнивъ объ нихъ мысли свои, пожелаетъ ту красоту, плавность и живность, которою отличаются стихи его на чужеземномъ языкѣ, перенесть въ отечественный, и тѣмъ усугубить въономъ число превосходнѣйшихъ твореній.

Вотъ, почтенный и любезный соперникъ мой! вотъ послѣдній и рѣшительный ударъ, который наношу вамъ въ единоборствѣ нашемъ; если вы и противъ его устоите, то признаю себя побѣжденнымъ: — но и тогда, по примѣру жъ древнихъ добродушныхъ рыцарей, встану съ земли, стряхнуся, протяну вамъ руку, и обнявъ, попрошу, чтобы вы продолжали любить меня по прежнему, и увѣрены были о истинномъ моемъ къ вамъ почтеніи и душевной преданности, съ которыми пребуду навсегда и проч.

ПИСЬМА

КЪ АНТОНУ АНТОНОВИЧУ ПРОКОПОВИЧУ-АНТОНСКОМУ.

Милостивый Государь мой,

Антонъ Антоновичъ!

Я имѣлъ честь получить на сихъ дняхъ письмо ваше отъ 7 Апрѣля, сопровождающее 8, 9 и 10-ю части Трудовъ Общества Любителей Россійской Словесности. — Приношу вамъ, милостивый государь мой! чувствительнѣйшую благодарность за доставленіе мнѣ въ оныхъ весьма много пріятнаго и наставительнаго. — Вы желаете, чтобъ я пріискалъ что-либо изъ сочиненій моихъ, для помѣщенія въ семъ изящномъ сборникѣ Словесности; и лестно пѣняете мнѣ, зачѣмъ до сихъ поръ не сообщалъ ихъ въ оный: позвольте, въ оправданіе мое сказать, что сочиненіе, доставляемое въ Труды столь именитаго сословія, долженствуетъ быть достойно онаго какъ по предмету своему, такъ и по витійственнымъ

красотамъ: — не довѣряя способности моей, принималъ я должную мѣру осторожности; теперь ласкательнымъ одобренiемъ вашимъ выводите вы меня изъ оной; и по справедливости, принуждены будете принять на себя часть порицанiя, которое весьма легко можетъ удѣломъ быть препровождаемыхъ при семъ сочиненiй моихъ. — Предаю оныя, подъ покровительствомъ вашимъ, на снисходительное благоуваженiе почтенныхъ Сочленовъ Общества, и ласкаю себя надеждою, что дряхлость подстрекаемаго вами сподвижника будетъ ходатайствовать за него предъ просвѣщенными судьями столь несоразмѣрнаго ослабѣвшимъ силамъ его ристалища.

Честь имѣю пребыть съ отличнымъ почтенiемъ и совершенною преданностiю,

милостивый государь мой!

вашимъ покорнѣйшимъ слугою.

1819 года, Iюня 4 дня.
Обуховка.

Милостивый Государь мой,

Антонъ Антоновичъ!

Я имѣлъ удовольствiе получить письмо ваше и 15-ю часть Трудовъ Общества, въ которой по-

мѣщена лестная похвала *Несчастному*, приличная не моему слабому произведенію, но какому-либо превосходному творенію знаменитѣйшаго Піита.— Покорнѣйше прошу изъявить почтенному Обществу чувствительнѣйшую благодарность мою за снисходительное позволеніе произнесть, въ присутствіи его, столь много чести приносящую мнѣ похвалу. —

Я увѣренъ, что оно руководствовалось не истинною оцѣнкою лирической способности моей, но коренным, наслѣдственнымъ соотчественниковъ нашихъ правиломъ — уважать сѣдины старости, и притомъ, безъ сомнѣнія, имѣло въ предметѣ побудить таковою наградою отличныхъ дарованіями Піитовъ, къ ревностнѣйшимъ подвигамъ на поприщѣ Музамъ посвященнымъ.

Книги, недоставленныя вамъ, при семъ препровождая, покорнѣйше прошу убѣдить почтенное Общество, чтобы оно и мои труды удостоило отличія быть помѣщенными въ его книгохранительницѣ. — Даръ сей ничтоженъ, но это все лучшее имущество мое.

Я не получилъ 13-й части Трудовъ Общества; чувствительнѣйше обяжете меня доставленіемъ оной: жаль лишаться чего-либо изъ полезныхъ и пріятныхъ занятій толь просвѣщеннаго сословія.

Прилагаю при семъ нѣсколько сочиненій моихъ: они такого рода, что уже никто, изъ наилучше ко мнѣ расположенныхъ людей, не поохотится отличить ихъ лестною похвалою.

Въ концѣ *Зависти Пiита* говорю я о моемъ уединенномъ прiютѣ: извините пристрастiе, заставляющее меня препроводить, особенно для васъ, картину онаго. Каждому милъ уголокъ свой, и каждый желаетъ заставить другихъ плѣняться тѣмъ, что ему прiятно. — Сочиненiе сiе напечатано третьяго года въ Сынѣ Отечества; я исправилъ его въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. — Ежели вы тогда и читали оное, то конечно позабыли: простите, что рѣшаюсь обновить его въ памяти вашей.

Честь имѣю пребыть съ отличнымъ почтенiемъ и совершенною преданностiю,

милостивый государь мой,

вашимъ покорнѣйшимъ слугою

1820 г., Апрѣля 5 дня.
Обуховка.

Милостивый Государь мой,

Антонъ Антоновичъ!

Приношу вамъ чувствительнѣйшую признательность за сообщенiе мнѣ 3-й части Рѣчей и 20-й части Трудовъ Общества нашего. — Съ великимъ удовольствiемъ видѣлъ я въ оной одобренiе мысли моей, касательно изданiя отличнѣйшихъ кра-

сотъ изъ твореній лучшихъ піитовъ нашихъ: — весьма лестно заслужить вниманіе столь просвѣщеннаго и почтеннаго Общества.

Вы требуете вновь сочиненій моихъ; пріятно мнѣ таковое требованіе: но не внушено ли оно единственно снисходительнымъ ко мнѣ пристрастіемъ? — Опасно шестидесяти-четырехъ-лѣтнему старику выходить часто на поприще для ристанія съ молодыми и быстрыми сподвижниками: — потокнуться и упасть легко ему; но каково вставать будетъ? — Не смотря на опасность, посылаю вамъ оду на смерть Наполеона. — Искренно сожалѣю, что другъ мой, безсмертный Пѣвецъ Фелицы, предупредилъ его: Словесность наша украсилась бы конечно превосходнымъ, свойственнымъ возвышенному его духу твореніемъ; ибо предметъ сей весьма богатъ — для богатаго геніемъ Піита:

Съ какою бъ дерзостью чудесной,
Извѣдавъ неусталость крылъ,
Верхъ облакъ, въ синевѣ небесной
Россійскій сей орелъ парилъ?

Но я, — слабый подражатель безсмертнаго Горація, —

Но я, какъ пчелка надъ землею
Съ трудомъ съ цвѣтовъ сосуща медъ,
Я тиху пѣснь жужжать лишь смѣю:
Высокій страшенъ мнѣ полетъ.

Одно снисхожденіе благосклонныхъ людей одобряетъ меня, и въ ономъ представляетесь вы мнѣ

лестною и надежною порукою. — Прилагаю при семъ переводъ оды Гораціевой къ Мельпоменѣ, какъ должную дань сему прекрасному Лирику; и собственность мою Пары, которой достоинство весьма соотвѣтствуетъ слову сему съ перемѣщеніемъ ударенія.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію пребуду навсегда,

милостивый государь мой.

вашимъ покорнѣйшимъ слугою.

Милостивый Государь мой,

Антонъ Антоновичъ!

Весьма прискорбно было мнѣ узнать о разстроенномъ здоровьѣ вашемъ. Желаю вамъ искренно скорѣйшаго выздоровленія.

Чувствительнѣйше благодарю за доставленіе мнѣ второй части сочиненій въ прозѣ и стихахъ. — Примѣчаю, что нѣкоторыя піитическія творенія мои не нравятся читателямъ. Скажетъ иной простую Русскую поговорку: — дошли вѣсти до глухаго; — но пусть же докажетъ онъ, кто изъ стихописателей не оглушается иногда самолюбіемъ? — Вамъ слѣдовало бы, по добросердечію, предостеречь меня; но, напротивъ того, вы требуете вновь сочиненій моихъ! —

Повинуюсь, и препровождаю вамъ оду на Убійство, Піита-Лебедя, Славолюбіе и Закатъ Солнца.—Кажется, что это уже послѣдніе стихи мои: піитическая способность имѣетъ, подобно солнцу, опредѣленный закатъ свой.

По любви къ отечественнымъ древностямъ, читалъ я съ великимъ удовольствіемъ, во второй части сочиненій въ прозѣ и стихахъ, изысканіе почтеннаго сочлена вашего господина Калайдовича о Славянскомъ, или, истиннѣе сказать, о священно-книжномъ языкѣ нашемъ; ибо всѣ вообще, весьма различные діалекты соплеменныхъ намъ народовъ, имѣютъ право, по свидѣтельству Нестора, называться Славянскими; священно-книжный принадлежитъ, или ближайше сосѣднимъ жителямъ Солуня, или Моравамъ.

Любопытно было бы изслѣдовать, какой изъ всѣхъ Славянскихъ діалектовъ долженъ почитаться кореннымъ или первоначальнѣйшимъ? — Я осмѣливаюсь признать онымъ Русскій: — извѣстно, что явственными признаками первоначальности языковъ должна быть простота и кратко-правильность, которыя находятся въ Русскомъ языкѣ преимущественно предъ священно-книжнымъ и прочими соплеменными діалектами: ибо не имѣетъ онъ звательнаго падежа, также двойственнаго числа въ склоненіяхъ и спряженіяхъ; а притомъ, вмѣсто двухъ вспомогательныхъ глаголовъ, употребляетъ только одинъ, и то довольно рѣдко, и даже съ исключеніемъ настоящаго времени, заимствованнаго, кажется, изъ

Греческаго или Латинскаго языка. — Я поступаю далѣе, и осмѣливаюсь сказать, что признаю Русскій языкъ древнѣйшимъ сихъ послѣднихъ и всѣхъ извѣстнѣйшихъ Европейскихъ языковъ.— Можетъ быть, по пристрастію къ отечественному Слову, ошибаюсь я въ заключеніи моемъ; оно утвердится, или отвергнется тончайшимъ и подробнѣйшимъ изслѣдованіемъ. Весьма буду радъ, если подамъ къ оному поводъ. Вообще такое изысканіе должно быть занимательно и пріятно для каждаго любящаго Отечественную Словесность.

Съ истиннымъ почтеніемъ и душевною преданностію пребуду навсегда,

милостивый государь мой!

вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Обуховка.
1823 Января 17.

Милостивый Государь

Антонъ Антоновичъ!

Чувствительнѣйше благодарю васъ за доставленіе мнѣ третьей части сочиненій въ прозѣ и стихахъ. — Несказанно лестно было мнѣ видѣть, что Общество наше благоволило уважить предложеніе мое; препорученіемъ почтенному сочлену своему, господину Калайдовичу, изысканія о первоначальнѣйшемъ Славянскомъ діалектѣ.

Весьма сожалѣю, если подалъ я самомалѣйшій поводъ заключить, что подъ названіемъ Русскаго діалекта подразумѣвалъ я Варяго-Русскій языкъ: этого мнѣ и въ мысль не входило. Я признаю Русскимъ Славянскій общеупотребительный въ Новгородѣ, въ Москвѣ и вообще въ Великороссіи діалектъ. — По мнѣнію моему, остался оный почти неизмѣннымъ въ сей странѣ, какъ прежде, такъ и послѣ перевода въ Моравіи Священнаго Писанія. — Сомнѣваюсь, впрочемъ, чтобы тамъ, или гдѣ либо, церковно-книжный діалектъ былъ разговорнымъ, народнымъ языкомъ: ибо въ переводѣ Евангелія, Псалтыри и такъ далѣе, примѣчается нѣкоторое мелочное подражаніе составу Греческой Грамматики, несвойственному, кажется, столь разнственнымъ языкамъ —По принятію нами Христіанской вѣры, церковно-книжный діалектъ сдѣлался общеупотребительнымъ для первыхъ писателей нашихъ, по большой части духовныхъ особъ, желавшихъ изъ благоговѣнія подражать всему, Церковью присвоенному; но тогдашніе разговорные, народные діалекты, чаятельно, оставалися почти неизмѣнными, какъ въ различныхъ племенахъ Славянскихъ, такъ и въ разныхъ странахъ отечества нашего.—Истина сія обнаруживается даже и въ новѣйшихъ столѣтіяхъ: Малороссіяне, духовнымъ служеніемъ обязанные, хотя сочиняли поученія свои на подражательномъ церковнокнижному діалектѣ, но Малороссійское нарѣчіе не измѣнилось. — Преобразованіе языковъ, по мнѣнію моему, не столь-

ко отъ церковныхъ книгъ, сколько отъ смѣшенія народовъ происходитъ.

Изъ всего здѣсь кратко изложеннаго заключаю, что невозможно, по одному введенію къ намъ съ вѣрою Христіанскою церковно-книжнаго діалекта, утвердить, что онъ былъ источникомъ Русскаго языка, и что сей одолженъ всѣмъ первому.

Повторяю, что коренныимъ, первоначальнѣйшимъ изъ нихъ и изъ всѣхъ Славянскихъ діалектовъ, имѣетъ право признаннымъ быть тотъ, который простотою и краткоправильностію наиболѣе отличается: ибо многосложность была всегда и во всемъ позднѣйшею наслѣдницею простоты.

О избыткѣ, предъ Русскимъ діалектомъ звательнаго падежа и двойственнаго числа въ церковно-книжномъ, сомнѣнія быть не можетъ; всякое же излишество не означаетъ первоначальности. О мнимовспомогательныхъ глаголахъ *есмь*, *еси*, *стану* и *имѣю*, долженъ я замѣтить, что первые два столько же происходятъ отъ глагола *быть*, сколько Нѣмецкіе, bin, bin gewesen, war и werde, отъ глагола sein, произведены быть могутъ. Что же касается до глагола *стану* и *имѣю*: то мнѣ кажется, что первый, по противоположности съ глаголомъ *перестану*, необдуманно, подъ видомъ вспомогательнаго введетъ въ простонародное нарѣчіе, а вторый весьма поздно заимствованъ отъ церковно-книжнаго діалекта; относительно же вспомогательнаго, учащательнаго глагола *бывать*,

и *бываю*, то оный явственно происходитъ отъ кореннаго вспомогательнаго глагола *быть*.

Въ заключеніе скажу, что я чувствительнѣйше обязанъ Сочлену Общества нашего за оспориваніе мысли моей: прѣнія между благонамѣренными людьми ведутъ почти всегда къ истинѣ.

Молчаніе о нѣкоторыхъ изложенныхъ мною мнѣніяхъ, какъ то, о перемѣщеніи пятой пѣсни Одиссеи въ первую, и о странствованіяхъ Улисса не въ Средиземномъ, но въ Черномъ морѣ, долженъ я почитать знакомъ презрѣнія просвѣщенныхъ читателей къ моему велемудрствованію.

Покорнѣйше благодарю васъ за доставленіе мнѣ Учебной книги Русскаго языка, а наипаче за сообщеніе корректурныхъ листовъ Русской Грамматики. —Подвигъ господина Греча, хотя въ прежде ограниченномъ кругѣ предполагаемый, заслуживаетъ благодарность всѣхъ любителей отечественной Словесности. — Желательно только, чтобы оный совершенъ былъ съ полнымъ успѣхомъ: ибо опасаюсь, что великія затрудненія въ томъ предстоять будутъ господину Гречу, не смотря на вспоможеніе нѣкоторыхъ просвѣщенныхъ, и въ Словесности нашей весьма похвально отличившихся людей. — Повторяю вамъ, что предпріятіе сочинить Русскую Грамматику на существенныхъ и коренныхъ правилахъ отечественнаго языка, наиболѣе прилично Московскому Университету, не токмо какъ разсаднику всѣхъ другихъ въ отечествѣ нашемъ, но и потому, что имѣетъ онъ много сотрудниковъ, не-

обходимыхъ для собранія подробностей, весьма затруднительныхъ въ толь обширномъ составѣ.— Искренно сожалѣю, что неоднократныя попытки мои къ принятію о семъ предложенія моего, остаются до сихъ поръ безуспѣшными.

Съ истиннымъ почтеніемъ и душевною преданностію пребуду навсегда,

милостивой государь,

вашимъ покорнѣйшимъ слугою.

Обуховка.
23 Іюня, 1823.

Милостивый Государь,

Антонъ Антоновичъ!

Долговременное молчаніе ваше на послѣднее къ вамъ письмо мое заставляетъ меня думать, что посланныя мною стихотворенія оказалися носящими отпечатокъ дряхлости сочинителя: и это не удивительно и справедливо.—Но предложеніе о изысканіи, которое изъ Славенскихъ нарѣчій должно признано быть древнѣйшимъ, кажется, заслуживаетъ вниманіе любителей отечественнаго Слова.—Но что всего болѣе удивляетъ меня, такъ это нежеланіе ваше одолжить меня Русскою Грамматикою, которую вы лучшею и полнѣйшею признаете.—Можетъ быть, и въ старости, ослабившей и безъ того слабую способ-

ность мою къ стихотворенію, могъ бы я извлечь изъ долговременной опытности какое либо полезное замѣчаніе для правилъ отечественнаго языка. — Я давно изъявилъ вамъ прискорбіе мое о недостаткѣ у насъ Русской Грамматики и о невозможности сочинить оную одному человѣку, какъ бы онъ ни былъ искусенъ въ отечественномъ языкѣ.—Получа отвѣтъ вашъ, весьма приунылъ; но не отчаялся и не отчаяваюсь, что предметъ этотъ, столь необходимый для слова нашего, уваженъ будетъ. Между тѣмъ весьма желаю собрать нѣсколько замѣчаній, которыя могли бы хотя нѣсколько способствовать къ исполненію онаго; и для того повторительно прошу васъ о одолженіи меня лучшею, по мнѣнію вашему, и полнѣйшею Русскою Грамматикою; ибо всѣ находящіяся у меня, начиная съ Ломоносовой, весьма не полны и не соотвѣтствуютъ существенному свойству нашего языка. Исполненіемъ сей просьбы моей вы обяжете меня несказанно.—Вообразите, что я живу въ глуши, куда пе токмо новости литературныя, но даже и газетныя весьма рѣдко доходятъ. Вамъ одному обязанъ я за пріятное знакомство съ почтеннымъ самомыслящимъ изыскателемъ правила, свойственнаго Русскимъ глаголамъ. Ласкаю себя надеждою, что вы, изъ соболѣзнованія къ соболѣзнующему о скудости главнѣйшихъ орудій къ усовершенствованію отечественнаго Слова, уважите убѣдительнѣйшую просьбу его. Извините, что такъ стужательно обременяю васъ оною.

Взаимная любовь наша и усердіе къ пользѣ отечественной Словесности да будетъ предъ вами ходатаемъ о извиненіи докучливости моей.

Съ отличнымъ почтеніемъ и искреннѣйшею преданностію пребуду навсегда,

милостивый государь,

вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Милостивый Государь,

Антонъ Антоновичъ!

Желая и въ отдаленіи исполнять обязанности мои предъ Обществомъ Любителей Россійской Словесности, я препровождаю при семъ къ вашему Превосходительству одну изъ переведенныхъ мною Гораціевыхъ Одъ, имѣя честь, съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію, быть

Вашего Превосходительства,

милостивый государь,

покорный слуга.

Октября 29, 1824.
Село Тайнинки.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

къ

СОЧИНЕНІЯМЪ

КАПНИСТА.

ОДЫ НРАВОУЧИТЕЛЬНЫЯ и ЭЛЕГИЧЕСКІЯ.

ОДЫ ГОРАЦІЯНСКІЯ и АНАКРЕОНТИЧЕСКІЯ.

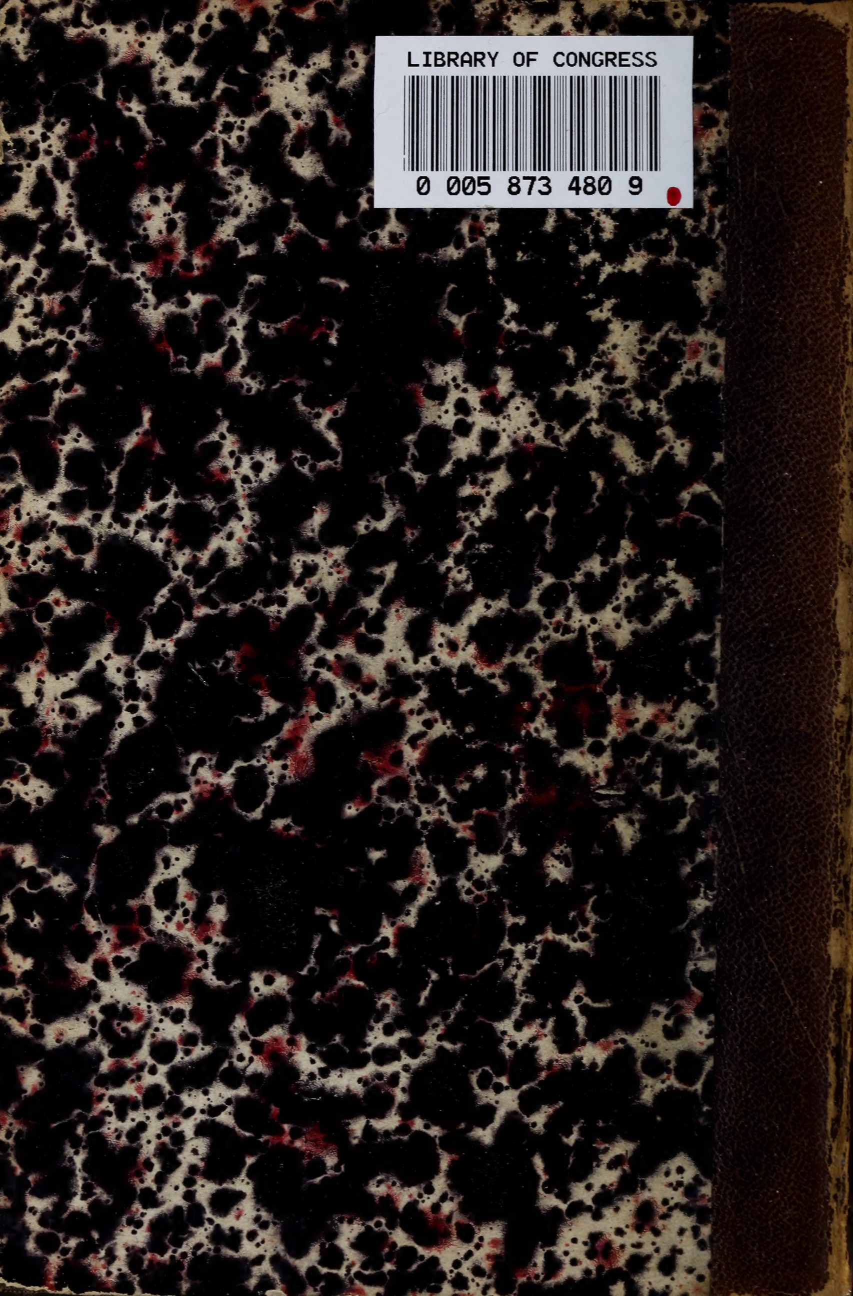
ПОСЛАНІЯ.

САТИРА

СМѢСЬ.

ПРОЗА.

LIBRARY OF CONGRESS
0 005 873 480 9